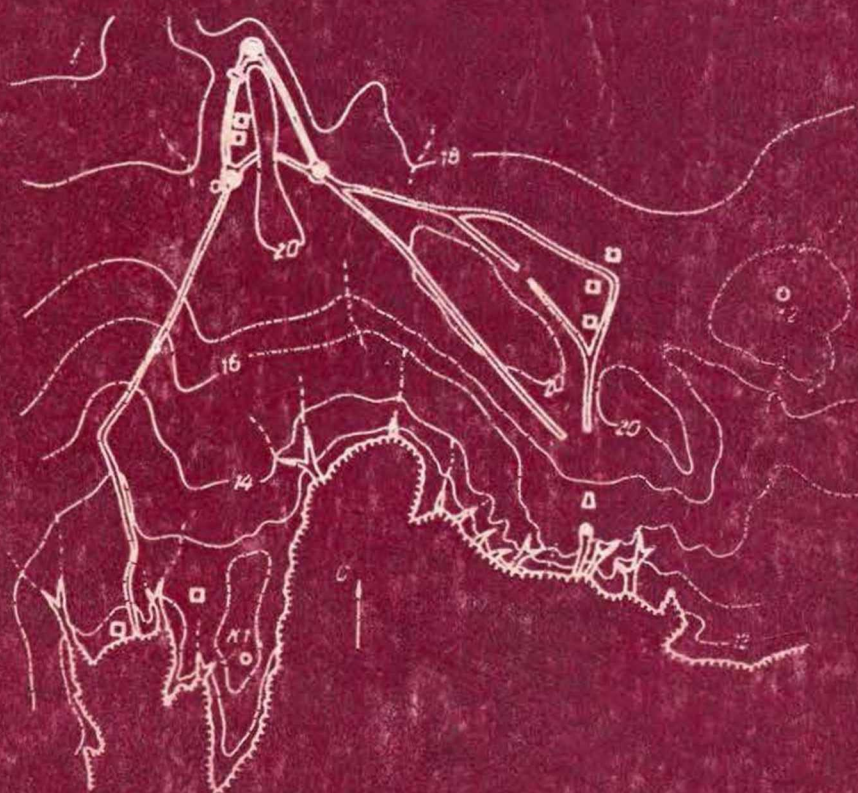

АРХЕОЛОГИЯ ПРИАРАЛЬЯ

Выпуск V

Издательство „фан“ Узбекской ССР

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
КАРАКАЛПАКСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
ИМ. Н. ДАВКАРАЕВА

В. Н. ЯГОДИН

СТРЕЛОВИДНЫЕ ПЛАНИРОВКИ УСТЮРТА

(ОПЫТ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ)

Под редакцией
академика АН РУз *С. К. Камалова*

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
1991

Выпуск V «Археология Приаралья» представляет собой монографическую публикацию уникального археологического феномена, обнаруженного на пустынном плато Устюрт. В ней исследуются вопросы хронологии и культурной принадлежности стреловидных планировок, их функции, экологическая и социально-экономическая обусловленность конструкции и пространственного распределения. Выявляются роль и место подобного рода сооружений в палеоэкономических системах прошлого с привлечением сравнительного материала Европы, Азии, Северной Америки, Африки.

Для специалистов в области археологии, этнографии и истории народов Средней Азии и Казахстана, а также для широкого круга читателей, интересующихся вопросами истории мировой культуры.

Рецензенты:

доктор исторических наук *Г. А. Федоров-Давыдов*,

доктор биологических наук *Л. М. Баскин*

А $\frac{050400000-618}{М 355 (04)-91}$ 34-91

© Издательство «Фан» АН РУз, 1991 г.

ISBN 5-648-01171-7 (вып. V).
ISBN 5-648-00474-5.

ВВЕДЕНИЕ

Между Аралом и Каспием, на крайнем северо-западе Средней Азии лежит гигантское пустынное плато Устюрт. Его границы четко ограничены огромными обрывами-чинками*. Это одна из наиболее безводных и суровых пустынь земного шара. Средний уровень годовых осадков не превышает здесь 100 мм. Земледелие в этих условиях практически невозможно и существует на плато лишь немногими очагами в микрооазисной форме, базирующимся на искусственном орошении грунтовыми водами. Южными границами плато выходит к оседло-земледельческим цивилизациям юга Туркмении, на юго-востоке — к долине и дельте р. Амударьи, к древнему и средневековому Хорезму.

Обладая строго сезонными кормовыми ресурсами, полымими, биургуновыми и боялышевыми пастбищами, Устюрт является классической страной кочевников, подлинной лабораторией для наук, изучающих проблемы номадизма. Значительная часть Устюрта обычно лишена снегового покрова или он незначителен, что способствует формированию здесь значительных зимних концентраций мигрирующих диких копытных, а с другой стороны создает благоприятные условия для зимнего выпаса домашнего скота и зимовок кочевников на плато.

Проблема экономической адаптации человека в неблагоприятных условиях аридных зон нашей планеты — одна из фундаментальных проблем, имеющих огромное значение как для воссоздания экономической истории человечества, так и для решения многих вопросов хозяйственного освоения пустынь в наше время.

Открытие археологического феномена, получившего название «стреловидные планировки», рассматриваемые нами в качестве одного из существенных элементов этого удивительного механизма, открыло перед нами возможности исследования древнейшей формы человеческой экономики — экономики присваивающего типа, специфической для первобытнообщинного строя на ранних стадиях его развития, в своеобразных экологических условиях плато Устюрт оказывающейся чрезвычайно стойкой и доживающей вплоть до этнографической современности.

Необходимо отметить и то обстоятельство, что стреловидные планировки, несмотря на всю свою исключительность, не изучались изолированно, а исследовались в системе соответствующей археологической среды, где они являлись лишь одним из элементов общей струк-

* Чинки — высокие уступы, обрамляющие плато Устюрт и его отторженцы. Высота чинков колеблется от нескольких десятков до 300—350 м.

туры, хотя соотношения и связи этих элементов не всегда удается проследить с достаточной определенностью.

Исследования позволили установить, что стреловидные планировки достаточно широко распространены по территории плато, достаточно четко выражены типологически, хотя и образуют ряд вариантов. Все это позволило вычленив проблему стреловидных планировок из общего массива проблематики устьуртской археологии и поставить задачу детального изучения и научного осмысления устьуртского феномена. Попав в поле зрения средств массовой информации, вопрос о стреловидных планировках Устьурта породил множество гипотез относительно функций и времени существования этих сооружений, гипотез, взаимоисключающих одна другую, гипотез, пытающихся придерживаться какой-то фактической основы, и гипотез совершенно фантастических. Естественно, что в подобных условиях задача функционального определения стреловидных планировок приобрела первостепенное значение.

Наш опыт исследовательской работы на плато позволил с самого начала подойти к постановке вопроса о функциях этих сооружений в контексте общей археологической ситуации на плато, исходя из той информации, которой располагала наука в сфере истории хозяйственного освоения плато Устьурт, а если говорить шире, то хозяйственного освоения аридных зон нашей планеты вообще. Поэтому сразу же после получения первых результатов археологического изучения стреловидных планировок мы пришли к выводу, что это сугубо земное явление, не связанное с проблемой внеземных цивилизаций и космических пришельцев. Основываясь на этом постулате, мы и строили наши программы исследования стреловидных планировок, рассматривая их не изолированно, а в общем плане археологического изучения плато Устьурт.

Прежде всего необходимо отметить, что для поисков стреловидных планировок нами использовались методы камеральной дешифровки материалов государственной аэрофотосъемки, анализа крупномасштабных топографических карт. Отчасти для этих же целей привлекались источники этнографической информации. В условиях полевых изысканий широко применялись общие методы археолого-топографических работ и авиавизуальные наблюдения с использованием вертолета МИ-2 и самолета АН-2.

Планиграфия стреловидных планировок изучалась как средствами аэрофотосъемки и дистанционных измерений, так и обычной крупномасштабной топографической съемки. Конструкция стреловидных планировок исследовалась при помощи широкого арсенала обмерных работ, принятых для памятников архитектуры, а также собственно археологических методов закладки траншей, раскопов, анализа разрезов, профилей и т. п. На отдельных этапах работ применялись методы почвенного анализа.

Археологические исследования пустынь Арало-Каспия продолжают. Полевые археологические изыскания каждый год обогащают науку новыми фактическими данными. Естественно, что в данной работе, завершённой в основном в 1989 г., не могли быть использованы более поздние данные.

Археологические изыскания вообще, а ведущиеся в экстремальных условиях пустыни тем более, не могут не быть коллективными. В исследовательском процессе равное участие принимают специалисты различных научных профилей, пилоты вертолетов и самолетов, водители экспедиционных машин, механики землеройной техники, геодезисты, архитекторы, рабочие-землекопы и т. д. Без самоотверженного труда всех этих людей не могло быть и успешных полевых археологических изысканий, поэтому мы выражаем благодарность научным сотрудникам отдела археологии ИИЯЛ КК ФАН РУз Е. Б. Бижа-

нову (ныне доцент Нукусского госуниверситета), Б. С. Сайпанову, Н. Ю. Юсупову, Н. Я. Багдасаровой, научному сотруднику Института почвоведения и фотосинтеза Пущинского научного центра АН СССР С. В. Губину, водителям экспедиционных автомашин Ж. Дильманову, К. Уразбаеву М. Уразбаеву А. Косыбаеву, Т. Туганасову, трактористу Ю. Бабаеву. Благодаря летному мастерству пилота вертолета МИ-2 Ургенчского объединенного авиаотряда А. С. Рыбина были сделаны многие ценные наблюдения и открытия. Мы искренне признательны художнику-графику З. К. Гасановой, архитектору Д. Кудайбергенову, фотографам Л. П. Ющикову и Н. В. Ягодину, без деятельного участия которых была бы невозможна ни камеральная обработка экспедиционных материалов, ни подготовка графической части монографии. В работе над разделами, посвященными вопросам взаимозависимости особенностей поведения диких копытных и спецификой пространственного распределения и внутреннего устройства стреловидных планировок, мы пользовались консультациями доктора биологических наук Л. М. Баскина.

К истории изучения стреловидных планировок Устюрта. Археологический феномен, вошедший в научный оборот под названием «стреловидная планировка», был выявлен в Арало-Каспийском Междуморье сравнительно недавно и первоначально не привлек к себе пристального внимания исследователей. Впервые археологические объекты подобного рода были обнаружены в 1952 г. во время работ Устюртско-Аджанбского отряда Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР на мысу Хантерсек, у развалин средневекового городища, названного исследователями Ербурун-кала. Руководивший отрядом С. П. Толстов отметил, что «во многих местах на краю чинка Устюрта обнаружены весьма своеобразные сооружения, состоящие из расходящихся в разные стороны канав, выложенных щебнем или каменными плитами, длинных насыпей и круглых углублений. Скучный керамический материал дает основание датировать их средневековым. Эти неизвестного назначения постройки находятся, как правило, на мысах Устюрта. Рельеф местности не позволяет видеть в них водосборные сооружения; возможно, они предназначались для облавной охоты [Толстов, 1958, с. 78, рис. 34]. Эти работы послужили открытием и началом изучения одной из групп стреловидных планировок Устюрта. Однако в последующие годы интерес к такого рода археологическим объектам был утрачен и их изучение не проводилось.

В начале 70-х годов отделом археологии Института истории, языка и литературы Каракалпакского филиала АН УзССР была разработана обширная программа археологического изучения плато и начато ее осуществление. Проводились систематические археолого-топографические изыскания, своего рода «археологическая съемка» территорий, до этого практически не затронутых археологическим изучением. При подготовке археолого-топографических работ прорабатывались картографические крупномасштабные материалы и данные государственной аэрофотосъемки.

Во время этих камеральных работ на аэрофотоснимках были впервые отдешифрованы странные стреловидные структуры, объединявшиеся в обширную группу, простирающуюся в широтном направлении от Восточного чинка Устюрта, в 7 км севернее мыса Дуана, и вытянутую на несколько десятков километров к песчаному массиву Матайкум.

Труднодоступность местонахождения обнаруженной группы позволила приступить к дешифровке непосредственно на месте и начать археологическое изучение лишь в 1972 г., когда в район ее расположения вышел Устюртский археологический экспедиционный отряд (УАЭО-72). К югу от мыса Дуана были найдены курганы, получившие

наименование «курганная группа Дуана» [Ягодин и др., 1972, л. 86—90]. В составе этой группы под условным определением «система каменных оград» был описан необычный археологический объект, типологически близкий к обнаруженным в 1952 г. сооружениям на юго-востоке плато и, в частности, на мысу Хантерсек.

Археологические изыскания в районе мыса Дуана были продолжены в 1975 г. Устьюртским археологическим экспедиционным отрядом 1975 г. (УАЭО-75). Его сотрудниками была отдешифрована на местности вся североустюртская группа стреловидных планировок, установлено их общее количество в системе, подвергнуты детальному обследованию две планировки. Установлено, что все стреловидные планировки объединяются в систему, подразделяющуюся на подсистемы, выполнено общее описание обнаруженных объектов. В целом система была описана на основании материалов аэрофотосъемки и только две стреловидные планировки — на основании наземных обследований. Собранные данные позволили предварительно датировать обнаруженный археологический объект и высказать предположение о его вероятных функциях [Ягодин, 1978, с. 79—83].

В 1981 г. в процессе продолжавшихся археолого-топографических изысканий была обнаружена стреловидная планировка на мысу Декча. В том же году стреловидные сооружения на Западном чинке Устьюрта были обследованы Поволжско-Уральской экспедицией Института археологии АН СССР. Было высказано предположение, что функционально они могут быть определены как загоны для охоты на муфлонов. Исследователи отметили сложность установления абсолютной даты этих сооружений и отказались даже от предварительной датировки [Галкин, 1983, с. 433].

В 1983 г. аналогичные сооружения были обнаружены в районе бугра Айбуйир и казахского кладбища Бернияз во время кратковременного разведочного выезда из базового лагеря Айбуйирского археологического экспедиционного отряда 1983 г. (ААЭО-83). Осенью того же года изучением стреловидных планировок в районе Сарыкамышской впадины и Айбуйирской излучины Восточного чинка занимался Устьюртский археологический экспедиционный отряд 1983 г. (УАЭО-83). Указанным отрядом произведены раскопки стреловидных планировок Бернияз-3, Айбуйир, Хантерсек, Декча. На этих же объектах была произведена инструментальная топографическая съемка, выполнено детальное научное описание. Удалось обнаружить новую стреловидную планировку в районе средневековых мавзолеев Ибрахимша. Эти же объекты исследовались дистанционными методами с самолета АН-2. Во время полетов были значительно уточнены описания объектов, произведено их описание в системе окружающего ландшафта. Была обнаружена новая стреловидная планировка в районе мыса Ербурун.

В 1984 г. были продолжены исследовательские работы на системе стреловидных планировок, обнаруженных ранее в районе мыса Дуана. Устьюртский археологический экспедиционный отряд 1984 г. (УАЭО-84) впервые осуществил натурное обследование десяти из пятнадцати стреловидных планировок. На одной из них, а именно СП-3 в подсистеме I, была выполнена топографическая инструментальная съемка и произведены раскопочные работы. С этого года исследовательские работы на стреловидных планировках приобрели комплексный характер, поскольку велись совместно с почвоведом Института почвоведения и фотосинтеза АН СССР. Изучались почвы, погребенные под валами планировок, развитые на поверхности валов планировок, фоновые почвы участков расположения стреловидных планировок [Губин, 1985].

В 1985 г. Североустюртский археологический экспедиционный отряд (СУАЭО-85), работавший в районе Североустюртского прогиба, обнаружил в периферических частях солончака Жарынкудук новую

группу стреловидных планировок. Все они подверглись научному описанию, была выполнена инструментальная топографическая съемка, на ряде стреловидных планировок произведены раскопки.

В 1986 г. Южноустюртским археологическим экспедиционным отрядом (ЮАЭО-86) были продолжены исследования стреловидных планировок на юго-западе плато. На вертолете МИ-2 был произведен облет ранее известных стреловидных планировок, осуществлено их перспективное фотографирование и уточнены ранее выполненные описания.

В том же году Поволжско-Уральская экспедиция Института археологии АН СССР обнаружила стреловидную планировку на Западном чинке Устюрта близ Старого Бейнеу. Было высказано предположение, что обнаруженная стреловидная планировка датируется не ранее XI в. [Галкин, 1987, с. 566].

В 1986 г. была осуществлена обширная программа археолого-топографических изысканий с использованием вертолета МИ-2. Применение авиации позволило значительно расширить границы обследуемой территории и осмотреть многие труднодоступные районы. Итогом этих работ было обнаружение новых стреловидных планировок Чалбурун-1, Дарьялык-1—2, Декча-5, Карамата-7, Ибрахимша-3. Повторному обследованию с высоты птичьего полета и перспективному фотографированию были подвергнуты ранее известные стреловидные планировки Бернияз-3; Айбуйир; Аксаймак-2,4; Казган-1,3; Декча-1, 2, 3; Ербурун. Изучение дистанционными методами позволило выявить ряд элементов планировок, не отмеченных при наземных наблюдениях.

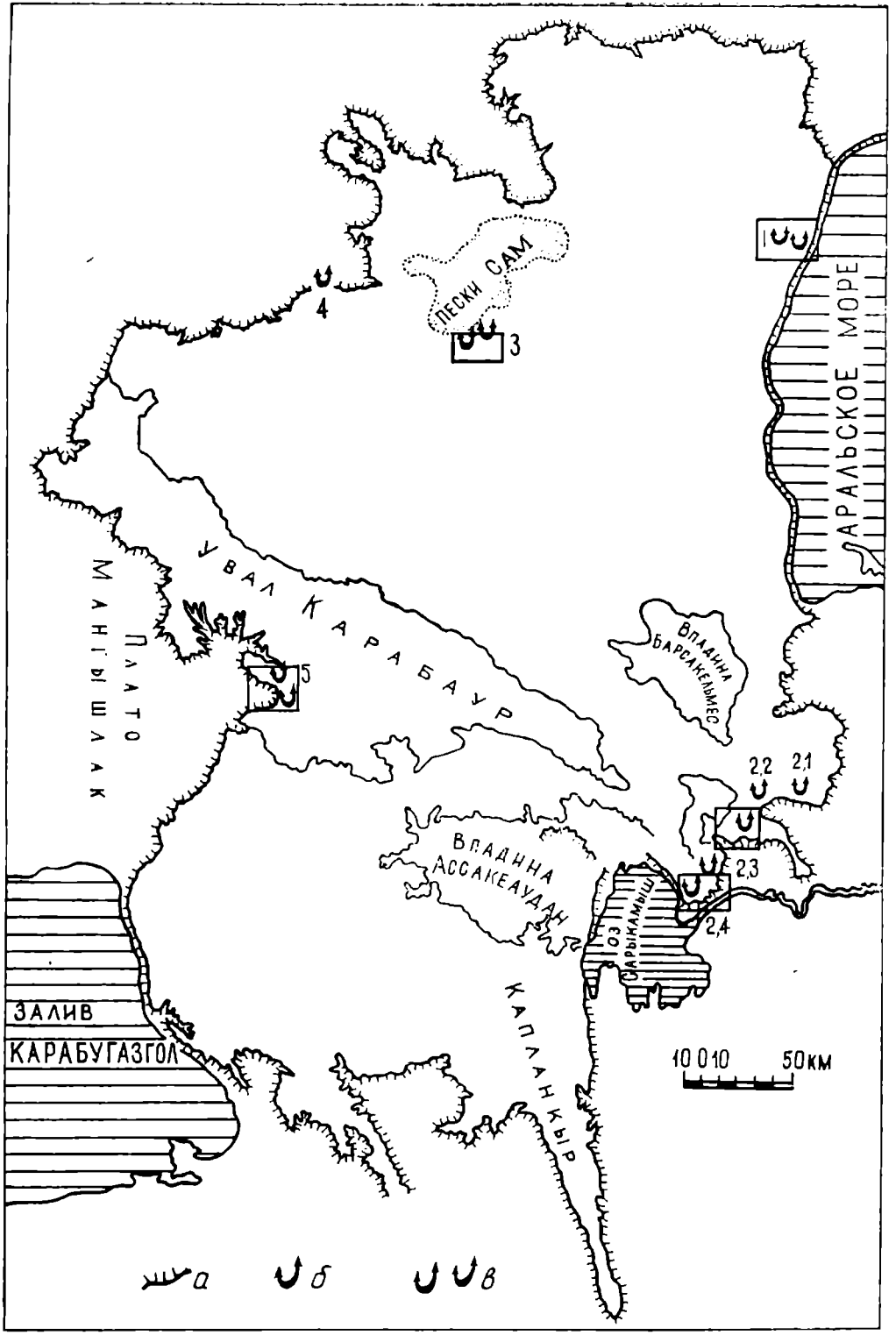
В 1987 г. дальнейшим изучением стреловидных планировок в районе русла Дарьялык и Сарыкамышской впадины занимался Южноустюртский археологический экспедиционный отряд 1987 г. и археолого-топографическая группа Айбуйирского экспедиционного отряда 1987 г. Были выполнены детальные научные описания и инструментальная топографическая съемка стреловидных планировок Чалбурун-1, Дарьялык-1, 2, Карамата-7. Научное описание было выполнено на планировках Ибрахимша-3, Декча-5; научное описание, инструментальная топографическая съемка и раскопки проведены на стреловидной планировке Аксаймак-2.

В 1988 г. нами были проведены исследовательские работы на Западном чинке Устюрта в районе Кендырлисорской излучины. Здесь детальному обследованию был подвергнут участок чинка протяженностью свыше 16 км от колодцев Когусем на северо-запад. На этом участке и на прилегающей к нему территории было обнаружено 12 стреловидных планировок, на которых выполнялись топографическая съемка, научное описание, работы по фотодокументации и т. п.

Таким образом, по состоянию на 1988 г. было обнаружено и в разной степени изучено 54 стреловидные планировки.

Открытие стреловидных планировок на Устюрте привлекло внимание не только археологов, но и представителей естественнонаучных дисциплин [Григорьев, 1985, с. 146; Варушенко и др., 1987, с. 87—88], использовавших полученные при их изучении данные для разработки палеогеографических проблем, вопросов взаимодействия человека и природы в прошлом. Специалистами в области дистанционных методов изучения земной поверхности было высказано предположение о том, что «рисунки на плато Устюрт, так же как и на плато Наски, несомненно, использовались в качестве ориентиров, но каких именно, пока неясно» (Григорьев, 1985, с. 146).

Должны быть отмечены и многочисленные гипотезы, опубликованные средствами массовой информации как в нашей стране, так и за рубежом после первых научных публикаций о стреловидных планировках Устюрта и основывавшиеся более на эмоциях в связи с

открытием необычного археологического феномена, чем на трезвом анализе фактических данных о нем.

Обзор исследований, проведенных на Устюрте, позволяет заметить, что стреловидные планировки распространены не повсеместно, а лишь в определенных районах плато, где они объединены в территориальные группы. При современном уровне археологической изученности плато можно выделить следующие территориальные группы (рис. 1):

1. Североустюртская группа стреловидных планировок;
2. Айбуйирско-Присарыкамышская группа стреловидных планировок, в которой выделяются отдельно расположенные стреловидные планировки Айбуйир и Бернияз-3, а также Казганская и Присарыкамышская подгруппы;
3. Жарынкудукская группа стреловидных планировок;
4. Кендырлисорская группа стреловидных планировок;
5. Бейнеуская группа стреловидных планировок.

Таким образом, стреловидные планировки отмечены на Восточном чинке Устюрта: Североустюртская и Айбуйирско-Присарыкамышская группы; на Западном чинке: Кендырлисорская и Бейнеуская группы; во внутренних районах плато: Жарынкудукская группа.

Необходимо, однако, заметить, что нашими археолого-топографическими изысканиями на плато Устюрт выявлены, вероятно, далеко не все находящиеся здесь археологические объекты типа стреловидных планировок. По некоторым непроверенным данным, сооружения подобного рода имеются как в районах Южного, так и Северного чинков Устюрта. По сведениям наших информаторов, сооружения типа стреловидных планировок имеются и за пределами плато, в частности, в урочище Донгузтау, лежащем за Северным чинком Устюрта.

Рис. 1. Расположение стреловидных планировок на плато Устюрт:

1 — Североустюртская группа; 2 — Айбуйирско-Присарыкамышская группа; 2. 1 — отдельно расположенная стреловидная планировка Бернияз; 2. 2 — отдельно расположенная стреловидная планировка Айбуйир; 2. 3 — Казганская подгруппа; 2. 4 — Присарыкамышская подгруппа; 3 — Жарынкудукская группа; 4 — Бейнеуская группа; 5 — Кендырлисорская группа; а — чинки Устюрта; б — отдельно расположенные стреловидные планировки; в — группы стреловидных планировок.

Глава 1

СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТРЕЛОВИДНЫХ ПЛАНИРОВОК УСТЮРТА

Североустюртская группа. Эта группа стреловидных планировок расположена на плоской равнине, лежащей к югу от Североустюртской депрессии, на участке, непосредственно примыкающем к Восточному чинку Устюрта (рис. 2). Равнина, с точки зрения современной классификации пустынь, определяется как комплексная суглинистая пустыня, заселенная разнообразным сочетанием трех основных элементов: сообщества боялыча, биюргуна и серой полыни [Викторов 1971, т. 53]. В плоских понижениях, образованных канавами и круглыми ямами стреловидных планировок, а также в естественных плоских западинах, наряду с полынью поселяются нехарактерные для суглинистой пустыни степные растения: ковыли, курчавка, кустарники карагана.

Пространственно-линейная структура Североустюртской группы стреловидных планировок в определенной степени определяется ландшафтным фактором, в частности, таким линейным, то есть прямолинейным структурным компонентом ландшафта [Шульц, 1970], как линейно вытянутое, сильно выположенное долинообразное понижение шириной от нескольких десятков до нескольких сотен метров. Оно начинается в 1,5 км к юго-востоку от стреловидной планировки № 3 в подсистеме I и тянется затем по плоской равнине плато в направлении на северо-запад на расстояние до 50 км. Понижение заложено по древнему глубинному тектоническому разлому, прослеживающемуся, по предварительным данным, по всей толще осадочных пород [Подземный сток..., 1983, рис. 5].

В юго-восточной части понижения его борта сильно выположены и имеют превышение над днищем не более 1,0—1,5 м. Однако далее к северо-западу борта долины постепенно увеличиваются по высоте и превышение бровки над днищем достигает уже 10—15 м, хотя пологость склонов сохраняется по-прежнему. Днище долинообразного понижения занято такыром, борта прикрыты чехлом мелкозема, местами подвергающегося дефляции, в результате которой формируются в разной степени выраженные котловинки выдувания. Местами по бортам долинообразного понижения формируются слабо выделенные ложбины стока.

Исследовательские работы, проведенные на Североустюртской группе стреловидных планировок, позволили установить, что она представляет топографически единую систему сооружений, подразделяющуюся на две подсистемы I и II, состоящие из одинаковых элементов—стреловидных планировок (рис. 2). Планировки во всей системе в принципе стандартны, различаются лишь в деталях и незначительно в размерах. Каждая из них представляет собой в плане параболическую

фигуру в виде «мешка» с воронкообразно втянутой внутрь верхней частью, посредние разорванной широким проходом. На верхних острых углах «мешка» находятся две фигуры — «стрелы» в виде треугольников. Основание треугольников тупым углом втянуто внутрь и также прервано посередине проходом. Стороны треугольников, как правило, в разной степени выпуклые, реже вогнутые с одной стороны и выпуклые с другой, иногда прямые. На всех трех вершинах треугольников-«стрел» находятся кольца.

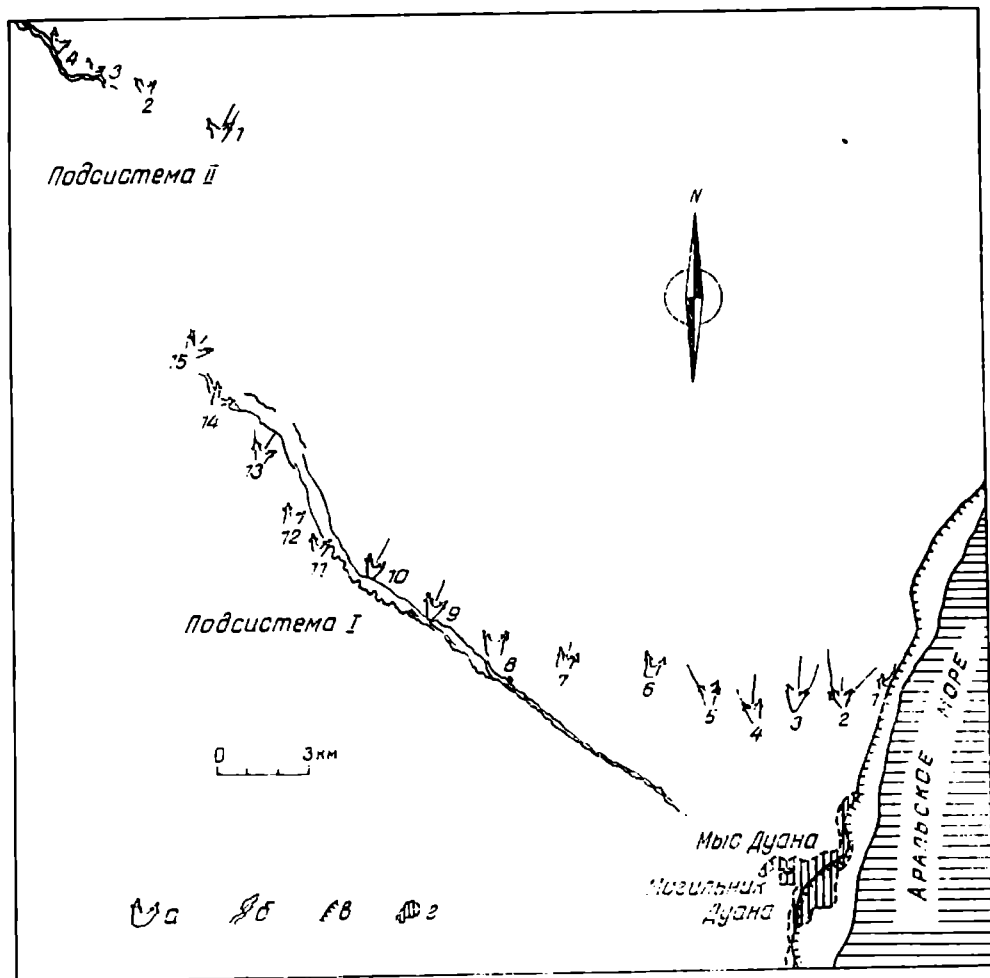

Рис. 2. Североустюртская группа стреловидных планировок. Ген. план:

а — стреловидная планировка, б — линия тектонического разлома, в — Восточный чинк Устьюрта; г — территория могильника Дуана.

На части планировок, при анализе аэрофотоснимков, удается увидеть длинные темные прямые линии, тянущиеся в меридиональном направлении и выходящие к центру широкого прохода внутрь «мешка», но не соединяющиеся с самой планировкой — своеобразные «направляющие» ко входу. Наличие подобных элементов отмечено на стреловидных планировках № 1, 2, 3, 4, 7, 9, 10, 13 в подсистеме I и № 1 в подсистеме II. По материалам аэрофотосъемки удается проследить на некоторых стреловидных планировках и такой элемент, как «усы» — прямые темные линии, аналогичные «направляющим», тянущиеся на северо-восток от восточных стрел планировок и на северо-запад от за-

падных. Подобные элементы отмечены на стреловидных планировках № 2, 3, 4, 5, 13 в подсистеме I и № 1—4 в подсистеме II. В том случае, когда «усы» сохраняются, можно увидеть, что на соседних планировках они почти соединяются и таким образом система стреловидных планировок превращается в почти сплошную зубчатую линию, перегородившую плоскую равнину плато в направлении с юго-востока на северо-запад на десятки километров.

Все стреловидные планировки одинаково ориентированы: основание «мешка» — к югу. «Стрелы» — к северу и имеют приблизительно одинаковые размеры. Длина планировки колеблется в пределах 600—900 м, ширина — 400—600 м. Длина «направляющей» перед входом 600—700 м, длина «усов» 400—600 м.

На материалах аэрофотосъемки система была расшифрована на расстоянии до 43 км на северо-запад от Восточного чинка, определено общее количество стреловидных планировок на этом участке.

Подсистема I (рис. 2). В ее составе находится 15 стреловидных планировок. Они расположены по дуге, вытянутой от края плато в северо-западном направлении на расстоянии до 26 км. Стрелами и входами в «мешок» все планировки обращены на север, вытянуты вдоль линии тектонического разлома (рис. 2; рис. 3). Отстоят одна от другой на расстояние от 0,9 до 2,5 км.

Стреловидная планировка № 1. Находится на Восточном чинке. Ее восточная часть обрушилась вместе с краем чинка. На местности прослеживается лишь широкий проход, ведущий в «мешок» планировки, и западная стрела. От середины входа в «мешок» к северу тянется линия «направляющей», практически не различимая на местности и дешифрируемая лишь с помощью аэрофотоснимка. Контуры мешка на местности прослеживаются лишь частично. Они представляют из себя щебнисто-грунтовый вал и ров, причем последний располагается по внутреннему контуру планировки. С внутренней стороны вал имеет следы обкладки камнем-плитняком. Кольца на вершинах стрел замкнутые, образованы грунтово-щебнистым валом, внутри имеют довольно значительные углубления, по внутреннему краю обложены плитняком. Диаметр колец около 10 м, ширина вала до 6 м, ширина рва около 4,5 м, длина сторон треугольника стрелы от 90 до 100 м. Общая площадь стрелы около 0,45 га. На планировке отмечены немногочисленные находки фрагментов лепной и станковой керамики. На местности планировка выражена чрезвычайно слабо, рельеф низкий, местами практически стертый. Относительно четко прослеживаются лишь валы и кольца стрел.

Стреловидная планировка № 2. Находится в 1,5 км к западу от стреловидной планировки № 1. Контуры восточной и западной «стрел» сдвоены, на аэрофотоснимках отчетливо видна сдвоенность восточной части контура «мешка». Видимо, стреловидная планировка перестрановалась на одном и том же месте и в рельефе частично сохранился сильно сглаженный контур более ранней планировки. На аэрофотоснимках видны темные тонкие линии «направляющей» и «усов», уходящие от восточной и западной «стрел». На местности они практически неразличимы.

На вершинах «стрел» по одному кольцу. Контур стреловидной планировки образован сильно сглаженным рвом и грунтово-щебнистым валом на «мешке» и хорошо выраженным валом на «стрелах» и кольцах. Ров с внутренней стороны вала. По внутреннему обводу колец прослеживаются следы вертикальных подпорных стен, сложенных из необработанных плит известняка. Длина планировки более 700 м, ширина около 550 м, ширина входа в «мешок» около 100 м, длина сторон «стрел» 100—150 м, длина восточного «уса» до 950 м, западного — около 800 м. «Направляющая» дешифрована на расстояние до 450 м.

Общая площадь планировки около 19 га, площадь стрел 0,70—0,75 га.

На аэрофотоснимках в южной части «мешка» планировки несколько больших светлых пятен. Дешифровкой материалов аэрофотосъемки на местности установлено, что в данных местах расположены обширные пятна светлого зольного грунта, изрытого норами грызунов. На поверхности грунта и в выбросах из нор — масса находок фрагментов керамики, обломков костей животных, часто обожженных. На описанных пятнах прослеживаются несколько мелких блюдцевидных

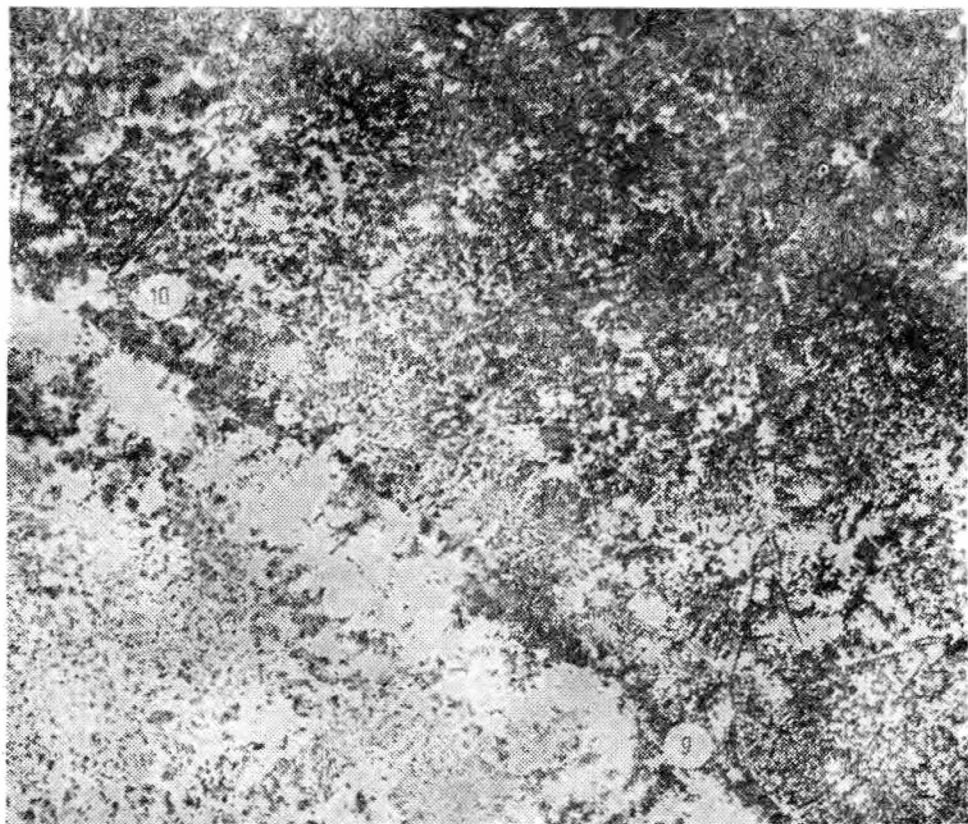
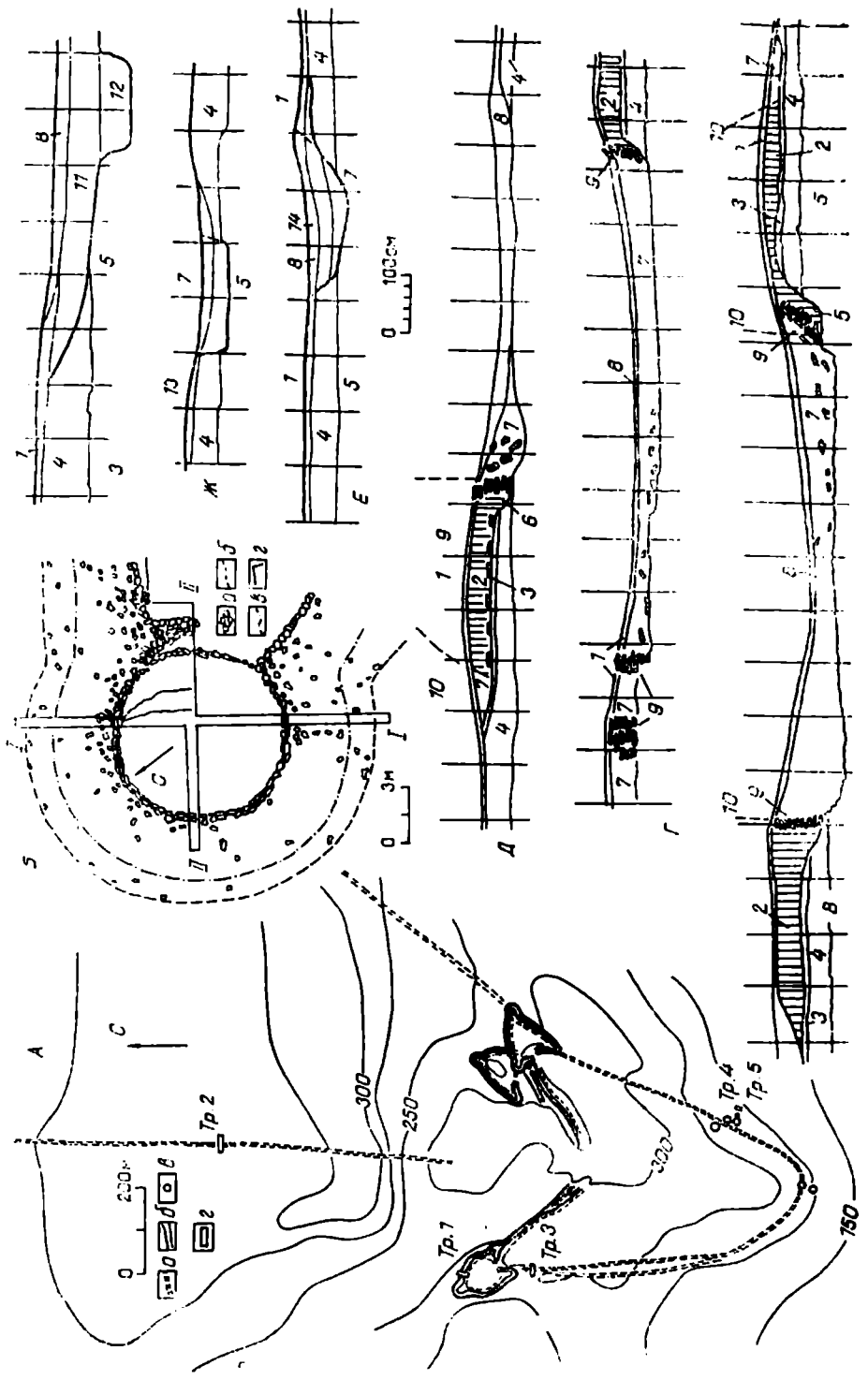

Рис. 3. Североустюртская группа стреловидных планировок. Подсистема 1, стреловидные планировки № 9—10. Плановый аэрофотоснимок, хорошо видна линия тектонического разлома.

понижений диаметром до 10 м. Закладка шурфа на одном из них выявила наличие маломощного зольного, пылеватого культурного слоя.

В настоящее время планировка почти полностью уничтожена проложенными здесь траншеями газопровода Бухара—Урал и многочисленными колеями грунтовых автодорог по обе стороны газопровода.

Стреловидная планировка № 3 (рис. 4. А). Находится на расстоянии около 900 м к западу от стреловидной планировки № 2, на слабо-расчлененной равнине, поросшей низкорослым кустарником боялышем, биюргуном и серой полынькой. Сильная сглаженность рельефа планировки делает ее трудноразличимой на плоской поверхности плато и обнаружить ее, не располагая данными аэрофотосъемки, чрезвычайно сложно. Лишь выходя непосредственно к планировке, удается увидеть ее отдельные элементы: не заросшие, щебнистые линии валов и, наоборот, густо заросшие понижения — рвы и канавы, круглые кольца на вершинах треугольников «стрел». Увидеть же с земли все соо-

ружение целиком практически невозможно. В рельефе более или менее выделяются лишь сами треугольники «стрел», окруженные наиболее высокими валами. На аэрофотоснимках, однако, вся планировка прослеживается достаточно четко.

Поскольку стреловидная планировка № 3 — единственная во всей системе, где, помимо аэрофотосъемки, произведены инструментальная топографическая съемка и раскопки, принимая во внимание принципиальную однотипность всех стреловидных планировок Североустюртской системы, установленную на основании анализа материалов аэрофотосъемки и данных наземных исследований, можно принять описание стреловидной планировки № 3 за эталон для характеристики всех объектов этого рода, отмечая при описаниях лишь детали, индивидуализирующие их.

Парабола «мешка» стреловидной планировки на местности выделена чрезвычайно слабо, местами это полоса более темного грунта, местами, однако, она приобретает характер четко выраженной канавы. Линия западной стороны «мешка» сдвояна. Четко выражены в рельефе линии втянутого входа. Как восточная, так и западная его стороны сдвоены. Здесь сохранились низкие валы и ров с внутренней стороны вала. Наиболее четко в рельефе сохранились треугольники «стрел», окруженные хорошо выраженными валами и рвами с их внутренней стороны. На внутренней стороне вала во многих местах хорошо видна кладка подпорной стены, сооруженной из плит необработанного известняка, уложенных ложком «всухую», без применения связующего раствора. Восточная «стрела» сдвояна: сквозь ее четкий контур выступают сглаженные очертания более ранней «стрелы».

Кольца на вершинах треугольников «стрел» также образованы хорошо сохранившимися валами, внутри колец — довольно глубокие понижения. По внутреннему обводу колец видна обкладка из плитняка. Совершенно неразличимы на местности «усы» и «направляющая». Лишь определив их местоположение по материалам аэрофотосъемки, можно в отдельных случаях проследить их на местности, где они или слабо выделены микрорельефом, или более темным цветом по отношению к окружающей поверхности, или иным составом растительности и плотности зарастания.

Длина планировки около 750 м, наибольшая ширина около 650 м, длина (высота) «стрел» 110—120 м, ширина по основанию 90—100 м, длина «направляющей» свыше 1000 м, «уса» — 600—700 м. Внутрь «мешка» выводит очень широкий (до 100 м) воронкообразный вход, внутрь «стрел» также воронкообразный, но узкий (до 10 м) вход. «Направляющая» и «усы» представляют собой неглубокие и неширокие канавы. Примерная площадь «мешка» 18 га, площадь восточной «стрелы» — 0,7 га, западной — 0,8 га. Общая площадь около 20 га.

В южной части «мешка», как внутри его, так и за его пределами, зафиксировано пять слабовыраженных в рельефе блюдцевидных понижений диаметром 10—12 м, глубиной до 0,5 м. В их районе отмечают

Рис. 4. Североустюртская система стреловидных планировок, подсистема I, стреловидная планировка № 3.

А — ген. план: а — слабозаметные, затянувшиеся канавы; б — грунтовые валы; в — блюдцевидные понижения; г — траншеи; Б — западная «стрела», северное кольцо, план: а — плиты известняковые; б — современные контуры вала; в — первоначальные контуры вала; г — граница раскопа; В — западная «стрела», северное кольцо, разрез 1—1; Г — западная «стрела», северное кольцо, разрез II—II; Д — западная «стрела», траншея 1, разрез С—Ю; Е — «мешок», траншея III, разрез В—З; Ж — «направляющая», траншея 2, разрез В—З; З — «пятно» 3, траншея 4, разрез В—З; 1 — корковый горизонт; 2 — насыпь, суглинок со щебнем; 3 — корковый горизонт погребенной почвы; 4 — погребенная серо-бурая почва; 5 — известняк (материк); 6 — перекопанный грунт со щебнем, отдельными плитами известняка (часть насыпи вала); 7 — суглинок намытый, сильно щебнистый (смыв вала); 8 — дерновый слой; 9 — кладка каменная; 10 — реконструированные границы насыпи вала; 11 — переработанный щебнисто-суглинистый материал; 12 — суглинисто-щебнистый горизонт с обильными находками костей животных, фрагментов керамики и редкими включениями древесных углей; 13 — выброс суглинисто-щебнистый из канавы; 14 — вторичная почва.

ся многочисленные находки фрагментов керамики и измельченных костей животных, часто обожженных.

На стреловидной планировке № 3 произведены раскопки.

Раскоп I (рис. 4 Б) заложен на северном кольце западной «стрелы». В процессе раскопочных работ вскрыта 1/4 часть кольца, произведена расчистка подпорной стены по всему периметру. Через центр кольца проведены две пересекающиеся взаимоперпендикулярные траншеи I—I и II—II. В результате произведенных исследований выяснены конструкция и размеры кольца, последовательность его сооружения. По материалам траншей I—I и II—II (рис. 4 Б, В, Г) установлены детали и последовательность сооружения кольца. Первоначально выкапывалась яма диаметром около 10 м. Ее глубина от уровня древней дневной поверхности более 1 м. Уровень, с которого выкапывалась яма, фиксируется поверхностью древнего коркового горизонта погребенной под валами почвы. При рытье ямы был вскрыт слой почвы мощностью около 0,5 м. Еще примерно на столько же строители кольца врубались в слой известняка. Отработанный грунт выбрасывался за пределы ямы и равномерно распределялся по ее краям, образуя кольцевой вал. Со стороны ямы вал был ограничен подпорной стеной, сооруженной из необработанных каменных плит. На ее возведении, видимо, частично использовался известняк, извлеченный при сооружении круглой ямы. С наружной стороны в разрезе вал растянут шлейфом суглинистого оплыва. Однако по распределению по вскрытому профилю солей сульфатов и карбонатов, аккумуляровавшихся в погребенной почве под искусственной насыпью, почвовед С. В. Губин установил первоначальную границу внешнего контура вала. Его толщина по основанию оказалась равной 3,5—4,0 м.

Внутренняя граница кольцевого вала определялась вертикальной линией подпорной стены, внешняя имела полого-выпуклый профиль. Высота вала определялась его конфигурацией и объемом выброшенного из ямы грунта. Произведенные расчеты показывают, что высота кольцевого вала, считая от уровня дна круглой ямы, составляла 2,5—3,0 м.

Таким образом, исследуемое кольцо представляет собой грунтово-щебнистый вал с круглой ямой посередине, облицованный по внутреннему краю каменной кладкой. Вал кольца переходит в вал «стрелы», оставляя со стороны ее внутреннего пространства свободный проход, обрывающийся в круглую яму вертикальным уступом высотой около 1 м. Перед уступом проход перегороден поперечной стеной из известняковых плит, сохранившейся на высоту до 0,6 м (рис. 4 Б, Г). Поверхность к проходу плавно повышается, образуя пологий пандус.

Траншея I. Она была заложена поперек вала западной «стрелы» в 30 м к востоку от северного кольца (рис. 4 Д). Ее длина 15 м, ширина 1 м. Траншея выявила насыпной вал западной «стрелы». В современном виде вал сильно расплывшийся, однако по распределению сульфатов, аккумуляровавшихся в погребенной почве под искусственной насыпью, удалось установить первоначальную границу внешнего контура вала. С внутренней стороны он был ограничен подпорной стеной из обломков известняка. Таким образом, восстанавливаемая ширина вала по основанию составляет около 4 м. Угол наклона подпорной стены на его внутренней стороне составляет не более 5—6°. Внешняя сторона вала была, вероятно, пологой. С внутренней стороны по основанию шел широкий, но неглубокий ров, более углубленный непосредственно у основания подпорной стены. Ширина рва около 7 м, глубина до уровня древней дневной поверхности около 0,3 м, в наиболее глубокой части — 0,5 м.

По данным почвенных прикопок, противоположная стенка рва была пологой и достигала плиты в 162 м от бровки рва. Таким обра-

зом, ров представлял собой сооружение, трапециевидное в поперечном сечении, шириной по дну около 6 м и около 7,5 м по верху. При мощности рыхлого чехла $h \approx 0,8$ м, площадь сечения рва $S = \frac{a+b}{2} = \frac{6,0+7,5}{2} \times 0,8 \approx 5,5$ м². Таким образом, при сооружении каждого погонного метра вала «стрелы» было извлечено около 5,5 м³ грунта. Удельный вес усредненного материала, взятого из почвенного шурфа, составил около 2,65 г/см³. Следовательно, при сооружении 1 м вала перемещалось приблизительно 14,6 т грунта. Зная приблизительно исходную ширину основания вала ($a \approx 4,0$ м), площадь сечения рва, откуда брался материал ($S = 5,5$ м²), и теоретически допуская форму вала в сечении, подобную равнобедренному треугольнику, получаем его высоту $h = \frac{2S}{a} = \frac{11}{4} \approx 2,8$ м. Рассчитанный угол наклона поверхности насыпи составляет около 40°, что близко к значениям угла естественного откоса для подобных грунтов [Лоштадзе, 1977].

С учетом глубины рва общая высота вала в районе траншеи № 1 должна составлять 3,6 м. Однако, учитывая слабое сцепление частиц насыпного грунта, высокую его щебнистость, специфику климатических факторов — сухость, значительные перепады температур, сильные ветры, насыпь должна была подвергаться активному выколаживанию и ее реальная высота быть несколько ниже расчетной. В этих условиях подпорная стена имела важное значение для поддержания наибольшего угла откоса, что обеспечивало высокую крутизну сооружения с внутренней стороны*.

Таким образом, результаты работ на траншее № 1 позволяют говорить о том, что «стрела» была окружена валом, облицованным с внутренней стороны почти вертикальной подпорной стеной и широким неглубоким рвом, образовавшимся за счет выборки грунта до известнякового субстрата, употребленного затем на отсыпку вала.

Траншея 2 (рис. 4 Ж). Заложена поперек «направляющей» в 700 м к северу от входа в «мешок». Ее длина 6 м, ширина 1 м. В месте заложения траншеи «направляющая» была представлена слабовыраженным понижением.

Материалы траншеи 2 позволили установить, что «направляющая» представляла собой канаву глубиной до 0,5 м, шириной около 2 м, выкопанную в почвенном слое и слегка заглубленную в известняковый субстрат. Выброс велся на запад, где сохранились следы низкого (до 0,2 м) неширокого (около 1,5 м) щебенчатого вала. Канавы заполнены суглинистыми затеками со щебнем, сформировавшими вторичную почву. Сверху канавы перекрыты вогнуто-выпуклой линзой намывного легкого щебнистого пылеватого суглинка. «Направляющая», таким образом, первоначально была представлена, очевидно, узкой и неглубокой канавой со слабовыраженными валами выброса по обе ее стороны.

Траншея 3 (рис. 4 Е). Заложена поперек полосы, ограничивающей «мешок» планировки с запада, в 30 км к югу от южного кольца западной «стрелы». Длина траншеи 9 м, ширина 1 м. Траншея выявила ров, ограничивавший «мешок» по периметру. Его ширина около 3 м, глубина до уровня древней дневной поверхности около 0,7 м. Канавы были выкопаны: верхняя часть в почвенном слое мощностью около 0,4 м, нижняя — в известняке. Выброс производился на западную сторону (наружная сторона планировки), формируя здесь невысокий вал. В настоящее время вал размыт и развеян и не выделяется ни в рельефе, ни стратиграфически. Судя по объему вынутого грунта, высота вала не превышала 0,6—0,7 м. Канавы заполнены затеками, видимо, из разшившегося вала, на которых сформировалась вторичная почва.

* Расчеты выполнены С. В. Губиним.

Результаты работ на траншее 3 позволяют говорить о том, что «мешок» планировки ограничивался рвом и валом с внешней стороны. Глубина рва и высота вала до 1,5 м, ширина каждого из них не более 3 м.

Траншея 4 (рис. 1, 3). Заложена через блюдцевидное понижение № 3 в южной части планировки. Диаметр понижения около 12 м, глубина от уровня современной поверхности около 0,5 м. Длина траншеи 8 м, ширина 1 м. Траншея заложена по линии восток-запад. В центре понижения траншея расширена на протяжении 2 м также до 2 м. Она прорезала плоскую круглую яму с покатыми бортами диаметром около 12 м, соответствующую примерно контуру блюдцевидного понижения, прослеженного по поверхности. По диаметру этой ямы в известняке выбита узкая длинная яма шириной чуть больше 2 м. На всю глубину яма заполнена намытым щебенчато-суглинистым слоем. В нижней его части отмечаются находки костей животных и фрагментов лепной керамики. Количество находок увеличивается в более нижних слоях. Часть заполнения ямы зазолена, отмечены локальные зольные прослойки без следов горения.

Полученные данные ограничены для того, чтобы судить о назначении вскрытой ямы. Создается впечатление, что находки снесены в яму с каких-то более высоких уровней.

Траншея 5. Поверхность вокруг ямы, вскрытой траншеей 4, покрыта редкими россыпями фрагментов костей животных и лепной керамики. Здесь же находятся несколько вкопанных крупных известняковых плит. Траншея длиной 3 м, шириной 1 м выявила, что все культурные остатки сконцентрированы в корковом горизонте и выходят на поверхность по мере его развевания. Каких-либо скоплений они не образуют, не очерчивается четко и площадь их распространения.

Описанная ситуация со всей очевидностью может свидетельствовать об отсутствии здесь не только постоянных, но и временных сооружений. Речь может идти лишь о сравнительно кратковременной стоянке, слабые следы которой смывались дождевыми водами в расположенную рядом яму и формировали суглинисто-щебнистый горизонт с включением культурных остатков.

Стреловидная планировка № 4. Расположена на расстоянии около 1 км к юго-западу от стреловидной планировки № 3. Ее контур четко выражен по всему периметру и отчетливо прослеживается как на аэрофотоснимке, так и на местности. Планировка перестраивалась: на аэрофотоснимках четко прослеживается двойная восточная половина воронкообразного входа в «мешок», а также второй контур западной «стрелы». На всех углах «стрел» — кольцевые валы. Описываемая стреловидная планировка имеет слабоизогнутую, меридионально вытянутую «направляющую» и «ус» на западной «стреле». На местности они выражены лишь в микрорельефе.

Входом планировка ориентирована на север. Ее общая длина около 850 м, ширина более 500 м, длина стороны «стрелы» 120—140 м, «направляющая» имеет длину около 1000 м, «ус» — около 400 м. Ширина входа 140—150 м. Площадь около 21 га, площадь «стрел» около 0,8 га.

За пределами планировки, с ее южной стороны, на плоской поверхности полузаросшего такыра обнаружено несколько слабовыраженных в рельефе блюдцевидных понижений диаметром около 10—12 м. Вокруг них концентрируются находки фрагментов лепной керамики и костей животных.

Стреловидная планировка № 5 (рис. 5). Находится на расстоянии около 1 км к северо-западу от стреловидной планировки № 4. Планировка перестраивалась: у восточной «стрелы», в 150—160 м к северо-западу от нее, прослеживается слабовыраженный в рельефе контур еще одной «стрелы». На всех вершинах треугольников «стрел» — круг-

лые ямы, окруженные кольцевыми валами. У западной «стрелы» — слабые следы «уса». Сохранность планировки чрезвычайно плохая, на местности практически не прослеживается ее южная часть. Относительно хорошо выражены в рельефе лишь валы и рвы «стрел» и колец на них. Сохранность планировки еще более ухудшилась в результате недавнего сооружения на ее территории бетонного колодца и размещения стоянки скотоводов. По данным измерений на аэрофотоснимках, общая длина планировки около 800 м, ширина около 600 м, ширина входа около 150 м. Длина сторон «стрел» 100—120 м. Площадь около 24 га, стрел — 0,6 га.

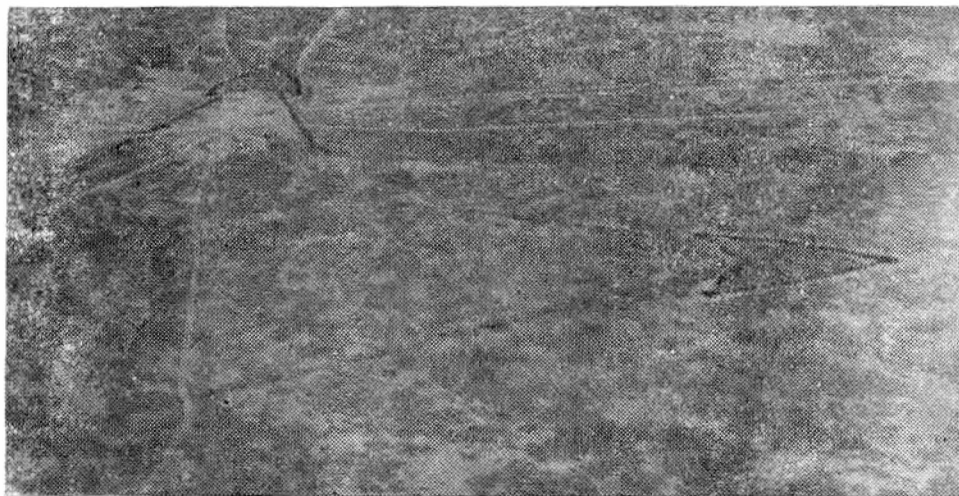

Рис. 5. Североустюртская система стреловидных планировок. Подсистема 1, стреловидная планировка № 5, перспективное аэрофото.

В районе планировки отмечены редкие находки фрагментов лепной керамики. Кроме нее найдены фрагменты шлифованных изделий из серого кварцита и черного камня, обломок плоского оселка из серого сланца.

Стреловидная планировка № 6. Находится на расстоянии около 1,5 км к северо-западу от стреловидной планировки № 5. Контур на снимке выражен четко по всему периметру. На местности же в рельефе выделяются лишь «стрелы». Ров и вал «мешка» в рельефе почти не прослеживаются. Особенно сильно они сгивелированы в южной части «мешка». Вал находится на наружной стороне рва. Контур восточной «стрелы» сильно выпуклы, западной — вогнуто-выпуклы. На всех вершинах треугольников «стрел» — одинарные кольцевые валы.

Длина стреловидной планировки более 800 м, ширина до 500 м. Ширина входа около 150 м, длина стороны «стрел» около 100 м. Входом планировка обращена на север. Ее общая площадь около 20 га, площадь «стрел» около 0,5 га.

В пределах «мешка», особенно его южной части, много неопределенно выраженных цветом круглых пятен и блюдцевидных понижений, во многих случаях разработанных сильной дефляцией. В южной части планировки, за ее пределами, находятся еще несколько блюдцевидных понижений, вокруг которых в значительных количествах разбросаны фрагменты лепной керамики, мелкие фрагменты костей животных, среди которых много обожженных.

Стреловидная планировка № 7 находится на расстоянии около 2,5 км к западу от стреловидной планировки № 6. Контур на аэрофотоснимках и на местности четкий по всему периметру. Прослеживает-

ся слабоизогнутая линия «направляющей». Контуры восточной «стрелы» выпуклые, западной — вогнуто-выпуклые. Вход в «мешок» ориентирован на северо-восток. Длина стреловидной планировки около 800 м, ширина свыше 500 м, длина сторон «стрелы» около 100 м, ширина входа в «мешок» 120—140 м, длина «направляющей» около 600 м. Площадь около 20 га, площадь «стрел» около 0,5 га.

Стреловидная планировка № 8. Находится на расстоянии около 1,8 км к западу от стреловидной планировки № 7. На аэрофотоснимках контур прослеживается четко. На местности определенно выражены в рельефе лишь валы и рвы «стрел». Линия «мешка» выражена очень плохо и прослеживается с большим трудом. Индивидуальным отличием планировки является наличие на северной вершине восточной «стрелы» двух кольцевых валов вместо обычного одного.

Длина планировки около 900 м, ширина около 700 м, длина сторон «стрел» 150—200 м, ширина входа 110—120 м. Площадь около 31 га, площадь «стрел» около 1,5 га.

За южными пределами «мешка» несколько блюдцевидных понижений диаметром 10—15 м, вокруг которых довольно много находок лепной керамики и мелких костей животных. Отмечены также находки фрагментов изделий из камня: кварцита, кремня, черного сланца.

Стреловидная планировка № 9 (рис. 3). Расположена в 1,4—1,5 км к северо-западу от стреловидной планировки № 8. Отчетливо прослеживается по всему периметру как на аэрофотоснимках, так и на местности. Однако рельеф контура «мешка» сильно сглажен, в то время как валы и рвы «стрел» выражены очень четко. Контуры «стрел» слабо-выпуклые. От входа к северу тянется слабо различимая на аэрофотоснимках линия «направляющей». Индивидуальной особенностью планировки является наличие на северной вершине западной «стрелы» двух кольцевых валов вместо обычного одного. Еще одной индивидуальной чертой является наличие на восточной «стреле» в пределах северного и западного кольцевых валов курганообразных бугров, подобных тем, которые являются обычными для стреловидных планировок в Айбуйирско-Присарыкамьшской группе. И еще одна индивидуальная особенность: контуры «стрел» образованы не обычными одинарными валами, а двойными, со рвом между ними. На горловине «мешка» — вал на внешней стороне, ров — на внутренней. Индивидуальная черта — наличие по обе стороны входа по круглой, диаметром около 10 м, заплывшей яме.

Длина планировки около 750 м, ширина чуть более 500 м, ширина входа около 100 м, длина сторон «стрел» 110—120 м. Площадь около 19 га, площадь «стрел» около 0,65—0,70 га.

За южной границей «мешка» отмечено наличие нескольких блюдцевидных понижений диаметром 10—14 м. Понижения и поверхность такыра вокруг них изобилуют находками фрагментов керамики, изделий из камня и железа, обломками костей животных.

Стреловидная планировка № 10 (рис. 3). Расположена примерно в 1,9 км к северо-западу от стреловидной планировки № 9, на очень пологом склоне слабовыраженной ложбины, образовавшейся по линии тектонического разлома. Контур на аэрофотоснимках и на местности четкий, входом планировка обращена на северо-запад. На северной вершине восточной «стрелы» два кольца, по внутреннему периметру обложенные мощными известняковыми плитами. На остальных вершинах и на западной «стреле» кольца одинарные. На западном кольце подобная же обкладка. На западной «стреле» кольца, валы и рвы сильно затянуты, следов каменной кладки не видно, хотя ямы внутри колец глубокие. От валов «стрелы» остались лишь щепнистые полосы. На концах валов воронкообразного входа, по обе его стороны — круг-

лые ямы. От входа к северу тянется дешифруемая лишь на аэрофотоснимках линия «направляющей».

Длина планировки около 800 м, ширина около 500 м. Длина сторон «стрел» около 150 м, ширина входа более 100 м. Площадь около 20 га, площадь «стрел» 1,0—1,1 га.

На валах «стрел» редкие находки фрагментов лепной керамики. За пределами «мешка» с юга несколько круглых, диаметром 12—14 м, блюдцевидных понижений и две глубокие воронкообразные ямы. Вокруг многочисленные находки фрагментов керамики, костей животных, обломков камня и т. п.

Стреловидная планировка № 11. Расположена примерно в 1,4 км к северо-западу от стреловидной планировки № 10*. Если все предшествующие планировки располагались к северу от таковой полосы, прошедшей по дну долины, образовавшейся по линии тектонического разлома, то стреловидные планировки № 11—15 расположены к югу от нее.

Контур четкий по всему периметру, входом планировка обращена на север. Длина около 750 м, ширина 500 м, длина стороны около 150 м, ширина входа около 100 м. На северной вершине восточной «стрелы» кольцо не одинарное, двойное. Площадь около 19 га, площадь «стрел» 1,0—1,1 га.

Стреловидная планировка № 12. Расположена примерно в 600 м к северо-северо-западу от стреловидной планировки № 11. Входом ориентирована на север. На снимке не прослеживаются южная и вся восточная стороны «мешка» вплоть до «стрелы». Ширина около 500 м, ширина входа 110—120 м, длина стороны «стрелы» около 120 м. Площадь «стрел» около 0,7 га.

Стреловидная планировка № 13. Расположена примерно в 1,9 км почти на север от стреловидной планировки № 12. Южная часть планировки на снимке не прослеживается. Очень слабо различимы «направляющая» и «ус» на западной «стреле». Вход — на север. Длина планировки около 800 м, ширина около 600 м, ширина входа около 100 м, длина стороны «стрел» 160—180 м. Площадь около 24 га, площадь «стрел» 1,4—1,5 га.

Стреловидная планировка № 14. Расположена в 1,8—1,9 км к северо-северо-западу от стреловидной планировки № 13. Южная часть контура на аэрофотоснимке не видна. Вход на северо-восток. Ширина около 600 м, ширина входа около 100 м, длина стороны около 150 м. Площадь «стрел» 1,1—1,2 га.

Стреловидная планировка № 15. Выделяется величиной, находится на расстоянии около 1 км к северу от стреловидной планировки № 14. Нижняя часть «мешка» на аэрофотоснимках не прослеживается. Вход на северо-восток. Контур западной «стрелы» сдвоен. На слабо заметном более древнем контуре по одному кольцу на вершинах треугольника «стрелы». На более четко выраженном перекрывающем контуре больших размеров на северной вершине два кольца, ширина планировки около 800 м. Ширина входа 120—130 м. Длина стороны западной «стрелы» более 200 м, восточной, более ранней — 150 м. Восточная стена около 150 м. Видимо, перестройка с усовершенствованиями. Площадь «стрел» около 1,5 га.

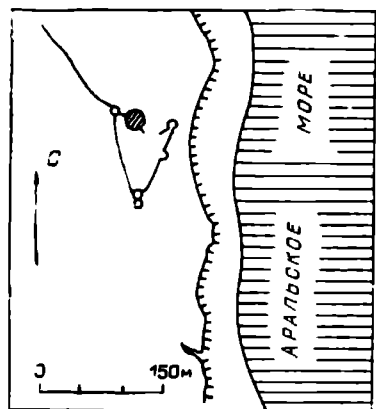
Подсистема II (рис. 2). Начало ее находится в 6 км к северу от конца подсистемы I. В подсистеме II четыре стреловидные планировки вытянуты по линии юго-восток — северо-запад на протяжении примерно 6,0—6,5 км вдоль линии того разлома, к которому привязана и подсистема I, уходящая далее к северо-западу.

* Стреловидные планировки № 11—15 на местности обследованию не подвергались и описаны по материалам плановой аэрофотосъемки.

Стреловидная планировка № 1. Контур на снимке четкий по всему периметру. Входом обращена на север. Отличается очень большими размерами «стрел». Длина планировки около 900 м, ширина около 700 м, ширина входа 110—120 м, длина стороны около 200 м. Видна «направляющая» около 1 км и «ус» около 400 м. Следы перестройки: восточное кольцо сдвинуто к северу от валов «мешка».

Стреловидная планировка № 2. Расположена примерно в 2,2 км к северо-западу от стреловидной планировки № 1. Южная часть контура на снимке не видна, входом ориентирована на север. Ширина около 600 м, ширина входа более 200 м. Длина сторон «стрел» 150—160 м.

Стреловидная планировка № 3. Расположена на расстоянии чуть более 1 км к северо-западу от стреловидной планировки № 2. Сохранность очень плохая. На снимках контур прослеживается лишь местами. Лучше сохранились обе «стрелы». Их контур очень четкий. Длина стороны «стрел» около 150 м.

Стреловидная планировка № 4. Расположена в 1,3 км к северо-западу от стреловидной планировки № 3. Из-за заметного перепада высот через планировку прошли промоины, уничтожившие ее южную часть. Остальной контур выражен четко. Вход на северо-запад. Ширина планировки около 500 м, ширина входа около 200 м. Длина стороны

Рис. 6. Могильник Дуана. Отдельная стреловидная планировка.

«стрел» 120—130 м. От вершин обеих «стрел» прослеживаются расходящиеся линии «усов».

Далее к северо-западу по материалам аэрофотоснимков отчетливо прослеживается полоса разлома, однако стреловидные планировки уже отсутствуют.

Могильник Дуана. «Система каменных оград». Описание Североуртской системы было бы неполным, если бы мы не привели данных еще об одной стреловидной планировке, сильно отличающейся от описанных и находящейся несколько в стороне от них [Ягодин, 1978, рис. 20]. Она входит в состав группы II могильника Дуана (рис. 2). Расположена в 90 м к югу от кургана № 4, на расстоянии 15—40 м от обрывистого края чинка (рис. 6).

Описываемое сооружение представляет собой ограду в виде равнобедренного треугольника, высота которого составляет 100—120 м, длина основания 60—65 м. Основание прогнуто внутрь треугольника и имеет посередине воронкообразный вход внутрь ограды шириной около 8 м. Вход ориентирован на север. Ограда сооружена из больших каменных плит, установленных на ребро в один ряд (рис. 7).

К вершине треугольника, обращенной к югу, примыкают две круглые ограды диаметром около 6 м каждая. По одной аналогичной ограде находится на двух других вершинах треугольника и одна, несколько меньшая, на середине восточной стороны ограды, причем эта последняя имеет проход внутрь треугольной ограды. В основании треугольника, ближе к его северо-западной вершине, находится большая (диаметр около 10 м, высота 1,2—1,5 м) курганообразная каменная насыпь, сложенная из крупных известняковых плит.

От круглой ограды, находящейся на северо-западной вершине треугольника, тянется к северо-западу на расстояние около 140 м цепочка каменных плит, установленных на ребро — «хвост». Вместе с об-

рывистым краем чинка они образуют две сходящиеся воронкой линии, выходящие ко входу в треугольную ограду. Площадь последней около 0,4 га. Общая площадь сооружения, включая пространство между «хвостом» и линией чинка, около 2,5 га.

Анализ топографии позволяет полагать, что описанная стреловидная планировка не входит в структуру Североустюртской системы стреловидных планировок, будучи изолированной от нее территориально (расположена в 8—9 км к югу от стреловидной планировки № 1 в североустюртской системе), различаясь типологически и, вероятно, хронологически.

Айбуйирско-Присарыкамышская группа. Расположена на юго-восточных чинках плато Устюрт, на участке протяженном свыше 90 км (рис. 1). Чинк здесь, в отличие от прямолинейного в целом направле-

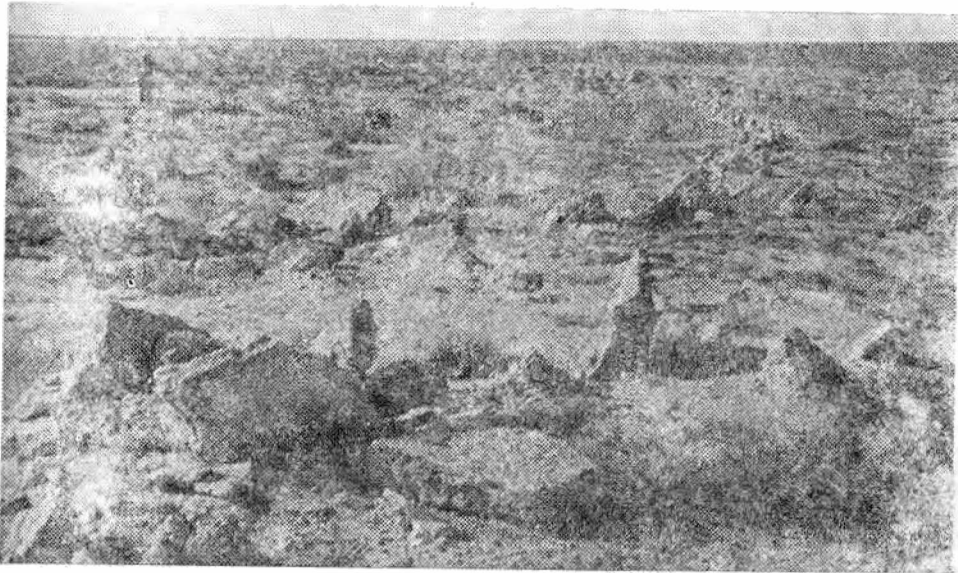

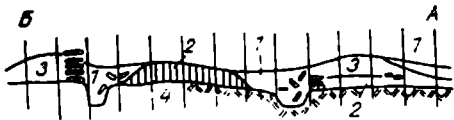
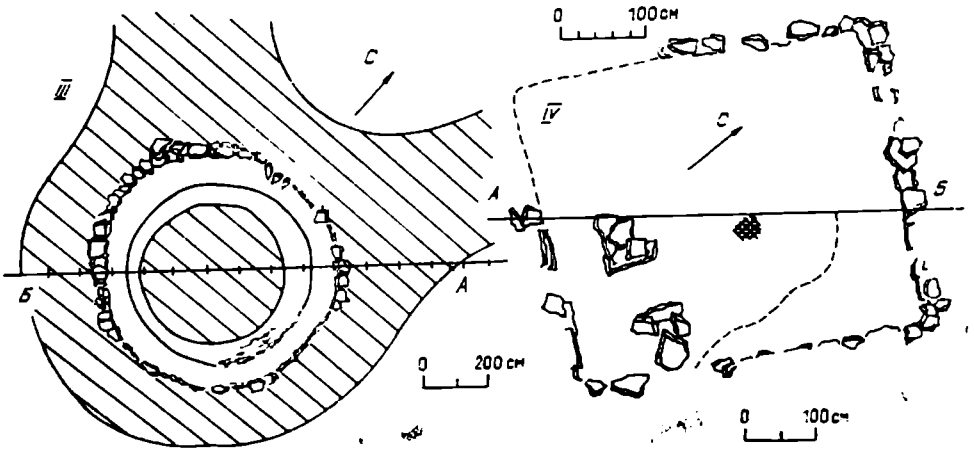
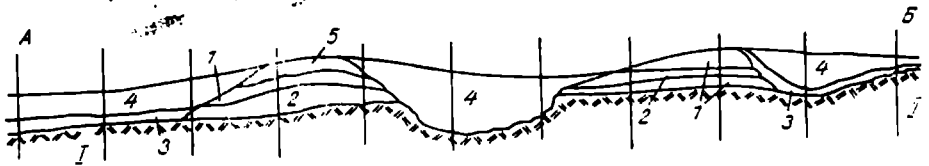
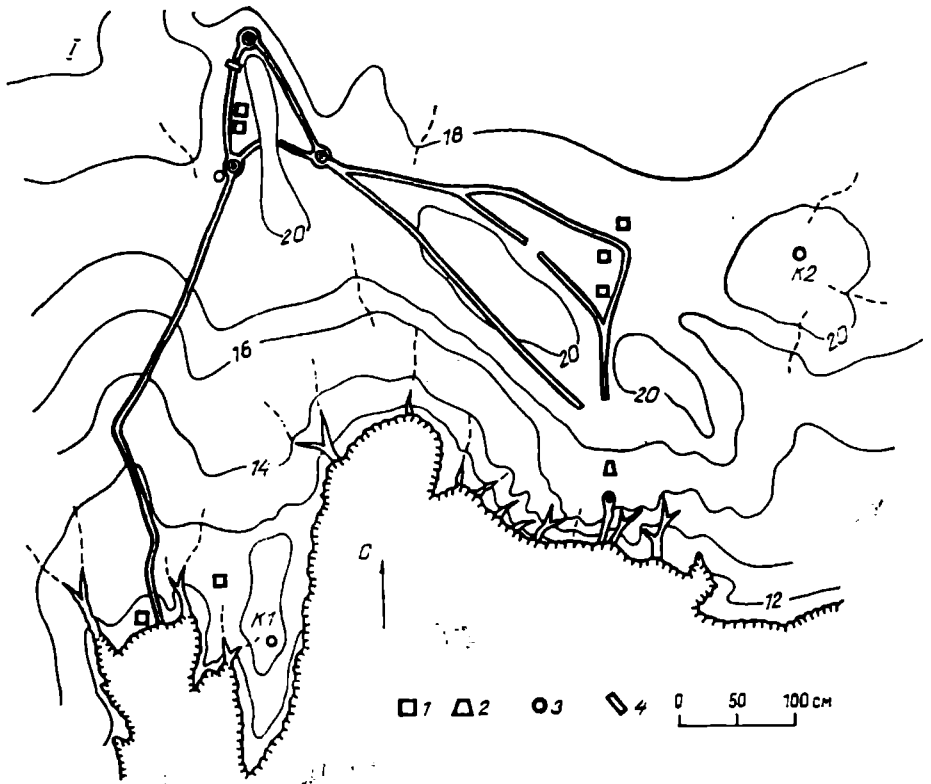
Рис. 7. Могильник Дуана. Восточная часть отдельной стреловидной планировки.

ния Восточного чинка, становится изломанным, многократно меняя свое направление. От места расположения самой северной в группе планировки Бернияз чинк образует Айбуйирскую излучину протяженностью до 30 км, ограниченную резким переломом в месте перехода излучины в юго-восточный выступ плато. Под обрывом излучины — многочисленные древние многократные оползни, образующие обширные террасы и пологие склоны и несколькими гигантскими ступенями спускающиеся вниз к аллювиальной равнине древней Приаральской дельты Амударьи. Рельеф оползней сильно сглажен плащом позднейших осыпей и наносов. Во многих местах плавные очертания сглаженных осыпей сменяются резко выраженными эрозийными формами: оврагами и промоинами, активно разрабатываемыми сезонными водными потоками.

Причинковая полоса полого-наклонная, изобилует обширными зонами проседания, долинками, открытыми в сторону чинка, незамкнутыми котловинами, многочисленными останцовыми буграми.

В районе озера Айбуйир характер чинка резко меняется, здесь он образует отвесный монолитный уступ, сложенный известняками, глинами и гипсами, основание которого лишь слегка замаскировано осыпями.

За юго-восточным выступом до восточной оконечности увала Карабаур для чинка характерны чередования участков монолитно

вертикальных уступов с многочисленными огромными оврагами, врезаемыми в плато иногда на десятки километров. На устьях оврагов формируются далеко выступающие мысы, по оврагам проходят участки, удобные для спуска и подъема на плато.

После небольшого участка, где чинк исчезает совсем, заменяясь обширными пологими склонами, через которые восточная оконечность увала Карабаур переходит в аллювиальную Куныдарьинскую равнину, чинк вновь принимает характер вертикального монолитного уступа, расчлененного многочисленными оврагами и для которого характерны далеко выступающие мысы. И, наконец, от мыса Декча до мыса Чалбурун чинк представляет собой огромный монолитный уступ с мощной толщей сарматских известняков в верхних ярусах обнажений, обрывающийся к древнедельтовой аллювиальной равнине Присарыкамьшской дельты и Сарыкамьшской впадине. Основание уступа слабо прикрыто осыпями на всем протяжении этого участка. Лишь один овраг прорезает чинк к западу от мыса Декча.

Все стреловидные планировки (рис. 11, рис. 17) приурочены или непосредственно к чинку (Дарьялык-1, Дарьялык-2, Казган-1, Бернияз-3), или к обрывистым краям больших оврагов (Казган-3, Аксаймак-2, Аксаймак-4, Карамата-7, Карамата-3, Ербурун, Декча-2, Декча-3, Декча-6), или к мысам плато (Хантерсек, Ибрахимша-2, Ибрахимша-3, Декча-1, Чалбурун-1). Обрывистый край плато включается обычно в систему планировки как одна из ее сторон. В ряде случаев из-за неустойчивости чинка происходят обрушения его на значительных участках вместе с находящимися на них стреловидными планировками (Ибрахимша-2).

ОТДЕЛЬНО РАСПОЛОЖЕННЫЕ СТРЕЛОВИДНЫЕ ПЛАНИРОВКИ.

Айбуйир — стреловидная планировка (рис. 1). Находится в 26—27 км западнее стреловидной планировки Бернияз-3 и в 3 км к северу от средневекового городища и башни Куланлы.

Стреловидная планировка Айбуйир (рис. 8, 1) расположена на краю плато Устюрт в месте, где чинк резко меняет направление с широтного на меридиональное и образует так называемый «юго-восточный выступ». Местность в районе расположения памятника имеет значительный уклон в сторону чинка (перепад высот составляет около 10 м на 0,5 км) и изобилует невысокими увалистыми меридионально простирающимися щебнистыми поднятиями. Планировка занимает частично одну из самых высоких точек на местности, а затем спускается по склону к крутым изломанным обрывам Восточного чинка, подъем и спуск с которых в большинстве случаев совершенно невозможны.

Планировка представляет собой фигуру, в плане близкую к треугольнику, образованную низкими, слабо выраженными на местности щебнистыми валами. Основанием треугольник опирается на чинк Устюрта, вершиной обращен на север, в глубь плато. На вершине находится «стрела», треугольная фигура, с выгнутыми или вогнутыми

Рис. 8. Айбуйир. Стреловидная планировка.

1 — ген. план; I — «жертвенник»; 2 — трапециевидная ограда; 3 — курган; 4 — траншея; II — разрез А—Б по траншее I; 1 — щебень белого цвета; 2 — щебень светло-коричневого цвета; 3 — суглинок матчевый; 4 — супесчаные надувные слои с тонкими глинистыми матчевыми прослойками; 5 — супесь серая со щебнем; III — западное кольцо, план и разрез А—Б; 1 — супесь серая, пылеватая с тонкими суглинистыми прослойками (натечно-надувные слои); 2 — красноватая плотно слежившаяся супесь со щебнем (насыпь); 3 — супесь серая, пылеватая со щебнем и обломками известняковых плит (насыпь); 4 — щебнисто-супесчаный слой естественного разрушения известняка; VI — «отдельное кольцо», план и разрез А—Б; 1 — супесчано-золистый слой, пылеватый, с известными угольками и фрагментами костей животных; 2 — супесчаный плотный слой светло-коричневого цвета; 3 — супесчаный пылеватый слой с тонкими суглинистыми прослойками, матечно-надувной; 4 — задернованный слой с корнями растений.

внутри сторонами и воронкообразно втянутым внутрь, разорванным посредине проходом, основанием. «Стрела» образована низкими щебнистыми валами и параллельными им понижениями с супесчаной поверхностью. Ширина вала 3—4 м, высота 0,2—0,3 м, понижения 1,5—2,0 м, глубина 0,1—0,15 м. Следует отметить, что вал на «стреле», как и на всей планировке, находится на внешней стороне, а ложбинка — на внутренней.

Треугольник «стрелы» охватывает меридионально вытянутое щебнистое поднятие, по нему расположен и втянутый проход внутрь «стрелы». Ширина прохода около 13 м, длина «стрелы» около 120 м, ширина по основанию около 90 м. Площадь около 0,55 га. На всех трех углах «стрелы» находятся кольцевые сооружения. Соответственно их расположению они обозначены как восточное, западное и северное. Кольца одинаковые, поэтому приведем описание лишь одного из них — северного. Общий диаметр кольца около 16 м. По внешнему краю его опоясывает щебнистый вал шириной 3,5—4,0 м и высотой до 1 м. С внутренней стороны вал имеет обкладку из известняковых плит так, что образовано что-то вроде цилиндрического замкнутого помещения. Диаметр этого помещения около 8 м. В его центре находится курганообразный бугор, его вершина намного выше уровня верха окружающего вала. Диаметр этого курганообразного бугра по основанию 4,5—5,0 м.

Рядом с северным кольцом собрано небольшое количество лепной грубой керамики.

На внутреннем пространстве «стрелы» у западной стенки обнаружены два небольших сооружения типа каменных ящиков, получивших условное название «жертвенники» № 3 и № 4.

У западного кольца с внешней стороны вала находится круглая западина с супесчаной поверхностью диаметром около 8 м. По ее краям беспорядочно разбросаны известняковые плиты. Она обозначена как «отдельное кольцо». К югу от западного кольца отходит западный вал. Его общая длина 410—415 м. Вал выходит к отвесному обрыву чинка и примыкает к нему вплотную. На протяжении около 250 м от западного кольца вал идет по относительно прямой линии, затем изгибается почти под прямым углом и извилистой линией уходит к чинку. У конца вала с его внешней и внутренней сторон расположены еще два условных жертвенника, аналогичных описанным.

Восточный вал представляет собой целую систему валов, образующих два контура (контур 1 и контур 2). Контур 1 образует вытянутую фигуру длиной около 300 м, шириной до 70 м, которая охватывает по периметру вытянутую щебнистую высотку. Площадь около 1,5 га. В контуре 1 имеется проход с южной стороны шириной около 20 м и менее ясно выраженный проход в восточном валу, выводящий в контур 2, который расположен на плоскости. Его длина около 200 м, ширина до 50 м. Площадь 0,5 га.

От южного конца системы восточных валов до обрыва чинка около 120 м. От обрыва по довольно крутому склону к северу на протяжении 30—35 м вновь прослеживается вал, заканчивающийся кольцом из камня плитняка диаметром около 3 м. От него на расстоянии 15 м к северу находится трапециевидное в плане сооружение. Без раскопок оно выглядит как трапециевидный контур, образованный верхушками вертикально закопанных каменных плит, размеры по осям около 4 и 2 м. От него до начала системы восточных валов остается свободный проход шириной около 60 м. Площадь большой ограды 7 га. Общая площадь стреловидной планировки около 9,5 га.

Произведены следующие раскопочные работы. Траншея № 1 (рис. 8, II). Заложена для выяснения конструкции вала на западном валу «стрелы», в 20 м к югу от северного кольца. Длина траншеи 10 м,

ширина 1 м. Траншея пересекает вал поперек. В результате анализа наслоений, вскрытых в траншее, установлено, что валы, опоясывающие «стрелу», были двойные. Образованы они щебеночным выбросом из канавы, прорытой между валами. Ширина канавы по верху чуть более 1,5 м. Глубина 30—35 см. Канавы выбиты в слое белой окаменевшей глины, имеющей мелкоплитчатую структуру. Белая щебенка этой глины, выброшенная по обе стороны канавы, образует два параллельных вала, демаскируемых на местности не только рельефом, но и белым цветом тянувшейся двойной полосой россыпи глиняной щебенки.

Ширина внутреннего и внешнего валов около 2,5 м, высота внутреннего вала 30—35 см, внешнего по центру — до 50 см. Надо полагать, что указанные размеры близки к первоначальным.

После того, как стреловидная планировка перестала использоваться, канавы и склоны валов затянулись глинисто-супесчаными, намытыми сезонными водами и навейными отложениями, сгладившими первоначальный рельеф стреловидной планировки, но не стершими его полностью.

Двойными являются западный и южный валы «стрелы», восточный и остальные валы планировки одинарные. Во всех случаях вал снаружи, канавка — с внутренней стороны.

Трапецевидное сооружение. Находится в южной части стреловидной планировки. Выглядит как невысокое щебенчатое поднятие, довольно неопределенное по очертаниям. На вершине поднятия линия торчащих из грунта верхушек вертикально установленных плит очерчивает с некоторыми перерывами трапецевидную фигуру. Ее размеры где-то в пределах 4×5 м. Длинной осью трапеция вытянута по меридиану. Установлено, что плиты ограды заглублены до материка, каковым в данном случае является пласт гипса на глубине 25—40 см от современной поверхности. Внутреннее пространство заполнено слоистыми супесчано-суглинистыми натечно-надувными наслоениями. Никаких остатков материальной культуры, помимо самого сооружения, не обнаружено.

Южное кольцо. Его топографическое положение уже описывалось. До раскопок выглядело как беспорядочная кольцевая кладка из необработанных плит известняка. По внутреннему диаметру она имеет около 2 м, внешний — не определен.

Кольцо расположено на вершине бугра диаметром около 6 м, образованного беспорядочной каменной закладкой. Кольцо прослежено только на вершине на высоту 5—6 рядов каменной кладки, ниже, до материка (около 70 см), от центра кольца следует беспорядочная каменная закладка с супесчаным грунтом. Находок нет. Рядом с кольцом отмечена находка фрагмента лепного черноглиняного сосуда.

Западное кольцо (рис. 8, III). Здесь полностью вскрыт один сектор, 1/4 часть кольца и прорезан траншеей кольцевой вал. Поскольку размеры имеются на чертежах и разрезах, ограничимся лишь общим описанием. Кольцо сооружалось следующим образом: выкапывалась до уровня сплошного известняка круглая яма, грунт использовался для сооружения кольцевого вала вокруг нее. Затем в известняке выбивалась кольцевая канавка, а внутренней площадке придавалась выпуклая форма. Затем на нее насыпался супесчаный грунт коричневого цвета и всему сооружению придавалась курганообразная форма. С внешней стороны кольцевой канавы из известняковых плит была возведена подпорная стена. На части кольца кладка сохранилась на высоту чуть более высоты кольцевого вала. Примерно на 2/3 кольца плиты подпорной стены оползли вниз. Вал в основании состоит из того же коричневого грунта, из которого и центральное сооружение, а в верхней части — из супесчанистого грунта со щебнем и обломками известняковых плит. Кольцевая канавка и склоны курганообразного бугра заты-

нуты натечно-надувными слоями серой пылеватой супеси с тонкими глинистыми прослойками. Сооружение замкнутое, никаких входов нет. Какие-либо находки отсутствуют.

Отдельное кольцо (рис. 8, IV). Название в данном случае условное, поскольку под западиной, казавшейся визуалью круглой, оказалась прямоугольная яма, стены которой укреплены кладкой из известняковых плит. Кладка носит весьма нерегулярный характер, местами это плиты, уложенные ложком, местами поставлены вертикально, местами вообще лежат в случайном положении. Однако контуры ямы они очерчивают четко. Прямоугольная яма выкопана до уровня известняка, который является для нее полом. Примерно в центре находится слабо прокаленное пятно недолговременного кострища. От него к западу идет постепенно утолщающийся пылеватый слой, в центре которого отмечены редкие находки древесных углей и костей животных, а к западной стене — более обильные находки. Здесь же обнаружен неопределенный фрагмент изделия из железа. Западная часть ямы отсечена стеной, сооруженной из беспорядочно уложенных известняковых плит. Стена сооружена поверх тонкого золистого слоя. Двумя большими плитами, поставленными на ребро, в ней образован проход.

Бернияз-3, стреловидная планировка (рис. 1). Расположена на краю плато, в 1,3—1,4 км к северу от современного кладбища Бернияз, на пологонаклонной равнине. В месте нахождения описываемого объекта местность расчленена невысокими увалистыми буграми и неглубокими промоинами. Чинк обрывистый, с сильно изломанным краем, многочисленными рваными скалистыми выступами и глубокими, с обрывистыми краями, промоинами.

Стреловидная планировка подвергалась сильному размыву. На местности различима с трудом; ее низкие расплывчатые щебнистые валы почти незаметны при наземном осмотре, а при внушительных размерах объекта вовсе теряются, как-бы «растворяясь» в естественном рельефе плато. Хорошо различимы лишь отдельные элементы планировки, однако в целом ее общую конфигурацию удается выявить лишь крупномасштабной топографической съемкой, при визуальном наблюдении с высоты птичьего полета и на аэрофотоснимках (рис. 9, I).

В плане стреловидная планировка Бернияз-3 представляет большую ограду в виде сложной в очертании фигуры, похожей на усеченный треугольник, основанием обращенный к северу, на юге примыкающий к чинку, край которого является одной из сторон описываемого сооружения (рис. 10, I). Длина основания около 770 м. На расстоянии 175—180 м от западного угла линия основания образует почти прямоугольный излом, соединенный поперечным отрезком вала, в результате чего образовалась фигура, близкая к равностороннему треугольнику. Стороны планировки, идущие к чинку, имеют общую длину около 250—300 м каждая. Они не доходят до обрыва примерно 100 м, образуя проходы с восточной и западной сторон планировки. Площадь большой ограды около 30 га.

На углах основания находятся две треугольные ограды с сильно раздутыми сторонами, восточная и западная. Основание этих оград глубоко втянуто внутрь, образуя воронкообразный вход шириной 20—25 м. По высоте западная ограда имеет размер около 100 м, по основанию — до 120 м. Площадь около 0,6 га. Контур ограды образован грунтово-щебнистым невысоким и сильно оплывшим валом и четко выраженным в рельефе рвом, идущим по внутренней стороне ограды. По всем трем углам ограды расположены кольцевые валы. По их внутреннему краю в ряде случаев различима кладка из необработанных плит известняка. Диаметр колец по внутреннему контуру 6—8 м. В пределах кольцевого вала, находящегося на вершине западной ограды, — курганообразный бугор. Аналогичные бугры находились и в пределах

остальных колец, однако они почти полностью уничтожены промоинами. У юго-западного кольца западной ограда с внешней стороны вала — круглое блюдцевидное понижение диаметром 8—10 м.

Восточная треугольная ограда аналогична уже описанной, отличается лишь размерами: ее длина около 130 м, ширина около 100 м, площадь около 0,65 га. Рядом также находится круглое блюдцеобразное понижение диаметром около 10 м. Однако, в отличие от аналогичного элемента у западной стороны, оно расположено несколько дальше от восточной «стрелы», с внешней стороны вала стреловидной планировки. Вершинами стреловидные ограды ориентированы: восточ-

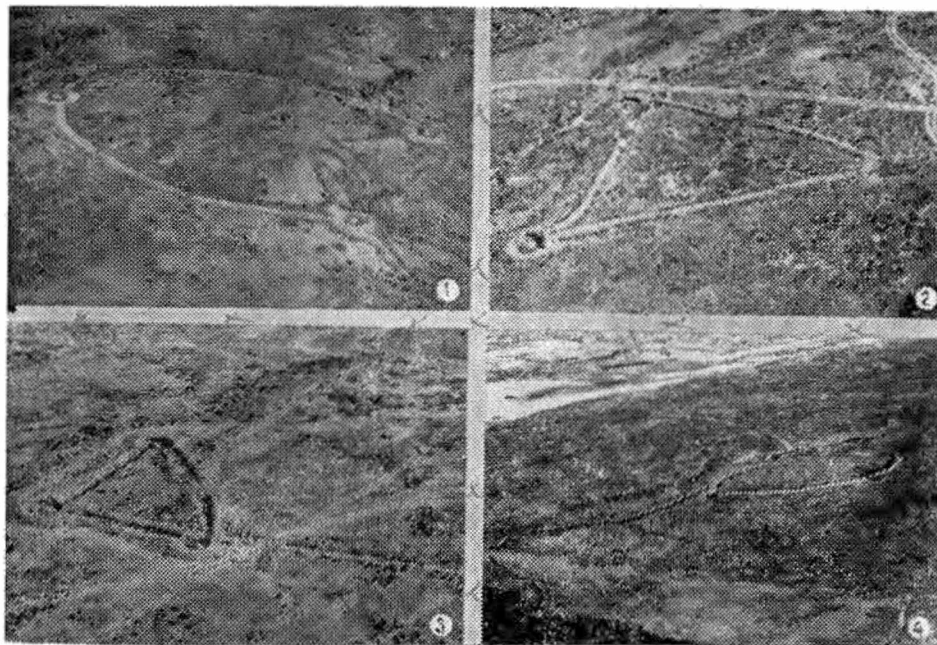

Рис. 9. Айбуирско-Присарыкамышская группа стреловидных планировок.

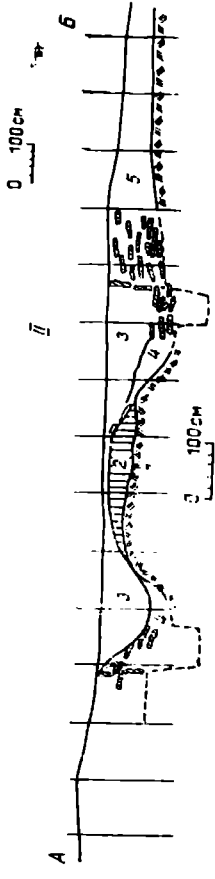
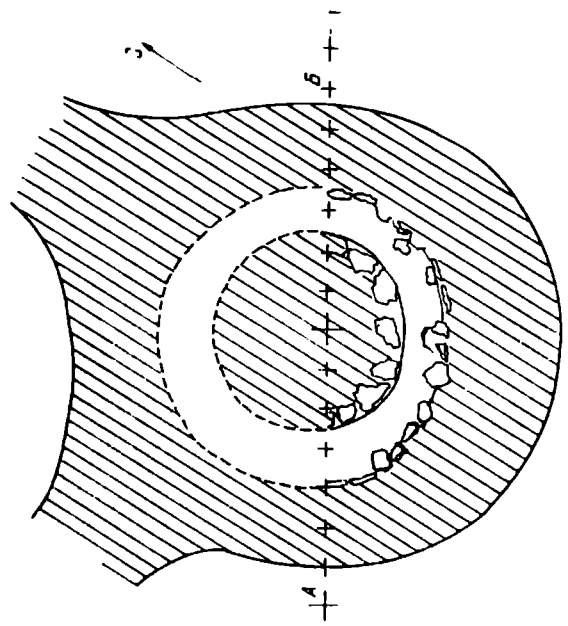
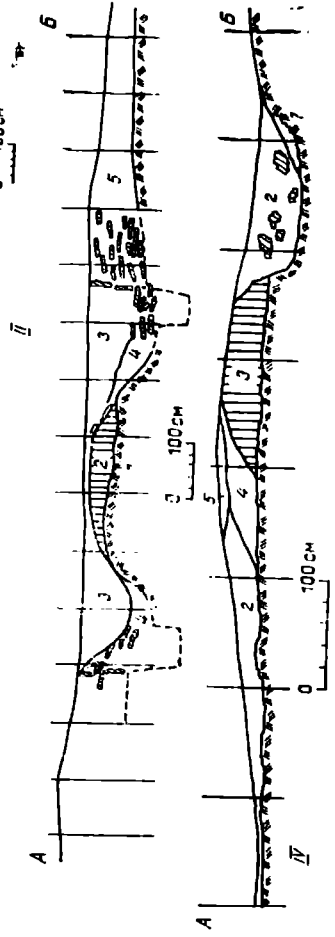
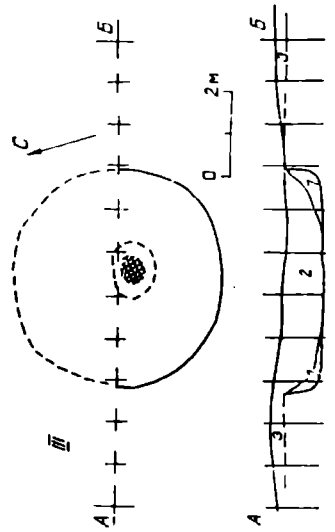
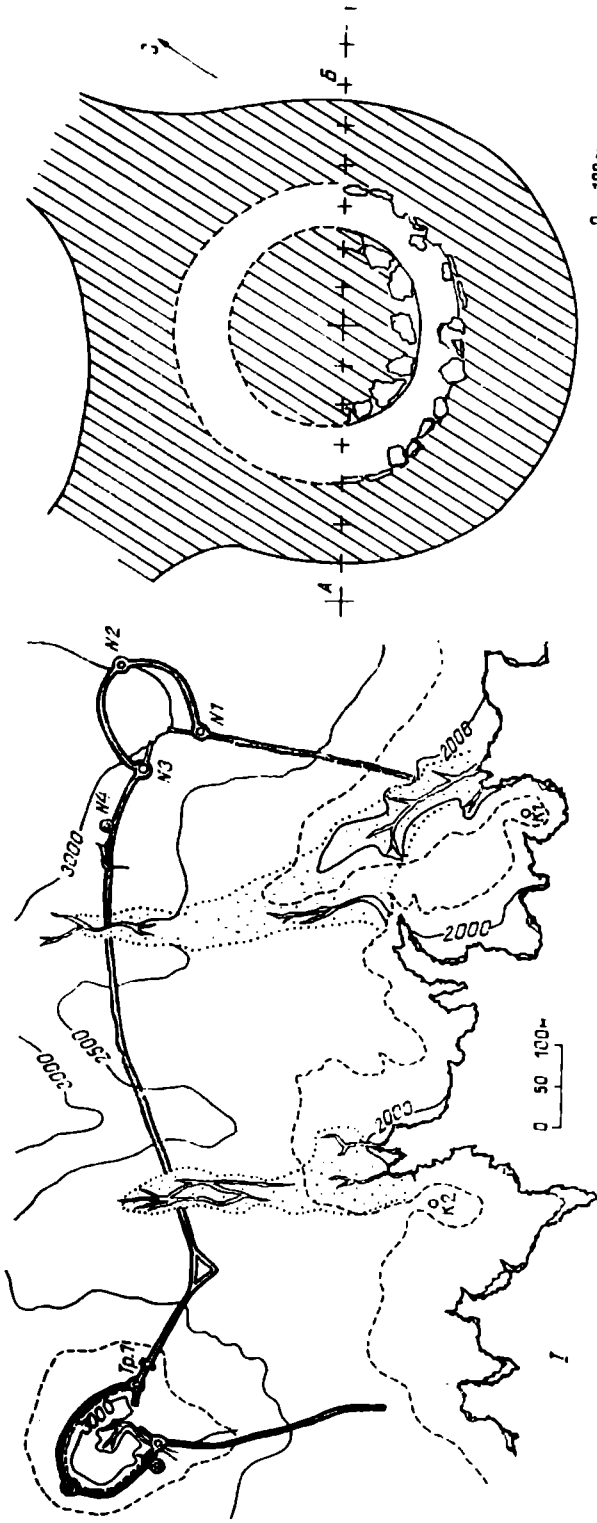
Перспективные аэрофото: 1 — Бернияз; 2 — Казган-3; 3 — Хантерсек; 4 — Декча-1

ная — на северо-восток, западная — на северо-запад. Общая площадь стреловидной планировки 31—32 га.

Поверхность внутри планировки имеет заметный уклон к чинку (общее падение до 10 м на 500 м), а треугольные ограды расположены на отдельных буграх и конфигурация оград отчасти определена конфигурацией плоских вершин этих бугров. Постепенно поднимающиеся ложбины выводят во входы стреловидных оград. Заметный подъем отмечается и к кольцам, расположенным на углах треугольных оград.

Сравнение планиграфии описанной стреловидной планировки с другими планировками Айбуирско-Присарыкамышской группы позволяет видеть, что она выделяется наличием двух, а не одной, как обычно, стреловидных оград. В этом отношении она может быть сопоставлена лишь с планировкой Чалбурун-1. Анализируя планиграфическую структуру Бернияз-3, легко убедиться, что в данном случае мы имеем две обычные стреловидные планировки с одной треугольной оградой, соединенные в единую систему, так же как это сделано на стреловидной планировке Чалбурун-1, что, видимо, являлось функциональным усовершенствованием обычной схемы, значительно повышающим ее производственную эффективность.

На стреловидной планировке произведены следующие раскопч-

ные работы: 1. Вскрыта 1/4 восточного кольца на западной стреловидной ограде; 2. Полностью раскопано блюдцевидное понижение у западной стреловидной ограды; 3. Заложена траншея (траншея 1) через вал планировки в 40 м к юго-востоку от восточного кольца западной треугольной ограды.

Восточное кольцо (рис. 10, II). На поверхности выглядит как сильно оплывший кольцевой грунтово-щебнистый вал с понижением внутри. Кольцо сильно искажено прошедшей через него промоиной. Диаметр по внутреннему контуру около 8 м. Ширина кольцевого вала неопределенна. В результате раскопок удалось выявить внутреннее устройство кольца. Первоначально в слое известняка была выбита кольцевая канава диаметром по внешнему краю около 7 м. Ширина канавы 0,6—0,8 м, глубина от уровня древней дневной поверхности около 1 м, стенки вертикальные, дно плоское. По внешнему краю кольцевой канавы из необработанных плит известняка была сооружена кольцевая подпорная стена, а за ней отсыпан кольцевой вал, в основании состоявший из обломков известняковых плит, а выше — из щебнистого грунта. Внешняя сторона вала пологая, внутренняя — вертикальная. Ширина по основанию около 4 м. Внутри кольцевой канавы из бурого щебнистого супесчаного грунта был насыпан курганообразный бугор, по основанию обложенный известняковыми плитами.

Блюдцевидное понижение (рис. 10, III). В его центре находилось серое супесчаное пятно, обнесенное слабо выраженным в рельефе щебнистым кольцевым валом. Раскопки показали, что он окружал круглую в плане яму диаметром чуть более 5 м, глубиной от уровня древней дневной поверхности до 1 м. Широкий низкий щебнистый кольцевой вал образовался за счет выброшенного в процессе ее сооружения грунта. На дне в центре ямы находилось зольное пятно неопределенных очертаний диаметром 0,6—0,8 м. Материк под ним — плитчатая твердая белая глина — слабо прокален. Эти признаки указывают на то, что в яме разводился открытый костер, горевший сравнительно недолго, хотя и многократно. В золе обнаружены мелкие древесные угли и немногочисленные фрагменты обгоревших костей животных. По всей толще яма заполнена супесчаными слабопрогнутыми, слонстыми, натечно-надувными отложениями, свидетельствующими о постепенном затягивании ямы без признаков каких-либо ее повторных расчисток.

Траншея 1 (рис. 10, IV). Заложена через вал планировки в 40 м к юго-востоку от восточного кольца западной треугольной ограды. Длина траншеи 8 м, ширина 1 м. В траншее вскрыты остатки вала шириной по основанию около 1,7 м, высотой около 0,5 м. Перед валом сохранился ров, откуда брался грунт для отсыпки вала. Ширина рва около 1,3 м, глубина до 0,3 м. Вал отсыпан из щебня с серой супесью и коричневым грунтом (почвой). Расположен ров вдоль внутреннего края вала.

Казганская подгруппа (рис. 11). Аксаймак-2, стреловидная планировка. Расположена в 1,5 км к юго-западу от одиночного кургана Аксаймак-1. Планировка топографически приурочена к вершине большого оврага, глубоко врезанного в осадочные породы плато и выходящего на лежащую у подножия чинка Кунядарьинскую рап-

Рис. 10. Бернияз-3, стреловидная планировка:

I — ген. план; II — западная «стрела», кольцо 1, план и разрез А—Б: 1 — белая, плотная глина (материк); 2 — бурый, супесчаный щебнистый грунт (насыпь курганообразного бугра); 3 — натечно-надувные, линзообразно прогнутые слои, супесчаные, пылеватые; 4 — супесь серая, пылеватая со щебнем (слой разрушения); 5 — перекопанный грунт, комья белой глины, щебень, прослойки коричневого грунта (насыпь вала); III — западная «стрела», отдельное кольцо № 1, план и разрез А—Б: 1 — осипь, супесь со щебнем, наклонно-слоистая; 2 — супесь серая, пылеватая слоисто-погнутая (натечно-надувной слой); 3 — щебень с супесью (выброс из ямы); IV — траншея 1, разрез А—Б: 1 — щебнистый светло-коричневый глинистый грунт; 2 — супесь серая, пылеватая, надувная, натечная (заполнение канавы); 3 — щебень с серой супесью и коричневым грунтом (насыпь вала); 4 — супесь со щебнем (оплыв вала); 5 — щебень.

нину. Берега оврага круты и обрывисты. Овраг очень глубокий в средней и устьевой части. Однако в верхней части его глубина становится незначительной. Равнина пологонаклонна к оврагу и чинку, на подобном склоне и расположен описываемый археологический объект.

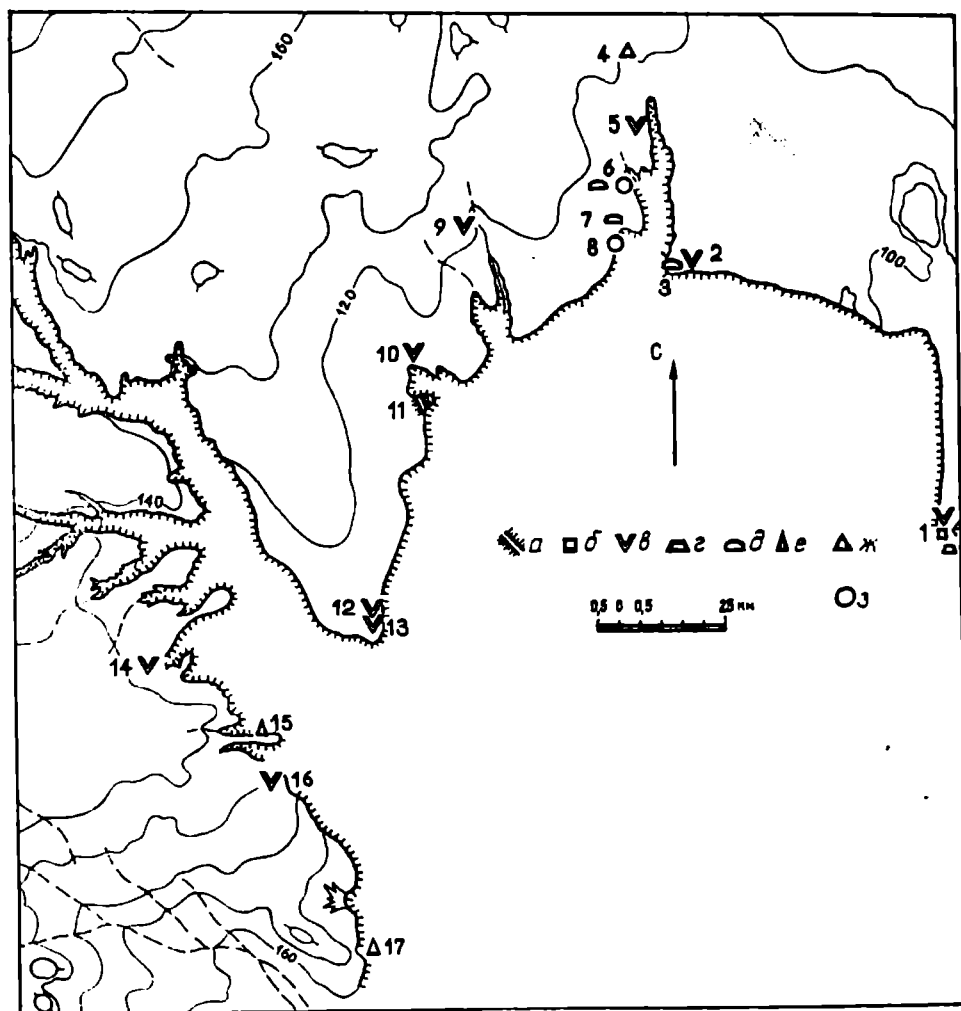

Рис. 11. Айбуйирско-Присарыкамьшская группа стреловидных планировок:

1 — Хантерсек — городище, грунтовый могильник, стреловидная планировка; 2 — Казган-1, стреловидная планировка; 3 — Казган-2, группа курганов; 4 — Казган-7, группа археологических объектов; 5 — Казган-3, стреловидная планировка; 6 — Казган-4, группа археологических объектов; 7 — Казган-5 группа курганная; 8 — Казган-6, каменный загон для скота; 9 — Аксаймак-2, стреловидная планировка; 10 — Аксаймак-4, стреловидная планировка; 11 — Аксаймак-7, вал каменный; 12 — Ибрахимша-3, стреловидная планировка; 13 — Ибрахимша-2, стреловидная планировка; 14 — Карамата-7, стреловидная планировка; 15 — Карамата-2, башня сигнальная; 16 — Карамата-3, стреловидная планировка; 17 — Карамата-1, башня сигнальная; а — валы; б — городища; в — стреловидные планировки; г — могильники грунтовые; д — курганы; е — развалины башен; ж — по-луземлянки; з — каменные загоны для скота.

Стреловидная планировка Аксаймак-2 состоит из двух разноразмерных оград (рис. 12, А). Одна из них (ограда «а») — меньших размеров, треугольной формы (рис. 12, Б). На всех трех вершинах треугольника — кольца. Основание глубоко втянуто внутрь ограды и имеет в середине широкий проход. Высота ограды «а» 110—112 м, ширина по основанию около 140 м. Площадь около 0,8 га. Диаметр колец по внешнему контуру 14—15 м, по внутреннему — около 8 м. Внутри колец находятся курганообразные бугры. Ширина входа в основании

ограды «а» составляет около 12 м. Ограда расположена на плоской, слабо расчлененной вершине большого возвышения. Ориентирована на север. Ограждение состоит из грунтово-щебнистых валов, в современном состоянии сильно оплывших. Подобные же валы образуют кольца, из аналогичного грунта отсыпаны курганообразные бугры внутри них. Внешняя сторона колец пологая, внутренняя вертикальная, облицованная хорошо сохранившейся каменной кладкой (рис. 12, В/1). Кладка из известнякового плитняка, «ложком», без применения связующего раствора. С внутренней стороны ограды «а» к отвесному краю кольца ведет пологий длинный подъем.

Валы ограды двойные, между ними ров-канавы. Ширина валов около 4 м, рва-канавы — 3—4 м. На участке, прилегающем к кольцам, края канавы облицованы подпорными стенами, сложенными из известнякового плитняка (рис. 12, В/1). Ширина этого участка канавы составляет 1,7—1,9 м.

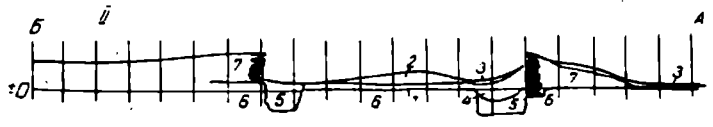
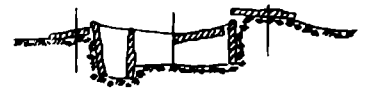
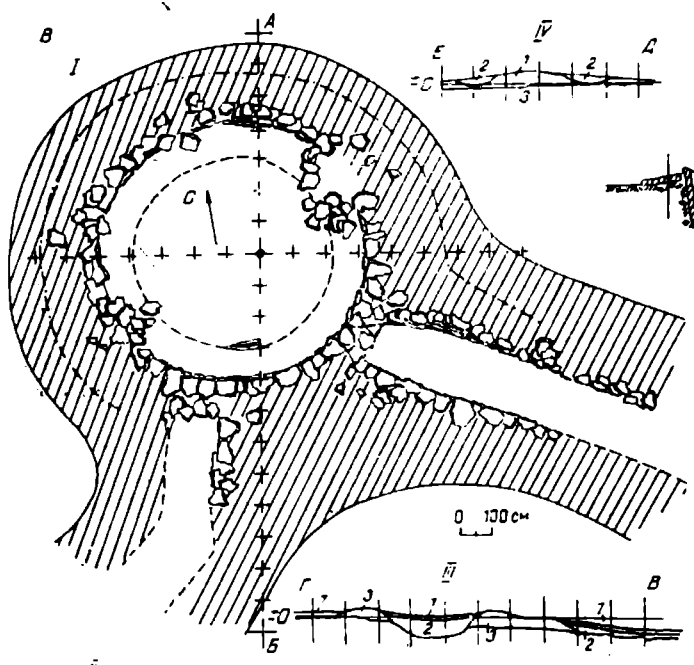
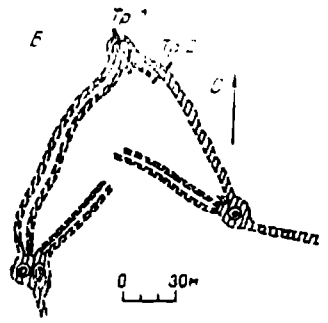
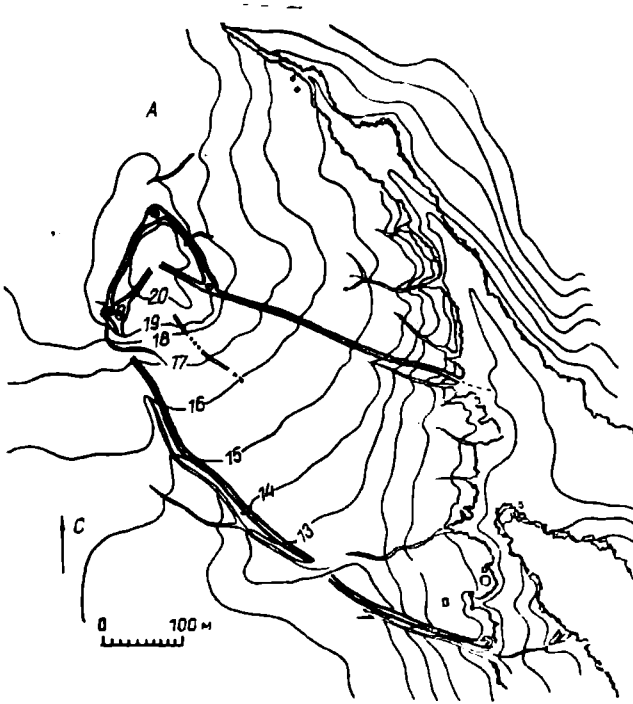
Другая, во много раз большая по размерам, ограда незамкнутая, образована грунтово-щебнистыми валами, которые отходят от колец на основании ограды «а» и, постепенно расширяясь, выходят на край описанного выше оврага (рис. 12, А). Если ограда «а» расположена на наиболее высоких точках рельефа, то ограда «б» находится на пологом склоне, ведущем от плоской вершины возвышения к краю оврага. Разница высот между нижней частью ограды, примыкающей к оврагу, и верхней, примыкающей к ограде «а», составляет около 10 м. Длина ограды свыше 600 м, ширина по основанию свыше 300 м. Площадь около 10 га. У юго-западного кольца ограды «а» угол с внешней стороны огражден дополнительным валом, внутри этой маленькой ограды — плоское круглое понижение. Общая площадь стреловидной планировки около 11 га.

Северный вал ограды «б» одинарный, с обеих сторон — неглубокие канавки (рис. 12, В IV), доходит до обрывистого края оврага. Конечная часть этого участка ограды «б» на протяжении 45—50 м представлена не грунтово-щебнистым валом, а городьбой из вертикально установленных плит известняка высотой 0,7—1,2 м. Канавки на этой части ограды отсутствуют. Общая длина вала около 370 м.

Южный вал аналогичен по устройству. Однако он не доходит до края оврага, образуя здесь вход внутрь ограды «б» шириной до 100 м. Вал перед проходом завершается кольцом диаметром по внешнему контуру около 10 м, по внутреннему — около 6 м. Валы низкие, очень сильно размытые, иногда с трудом читающиеся. Ко входу в ограду «а» выподит еще один вал, настолько сильно размытый, что его направление угадывается лишь местами (рис. 12, А).

Как уже отмечалось, на стреловидной планировке Аксаймак-2 произведены раскопки. Они позволили установить конструкцию и первоначальный размер северного кольца, конструкцию и размеры валов оград «а» и «б».

На северном кольце заложена траншея длиной 14 м, шириной 1 м (рис. 12, В I, В II), которая позволила установить, что первоначальная ширина кольцевого вала составляла около 1,8 м. Внешняя его сторона образовала довольно крутой (35°) склон, внутренняя — вертикальную поверхность, облицованную кладкой из плитняка. Первоначальный диаметр кольца по внешнему контуру 12,5—13,0 м, по внутреннему — более 8 м. По внутреннему диаметру кольца с уровня древнего горизонта в сплошной известняковой плите выбита кольцевая канава шириной 1,—1,5 м и глубиной от уровня древнего горизонта до 1 м. Стены канавы вертикальные или слабо сужаются ко дну, внешняя сторона продолжает вертикальную линию подпорной стены по внутреннему контуру кольца. В современном состоянии высота от дна канавы до сохранившегося верха кладки составляет около 1,8 м. На круглой

площадке внутри кольца, образованного канавой, отсыпан грунтово-щебнистый курганообразный бугор высотой от уровня древнего горизонта 0,25—0,30 м.

Другая траншея шириной 1 м и длиной 11 м заложена поперек двойного вала ограды «а» (рис. 12, *B/II*). В траншее зафиксированы остатки двух насыпных грунтово-щебнистых валов. Их высота в современном состоянии от уровня древнего горизонта составляет 0,5—1,0 м. Внешний вал по основанию имеет ширину около 2 м, внутренний — около 3,5 м. Ширина канавы по уровню древнего горизонта около 3,5 м, глубина от того же уровня около 0,5 м. Высота от дна канавы до верха вала не более 1,5 м.

И, наконец, третья траншея длиной 6 м, шириной 1 м была заложена поперек северного вала ограды «б» (рис. 12, *B/IV*). Она выявила грунтово-щебнистый одинарный вал, ширина которого по основанию составляет не более 4 м, а высота от уровня древнего горизонта до 0,5 м. По обе стороны вала — ограничивающие его канавы шириной 1,2—1,5 м и глубиной от уровня современной дневной поверхности не более 0,3 м.

В системе стреловидной планировки входят два кургана, выделенные в отдельную группу Аксаймак-2, два сооружения типа каменных ящиков на горизонте, сильно разрушенных, расположенных на краю оврага над обрывом в основании стреловидной планировки (рис. 12, *A*). И, наконец, в 250 м к северу от треугольной ограды стреловидной планировки на краю оврага расположены два каменных ящика № 1 и 2. Ящик № 2 сильно разрушен, ящик № 1 хорошо сохранился и был раскопан (рис. 12, *Г*). Ящик расположен ниже уровня горизонта. В плане прямоугольный, сооружен из вертикально поставленных известняковых плит, размеры по осям 140×65—70 см. Поперечной плитой разделен на две камеры: северную, меньшую по размерам, и южную большую. В малой камере уровень дна на 10 см ниже, чем в большой. Видимо, первоначально ящик был закрыт плоскоположенными плитами. Какие-либо находки отсутствуют.

Аксаймак-4, стреловидная планировка (рис. 11). Расположена на плоской вершине большого возвышения, на краю довольно крутого склона, ведущего к отвесному обрывистому краю оврага. Сильно разрушена, в рельефе выражена чрезвычайно слабо. Треугольная ограда вершиной обращена на запад, в основании — воронкообразно втянутый вход шириной около 12 м. Ограждающие валы двойные, между ними следы заплывшего рва. На всех трех вершинах — замкнутые кольцевые валы диаметром 12—15 см, сильно оплывшие и читающиеся крайне нечетко. Длина сторон треугольной ограды 60—80 м. Площадь около 0,25 га. От южной стороны прохода отходит к востоку до края склона дугообразный, слабо выраженный в рельефе грунтово-щебнистый вал длиной около 80 м.

Ибрахиша-2, стреловидная планировка (рис. 11). Расположена на мысу рядом с группой мазаров Ибрахиша-1, в 0,5 км к югу от стреловидной планировки Ибрахиша-3. Она представляет собой треугольную ограду, окруженную двойным грунтово-щебнистым валом со рвом между валами. Вершиной ориентирована на север. По всем трем углам — замкнутые кольцевые валы с курганообразными бугра-

Рис. 12. Аксаймак-2, стреловидная планировка.

A — ген. план; *B* — ограда «а», план; *B I* — северное кольцо ограды «а», — план; *B II* — разрез *A—B* через северное кольцо; *1* — почвенный горизонт; *2* — курганообразная лясшь (известняк, мел); *3* — задерживающий слой; *4* — супесь со щебнем, тонкими глинистыми прослойками (назначено надувной слой запустения); *5* — супесь, щебень (слой разрушения); *6* — известняк (материк); *7* — супесь, известняковый щебень (вал насыпной); *B III* — разрез *B—Г* по траншее *II* на восточном валу ограды «а»; *1* — задерживающий горизонт; *2* — супесь серая, гонкозернистая, надувная; *3* — валы насыпные, щебнисто-грунтовые; *B IV* — разрез *D—E* по траншее *III* на восточном валу ограды «б»; *1* — вал насыпной грунтово-щебнистый; *2* — супесь серая, пылеватая, надувная; *3* — известняк (материк); *Г* — ящик каменный, план и разрез *C—Ю*.

ми в центре. По внутреннему периметру кольцевых валов остатки облицовки каменной кладкой. В основании треугольной ограды два вала с проходами вниз. Один вал прогнут внутрь ограды, другой выгнут наружу.

Восточная часть планировки не сохранилась, она обрушилась вместе с краем чинка. Видимо, на этой несохранившейся части находился вал, выводивший от треугольной ограды к чинку. С западной стороны такого вала не было, между треугольной оградой и чинком оставался широкий проход в ограниченное валами планировки пространство.

Длина стороны треугольной ограды 90—100 м, ширина прохода в основании около 7 м, внутренний диаметр северного и западного кольца около 8 м. Ширина валов: внутреннего — около 5 м, внешне-го — около 3 м, канавы между ними — около 2 м.

Ибрахимша-3, стреловидная планировка (рис. 11). Расположена на пологонаклонной к чинку равнине плато, на мысу у устья оврага, глубоко врезающегося в плато, в 0,5 км к северу от группы мазаров XVI в., наиболее сохранившийся из которых известен среди части туркменского населения Октябрьского и Куняургенчского районов Ташаузской области Туркменской ССР под названием Ибрахимша.

Эта планировка представляет собой систему из двух оград — большой и малой (рис. 13). Малая образует треугольную фигуру площадью около 0,3 га, от которой к чинкам плато широко расходятся валы-крылья большой ограды. Малая ограда расположена на наиболее высоких точках рельефа, большая — на пониженных, охватывая значительное плоское такырообразное пространство. Площадь большой ограды около 7,5 га. Расположена планировка так, что ограничивает мыс от остальной части плато, оставляя широкие проходы между краем чинка и концами валов. Общая площадь около 8 га. Поверхность плато в районе расположения планировки пологонаклонна в сторону чинков. Примерно в 1 км от конца мыса к северу находится большой плоский бугор, на вершине которого расположен треугольник малой ограды, вершиной обращенный к северу. По рисунку он необычно плоский: с очень широким основанием и малой высотой, огражден двойными высокими грунтово-щебнистыми валами со рвом между ними. Вход втянут внутрь ограды, его ширина около 7 м. На вершинах треугольной ограды замкнутые кольцевые валы, по внутреннему периметру облицованные каменной кладкой. В кольцах курганообразные бугры.

Необычно устройство колец на северной вершине треугольника. Здесь находятся два кольца, расположенные по линии биссектрисы угла. Непосредственно на вершине кольцо без внутреннего курганообразного бугра, но большой глубины, за ним, ниже, кольцевой вал с курганообразным бугром в центре. Диаметр внутреннего кольца по внутреннему периметру около 8 м, диаметр внешнего — около 10 м. Западное кольцо имеет диаметр около 6,5 м. Восточное сильно размыто, без раскопок его размеры неопределимы. Ширина валов малой ограды и рва между ними примерно по 3 м, в целом 9—10 м.

Как уже указывалось, от малой ограды отходят в стороны валы-крылья, образующие большую незамкнутую ограду. Длина западного вала около 0,5 км, он двойной у малой ограды и одинарный к концу. Длина восточного вала 0,47—0,48 км. Он одинарный на всем протяжении, завершается кольцевым валом с ямой посредине диаметром около 3 м.

Казган-1, стреловидная планировка (рис. 11). Расположена у чинка, отвесные обрывы которого достигают высоты 80—100 м.

Стреловидная планировка расположена в основном на высоком плосковершинном гребне, выходящем на край чинка. Представлена

системой оград, в которой выделяются две основные части: а) треугольная замкнутая ограда, б) треугольная незамкнутая ограда, примыкающая к первой и имеющая гораздо большие размеры (рис. 14).

Ограда «а». В плане представляет треугольник с выпуклыми сторонами, втянутым внутрь входом и кольцами на всех трех углах, вершиной обращена к северу. Ограда очень сильно размыта, многие ее

Рис. 13. Ибрахимша-3, стреловидная планировка. Перспективное аэрофото.

части полностью уничтожены. Однако можно установить, что кольца по внутреннему периметру имели подпорную стенку из плитняка, внутри колец находились курганообразные бугры. Остатки такого бугра прослеживаются в северном кольце. Ограды кольца образованы грунтово-щебнистыми насыпными валами. Валу ограды двойные с канавой-рвом между ними. Сохранившиеся в ряде мест остатки кладки из плитняка позволяют полагать, что канава по краю была облицована каменной кладкой, так же как и кольцо.

Кольца по внутреннему краю диаметром около 10—12 м. Валу и канавы в ширину имеют каждый около 3 м. По высоте размер треугольной ограды достигает 95 м, по основанию — 90 м. Ширина прохода в основании не устанавливается из-за плохой сохранности валов. Площадь ограды около 0,6 га.

Ограда «б». Валу грунтово-щебнистые, насыпные, смыты частично до основания. Местами они слабо прослеживаются в рельефе, в других местах демаскируются полосой щебня, иногда более обильной растительностью на перекопанной почве вала и отсутствием таковой на неперекопанном окружающем пространстве. Восточный вал прослеживается на всем протяжении. Его длина от обрывистого края чинка до основания ограды «а» свыше 300 м. Вал одинарный, возможно, изначально, поскольку признаков двойного вала нигде уловить не удастся. На расстоянии около 100 м от чинка к валу проход шириной 14—15 м. Севернее прохода по внутренней стороне вала квадратная, размером примерно 3×3 м, ограда из камня и грунтовый вал.

Западный вал проходит по интенсивно размываемому склону, поэтому сохранился плохо и, вероятно, не на всем протяжении. В 30–35 м от западного кольца ограды «а» на внешней стороне вала квадратная, размером 4,5×4,5 м, ограда из плитняка, обведенная грунтовым валом. Ограда была прорезана траншеей 1—1, в которой удалось

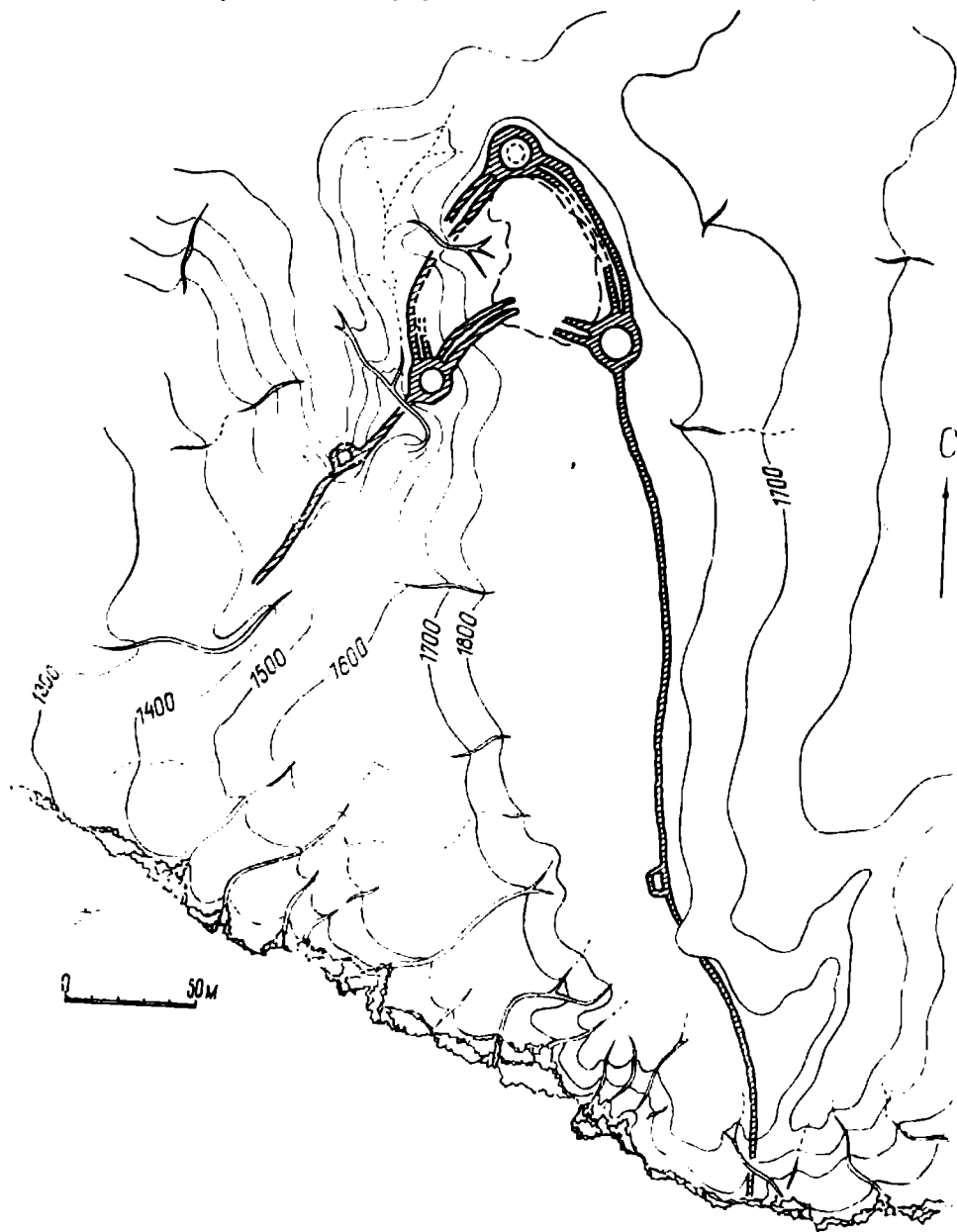

Рис. 14. Казган-1, стреловидная планировка.

выявить некоторые данные об устройстве ограды. Кладка из плитняка от уровня дневной поверхности прослеживается на 0,5–0,6 м. Ниже яма глубиной до 0,4–0,5 м, доведенная до уровня каменного ненарушенного грунта. Таким образом, устанавливается, что здесь находилась относительно неглубокая, 1,0–1,2 м, яма, по верхнему краю обведенная валиком, укрепленным с внутренней стороны каменной кладкой.

Вал следует за ямой дальше и обрывается смывом в 120 м от края обрыва. Надо полагать, что здесь находился широкий проход внутрь ограды, однако его величину установить уже невозможно. Площадь ограды около 5 га, общая площадь стреловидной планировки около 5,6 га.

Казган-3, стреловидная планировка (рис. 11). Расположена на западной стороне большого оврага, примерно в 3 км к северу от его устья. Состоит из двух соединенных в единое целое оград, обведенных грунтово-щебнистыми валами. Малая ограда — треугольная в плане, почти равносторонняя (рис. 9, 2). Вход в ровном основании, а не втянут, как обычно. По всем трем вершинам расположены кольцевые валы, внутри них — курганообразные бугры. По внутреннему периметру кольца облицованы подпорной стеной из плитняка. Вершиной обращена на северо-запад. Расходящиеся от основания треугольной ограды валов крылья ведут к обрывистому краю оврага. На местности почти неразличимы.

Карамата-3, стреловидная планировка (рис. 11). Находится у устья большого оврага, прорезающего плато вдоль северного склона увала Карабаур, в 0,8 км к югу от развалин сигнальной башни Карамата-1 и в 4 км к юго-западу от группы мавзолеев Ибрахимша.

Планировка расположена на пологом склоне у края бокового оврага, ответвляющегося от выше упомянутого большого оврага. Состоит из двух основных элементов ограды «а» и ограды «б».

Ограда «а» в плане треугольной формы, со слегка выгнутыми сторонами. Образована грунтово-щебнистыми насыпными валами. Валы двойные, с пониженем-канавой между ними. Основание ограды глубоко втянуто внутрь, здесь находится проход шириной около 10 м. На всех трех вершинах треугольной ограды находятся кольцевые валы, внешняя сторона их пологая, внутренняя — вертикальная, облицованная подпорной стеной из известнякового плитняка. Внутри колец видны сильно размытые курганообразные бугры. Вершиной ограда «а» обращена на юг.

Ограда «б». От колец основания ограды «а» к краю оврага втянуты длинные валы, образующие ограду «б». В качестве одной ее стороны использован обрывистый край оврага. Валы одинарные, щебнисто-грунтовые, местами на них сохранились вертикально стоящие крупные известняковые плиты. Западный вал тянется непрерывной линией и выходит на край обрыва. Восточный вал не доходит до края обрыва, обрывается на краю террасы, оставляя свободным проход шириной 150—200 м.

Ограда «а» расположена на наиболее высоких точках рельефа, ограда «б» — на склоне.

Карамата-1, стреловидная планировка (рис. 11). Помещается у одного из разветвлений южной стороны огромного оврага с обрывистыми краями, прорезавшего плато вдоль восточной оконечности увала Карабаур на расстояние до 25 км.

В устье оврага с северной стороны находится группа мавзолеев Ибрахимша, южной стороны — средневековая сигнальная башня Караматлы или Карамата.

Стреловидная планировка Карамата-7 расположена у вершины оврага, глубокого, с обрывистыми краями. Края прорезаны многочисленными промоинами, у основания обрыва громоздятся каменные осыпи. На дне оврага расположено глубоко врезанное русло временного потока (рис. 15).

Равнина плато в районе расположения стреловидной планировки Карамата-7 пологонаклонна в сторону оврага и подвергается довольно интенсивной переработке временными потоками.

Стреловидная планировка Карамата-7 представляет собой систе-

му оград, в которой выделяются два основных элемента: а) треугольная ограда, б) ограда по форме близкая к неправильному овалу. Ограда «а» расположена на более высоких точках рельефа, чем ограда «б» (рис. 15).

Рис. 15. Карамата-7, стреловидная планировка.

Ограда «а». Сдвоена, представляет собой два треугольных контура с кольцами на вершинах. Одно кольцо общее для обеих оград. Стороны оград слегка выпуклые, их основания прогнуты внутрь, посредине имеют проход, края прохода слегка отогнуты внутрь. Вершинами

ограды обращены на юг. Внутри колец — курганообразные бугры. Ограды и кольца образованы двойными насыпными грунтово-щебнистыми валами. К кольцам, расположенным на южных вершинах валов, ведут насыпные же пандусные подъемы, выводящие к внутреннему краю кольца. Внешняя сторона колец пологая, внутренняя — вертикальная. С внешней (южной) стороны кольцо общее для обеих оград, прикрыто коротким грунтово-щебнистым валом. Высота треугольных оград около 75 м, ширина по основанию до 95 м, диаметр колец по внешнему обводу 15—18 м, по внутреннему 6—7 м, ширина проходов 9—14 м, диаметр курганообразных бугров 4—5 м. Внешний вал около 4 м, канава около 2 м, внутренний вал около 3 м, высота валов от современного горизонта до 0,7—0,8 м. Площадь каждой из треугольных оград около 0,35 га, общая площадь 0,7 га.

Кольца по внутреннему обводу облицованы подпорной стеной, сложенной из известнякового плитняка, «ложком», наклонными рядами или «ёлочкой», произведена «насухо», без использования связующего раствора. Кладка от уровня современной дневной поверхности сохранилась на высоту до 1 м.

Ограда «б». Примерные размеры по осям 300×200 м. Грунтово-щебнистые валы ограды выходят от основания треугольных оград к обрывистому краю оврага. Находясь на склоне, подвергаются энергичному размыванию, сохранились плохо, местами сnivelированы и прослеживаются либо по щебнистым полосам, либо по темно-окрашенному заволашеванию канавы.

Западный вал местами двойной, первоначально был двойным целиком и доходил до обрыва оврага. Сейчас конечные участки вала смыты полностью. В 70—75 м к югу от кольца на основании западной треугольной ограды, с внешней стороны вала расположена сильно заплывшая яма, квадратная в плане, по периметру — беспорядочная обкладка плитняком. Длина стороны квадрата 4—5 м.

Восточный вал сохранился хуже, он почти сnivelирован, прослеживается как одинарный. До края оврага не доходил. Здесь между концом вала и краем оврага находился широкий проход в ограду. Сейчас его ширина составляет около 70 м. Площадь ограды «б» около 8,5 га. Общая площадь стреловидной планировки 0,9—9,5 га.

В систему стреловидной планировки входит еще ряд сооружений. На краю оврага, за пределами ограды находятся четыре сооружения в виде грубых квадратных оград из огромных плит необработанного известняка, поставленных на ребро на уровне горизонта. Сторонами ограды примерно ориентированы по странам света, длина стороны квадрата 2,0—2,5 м.

Искусственные сооружения сохранились по склонам и на дне оврага. На восточной стороне оврага, под обрывистым его краем, нависающим карнизом и образующим нечто вроде грота, сохранились остатки каменной кладки, сильно разрушенной, развалы плитняка из кладки видны по всему склону оврага и на его дне. Первоначально, видимо, стена из плитняка, положенного без раствора, ограждала со стороны оврага грот. Среди развалов плитняка собрано довольно много фрагментов керамики.

Далее, почти на дне оврага находится небольшая постройка, от которой на высоту до 1,5 м сохранились стены, сложенные «насухо» из плитняка. С внутренней стороны стены местами сохранили обкладку из вертикально установленных плит известняка. Постройка в плане прямоугольная, 5×6 м, сторонами ориентирована примерно по странам света. Вход коленчатый, шириной 1,0—1,2 м, выводящий на юг.

Хантерсек, стреловидная планировка (рис. 11). Расположена на мысу Хантерсек, на западной стороне юго-восточного выступа Устюр-

та. Здесь же находится одноименное средневековое городище. Мыс острым углом выдается за линию чинка примерно на 5 км. Городище образовано простым отсечением крепостной стеной острого конца мыса. За городищем конец мыса подобным же образом отсекается стреловидной планировкой (рис. 16).

Система валов стреловидной планировки представляет собой один из вариантов уже неоднократно описанных сооружений подобного

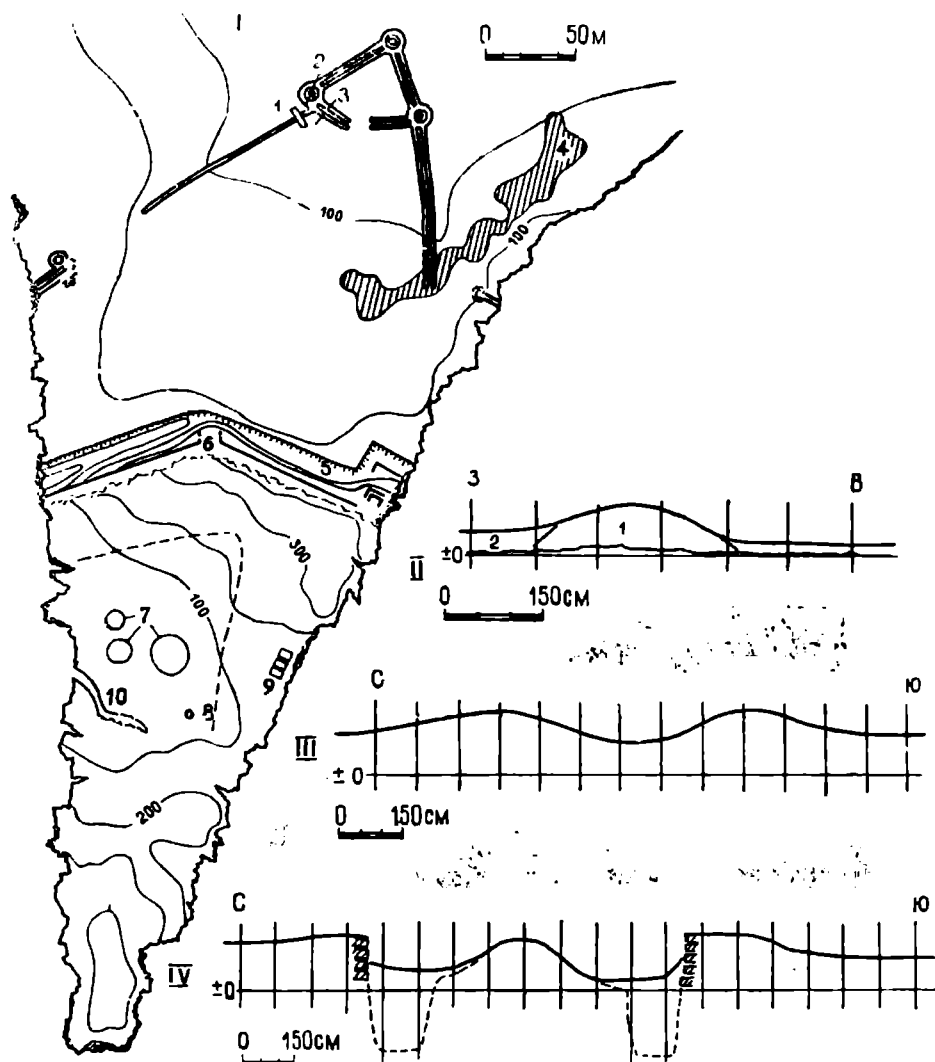

Рис. 16. Хантерсек, стреловидная планировка.

I — ген. план; II — траншея 1, разрез В—З; 1 — вал насыпной щебнисто-грунтовой; 2 — наечно-надувные, супесчано-суглинистые слои; III — профиль 2; IV — профиль 1.

рода, а именно вариант с одной «стрелой» (рис. 9, 3). В плане валы представляют собой фигуру, близкую к треугольнику, вершиной обращенную на север, в глубь плато. Вершина треугольника отсечена поперечным валом и также образует треугольную в плане фигуру с кольцевыми валами по всем трем углам (рис. 16, I). Площадь этой малой ограды 0,18—0,19 га.

Большой треугольник основанием перегораживает мыс от края до края. Его ширина в данном месте около 250 м. Высота большого

треугольника около 150 м, маленький треугольник «стрелы» по основанию около 60 м, высота около 50 м. В восточном и западном валах большого треугольника — проходы, проход имеется и в основании «стрелы». Площадь большой ограды около 10 га. Общая площадь сооружения 11,5—12,0 га.

Восточный вал. Начинается непосредственно от чинка, частично даже осыпался с обрыва. Сначала вал одинарный, шириной 1,5—2,0 м. Имеет длину около 20 м, на конце развал известняковых плит, видимо, кольцо диаметром 3—4 м. За кольцом проход шириной около 20 м. Валы поставлены таким образом, что проход образует как бы постепенно суживающуюся воронку. Восточный вал двойной. По краям валы, в середине — канава. Ширина валов и канавы около 3 м в каждом случае, общая ширина около 10 м.

Западный вал одинарный. Заложена на нем траншея I позволила установить, что он из супесчано-щебнистого грунта, его ширина около 3 м (рис. 16, II). Одинарный вал имеет длину около 110 м, затем следует проход шириной около 50 см, после чего до края чинка следует двойной вал с канавкой посередине. С северной стороны вала на его конце из плитняка выложено кольцо, сохранившееся на высоту до 50 см. Кольцо по внутреннему обводу имеет диаметр около 4 м. Внутри заполнено натежно-надувными песчано-суглинистыми наслоениями.

Западный вал и край чинка образуют как бы воронку, подводящую к проходу, аналогичная ситуация и на восточном валу.

«Стрела» имеет двойные валы по всему периметру (рис. 16, III). Основание треугольника «стрелы» дугообразное, посередине разорвано проходом шириной около 10 м.

По всем трем углам «стрелы» — кольцевые валы. Внешний край колец выражен неопределенно, диаметр около 15—16 м, ширина валов 3—4 м. По внутреннему обводу валы имеют подпорные стены из мощных (до 20 см толщины) известняковых плит. В центре кольца грунтовой курганообразный бугор чуть ниже кольцевых валов. Между бугром и подпорной стеной кольцевая канава, выбитая в известняке (рис. 16, IV).

Городище Хантерсек (Ербурун) неоднократно описывалось [Толстов, 1958, с. 78—81; Манылов, 1978, с. 213—220]. Не повторяясь, отмечу лишь, что проход, ведущий вниз, выводит к одновременному с городищем неукрепленному поселению, расположенному у подножия чинка. Перед городищем — одновременный ему грунтовой могильник. Весьма примечательно, что он как бы «перехлестывает» через восточный вал стреловидной планировки.

ПРИСАРЫКАМЫШСКАЯ ПОДГРУППА.

Дарьялык-1, стреловидная планировка (рис. 17). Расположена непосредственно на чинке плато, в 3,5 км к востоку от стреловидной планировки Дарьялык-2. Для ее сооружения выбрано обширное пологое понижение, открывающееся к обрыву чинка, который здесь имеет характер рваной отвесной стены высотой до 100 м.

Стреловидная планировка Дарьялык-1 представляет собой систему оград, состоящую из основных элементов: а) треугольная ограда; б) ограда произвольной формы. Ограда «а» располагается на наиболее высоких точках рельефа, ограда «б» — на пониженных участках местности. В качестве одной из сторон ограды «б» использован обрывистый край чинка (рис. 18).

Ограда «а» треугольной формы, вершиной ориентирована на северо-запад, валы одинарные, со рвами с внутренней стороны. В осно-

вании две линии рвов, одна выгнутая наружу, в центре проход шириной около 7 м. Валы изгибаются внутрь прохода, образуя нечто вроде воронки. Внутренняя линия рвов втянута внутрь треугольника. В середине проход шириной около 8 м, края валов загнуты внутрь прохода. Длина ограды, от первой линии валов в основании, более 100 м, ширина по основанию около 110 м. Валы грунтово-щебнистые, высотой 0,5—0,7 м, шириной около 3 м. Ширина рва в пределах 2 м. Площадь ограды «а» около 0,55 га.

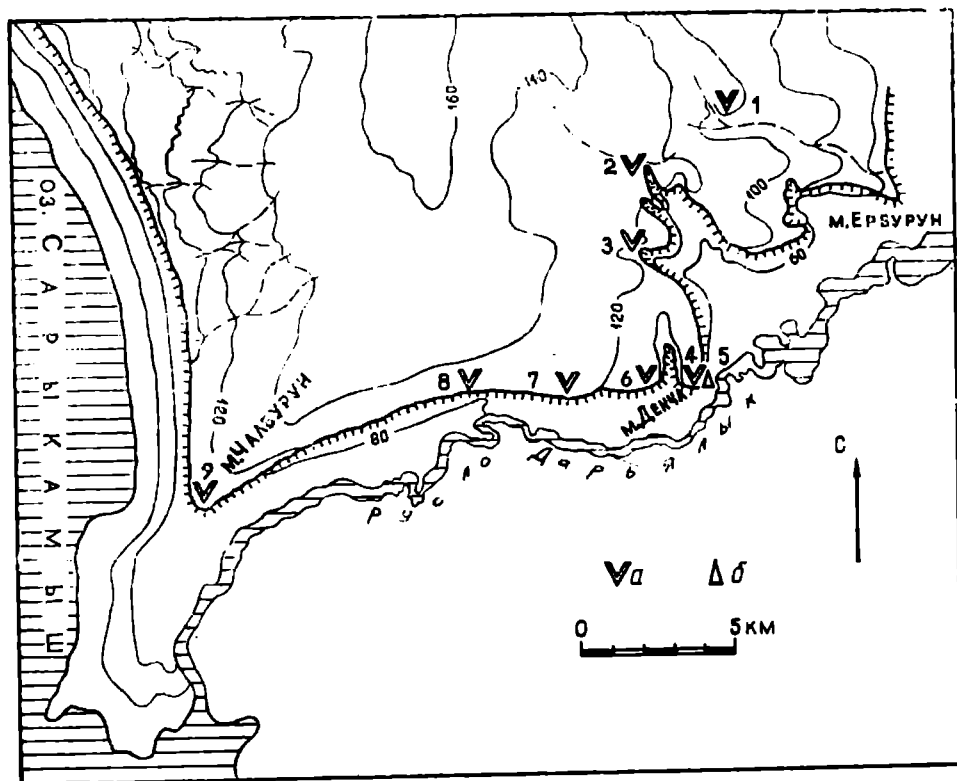

Рис. 17. Айбуйирско-Присарыкамьшская группа стреловидных планировок.

Присарыкамьшская подгруппа, схема расположения: 1 — Ербурун-1, стреловидная планировка; 2 — Декча-2, стреловидная планировка; 3 — Декча-3, стреловидная планировка; 4 — Декча-4, стреловидная планировка; 5 — Декча-5, башня сигнальная; 6 — Декча-6, стреловидная планировка; 7 — Дарьялык-1, стреловидная планировка; 8 — Дарьялык-2, стреловидная планировка; 9 — Чалбурун-1, стреловидная планировка; а — стреловидная планировка; б — развалины башни.

На вершинах треугольника ограды кольцевые грунтово-щебнистые валы с курганообразными буграми посередине. Внешняя сторона валов пологая, внутренняя образует вертикальную плоскость (рис. 18, разрез I—1). Кольцевые валы имеют выступы — «языки», обращенные внутрь ограды и образующие пологий подъем-пандус, выводящий к вертикальной стене на внутреннем контуре кольца. По внутреннему контуру кольцевые валы имеют вертикальную подпорную стену из необработанного известнякового плитняка. Кладка «ложком», без связующего раствора. По основанию подпорные стены дополнительно облицованы вертикально установленными большими известняковыми плитами высотой свыше 1 м. Кладка кольца местами сохранилась на высоту до 1,7 м. Ширина кольцевых валов 4—5 м, диаметр колец по

внутреннему контуру: восточного 7,0—7,5 м, северного — 7,0—7,5 м, западного — 7,0—7,5 м.

Ограда «б» образована валами, отходящими от основания ограды «а» и выходящими непосредственно на обрывистый край чинка. По размерам и устройству валы аналогичны валам ограды «а». Восточный вал ограды «б» имеет протяженность более 400 м, постепенно

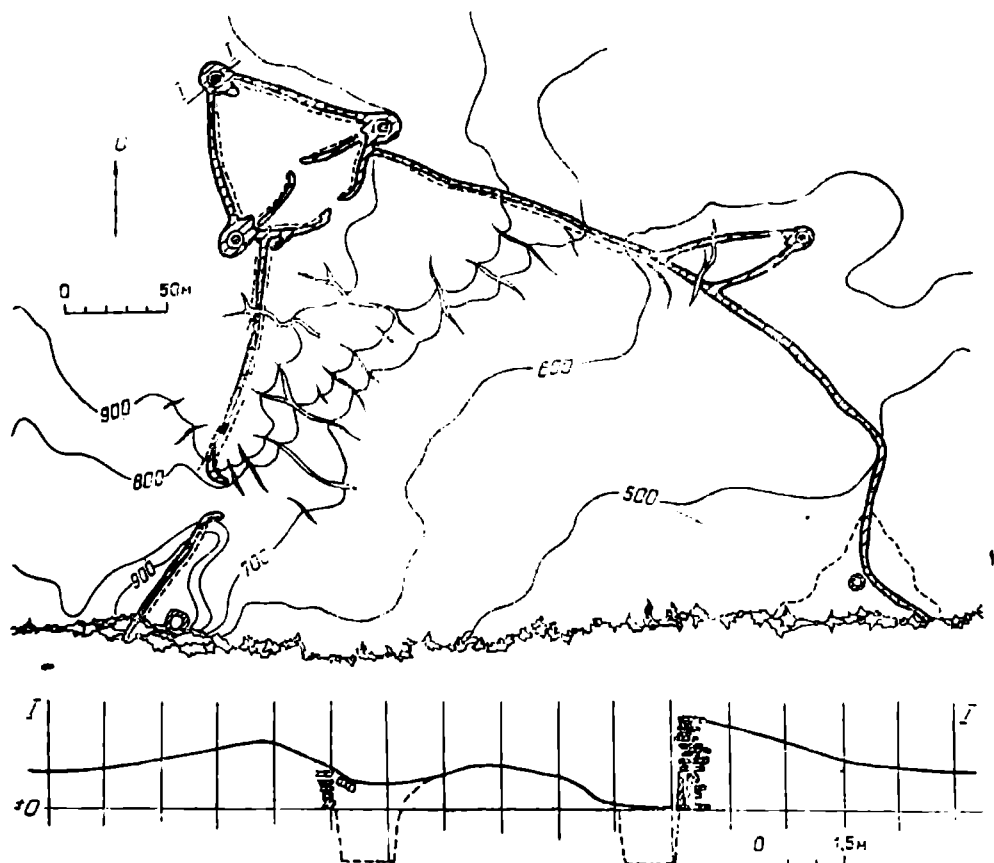

Рис. 18. Дарьялык-1. Стреловидная планировка, ген. план и разрез I—I.

опускаясь по полого-наклонной равнине от ограды «а» к обрывистому краю чинка (рис. 18). Западный вал — около 230 м. На расстоянии 80 м от края вала прерван проходом. Края валов к проходу загнуты внутрь почти под прямым углом. Ширина прохода около 16 м. Для устройства входа выбрано естественное коридорообразное понижение. Площадь ограды около 4,5 га.

У концов валов, с их внутренней стороны, на повышенных точках рельефа находятся две ямы. У восточного вала яма круглая, диаметром около 4 м, окружена по периметру слабовыраженным грунтовым валиком. У западного вала яма имеет очертания, близкие к квадрату. Длина стороны 6—7 м. По периметру слабо заметный грунтовый валик. Глубина ямы до 1,5 м. Общая площадь планировки около 5 га.

Посредине восточного вала, с его внешней стороны остатки еще одной треугольной ограды (ограда «в»), возможно, являющейся остатком более древней стреловидной планировки. Валы ограды сильно

разрушены и почти сnivelированы. Кольцевой вал сохранился лишь на вершине треугольника, ориентированной на восток. Кольцо также имеет по внутреннему краю подпорную стенку из плитняка, курганообразный бугор в центре и пологий пандус — «язык», выступающий внутрь ограды. Основание ограды не сохранилось, оно срезано валом более поздней планировки и, кроме того, расположено на размытаемом склоне.

Подъемного материала не отмечено. Кладка в основном «ложком», на отдельных участках — наклонными рядами плитняка. Длина ограды «в» 110—115 м, ширина по основанию около 100 м. Вершиной ориентирована на запад.

Дарьялык-2, стреловидная планировка. Расположена в 10 км к востоку от стреловидной планировки Чалбурун-1 (рис. 17). Находится непосредственно на чинке плато, обрывающемся более чем стометровым, совершенно неприступным обрывом к расположенной внизу равнине древней Присарыкамышской дельты Амударьи, прорезанной глубоким каньоном Дарьялыка.

Наблюдения и фотосъемки с борта вертолета, анализ топографической съемки позволяют говорить о том, что в данном случае мы имеем дело со сложной системой, образованной несколькими разновозрастными, различной степени сохранности стреловидными планировками. Планиграфический анализ позволяет полагать, что планировок было 4, однако некоторые признаки указывают на вероятность былого существования еще одной, видимо, самой старой в описываемой системе стреловидной планировки (рис. 19).

Системообразующим фактором является то обстоятельство, что отдельные части ранее существовавших планировок использовались в качестве элементов новых, более поздних планировок.

Стреловидная планировка № 1 (северная). Наиболее сохранившаяся и, вероятно, наиболее поздняя в системе. Состоит из двух основных элементов: а) треугольной ограды и б) ограды произвольной формы.

Ограда «а». Занимает наиболее высокие точки на местности, вершиной ориентирована на север. Основание втянуто внутрь и изломано под тупым углом. В середине проход шириной около 6 м. Размеры по высоте около 85 м, по основанию около 80 м. Валы ограды двойные, грунтово-щебнистые, со рвом между ними, сильно оплывшие (рис. 19, I, разрез А—Б). Ширина валов 4—5 м, они сохранились на высоту до 0,6 м, ширина рва 3,0—3,5 м. На всех трех вершинах кольцевые грунтово-щебнистые валы, пологие снаружи, с вертикальной стеной по внутреннему контуру, облицованному подпорной стеной, грубо сложенной из известнякового плитняка «ложком», без связующего раствора. Диаметр колец по внешнему контуру 14—16 м, по внутреннему — 8—10 м. Внутри колец сохранились сильно оплывшие насыпные грунтово-щебнистые курганообразные бугры. Площадь ограды около 0,4 га.

Ограда «б». Сохранилась только часть валов: восточный — на длину около 80 м, западный — около 65 м. Валы идут по пологим склонам, двойные, сильно размыты, читаются во многих местах лишь по щебнистой полосе на поверхности. В качестве продолжения восточного вала использован двойной вал более старой стреловидной планировки № 3. Он тянется на протяжении 125 м и выходит на вертикальный обрыв чинки. Между старой и новой частью вала оставлен проход шириной около 45 м. Он находится на наиболее низких точках рельефа.

В качестве продолжения западного вала использована стреловидная планировка № 2 и, возможно, даже стреловидная планировка № 4. В этом случае контур ограды «б» вновь замыкается на чинке и

его обрывистый край служит одной из сторон ограды. Площадь ограды «б» около 3,5 га. Общая площадь планировки около 4 га.

Стреловидная планировка № 2 (западная). Сохранилась частично ограда «а» планировки. Вершина треугольной ограды ориентирована на запад. Валы сохранились очень плохо. Они одинарные, с канавой с внутренней стороны. Северный вал сохранился, видимо, на всем протяжении, его длина около 150 м. Южный прослеживается в рельефе

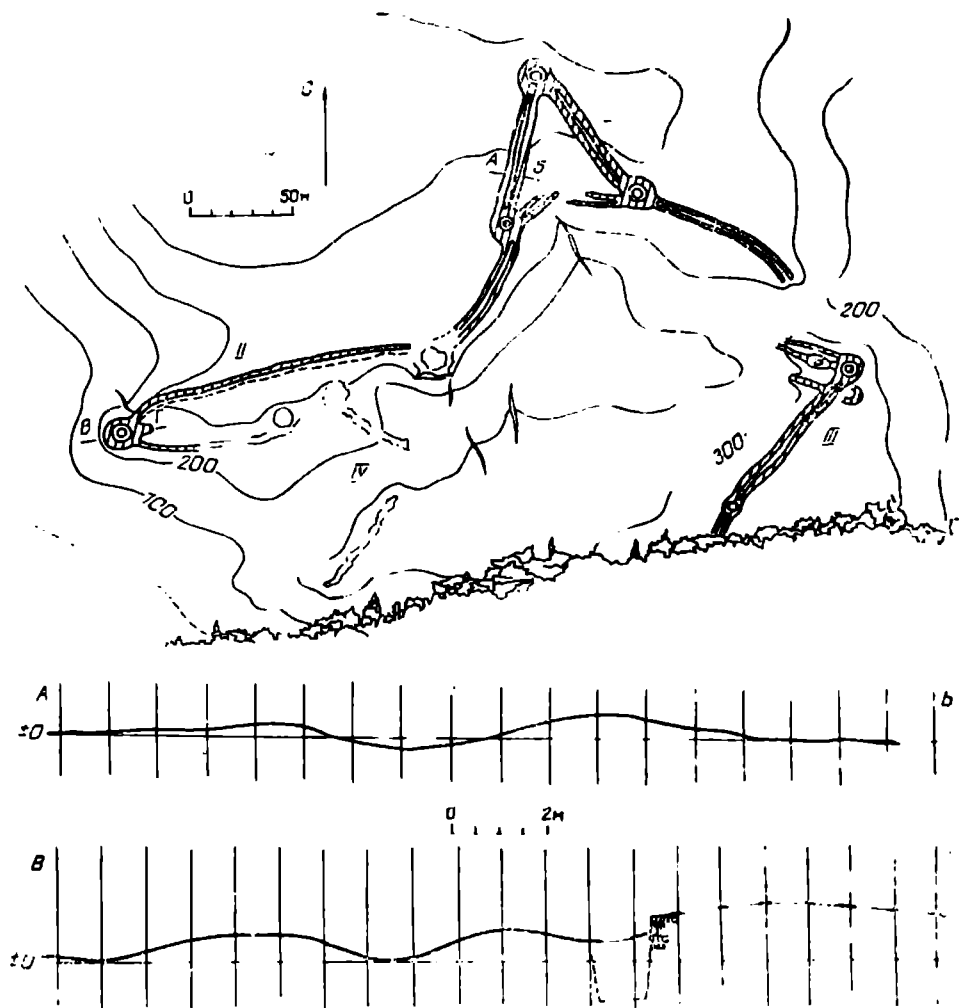

Рис. 19. Дарьялык-2. Стреловидная планировка, ген. план и профили А—Б, В—Г. I — северная планировка; II — западная; III — восточная; IV — южная.

на 30—35 м. На западной вершине ограды хорошо сохранился кольцевой вал (рис. 10, II). Его диаметр по внешнему контуру около 16 м, по внутреннему около 10 м. В центре кольца курганообразный бугор. По внутреннему контуру — подпорная стена из плитняка, сохранившаяся на высоту до 0,5 м. Кладка произведена «насухо», без связующего раствора, «ложком», в ряде мест — в «елочку». Перед кольцом насыпной бугор, выступающий «языком» внутрь ограды. Бугор образует пандусный подъем к отвесному краю подпорной стены (рис. 19, II, разрез В—Г). На восточном конце северного вала в сильно расплывшемся контуре с трудом угадываются остатки кольцевого вала.

Южный вал сильно размыт, его контуры почти не читаются. Посредине ограды низкий щебнистый бугор диаметром около 12 м.

Стреловидная планировка № 3 (восточная). Занимает наиболее высокие точки рельефа. Сохранились часть треугольной ограды с сильно оплывшим кольцевым валом с курганообразным бугром в центре и частично — двойные валы ограды со рвом между ними (рис. 19, III). На валах отмечены крупные ямы, более поздние, чем валы. На краю ямы в северном валу вертикально вкопаны известняковые плиты. Надо полагать, что эти круглые ямы связаны со вторичным использованием валов в наиболее поздней в описываемой системе стреловидной планировке № 1. Рядом с кольцом стреловидной планировки № 3 прослеживаются размытые и сnivelированные контуры еще одного кольца и вала, отходящего от него. Видимо, это остатки еще более ранней стреловидной планировки № 5. Таким образом, здесь находилось не 4, а 5 сменявших друг друга стреловидных планировок.

Стреловидная планировка № 4. Сохранились слабопрослеживаемые, сnivelированные щебнистые полосы на месте валов входа в треугольную ограду и остатки такого же размытого и сnivelированного кольца. Ширина прохода чуть больше 20 м (рис. 19, IV).

У кольца стреловидной планировки № 3 обнаружено небольшое количество керамики. Вся она сильно фрагментирована, станковая, сероглиняная, представлена обломками стенок сосудов, лишь в одном случае сохранился фрагмент светильника-чирака.

Декча-1, стреловидная планировка. Расположена на мысу Декча (рис. 17), отсекая его конец от остального массива мыса. На самом мысу находятся развалины сложенной из известняковых блоков средневековой башни, судя по подъемной керамике, датирующейся в пределах XIII—XIV вв.

На мысу возвышается большой бугор высотой около 9 м над краем плато. От него местность полого понижается к мысу и краям плато. Бугор обведен канавой и валом с тремя кольцевыми валами — это «стрела» планировки, от нее к чинку широкими дугами тянутся валы. В восточном валу имеется проход, на оконечности западного — кольцо («южное кольцо»). В целом «стрела» с двумя «усами», ориентирована на север (рис. 9, 4; рис. 20).

«Стрела» в плане неправильной формы, которая обусловлена естественными очертаниями бугра, на склонах которого и сооружены валы «стрелы». С востока на запад протяженность «стрелы» около 140 м, с юга на север — около 90 м, площадь около 0,56 га. На вершине бугра внутри вала стрелы расположено 6 курганообразных бугров со щебнистой поверхностью. На многих из них отмечены находки фрагментов станковой красноглиняной керамики. На двух буграх, условно названных «курган 1» и «курган 2», произведены раскопки. В результате раскопок выяснено, что бугры естественного происхождения, однако они в каких-то целях использовались людьми. На вершине «кургана 1» был закопан на боку станковый водоносный кувшин хорошо известного хорезмийского типа.

На «кургане 2» раскопками была установлена бессистемная обкладка его вершины обломками необработанных известняковых плит. Еще один курганообразный бугор расположен за пределами «стрелы», немного к северу от западного кольца. Поверхность бугра в пределах «стрелы» дает довольно многочисленные находки фрагментов красноглиняной станковой керамики. «Стрела» окружена валом и канавкой, идущей с внутренней стороны вала. Ширина вала около 4 м, высота 40—50 см. С южной стороны вал прерван входом, слегка втянутым внутрь. Ширина прохода около 5 м. Канавка перед северным и западным кольцом прерывается мостиком, выводящим к внутрен-

ней цилиндрической стенке кольца. На восточном кольце ситуация неясная.

Западное кольцо. По внутреннему диаметру имеет 10,0—10,5 м. В плане форма неправильного овала. В центре курганообразный бугор диаметром по основанию 4,5—5,0 м. По внутреннему обводу идет подпорная стена из необработанных плит известняка, уложенных то плашмя, то наклонно. За подпорной стеной щебнистый вал шириной 5,0—5,5 м. Проведенная расчистка позволила установить, что кладка положена на сплошной слой известняка и имеет высоту около 1,5 м. Что касается слоя известняка, то в нем выбита кольцевая канава глу-

Рис. 20. Декча-1. Стреловидная планировка, ген. план.

биной около 1,5 м, шириной около 1,2—1,3 м. В центре насыпан курганообразный бугор. По внешнему краю поставлена стена. На край кольца из внутреннего пространства «стрелы» через курганообразный бугор выводит грунтовая перемычка через канаву.

Восточное кольцо. Самое маленькое по размеру, его внутренний диаметр 6 м. Оно круглое, вал шириной 4,5—5,0 м. Курганообразный бугор в центре не сохранился. Кладка подпорной стены нерегулярная. Внизу уложены огромные плиты толщиной до 35—40 см, выше — мелкий плитняк. Стена сохранилась на высоту до 1,5 м от сплошного слоя известняка. Кольцевая канава затянута супесчано-суглинистыми натечно-надувными наслоениями.

Северное кольцо неправильно-угловатой формы в плане, размерами по осям 6,0×8,5 м. В центре курганообразный бугор. Кладка подпорной стены сохранилась на высоту до 1,5—1,7 м.

Через курганообразный бугор № 1 выход на перемычку через канавку «стрелы» и к краю подпорной стены.

В конструктивном и планировочном отношении все кольца «стрелы» одинаковые, различаются лишь размерами и формой. На валах, окружающих «стрелу», во многих местах обнаружены раскопавшиеся известняковые плиты, видимо, упавшие и своего первоначального положения не сохранившие. Можно предполагать, однако, что они были установлены вертикально по гребню вала.

Восточный вал планировки вытянут широкой дугой, постепенно приближающейся к обрыву, имеет втянутый внутрь проход шириной около 11 м. До прохода вал щебнистый, имеет ширину 4,0—4,5 м и следы канавок с обеих сторон, на валу вначале отдельные, а затем непрерывные рваные плиты известняка, установленные по гребню вала с наклоном внутрь планировки, так что образуется стена, усеянная острыми выступами и зазубренными краями плит. После прохода вала как такового нет, и до обрыва следует стена из бессистемно уложенных плит. Кладка то плашмя, то наклонно, то вертикально. Видимо, замена вала на стену произведена в связи с тем, что здесь на поверхность выходят сплошные известняки.

Западный вал огромной дугой идет от стрелы до чинка, не прерываясь. Вначале он двойной, с канавкой между валами, затем одинарный, со следами канавок с обеих сторон. На конце вала в 10 м от чинка на внешней стороне кольцо, внутренний диаметр которого около 4 м. Оно окружено таким же щебнистым валом. Площадь большой ограды около 4,4 га. Общая площадь планировки около 6 га.

Отдельное кольцо расположено за западным кольцом, непосредственно за западным валом с наружной стороны. Выглядит как круглое выпуклое поднятие диаметром 7—8 м, высотой около 20 см. Поверхность супесчано-золистая, усыпана мелкими фрагментами костей животных, древесными угольками, обломками известняка. Часть обломков обожжена. Встречаются мелкие фрагменты красноглиняной станковой керамики.

Раскопками установлено, что в данном месте находилась блюдцевидная западина, искусственно сооруженная на плотной глинистой основе. Западина заполнена однородным линзовидным в разрезе слоем мощностью до 50 см. Слой зольно-супесчаный, с обильными включениями костей животных, древесных углей, мелких кусочков дерева, обломков известняка. Четко различимая наклонно-слоистая или горизонтально-слоистая структура слоя свидетельствует о его постепенном нарастании, вероятно, за счет приносимого со стороны грунта с вышеописанным заполнением.

Декча-2, стреловидная планировка (рис. 17). Расположена у вершины оврага, разделяющего мысы Ербурун и Декча. На этой планировке, крайне плохо сохранившейся, удалось дешифровать лишь треугольную малую ограду. Следы большой ограды отсутствуют совершенно. Они или были смыты, или же планировка по каким-то причинам осталась незавершенной строительством. Ограда имеет вид вытянутого треугольника, основание меньше по размеру, чем стороны. Вершиной треугольник обращен к северу. Кольца сохранились плохо. Северное превратилось в курганообразный бугор со щебенчатой поверхностью. В восточном и западном кольцевые валы в хорошем состоянии, подпорные стены и центральные курганообразные бугры.

У всех колец отмечены такие элементы, как специально отсыпанные грунтовые пандусы, подводящие к отвесно обрывающейся подпорной стене кольца. Пандусы ведут в кольцо из внутреннего пространства треугольной ограды.

В основании можно разглядеть проход. Резко отличается описанная планировка от других и в топографическом отношении. Треугольная ограда находится на склоне, ведущем к обрывам оврага, и обращена к нему вершиной. Во всех остальных случаях «стрела» находит-

ся на возвышенности и обращена вершиной в сторону, противоположную от обрыва. Таким образом, обрыв и вал планировки не используются, как во всех других случаях, для сооружения воронкообразно суживающегося прохода.

Возможно, в связи с вовремя оцененными недостатками в топографическом отношении стреловидная планировка Декча-2 и осталась недостроенной. Интересно отметить, что казахи-адаи, кочевавшие в этом районе, приняли западное кольцо за погребальное сооружение и установили с западной стороны ее известняковую плиту наподобие куптаса у казахских могил.

Декча-3, стреловидная планировка. Расположена в 2,5 км к югу от стреловидной планировки Декча-2 (рис. 17). Находится у одного из ответвлений большого оврага, разделяющего мысы Ербурун и Декча.

Планировка сильно разрушена, валы почти сравнялись с землей, кольца на треугольной ограде, за исключением одного, превратились в щебнистые бугры. Однако общий детальный осмотр планировки все же позволил понять особенности ее конфигурации. Это треугольник-«стрела» с кольцами по всем трем углам, вершиной ориентированный на север, со входом в середине основания. От колец на основании широко расходятся валы до края оврага. Однако здесь они размыты полностью и постепенно теряются. «Стрела» расположена на высотке. От высотки к обрыву поверхность плато понижается. У восточного кольца «стрелы» бугор, явно насыпанный из мелких обломков известняковых плит. Он имеет странную треугольную форму.

Сохранилось лишь северное кольцо. Оно обычной конструкции: вал, подпорная стена, курганообразный бугор. Кольцо имеет небольшие размеры: диаметр по подпорной стене составляет около 5 м. Размеры сторон треугольника где-то в пределах 100 м.

Декча-6, стреловидная планировка. Находится на западной стороне устья оврага, отсекающего с западной стороны мыс Декча (рис. 17).

Описываемый археологический объект расположен на довольно крутом склоне мыса, прорезанном многочисленными оврагами и глубокими промоинами. Стреловидная планировка просматривается не полностью, сохранилась лишь та ее часть, которую мы описывали ранее под наименованием «треугольная ограда». Деформированность описанной части стреловидной планировки, ее неполная сохранность свидетельствуют о том, что рельеф в данном месте значительно изменился по сравнению с тем, который существовал здесь в момент строительства стреловидной планировки. Видно, совершенно разрушилась или даже оползла площадь расположения ограды «б». Ограда «а» также значительно деформирована размывами и оседанием.

Подъемный материал отсутствует.

Треугольная ограда образована мощными двойными валами с ровом между ними. Общая ширина валов достигает 14—15 м, ширина отдельного вала 5,5—6,0 м, рва — около 3 м, высота валов до 1,2—1,3 м. Основание треугольной ограды прогнуто внутрь нее, по середине основания — проход. На всех вершинах треугольной ограды имеются кольцевые валы, внешняя сторона их представляет пологий склон, внутренняя — вертикальную стену, облицованную подпорной стеной. В центре кольцевых валов — курганообразные бугры. Хорошо сохранились западный и южный кольцевые валы. Ширина 5,5—6,0 м. Диаметр по внутреннему контуру западного кольца около 8,5 м, южного кольца — 11,5—12,0 м. Подпорные стены сохранились на высоту 1,3—1,5 м. Восточное кольцо оползло в овраг и разрушилось. Хорошо сохранилась кладка подпорных стен. Они выполнены из необработанных

ных известняковых плит разного размера, уложенных без связующего раствора (рис. 22, 3).

Ербурун-1, стреловидная планировка (рис. 17). Расположена в 5—6 км к северу от мыса Ербурун на пологонаклонной равнине плато. Представляет собой систему оград.

Ограда «а». В плане треугольная, основание втянуто, в нем имеется широкий проход. Ограду образуют двойные грунтово-щебнистые валы с канавой между ними. На всех трех вершинах кольцевые ограды с размытыми курганообразными буграми в центре. Ориентирована на север.

Ограда «б». От основания треугольной ограды отходят грунтово-щебнистые валы второй, большей по размерам, ограды. На западе один вал, на востоке два вала, на значительном расстоянии один от другого. При наблюдении с воздуха не удалось установить конфигурацию нижней части ограды «б». Однако дешифровка аэрофотоснимков позволяет установить, что ограда «а» расположена на более высоких точках рельефа, чем ограда «б». Последняя примыкает к слабо выраженному на аэрофотоснимках понижению.

Чалбурун-1, стреловидная планировка (рис. 17). Расположена на мысу Чалбурун отвесным рваным обрывом высотой свыше 100 м, совершенно недоступным для подъема и спуска, выходящим к Сарыкамышской впадине, заполненной в настоящее время коллекторно-дренажными водами. Поверхность плато слабонаклонна по направлению к чинку. На самом мысу рельеф слабо расчлененный, отмечается несколько сильно сглаженных поднятий. Общий перепад высот в месте расположения стреловидной планировки составляет 3—4 м на 0,5 км. Однако сглаженность рельефа, протяженность склонов зрительно скрадывают разницу в высотах.

Стреловидная планировка Чалбурун-1 представляет собой систему из двух отдельных стреловидных планировок — восточной и западной (рис. 21), каждая из которых также представлена системой оград. В этой системе выделяются два основных элемента: а) треугольная, или приближающаяся к треугольной, замкнутая ограда; б) ограда произвольной формы, незамкнутая, одной из сторон которой является обрывистый край плато. Обе планировки функционировали как единое целое, хотя анализ плана позволяет говорить о неодновременном сложении систем в целом. Ограды «б» по площади во много раз превышают ограды «а». Треугольная ограда восточной планировки ориентирована на северо-восток, западной — на север.

Отмечена определенная ландшафтная обусловленность пространственной организации стреловидной планировки. Так, прослеживается совершенно отчетливая тенденция к расположению треугольных оград на повышенных точках рельефа, однако сама треугольная структура ограды существует вне зависимости от ландшафтных факторов.

Валы ограды «б» частью следуют рельефу, а вся ограда в целом расположена на наиболее пониженных точках рельефа.

Восточная планировка. Треугольная ограда вытянутой формы, со втянутым внутрь основанием. Стороны треугольника образуют двойные грунтово-щебнистые валы со рвом между ними. Валы сильно оплывшие, внутренний сохранился лучше, внешний почти полностью смыт и его направление во многих случаях прослеживается по щебнистой полосе, оставшейся на месте вала. Основание треугольной ограды прогнуто внутрь под тупым углом. В других планировках здесь находится проход, в данном случае он отсутствует. Длина ограды (по высоте треугольника) около 125 м, ширина по основанию 82—85 м, площадь около 0,5 га. В современном состоянии общая ширина двойных валов колеблется в пределах 10 м, каждого вала в отдельности —

3,5—4,0 м, рва между валами — 2,0—2,5 м. Внутренний вал от уровня современной поверхности местами сохранился на высоту до 1 м.

На всех трех вершинах треугольной ограды находятся замкнутые кольца, образованные грунтово-щебнистыми валами. Наружная сторона валов образует пологий склон, внутренняя — отвесная, вертикальная, с подпорной стеной из необработанного известнякового

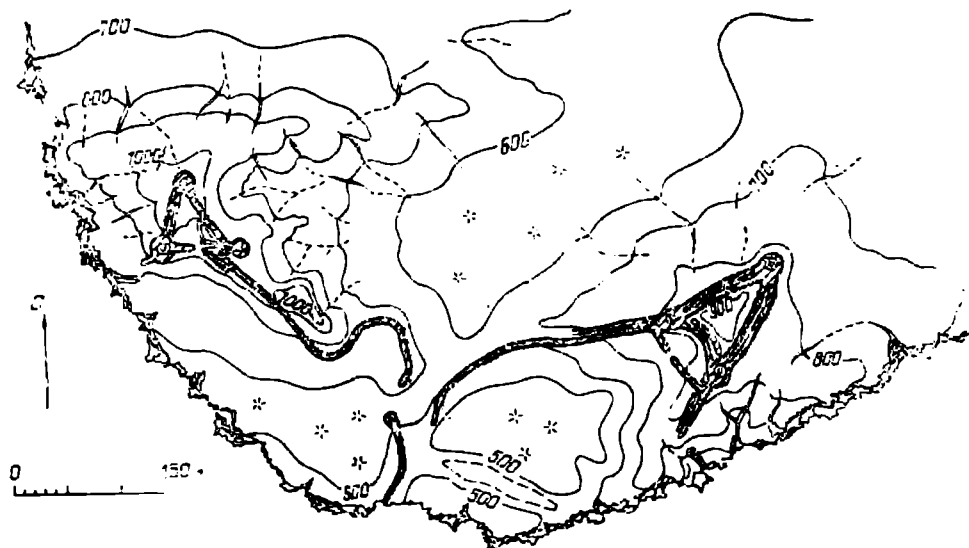

Рис. 21. Чалбуруи-1. Стреловидная планировка, ген. план.

плитняка. В центре, кольца грунтово-щебнистый курганообразный бугор.

Северное кольцо сильно оплывшее, подпорная стена не сохранилась, внутри кольца сильно оплывший курганообразный бугор. Диаметр по внутреннему контуру около 10 м, ширина вала около 6 м, диаметр курганообразного бугра 5,5—6,0 м.

Западное кольцо лучшей сохранности. Здесь хорошо сохранилась подпорная стена высотой до 1,3 м. Стена сложена из разноразмерного необработанного известняка, кладка бессистемная, «ложком», произведена «насухо», без связующего раствора. В северной части кольца в кладке большой блок известняка размером 0,27—0,45 м. На его плоской лицевой стороне грубо высечен знак в виде прямого равноконечного креста (рис. 22, 4), верхний конец которого имеет стреловидное завершение. Внутри кольца сильно оплывший грунтово-щебнистый курганообразный бугор. Диаметр кольца по внутреннему контуру около 10 м, ширина кольцевого вала 4,5—5,0 м, диаметр курганообразного бугра 5,5—6,0 м.

Южное кольцо имеет хорошо сохранившуюся подпорную стену высотой до 1,3 м, аналогичную стене в западном кольце. В центре кольца сильно размывший грунтово-щебнистый курганообразный бугор диаметром 6,0—6,5 м. Диаметр кольца по внутреннему контуру около 10 м, ширина вала 4,5—5,0 м.

Валы, образующие ограду «б», двойные, со рвом между ними на участках, прилегающих к треугольной ограде, и одинарные в конечных частях. Перед основанием треугольной ограды они соединены слабоизогнутым поперечным валом с проходом в середине шириной около 6 м. Западный вал двойной на протяжении 90—95 м от угла треугольной ограды. Далее он сильно размывает, однако можно понять, что не менее чем на половину своей общей длины был одинарным. Вал идет

по дуге на расстоянии около 260 м по направлению к чинку и обрывается, не доходя до него приблизительно 90 м

Восточный вал прямой, двойной. В 35—40 м от чинка к валу проход шириной около 10 м, за проходом вал идет к чинку под тупым углом по отношению к ранее описанной части вала. Вход, таким образом, воронкообразно втянут внутрь ограды. На конце вала с южной стороны прохода кольцевая ограда и углубление в ней. Диаметр ограды около 3 м. Общая протяженность восточного вала около 100 м. Площадь ограды «б» около 3,5 га. Общая площадь планировки около 4 га.

Западная планировка. Треугольная ограда обращена вершиной на север. Размеры: по высоте около 77 м, по основанию около 70 м, площадь около 0,3 га. Валу грунтово-щебнистые. Восточный вал одинар-

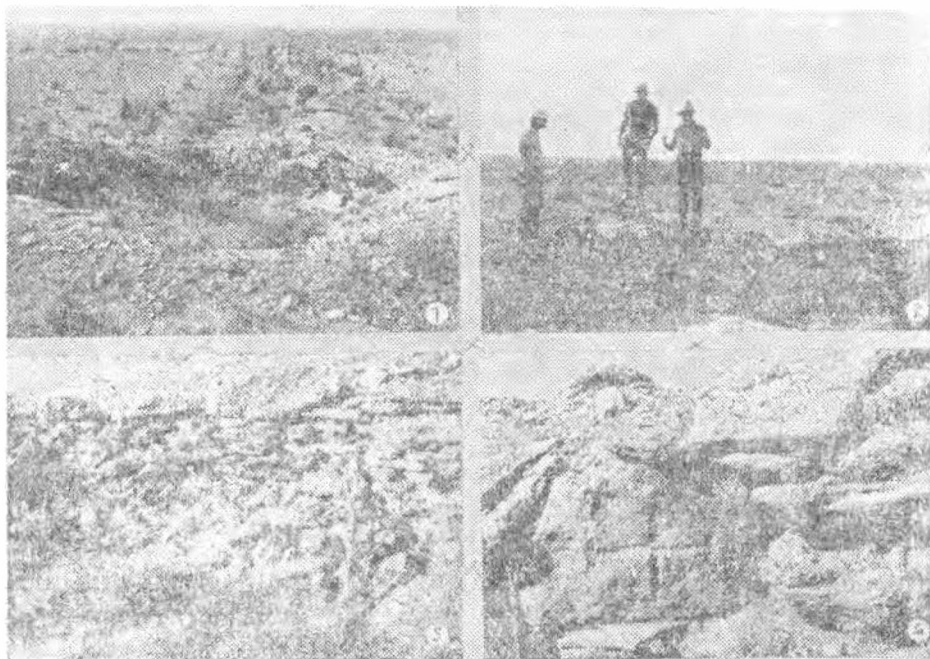

Рис. 22. Аббуфирско-Присарыкамышская группа стреловидных планировок:

Чалбурун-1, западная планировка, восточное кольцо и двойной вал; 2 — Аксаймак-2, западное кольцо, каменная кладка подпорной стены; 3 — Декча-6; западное кольцо, кладка подпорной стены; 4 — Чалбурун-1, восточная планировка, западное кольцо, планка с тамгой в кладке.

ный, шириной около 4 м, высотой до 1 м. Остальные валы двойные, со рвом между ними (рис. 22, 1), внутренние сильно размыты. Высота валов до 1 м, ширина около 4 м, ширина рва около 3 м. Внутри треугольной ограды сохранился слабозаметный, почти не выделенный в рельефе грунтово-щебнистый вал. В основании треугольной ограды проход шириной около 4 м. На всех трех вершинах треугольной ограды валы образуют кольца (рис. 22, 1). Внешняя сторона их пологая, внутренняя вертикальная, облицованная подпорными стенами из разноразмерного известнякового плитняка. Кладка «ложком», «насухо», без связующего раствора сохранилась на высоту до 1,5 м. Диаметр колец по внутреннему контуру: северного — 7,5-8,0 м, восточного — 6,0-6,5 м, западного, сильно оплывшего, — 7,5-8,0 м. Внутри колец остатки насыпных грунтово-щебнистых курганообразных бугров, часто из-за сильной смывотности слабозаметных.

Ограда «б» больших размеров, в плане неправильной формы. Восточный вал изогнут по рельефу. На протяжении 30 м, начиная от

ограды «а», вал двойной, далее — одинарный. На гребне вала в ряде мест остатки вертикально стоявших известняковых плит. Вал доходит до обрывистого края чинка, имеет проход шириной около 30 м. На южной стороне прохода вал образует кольцо с углублением посредине диаметром около 3 м.

Западный вал одинарный, доходит до края чинка. Имеет проход шириной 10—12 м. На гребне вала плиты, стоящие вертикально и уже упавшие. Площадь ограды «б» около 3,5 га. Общая площадь планировки около 4 га.

Подъемного материала на планировке не отмечено.

Планиметрический анализ стреловидной планировки Чалбурун-1 позволяет говорить о том, что первоначально была сооружена западная стреловидная планировка комплекса. Восточная стреловидная планировка сооружена позже. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что ее западный вал не доходит до чинка, в качестве его продолжения использована концевая часть (после прохода) восточного вала западной стреловидной планировки. После строительства второй планировки обе они — восточная и западная — функционировали как единый комплекс.

Итак, при нынешнем уровне археологической изученности районов плато, прилегающих к Сарыкамышской впадине, мы отметили наличие 17 стреловидных планировок. Рассматривая Айбуйирско-Присарыкамышскую группу стреловидных планировок в целом, необходимо отметить, что все археологические объекты, входящие в нее, несмотря на наличие в каждом случае каких-то индивидуальных особенностей, в целом представляют единый тип сооружений, характеризующихся своим, присущим только данному типу набором признаков. В отдельную группу они, таким образом, могут быть выделены не только территориально, но и по сумме признаков, их характеризующих, то есть типологически. По этим признакам они могут разделяться с другими территориальными группами стреловидных планировок Устюрта.

Анализируя топографию Айбуйирско-Присарыкамышской группы, нельзя не отметить в общем бессистемное расположение стреловидных планировок в ее пределах. Каждый элемент данной территориальной группы существует и функционирует сам по себе, вне связи с ее остальными элементами. Вследствие этого они никак не могут быть объединены в функционирующую как единое целое систему, где каждый отдельный элемент не только подчинен единой функции системы, но и существует во взаимосвязи с остальными элементами, как это имеет место в отношении Североустюртской группы стреловидных планировок.

Необходимо отметить также, что Айбуйирско-Присарыкамышский район в археологическом отношении изучен достаточно полно, что дает возможность анализировать группу в целом.

Суммируя данные индивидуальных описаний стреловидных планировок Айбуйирско-Присарыкамышской группы, мы можем выделить в их топографической структуре два основных составляющих элемента: малую («а») и большую («б») ограды, соединенные в единую систему.

Жарынкудукская группа.

Солончаковая впадина Жарынкудук расположена в районе Североустюртского понижения, представленного серией изолированных солончаковых впадин, вытянутых с северо-востока на юго-запад. По принятой в настоящее время схеме ландшафтного районирования Устюрта [Поликарпова, 1965; Викторов, 1971] эта часть плато выделяет-

ся как Самско-Асматайский ландшафтный район. Он представляет собой систему бессточных впадин, занятых солончаками, между которыми разбросаны песчаные массивы. Наиболее значительным из них являются пески Сам. С юга к самскому песчаному массиву прилегает один из крупнейших солончаков Самско-Асматайского ландшафтного района — солончак Жарынкудук.

Солончак расположен в крупной впадине, по широте вытянутой более чем на 60 км, по меридиану — до 30 км. По днищу размеры солончака соответственно 10×18 км. Перепад высот от поверхности плато до днища солончака составляет около 60 м. Впадина замкнутая, бессточная. Обладая значительной площадью водосбора, большими уклонами основных поверхностей склонов, днище впадины даже в жестких условиях пустынного климата в периоды несколько повышенного увлажнения или после многоснежных зим превращается в мелководное озеро, в той или иной степени засоленное. Почвовед С. В. Губин, работавший вместе с нами, выявил в шурфах наслоения, свидетельствующие о периодах значительного обводнения данной впадины, существования здесь озерных бассейнов с минерализованной водой. Им было отмечено, что днище впадины в последнее время существовало только в солончаковом режиме, в более ранние эпохи им был дном озерного водоема. Он допускает, что самая центральная часть днища сохраняла водное зеркало более значительные периоды [Губин, 1987].

Анализ топографии археологических объектов в районе впадины Жарынкудук (рис. 23) позволяет заметить, что стоянки мезолитическо-неолитического возраста располагаются полосой, в основном на уровне 100 м, в то время как днище впадины находится на отметках от 80 до 90 м. Очевидно, расположение стоянок дешифрует береговую линию озерного водоема, а их дата определяет время его существования.

Что касается курганов и стреловидных планировок, то они расположены в пределах 80-метровых отметок и, вероятно, датируют существование днища впадины в солончаковом режиме.

Жарынкудук-6 а, стреловидная планировка, расположена в 2,5 км к востоку (аз — 80°) от колодца Айдабол и в 8 км к северо-востоку от кладбища с мазаром на высоте 113.1. Планировка сохранилась очень плохо, видны лишь отдельные участки сильно разрушенных каменных оград и почти сnivelированных грунтовых валов. План в целом при наземных методах обследования не читается.

Жарынкудук-6 б, «стоянка», расположена в 1,5 км в направлении на юг (аз — 155°) от колодца Айдабол, на плоской слабонаклонной поверхности южного склона впадины Жарынкудук. Поверхность суглинистая, слабо размываемая сезонными поверхностными водами, заросшая кустиками солянок и боялыша. Здесь на площади около 50×60 м разбросаны многочисленные сильно измельченные фрагменты станковой и лепной керамики, мелкие обломки костей животных, многие из которых обожжены, редкие находки обломков изделий из камня.

Анализ данных, полученных из заложенных на стоянке шурфов, показал, что поверхность в данном случае интенсивно развеивается. Отмечены слабые признаки чрезвычайно маломощного золистого культурного слоя, который, не будучи перекрытым, подвергается интенсивному размыванию и развеиванию.

В центре площади «стоянки» сохранились какие-то бесформенные выкладки из вертикально стоящих и плосколежащих известняковых плит. Раскопки, проведенные в пределах данных выкладок, также не дали сохранившегося культурного слоя.

«Стоянка», расположенная между стреловидными планировками

Жарынкудук-6 а и Жарынкудук-6 в, несомненно, связана с системой стреловидных планировок.

Жарынкудук-6 в, стреловидная планировка. Расположена в 2,0—2,2 км к югу от колодца Айдабол, на слабонаклонном, слаборасчленённом склоне котловины Жарынкудук. Планировка представляет со-

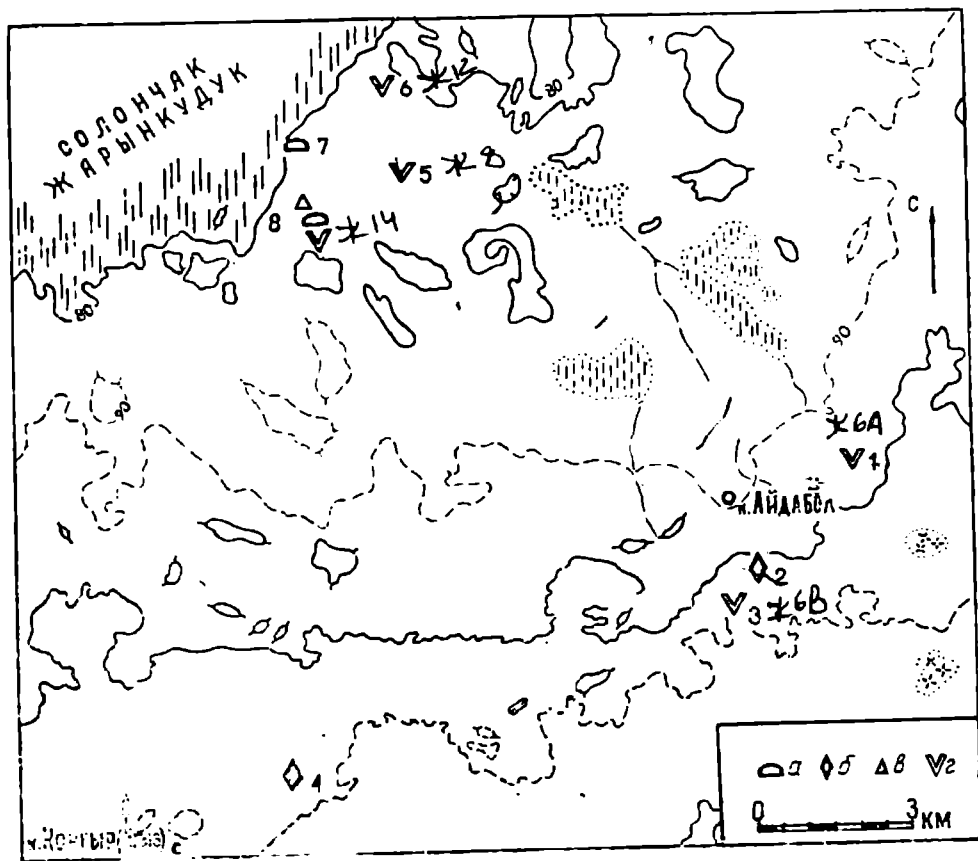

Рис. 23. Картограмма расположения археологических объектов на восточном краю солончака Жарынкудук.

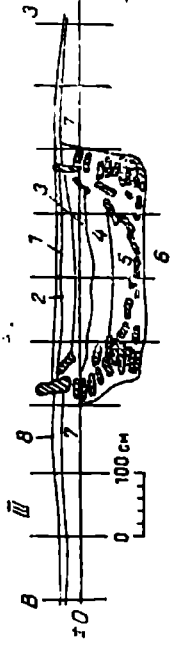
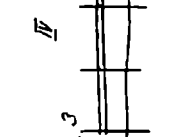
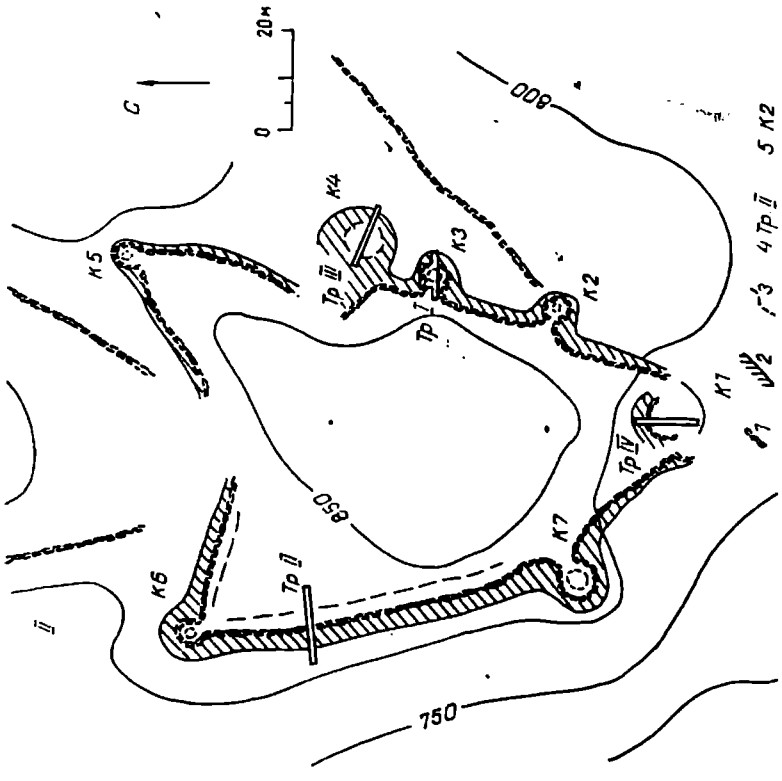
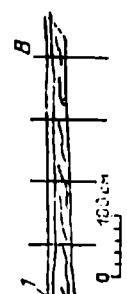
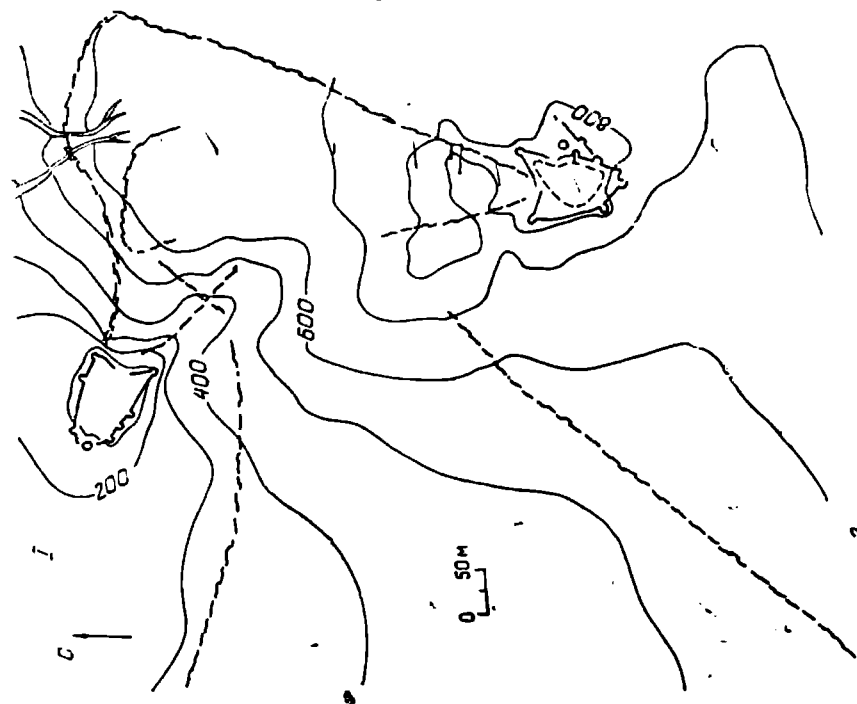
1 — Жарынкудук-6а, стреловидная планировка; 2 — Жарынкудук-6б, «стоянка»; 3 — Жарынкудук-6в, стреловидная планировка; 4 — Жарынкудук-7, «стоянка»; 5 — Жарынкудук-8, стреловидная планировка; 6 — Жарынкудук-12, стреловидная планировка; 7 — Жарынкудук-4, группа погребений; 8 — Жарынкудук-10, 14, «стоянка», стреловидная планировка, курган одиночный; а — курганы; б — «стоянки»; в — святилища; с — стреловидные планировки.

бой систему разноразмерных оград, соединенных проходами: двух малых оград (а1, а2), подтреугольных в плане, и большой ограды (б) неправильных очертаний (рис. 24, I).

Расположенная на склоне ограда а1 выше ограды а2 на 7 м, входы в ограды б и а1 расположены вверх по склону, вход в ограду б2 — вниз по склону.

Ограда а1 (рис. 24, II) вершиной обращена на юг. Окружена грунтово-щебнистым валом, сильно размытым, местами уничтоженным полностью.

По материалам, полученным в траншее II, максимальная ширина вала по основанию составляла 4—5 м (рис. 24, IV). По внутреннему краю вал был облицован сплошной каменной кладкой. С внутренней стороны вала находился ров, с поверхности почти неразличимый, но

87 1002 1-3 4 TP II 5 K2

четко зафиксированный в разрезе по траншее II (рис. 24, IV). Ров раскопан в слое щебнистого рухляка, его глубина от основания вала не более 0,5 м, ширина около 3 м.

Основание треугольной ограды втянуто внутрь и образует воронкообразный вход шириной 16—17 м. Еще один проход шириной около 10 м находится на восточной стороне треугольной ограды. Прямо за проходом помещается кольцевой вал (кольцо 4).

Кольцевые валы расположены также на всех трех углах и боковых сторонах ограды а1, все они по внутреннему периметру облицованы каменной кладкой. Кольцо на южном углу ограды (кольцо 1) глухое, во всех остальных случаях внутрь колец ведут проходы.

Кольцо 1 находится на склоне и его южная часть смыта местами до основания. Диаметр кольца по внутреннему периметру около 12 м. По данным, полученным в траншее IV, заложённой поперек кольца, внутри находилась яма глубиной от основания вала не более 0,5 м. Кольца на восточном и западном углах (№ 5, 6) имеют входы шириной 1,5—2,0 м. Диаметр колец 7—8 м. Внутри блюдцевидные понижения. По данным скважин, пробуренных ручным буром, здесь находились круглые ямы глубиной до 1,1 м, выбитые в известняке.

Аналогичные кольца имеются на восточной стороне ограды «а» (кольцо № 2 и кольцо № 3) и на западной стороне (кольцо № 7). Кроме того, на западной стороне зафиксированы остатки еще одного кольца № 8, у южного угла ограды. Кольцо № 3 было подвергнуто раскопкам (рис. 20, III), в результате которых установлено, что в данном случае выбита глубокая, до 1,7 м от уровня древнего горизонта, яма диаметром до 3,5 м, по периметру обложенная каменными плитами. По краю ямы был отсыпан кольцевой вал с проходом со стороны внутреннего пространства ограды «а». На дне ямы обнаружены кости кулана.

Кольцо 4 смыто почти полностью, окружено глухим, без проходов, кольцевым грунтовым валом. Внутренний диаметр кольца 15—16 м. По материалам траншеи III установлено, что внутри кольца находилась неглубокая, до 0,5 м, яма, выбитая в известняке.

Таким образом, на описанной ограде фиксируются два типа колец: большого диаметра глухие кольцевые валы с неглубокой ямой в середине; малого диаметра глубокие ямы, окруженные валом с проходом (кольца № 2, 3, 5, 6, 7).

Треугольная ограда «а» имеет следующие размеры: длина по основанию около 85 м, высота около 110 м, площадь около 0,5 га.

Ограда а2 (рис. 24, I). Принципиально аналогична описанной ограде а1. Сохранность намного хуже. В плане она вытянуто-треугольных очертаний, вершиной обращена на запад. Окружена грунтово-щебнистым валом, смытым почти полностью. Сохранилась лишь каменная обкладка по внутренней стороне вала. В основании треугольника воронкообразно втянутый вход шириной 13—14 м. На западной вершине находится глухое кольцо диаметром по внутреннему периметру 11—12 м. На северном и южном углах, на северной и южной сторонах ограды находятся кольца диаметром 5—6 м со входом изнутри ограды. Размеры ограды а2: длина по основанию около 70 м, высота до 110 м, общая площадь около 0,35 га.

Рис. 24. Жарыкудук-бв, стреловидная планировка.

1 — ген. план; II — южная ограда, план; I — ограда из известняковых плит; 2 — вал грунтовой, 3 — контуры рвов и понижений; 4 — траншея; 5 — кольцо; III — разрез В—З через кольцо 3: 1 — корковый горизонт; 2 — гумусовый горизонт; 3 — элювиальный горизонт; 4 — элювиальный горизонт смыва солей; 5 — щебнистый слой разрушения; 6 — известняк (материк); 7 — рухляк известняковый (материк); 8 — насыпь вала кольца, суглинок щебнистый; IV — разрез В—З по траншее II: 1 — корковый горизонт; 2 — насыпь вала, суглинок щебнистый; 3 — почва погребенная; 4 — рухляк известняковый, щебнистый; 5 — оползший материал насыпи, переработанный почвообразующими процессами.

Ограда «б» (рис. 24, 1). На местности слабо заметна, дешифрируется плосколежащими известняковыми плитами, часто с большими разрывами между ними. В ряде случаев плиты почти полностью погрузились в почву. В настоящее время уже невозможно установить, являлись ли эти плиты облицовкой грунтового вала, к настоящему времени полностью исчезнувшего, или они представляют остатки каменной ограды из вертикально поставленных плит.

В отдельных случаях на линии ограды отмечены какие-то каменные насыпи. В ряде случаев удается зафиксировать бессистемно расположенные линии лежащих известняковых плит (рис. 24, 1), являющихся, видимо, остатками каких-либо более ранних сооружений.

В целом ограда «б» имеет, как уже отмечалось, неправильную, близкую к треугольной, форму и широкий (до 170 м) втянутый внутрь воронкообразный вход, обращенный на запад. Длина сторон ограды около 500—550—400 м, общая площадь около 11 га.

До входа в ограду «б» тянутся, расходясь в стороны, два «уса», представляющие собой цепочки плосколежащих известняковых плит и прослеженные на расстоянии до 600 м. Первоначально это, видимо, были цепочки вертикально стоящих плит.

Жарынкудук-8, стреловидная планировка. Находится между могильниками Жарынкудук-4 и Жарынкудук-5, на пологом склоне котловины, крайне плохо сохранилась (рис. 25).

Планировка прослеживается частично, одна «стрела», часть «мешка», часть воронкообразного входа в мешок. Сохранившаяся часть, однако, позволяет уверенно реконструировать сооружение как имевшее две «стрелы», «мешок» и воронкообразный вход, обращенный к югу и склону котловины.

Сохранившаяся «стрела» треугольная в плане, имеет четыре кольца: два на вершине, по одному на нижних углах. Основание треугольника втянуто вовнутрь и разорвано относительно нешироким проходом. «Стрела» ограждена четко выраженным в рельефе щебнистым валом с внутренней стороны и оконтуренным вертикально и наклонно стоящими плитами известняка-облицовки внутреннего фаса вала. Ширина сохранившегося вала 2—4 м. С внутренней стороны прослеживается в виде хорошо выраженного понижения ров «стрелы». Кольца сильно размыты. На нижних не сохранилось даже каменного кольца облицовки, и они демаскируются на поверхности светлыми, не заросшими, суглинистыми пятнами. Сохранившиеся кольца имеют внутренний диаметр 5—6 м.

Основание треугольной ограды со входом выражено сильно расплывшимся валом и хорошо заметным рвом. По входу концы валов загнаются внутрь ограды.

Ограда «мешка» и вход в «мешок» прослеживаются по известняковым плитам, лежащим горизонтально на совершенно плоской поверхности. Иногда плиты сохраняют первоначальное вертикальное положение. Линия плит не сплошная. Скорее всего здесь находилась ограда из вертикально стоящих каменных плит без каких-либо валов или рвов.

По обе стороны «стрелы» сохранились два блюдцевидных понижения, окруженных широким щебнистым валом выбросов. Общая площадь треугольной ограды 0,6 га.

К северу от описанной планировки расположены остатки другой, более древней стреловидной планировки. От нее сохранилась гигантская дуга, вероятно, нижняя часть «мешка» из лежащих на плоскости известняковых плит. Первоначально они, видимо, стояли вертикально. В северной части дуги находятся три хорошо сохранившихся каменных ящика, ранее, скорее всего, заложенных камнем. К моменту обследования каменное перекрытие оказалось сброшенным, плиты ле-

жат в беспорядке рядом. Ящики лежат прямо на линии дуги. В месте их нахождения камни дуги разбросаны и использованы вторично для сооружения ящиков. Таким образом, ящики маркируют верхнюю хронологическую границу стреловидного сооружения.

После съемки плана дуги оказалось, что ее контур не совпадает с ранее снятым контуром стреловидной планировки. Очевидно, в данном случае мы имеем остатки двух одновременных планировок, сооружавшихся последовательно на одном и том же месте.

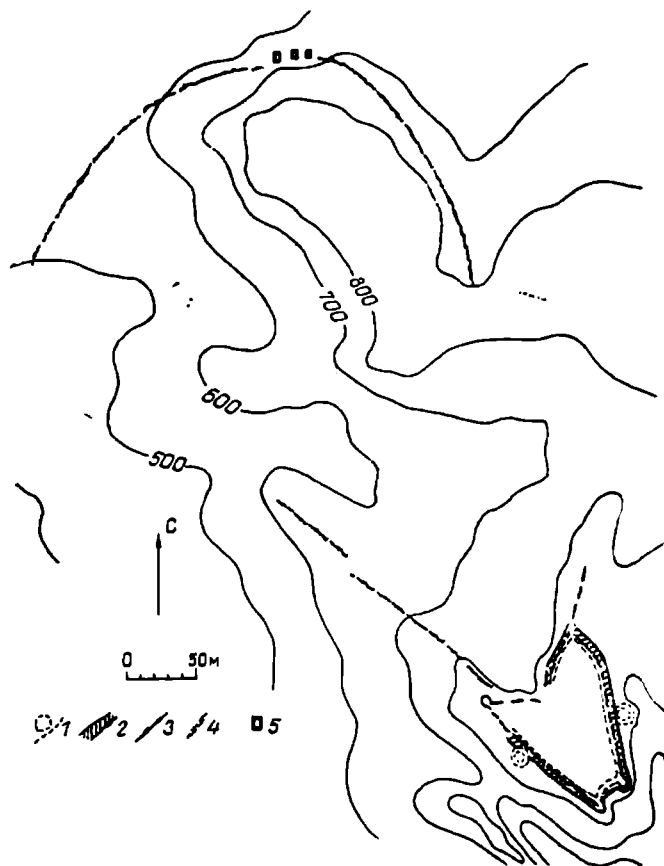

Рис. 25. Жарынкудук-8, стреловидная планировка, ген. план:

1 — заплывшие контуры рвов и ям; 2 — вали грунтово-щебнистые; с внутренней стороны окопурейные стоящими вертикально или лежащими горизонтально известняковыми плитами; 3 — стоящие вертикально или лежащие горизонтально известняковые плиты (остатки оград); 4 — прерывистые цепочки на лежащих плит известняка; 5 — погребения в каменных ящиках на горизонте.

Жарынкудук-12, стреловидная планировка (рис. 26). Представляет собой одну «стрелу» без «мешка». Ее контур образуют грунтовый вал и ров с внутренней стороны вала. Во многих местах сохранились известняковые плиты, которыми вал, видимо, был частично облицован с обеих сторон. В плане ограда отдаленно напоминает треугольник с тремя кольцами на углах. Вершиной ограда обращена на север, вход в виде вытянутого наружу аппендикса на основании, причем от центра он смещен.

Вал ограды охватывает плоскую вершину большого повышения, располагаясь на его склонах. Конфигурация вала в некоторой степени определена рельефом. В ряде мест он смыт полностью и его направле-

ние читается по сохранившимся на плоскости плитам облицовки. От восточного угла ограды отходит цепочка каменных плит. Эта изгородь перегородивала узкое понижение между двумя соседними поднятиями.

Размеры планировки: длина по высоте до 300 м, ширина по основанию до 300 м, ширина рва 1,5—2,0 м, вала — 2,0—3,0 м, по внутреннему диаметру кольца 3—4 м. Видны плиты облицовки вала изнутри. Ширина прохода 12—13 м, площадь планировки 7,5—8,0 га.

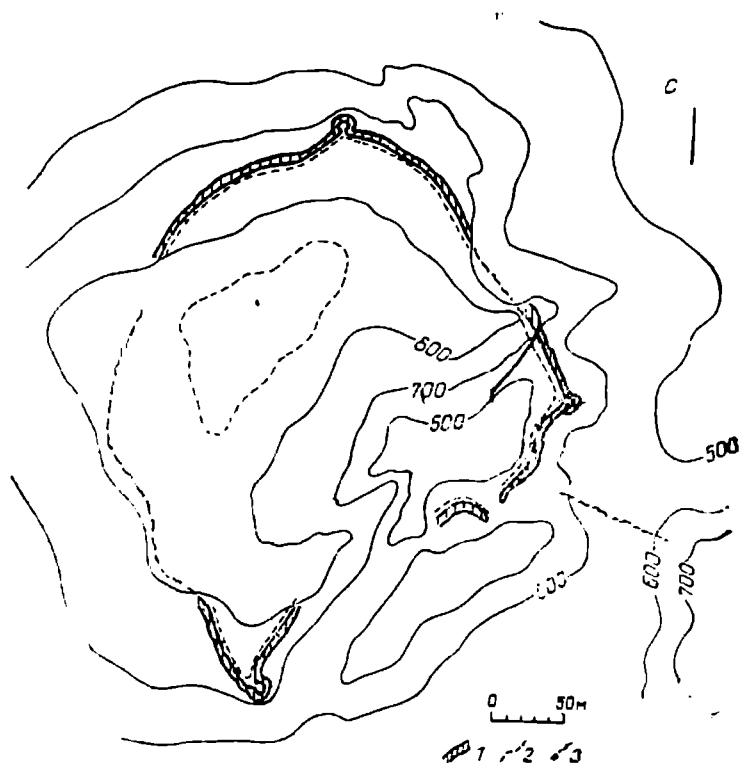

Рис. 26. Жарынкудук-12, стреловидная планировка, ген. план:

1 — грунтовые валы; 2 — контуры рвов; 3 — цепочки известняковых плит.

Жарынкудук-14, стреловидная планировка (рис. 27). Находится на юго-восточной стороне солончака Жарынкудук, в 1,5—2,0 км к юго-западу от курганной группы Жарынкудук-4. Расположена на останцовой возвышенности, тянущейся параллельно краю днища солончака на расстоянии 3—4 км.

В комплекс стреловидной планировки входят все основные элементы, установленные при исследовании стреловидных планировок, входящих в состав Североустюртской группы: ограда — «мешок» с воронкообразным входом в него, две треугольные ограды — «стрелы» — восточная и западная, «усы» и «направляющая». Входом стреловидная планировка Жарынкудук-14, в отличие от североустюртских, направлена на юго-запад, на равнину, переходящую в пологий склон, ведущий от линии водораздела в котловины солончаков.

В систему стреловидной планировки Жарынкудук-14 входят также три кургана и «стоянка» Жарынкудук-10. Контуры «мешка» не сохранились. С севера к нему, видимо, вплотную примыкала «стоянка»

Жарынкудук-10. Восточная «стрела» расположена на склоне. В плане она весьма сложной конфигурации, приближающейся в целом к вытянутому треугольнику, вершиной обращенному на юг (рис. 28). Контур «стрелы» образуют вал и ров и линии вертикально или наклонно стоящих известняковых плит, как правило, многорядных. Валу низкие, сильно оплывшие, в рельефе выражены не везде достаточно определенно.

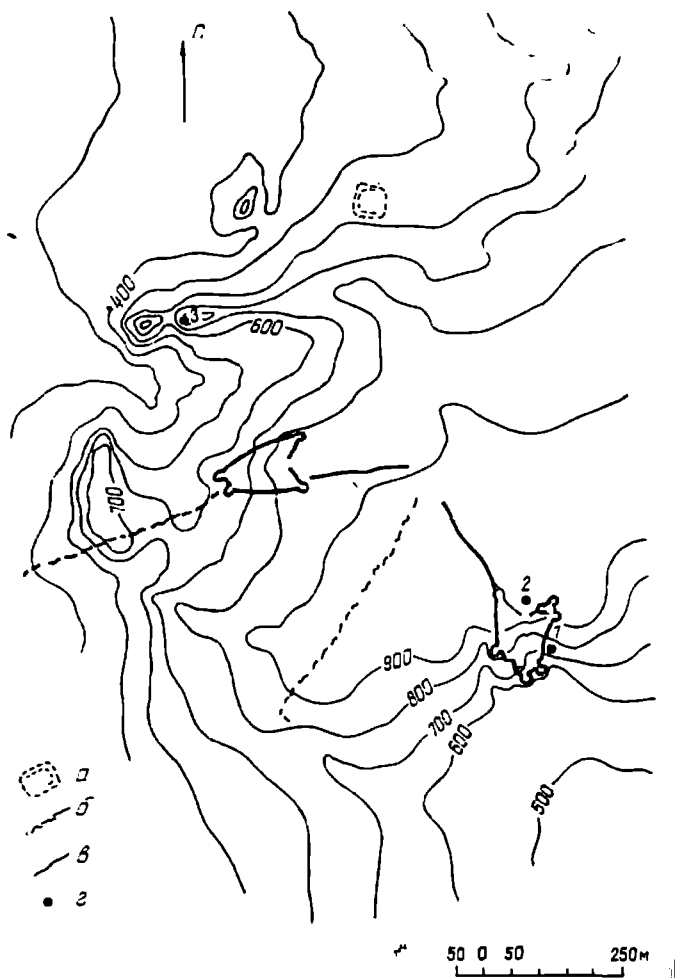

Рис. 27. Жарынкудук-14, стреловидная планировка, ген. план:

a — «стоянка» (Жарынкудук-10); *b* — разреженные цепочки каменных плит, в основном лежащих горизонтально; *в* — грунтово-щебнистые валы с гребнями из вертикально стоящих каменных плит и параллельные им рвы; *z* — курган.

Поверхность валов щебнистая: с внутренней стороны вал четко ограничивается многорядной линией вертикально стоящих плит необработанного известняка. С внешней стороны границы вала определяется лишь рельефом и поэтому фиксируется недостаточно четко. Удаётся, однако, установить, что ширина вала составляет около 5 м, его внутренняя сторона образует вертикальную плоскость, внешняя — пологая. На значительном протяжении вал демаскируется также растительностью. Боялыш, которым заросла окружающая равнина, на валу не растёт. Здесь растут полынь и солянки, четко выделяющие вал.

Кроме того, вал достаточно хорошо очерчивается и щебнистой полосой.

Рвы выделяются рельефом и цветом поверхности. Натечно-надувные слои, заполняющие ров, отличаются по цвету от ненарушенных участков равнины. Основание треугольника воронкообразно втянуто внутрь ограда. Ширина прохода, находящегося здесь, около 15 м. Линия южной части западной стены ограда изломана. На одном из уг-

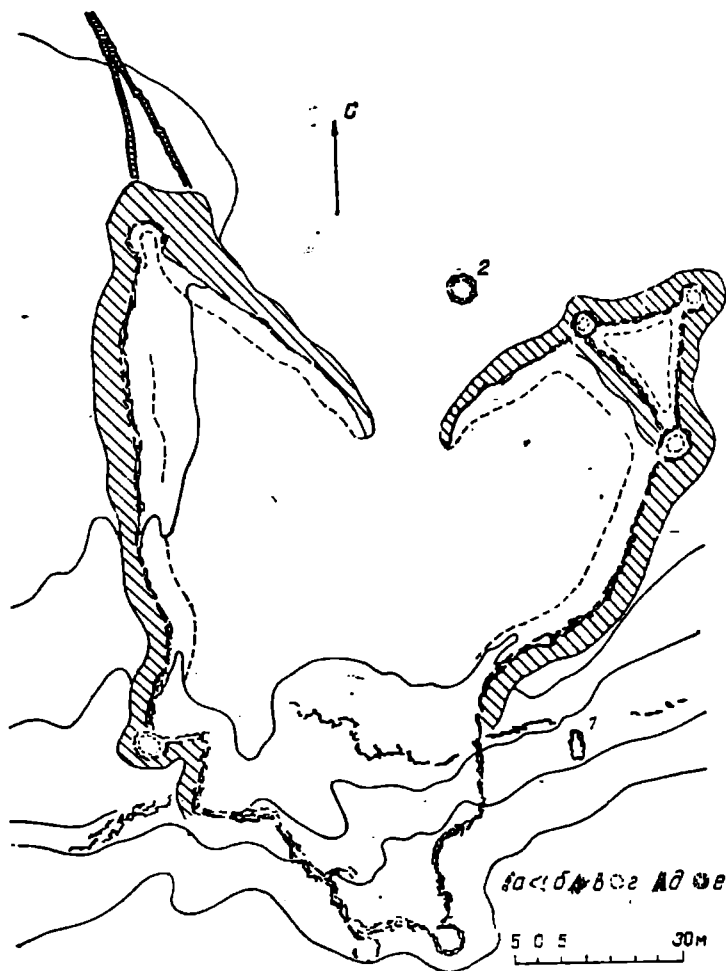

Рис. 28. Жарынкудук-14, восточная «стрела», план:

а — вертикальностоящие каменные плиты; *б* — рваные края выходов известняка со следами разработки; *в* — вали грунтово-щебнистые, облицованные с внутренней стороны многорядными вертикально стоящими и наклонно лежащими известняковыми плитами; *г* — рвы, понижения; *д* — цепочки горизонтально лежащих плит; *е* — курган.

лов — кольцо, окруженное валом с понижением в середине. По внутреннему периметру вала — замкнутый круг из вертикально или наклонно стоящих многорядных плит известняка. Внутренний диаметр кольца около 5 м. На вершине «стрелы», в южной ее части — двойное кольцо, аналогичное описанному. В южной части «стрелы», находящейся на довольно крутом склоне, вали не сохранились и контур ее читается лишь по линиям вертикально стоящих известняковых плит. В верхней части этого склона на поверхность выходит изломанный край залегающего горизонтального мощного пласта известняка. Вид-

ны следы его ломки. Надо полагать, что именно здесь добывалась часть камня, употребленного на сооружение ограды.

На северо-восточном углу «стрелы» находится замкнутая треугольная ограда с тремя кольцами по углам. Внутри ограды понижение на 0,5—0,6 м. Площадь ограды около 0,2 га. В целом площадь «стрелы» около 0,95 га.

От кольца на северо-западном углу отходит линия плосколежащих на современной поверхности известняковых плит, продолжающая восточную половину воронкообразного входа в стреловидную планировку. Линия двойная, начинается от вала входа в «стрелу» и от кольца, и на расстоянии 35 м от последнего сливающаяся в одну. Линия прерывается, в ряде мест видны почти совсем «утонувшие» в почве камни.

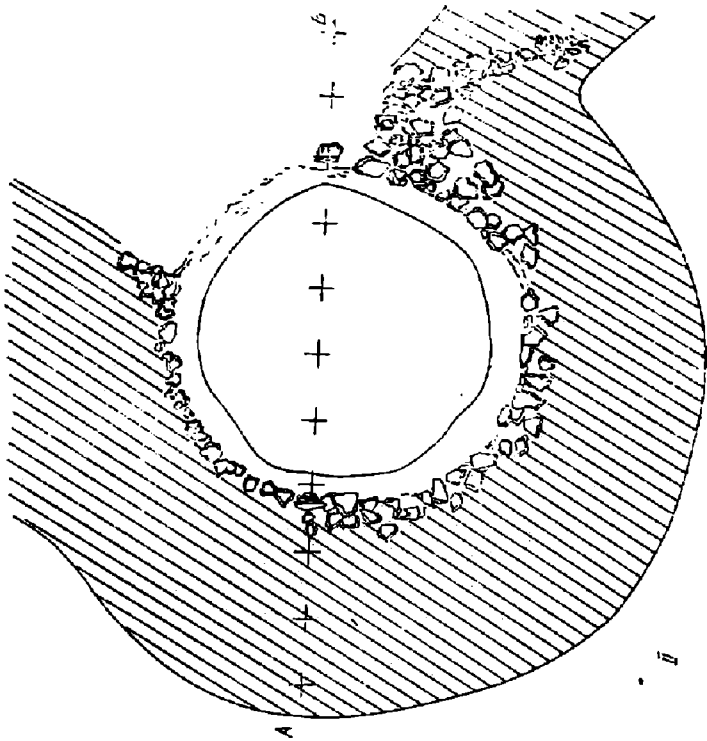
Несомненно, первоначально здесь имелся ров и грунтово-щебнистый вал, облицованный с внутренней стороны камнем, однако к моменту обследования они не сохранились. Полнее представление о них дает западная половина входа. Здесь у «стрелы» сохранились и вал, и ров. Вал хорошо выражен в рельефе, имеет щебнистую поверхность. По внутренней стороне сплошная линия многорядных, стоящих вертикально известняковых плит. Ров сохранился в виде неглубокого, но четко выраженного понижения. Однако к проходу и ров, и вал сглаживаются. Здесь они частично демаскируются полосой боялыша, поселившегося именно на древних валах и рвах, а на окружающих такрах отсутствующего. Ширина прохода в «мешок» около 180—190 м.

Западная стрела геометрически более правильная, чем восточная (рис. 29, I). Она представляет в плане вытянутый треугольник, высота которого около 150 м, ширина по основанию около 90 м, общая площадь около 0,8 га. На всех углах — кольца, на вершине кольцо двойное. Основание воронкообразное, втянутое внутрь, имеет проход шириной около 15 м. По конструкции и размерам валы, рвы и кольца одинаковые с описанными для восточной «стрелы».

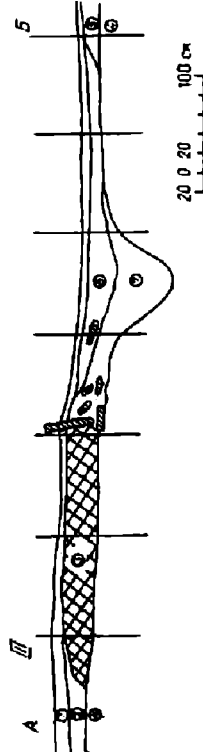
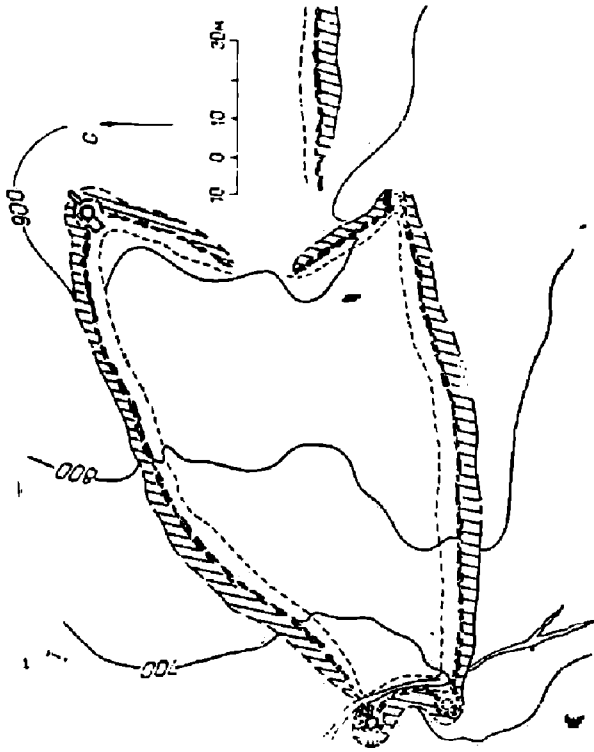
«Стрела» находится на склоне. От нее к юго-западу отходит линия «уса», прослеженная на протяжении более 400 м (рис. 27). «Ус» состоит из цепочки, то сплошной, то прерывистой, плоско лежащих на поверхности известняковых плит. Первоначально, видимо, они стояли вертикально. В рельефе не выражен. Пересекает бугор высотой до 3 м и прослеживается затем по склону в котловину солончака Жарынкудук, где теряется в сплошных зарослях саксаула.

«Направляющая» по характеру аналогична «усу». Она начинается от середины прохода в «мешок» на плоской равнине и выходит затем на склон. «Направляющая» в виде прямой линии тянется к юго-западу. Конец ее загнут под прямым углом на юго-восток. Длина «направляющей» до изгиба около 450 м, после изгиба 35—40 м.

Кольцо I западной «стрелы» (рис. 29, II). Через кольцо была проложена траншея длиной 13 м, шириной 1 м, затем, в пределах внутреннего обвода кольца, — расширенная. Было установлено, что кольцо представляло собой круглую в плане яму, выбитую в известняке. Известняк сверху плитчатый, легко распадающийся, ниже — сплошной монолит. Поверх известняка залегают почвенный слой мощностью до 40 см, также прорезанный во время сооружения круглой ямы. Яма в поперечнике имеет размер около 5 м, ее глубина от уровня древнего горизонта 1,3—1,4 м. Неровные с рваными краями стены слегка сужаются к плоскому дну. По периметру яма окружена валом шириной 4—5 м. Для его сооружения частично снят слой древней почвы. Основная часть вала грунтовая с большим количеством щебня и известняковых плит. Судя по разрезу (рис. 29, II), внутренняя часть вала была слабонаклонной или почти вертикальной, облицованной в верхней части от уровня известняка бессистемной каменной кладкой. Последнее делалось с целью предотвращения осыпания и превращения вер-

20 0 20 100 cm

тикали стены ямы в пологий склон. Внешняя сторона вала, вероятно, имела пологий понижающий профиль. Вал вокруг ямы сформирован за счет грунта, выброшенного при ее рытье. Ориентировочная прикидка объема выброшенного грунта позволяет предположить, что высота вала составляла около 1,5 м, а общая глубина ямы от уровня верха вала — где-то в пределах 2,5 м.

Вал кольца переходит в вал ограды «стрелы», имеющий те же размеры и особенности. Со стороны внутреннего пространства «стрелы» вал разорван широким (около 3 м) проходом, обрывающимся в яму. Яма имела заполнение, свидетельствующее о ее постепенном наполнении суглинистыми натеками в периоды, когда стреловидная планировка не использовалась, и мощным слоем разрушения, образовавшимся после того, как сооружение было полностью заброшено. По характеру яму можно сопоставить с аналогичными элементами в Североуральской системе стреловидных планировок. Аналогичный характер имеет и кольцо 2, находящееся на другой вершине треугольника ограды, примыкающей к основанию.

Резко отличаются уже по внешнему виду два кольца на вершине «стрелы». Они имеют замкнутый контур и гораздо меньшие размеры, чем две описанные круглые ямы в основании треугольника. Их диаметр не более 3 м.

В кольце 1 в результате раскопок была выявлена глубокая яма, выбитая в материке, покрытая обложенная необработанными известняковыми плитами (рис. 29, II). Кладка бессистемная, в большинстве случаев завалившаяся, переходит в кладку валов. Со стороны внутреннего пространства «стрелы» в кольце обкладки широкий проход, обрывающийся в круглую яму.

В кольце 3 ситуация, в целом, близкая, однако оно чуть меньше по размерам, кладка кольцевая, замкнутая, без прохода. На дне ямы, по ее центру — золотое пятно с обгоревшими фрагментами костей животных и небольшим количеством керамики. Прокаленность под пятном отсутствует, костер или горел одновременно и недолго, или зола принесена со стороны и ссыпана.

Траншея 1 (рис. 29, III, разрез А—Б). Здесь был вскрыт остаток сильно размытого грунтового вала, по внутреннему краю облицованного вертикально поставленными известняковыми плитами. За валом, с внутренней стороны, узкий ров, выбитый в известняке. Он переходит в широкое понижение, образованное снятым до уровня известнякового горизонта почвенным слоем, употребленным затем вместе с вытянутым из рва грунтом на сооружение насыпи вала. Ширина вала 2,8—2,9 м, ширина рва до 1,2 м, ширина понижения до 4 м. Глубина рва до уровня древнего горизонта около 0,9 м.

«Стоянка» Жарынкудук-10 входит в общий комплекс стреловидной планировки Жарынкудук-14, являясь одним из органических элементов этого комплекса. Она располагается у «мешка» Жарынкудука-14, но за его пределы, к северо-западу от него.

«Стоянка» Жарынкудук-10 расположена на очень пологом склоне останцовой гривы, на южном краю солончака. На местности стоянка выделяется более светлой окраской грунта по сравнению с окружающим характером растительности: в пределах «стоянки» и на окружаю-

Рис. 29. Жарынкудук-14. Стреловидная планировка. I — западная «стрела», план; II — кольцо № 1, план и разрез А—Б:

I — корковый (над ямой дерновый) горизонт; 2 — суглинок рыхлый, щебнистый, комковатый; 3 — суглинок плотный, со щебнем и известняковыми плитами, прочно сцементированный солями; 4 — слонистые, натечные, суглинистые отложения; 5 — известняк слоистой; 6 — известняк плитчатый; 6 — насыпь (суглинок, щебень, плиты); 7 — почва бурая, плотная, сверху трещиноватая, снизу однородная; III — траншея 1, разрез А—Б: 1 — корковый горизонт; 2 — почва вторичная; 3 — вал грунтово-щебнистый; 4 — известняк плитчатый (материк); 5 — почва бурая; 6 — суглинок, сушь (натечно-надувные слои); 7 — суглинок слабощебнистый, коричневый (вторичная почва).

шей местности растут разные виды растений, различающиеся по цвету. Кроме того, внимательный осмотр поверхности позволяет заметить здесь сильно измельченные, но многочисленные находки фрагментов лепной керамики, костей, в том числе и сильно обожженных. Все эти признаки становятся заметными лишь при очень тщательном обследовании. Внимание к «стоянке» привлекается, прежде всего, большим скоплением известняковых плит, лежащих на поверхности, густо обросших зеленовато-бурыми лишайниками. Эти плиты лежат отдельно, образуют заметные беспорядочные скопления или упорядоченные круговые кладки с понижением в середине. Последние напоминают насыпи курганов с грабительской воронкой в центре. Помимо этого, внимательный осмотр позволяет обнаружить круговые структуры, образованные торчащими верхушками вертикально вкопанных известняковых плит, почти целиком скрытых в грунте.

«Пятно» «стоянки» имеет в плане очертания, близкие к прямоугольнику, вытянутому по широте. На краю прямоугольника иногда удается выявить что-то вроде цепочки каменных плит, возможно, это остатки каких-то оград (рис. 30). Размеры прямоугольника примерно 40×30 м. Раскопки произведены в юго-восточном углу и, в меньшем объеме, у западного края, площадь раскопов соответственно около 200 кв. м и около 20 кв. м.

Первый раскоп примыкал к объекту, условно названному «круглое сооружение» и большому беспорядочному скоплению плит к западу от него. Круглое сооружение по внутреннему диаметру около 2,5 м, выложено беспорядочно уложенными плитами, часть из которых находится в вертикальном положении, другие лежат горизонтально. Раскопки позволили выявить, что круглое сооружение поставлено непосредственно на известняковой основе, с которой предварительно был удален перекрывающий ее почвенный слой. Внутри сооружение было заполнено на глубину до 0,5 м пылеватым суглинистым, щебнистым слоем с большим количеством фрагментов керамики и костей животных.

С юга к круглому сооружению I примыкают две ограды: № 1 и № 2, образованные бессистемно стоящими вертикально или лежащими горизонтально известняковыми плитами. Для их сооружения был снят полностью или частично почвенный слой до уровня известняка. Внутри ограды рыхлый суглинистый слой мощностью 0,2—0,4 м, насыщенный фрагментами керамики и костями животных. Следует отметить, что аналогичный слой за пределами ограды почти не дает находок.

К юго-западу находится еще одна подобная ограда (ограда № 2). В ее систему входит и беспорядочное скопление камней. Специфической чертой ограды является то, что слой здесь сверху закрыт небольшими известняковыми плитами. Под каждой из них отмечена повышенная концентрация костей животных.

В южной части ограды находится яма, нижней частью врезанная в известняк (яма № 2). Ее диаметр около 0,2 м, глубина до 0,3 м. По дну ямы были уложены лопатки крупных животных (кулан?) и одна нижняя челюсть также крупного копытного. Слой повсюду слабо золен, встречаются отдельные зольные пятна с горелыми фрагментированными костями животных. Однако ни в одном случае следов горения не отмечено, зола явно принесена со стороны и насыпана в пределах расчищенных оград.

Как уже отмечалось, в западной части находится круглое сооружение № 2. Наверху оно окружено кольцом бессистемной каменной кладки, снизу частично вырублено в сплошном известняковом слое. В центре в известняке выбито круглое блюдцевидное понижение, заполненное золой. Однако следы горения в виде прокаленности суб-

стратного грунта отсутствуют. Вероятно, зола принесена со стороны. В золе масса горелых фрагментированных костей животных. Непосредственно на поверхности известняка лежит золистый пылевидный культурный слой, насыщенный костями животных и фрагментами керамики. Сверху золистый слой перекрыт мощным суглинистым слоем, в нижней части которого отмечены редкие находки керамики и кос-

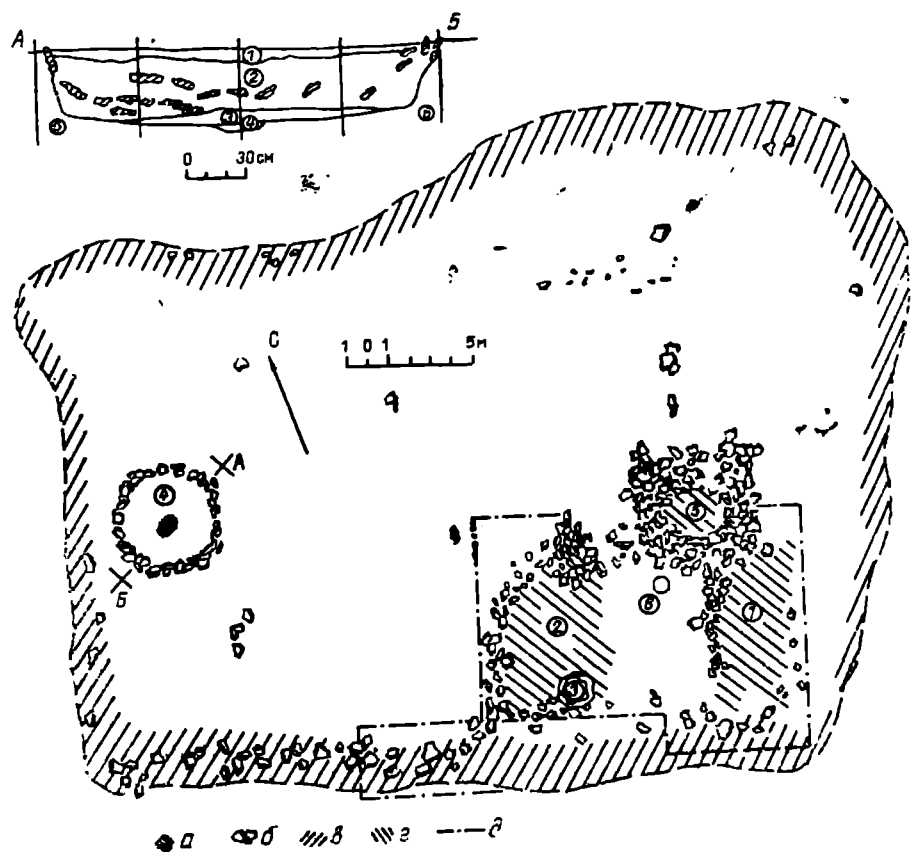

Рис. 30. Жарынкудук-10, «стоянка», план и разрез А—Б. План:

a — зольное пятно без прокала, в блюдцевидном понижении; *b* — плиты необработанного известняка; *в* — граница распространения культурного слоя, фиксируемая по поверхности; *г* — граница распространения культурного слоя слабозлистого, суглинистого, насыщенного фрагментами костей животных и керамики; *д* — граница раскопа. Разрез А—Б: 1 — корковый горизонт; 2 — суглинок плотный, щебнистый, в нижней части слоя редкие находки фрагментов керамики и костей животных; 3 — пылеватый золистосуглинистый слой с обильными находками фрагментов костей и керамики; 4 — зольный слой без следов горения, с обильными находками фрагментов обожженных костей животных; 5 — известняк (материк).

тей. В слое много необработанных известняковых плит. Глубина ямы 0,7—0,8 м, диаметр около 45 см.

Оценивая итоги раскопок «стоянки» Жарынкудук-10 в целом, мы неизбежно должны исключить как бытовой, так и производственный ее характер. Такие элементы, как яма с одними только лопатками животных в ней, закладка костей животных «порциями» под каменные плиты, зола с горелыми костями, принесенная со стороны и насыпанная в специальных условиях, скорее могут свидетельствовать о каких-то обрядовых, ритуальных действиях. В этом случае «стоянка» Жарынкудук-10 может быть определена как место их отправления. Судя по вхождению «стоянки» в комплекс стреловидной планировки Жарынкудук-14, можно предполагать, что эти ритуалы функционально были связаны с ней.

Кендырлисорская группа.

Эта группа стреловидных планировок расположена на Западном чинке Устюрта. По ландшафтной классификации Г. И. Доленко, район расположения Кендырлисорской группы находится в пределах западной части Центрального Устюрта [Доленко, 1930, с. 1—2; 10—19].

Плато в районе стреловидных планировок имеет общий пологоволнистый характер. Определяющим орографическим фактором является увал Музбель, тянущийся в направлении восток-юго-восток и выходящий на Западный чинк в районе урочища Когусем. Непосредственно в причинковой зоне поверхность плато имеет где слабый, где более крутой наклон к чинку. рельеф здесь довольно сильно расчленен промоинами, крутыми щелбистыми склонами, увалистыми грядами, останцовыми буграми, как, например, бугор Карамая или бугор Когусем, достигающими абсолютных высот 230—260 м, а в месте выхода к чинку увала Музбель — до 340 м. На равнине нередко отмечаются такыры. Довольно многочисленны колодцы в разной степени минерализованные. Хорошей водой среди скотоводов Устюрта славится колодец Когусем.

Западный чинк Устюрта в районе расположения Кендырлисорской группы стреловидных планировок глубоко уклоняется к востоку от общего меридионального направления, образуя гигантскую излучину. Чинки в районе излучины достигают над подошвой 256 м [Доленко, 1930, с. 12]. Линия чинка неровная, с многочисленными угловатыми выступами и отчлененными мысами-сопками с пиковидными вершинами. Чинк изрезан многочисленными оврагами с головокругительными отвесными обрывами, крупными каменистыми осыпями, скальными выступами и каринзами, каменистыми мысами, далеко выступающими за линию чинка (рис. 31).

Под чинком с северной стороны излучины расположен окрашенный в мрачные лиловато-черные тона, поражающий своей дикой суровостью останцевый хребет Карамая, протянувшийся по солончаковой равнине параллельно линии чинка почти на 20 км. Наибольшей высоты хребет достигает в западной половине. Здесь расположено несколько темноокрашенных островершинных сопок с плавными седловинами между ними. Между чинком и хребтом находится пестроцветный мелкосопочник, образованный обнажающимися пластами красных, зеленых и серых гли и песчаников.

Огромные пространства в излучине и южнее ее заняты впадиной Карынжарык, а непосредственно под чинком находится обширный мокрый солончак Кендырлисор, именем которого названа вся находящаяся здесь группа стреловидных планировок. На солончаке, с южной стороны хребта Карамая, у его основания одноименное небольшое горько-соленое озеро. Под чинком на солончаке в ряде мест бьют горько-соленые источники. О довольно активной в прошлом деятельности поверхностных вод свидетельствует довольно четко выраженное на протяжении 15—16 км от кладбища Табаната на севере до горько-соленого источника Каражар на юге сухое русло Каражар.

В настоящее время мы не имеем достаточно полной информации для точного определения территориальных границ Кендырлисорской группы стреловидных планировок. По данным С. И. Варущенко, А. Н. Варущенко, Р. К. Клиге, стреловидные планировки в районе Кендырлисорской излучины прослеживаются вдоль чинка на расстояние до 90 км [Варущенко и др., 1987, с. 88, рис. 16, 7]. Л. Л. Галкин отмечает наличие стреловидных планировок на широте бугра Караман [Галкин, 1988, с. 94]. Основываясь на этих данных и на материалах наших археолого-топографических изысканий 1988 г., можно предпо-

лагать, что планировки, начинаясь где-то южнее колодца Когусем, располагаются затем по чинку до широты бугра Карамая и северо-западнее его.

Во время наших работ детальному археолого-топографическому изучению и научному описанию подвергся участок чинка от колодца Когусем на северо-запад протяженностью свыше 16 км. Здесь были обнаружены, нанесены на карту 11 стреловидных планировок, расположенных непосредственно на чинке, и одна стреловидная планировка, удаленная от него на расстояние до 5 км и находящаяся в 3 км к юго-востоку от бугра Когусем (рис. 31).

На четырех стреловидных планировках произведена крупномасштабная инструментальная топографическая съемка, выполнены фотодокументация и детальное научное описание. Все обследованные

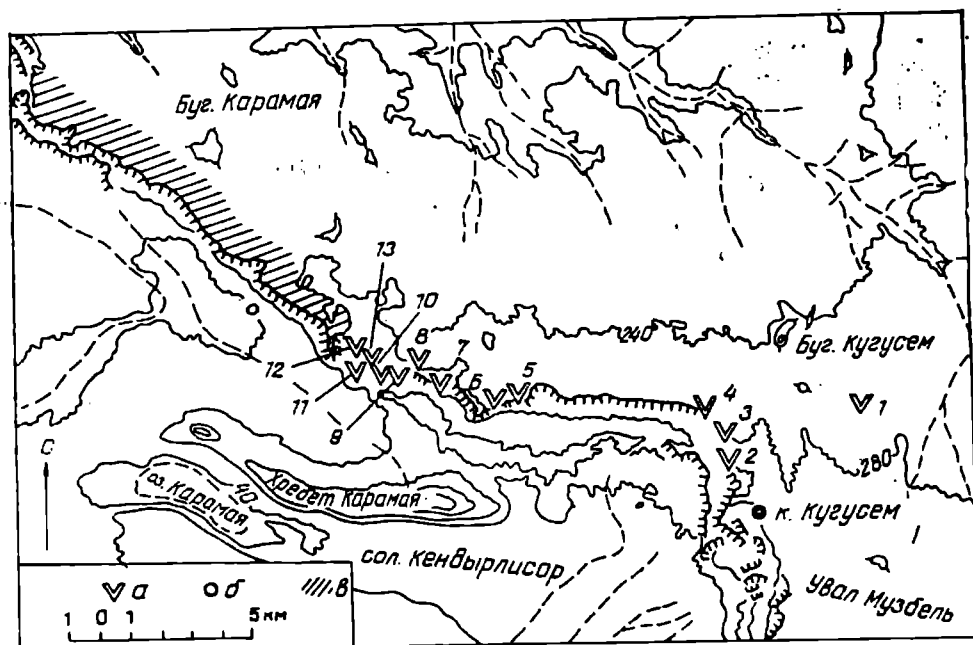

Рис. 31. Картограмма расположения Кендырлисорской группы стреловидных планировок:

1 — Когусем-2, стреловидная планировка; 2 — Карамая-1, стреловидная планировка; 3 — Карамая-2; 4 — Карамая-3; 5 — Карамая-5; 6 — Карамая-6; 7 — Карамая-7; 8 — Карамая-8; 9 — Карамая-9; 10 — Карамая-10; 11 — Карамая-11; 12 — Карамая-12; 13 — Карамая-13; а — стреловидные планировки; б — колодцы; в — зона предполагаемого распространения стреловидных планировок.

нами стреловидные планировки находятся на пологонаклонной равнине, примыкающей к чинку, на далеко выходящих за линию чинка мысах, на обрывистых бортах глубоких оврагов. Судя по данным, опубликованным Л. Л. Галкиным, аналогичным образом расположены и стреловидные планировки в районе бугра Карамая [Галкин, 1988, с. 94].

Какой-либо закономерности при определении расстояния, на которое стреловидные планировки были удалены одна от другой, не наблюдается. Место расположения их определялось конкретными ландшафтными особенностями: как уже отмечалось, наличием мыса, оврага и т. п., в естественные контуры которых они весьма искусно вписывались.

Карамая-1, стреловидная планировка. Находится в 2 км к северо-северо-западу от колодца Когусем, на обрывистом крае плато (рис. 32).

Планировка представляет собой каменную ограду в плане слож-

ной формы, в качестве одной из ее сторон (южной) использован отвесный обрыв чинка. С севера и востока на расстоянии, в первом случае, 40 м, во втором — 25 м, в систему линейных оград включены кольцевые ограды, имеющие диаметр 3—4 м. Изгороди планировки к кольцам сходятся под острым углом. Вход шириной 37 м расположен

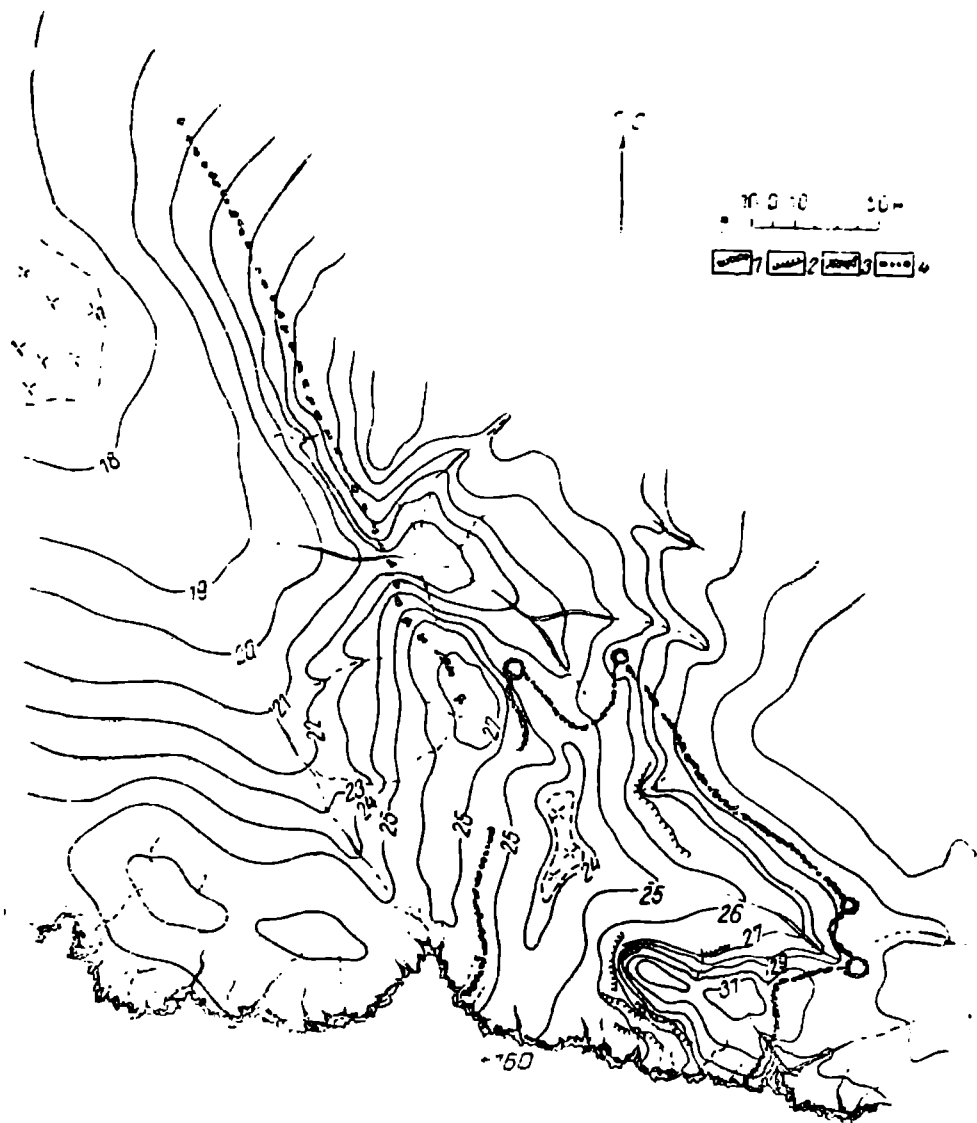

Рис. 32. Карамая-1, стреловидная планировка, ген. план:

1 — сплошная линия каменных плит (ограда планировки); 2 — обрывистые края изломов горизонтальных пластов известняка; 3 — вертикальный обрыв; 4 — редкая цепочка каменных плит.

примерно посредине западной стороны ограды. Изгородь здесь слабо-извилистая, края прохода отогнуты наружу. Площадь ограды около 4,2 га.

Ко входу выводит прямая линия — «направляющая», протянувшаяся в направлении ССЗ-ЮЮВ на расстояние около 350 м. Вместе с чинком она образует две сходящиеся ко входу в ограду линии. «Направляющая» не сплошная, она образована кучками камней или вер-

тикально поставленными каменными плитами, расположенными «цепочкой» на расстоянии 1,5—2,5 м одна от другой.

Планировка сооружена из обломков известняковых необработанных плит, которые устанавливались вертикально или укладывались горизонтально, непосредственно на поверхности плато без каких-либо земляных работ. Внутри колец был выбран небольшой объем грунта на глубину не более 0,5 м. Кладка изгороди и колец производилась очень небрежно, бессистемно и без применения связующего раствора.

Ко входу в ограду ведет полого поднимающийся склон, заключенный между двумя «направляющими»: линией обрывистого края чинка и «цепочкой» вертикально стоящих каменных плит. Сразу же за входом внутри ограды понижение с затакыренным дном, а затем — подъем, ведущий к западным кольцам. Северные кольца расположены почти на том же уровне, что и затакыренное дно понижения.

Карамая-2, стреловидная планировка. Находится в 2,7 км к северо-северо-западу от колодца Когусем и в 0,5—0,6 км к северу от стреловидной планировки Карамая-1, на чинке. Сильно разрушена. Сохранились лишь одно заплывшее кольцо диаметром 3,0—3,5 м и часть ограды. В качестве одной из сторон планировки использовался обрывистый край чинка. Ограда и кольцо сооружены из необработанных известняковых плит, устанавливавшихся вертикально непосредственно на поверхности плато. Кольцо слабо заглублено.

Карамая-3, стреловидная планировка. Находится в 3,7 км к северо-северо-западу от колодца Когусем и в 0,8—0,9 км к северо-северо-западу от стреловидной планировки Карамая-2 (рис. 31). Расположена на северном борту котловины проседания, на краю чинка. В качестве одной из сторон использован обрыв чинка.

Стреловидная планировка представляет собой ограду из камня, в плане подтреугольную, со входом шириной 85—86 м на западной стороне ограды (рис. 33). Края ограды отогнуты наружу, образуя широкий раструб или воронку. В качестве южной стороны использован обрыв плато. Планировка имеет два кольца, собственно, это не кольца, а угловатые фигуры, в плане близкие к прямоугольникам. Их размеры по сторонам 3,2—3,4 м. Одно кольцо расположено на северном углу ограды, другое — близ чинка. Площадь ограды около 3,5 га.

Стены сложены из известняковых необработанных плит. Там, где они сохранили свое первоначальное положение, видно, что плиты устанавливались вертикально, непосредственно на поверхности плато. Часто между плитами оставались большие промежутки. Иногда их заполняли горизонтально уложенными плитами, а иногда оставляли свободными. Конец ограды на северной стороне входа представляет собой не сплошную линию, а цепочку вертикально поставленных плит с промежутками между ними до 3 м.

Ко входу в планировку выводит пологий подъем, пространство внутри планировки ощутимо понижается к чинку. Края входа возвышаются над его серединой. Вход, таким образом, приобретает характер желоба. Общая площадь ограды 3,4—3,6 га. Длина сторон ограды в пределах 200 м.

Карамая-5, стреловидная планировка. Находится в 12 км к западу от бугра Когусем (рис. 31). Расположена в котловине проседания, на восточной стороне огромного оврага с обрывистыми краями. Представляет собой ограду, в плане подпрямоугольную, длина сторон 100—120 м, по углам расположены замкнутые прямоугольные ограды, длина сторон которых 2,5—3,0 м (рис. 36, 2). Вход на северной стороне. Местность ко входу заметно поднимается. В качестве западной стороны ограды использован обрывистый край оврага.

Ограда сооружена из необработанных известняковых плит, установленных вертикально. Замкнутые прямоугольные ограды на углах из горизонтально уложенных плит, с внутренней стороны по основанию — из вертикально установленных. Кладка местами достигает высоты 1,5—1,7 м, произведена прямо по уровню древней дневной поверхности без заглабления ниже уровня горизонта. Вход ориентирован на север таким образом, что край обрыва оврага является свое-

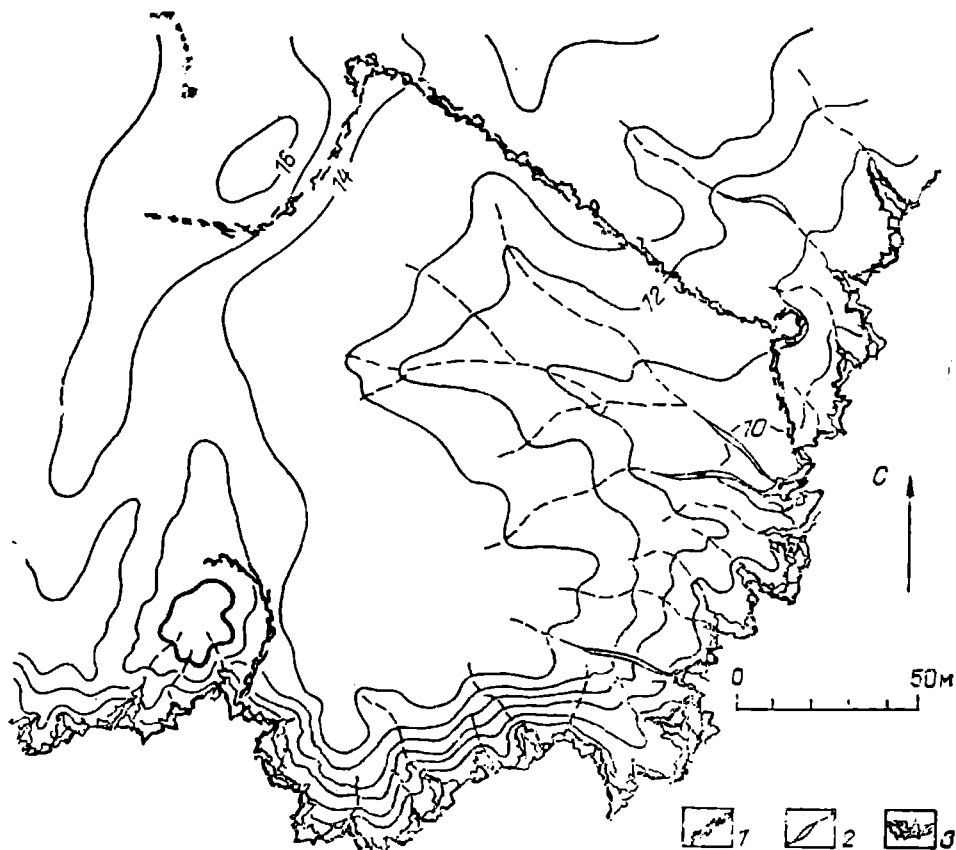

Рис. 33. Карамая-3, стреловидная планировка, ген. план:

1 — каменная кладка ограды планировки; 2 — промоины; 3 — обрывы.

образной «направляющей».

Карамая-6, стреловидная планировка. Находится в 1 км к юго-западу от стреловидной планировки Карамая-5, на мысу в устье оврага. Представляет собой систему низких каменных изгородей и колец.

Карамая-7, стреловидная планировка. Находится на северном краю Кендырлисорской излучины, на мысу, далеко выступающем за линию чинка, в 14 км к западу от бугра Когусем (рис. 31).

Сооружение сложное в планировочном отношении и представляет собой комплекс из двух различных планировочно, а также, возможно, функционально и хронологически частей: северной и южной (рис. 34). Северная часть представляет собой в плане стреловидную фигуру, состоящую из треугольной ограды и двух сходящихся ко входу в нее длинных «направляющих», образующих постепенно сужающийся коридор ко входу в треугольную ограду. Ограда имеет размеры около 150 м по высоте и около 100 м по основанию. Общая площадь треугольной ограды около 1,8 га. На основании — глубоко втянутый во-

ронкообразный вход с проходом шириной около 28 м. На углах основания треугольной ограды две кольцевые диаметром около 4 м. У западного кольца видны затянувшиеся остатки другого, видимо, более раннего кольца.

От широкого входа треугольной ограды тянутся, постепенно расходясь в стороны, две изгороди-«направляющие». Восточная длиной

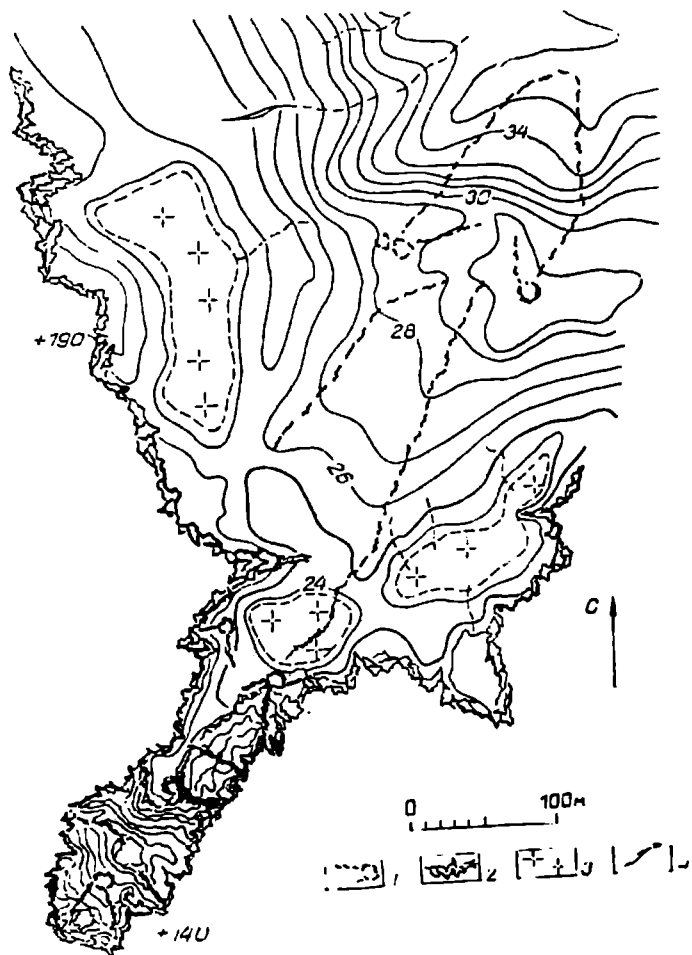

Рис. 34. Карамая-7, стреловидная планировка, ген. план:

1 — каменная кладка ограды планировки; 2 — обрывы; 3 — такыры; 4 — промоины.

свыше 300 м доходит до обрывистого края мыса. Западная, длиной около 165 м, до обрыва не доходит, образуя проход шириной 75—76 м. Местность по суживающемуся коридору, выводящему в треугольную ограду, представляет собой склон с перепадом высот от чинка до треугольной ограды около 5 м.

Описываемая планировка, вытянутая по линии СВ-ЮЗ, и обрывистый край плато образуют еще одну воронку, выводящую в длинный, постепенно суживающийся коридор. Необходимо заметить, что эта воронка имеет вид ложбины с дном, занятым большим гладким такыром.

Конструктивно северная часть комплекса представляет собой систему оград из вертикально поставленных необработанных известняко-

вых плит. Местами на вертикально стоящих каменных плитах лежат в несколько рядов плоскоположенные плиты. Кольца сооружены из горизонтально уложенных плит. Кладка беспорядочная, без применения связующего раствора. По основанию горизонтальная кладка облицована вертикально поставленными плитами. Ограда и кольца поставлены непосредственно на уровне древней дневной поверхности. Грунт внутри кольцевых оград выбран на глубину до 0,5 м.

Южная часть комплекса расположена на узком, длинном мысу (рис. 34). В начале мыс отсечен изгородью с воронкообразным входом шириной около 20 м и двумя замкнутыми угловатыми, подпрямоугольными в плане оградами со стороной 3—4 м на внешней стороне изгороди. Продолжением изгороди является обрывистый край мыса, ограничивающий южную часть комплекса.

В сложный рельеф мыса вписаны еще несколько изгородей, отсекающих широкие карнизы, пологие склоны и уступчатые расщелины, то есть те места мыса, по которым возможен выход за пределы, очерченные его обрывистым краем. В систему этих изгородей включены еще две угловатые замкнутые ограды, аналогичные описанным на внешней стороне входа.

Изгороди достигают высоты 1,0—1,5 м, сложены из беспорядочно уложенных то горизонтально, то вертикально каменных плит. Замкнутые ограды из горизонтально уложенного плитняка имеют угловатые очертания. По основанию изнутри они облицованы вертикально установленными плитами. Грунт внутри оград выбран на глубину до 0,5 м. Изгороди сооружались на уровне древней дневной поверхности.

Карамая-8, стреловидная планировка. Находится в 14 км к западу от бугра Когусем (рис. 31), на мысу, далеко выступающем за линию чинка. Для сооружения планировки в максимальной степени использован естественный рельеф мыса. Изгородь с проходом отсекает конец мыса (рис. 35). Она поставлена в наиболее узком месте мыса. Имеет вид глубоко втянутой воронки, заканчивающейся проходом шириной 13—14 м (рис. 36, 3). На изгороди далеко вынесенные перед входом две замкнутые ограды, в плане подпрямоугольные, со стороной 3—4 м. От оград дугообразно изогнутые изгороди выводят на обрывистые края мыса. Эти же обрывы использованы как восточная и западная стороны планировки. На южном окончании мыса, где имеется глубокая расщелина, ступенчато спускающаяся вниз, сооружена еще одна коленчато-изогнутая изгородь от края до края мыса, преграждающая доступ к расщелине. На коленчатом изгибе — замкнутая ограда, аналогичная оградкам на входе. Общая площадь планировки около 3,8 га.

Поскольку мыс узкий и постепенно суживающийся к концу, его обрывистые края использовались в качестве воронкообразно сходящихся ко входу «направляющих», в других планировках полностью или частично соорудившихся искусственно.

Изгороди планировки сооружались из известнякового плитняка, укладывавшегося в одних случаях горизонтально, в других — вертикально. Часто над вертикально стоящими плитами укладывалось еще несколько плит горизонтально. В ряде мест изгородь облицовывалась вертикально установленными плитами известняка. Ставились изгороди непосредственно на дневной поверхности. Высота изгородей 0,4—1,0 м.

Замкнутые ограды сооружались из горизонтально уложенного плитняка. Высота кладки местами достигала 1,5 м. По основанию изнутри кладка облицовывалась вертикально установленными плитами (рис. 36, 1). На одной из таких плит глубоко прорезан тамгообразный знак (рис. 36, 4). Грунт внутри оград выбирался на глубину до 0,5 м.

Карамая-9, стреловидная планировка. Расположена в 0,5 км к северу от стреловидной планировки Карамая-8 (рис. 31). Находится не-

посредственно на обрывистом крае чинка. Представляет собой треугольную ограду с кольцами на вершинах треугольника и втянутым внутрь входом на основании треугольной ограды. От входа тянется «направляющая»; вместе с обрывистым краем чинка, выполняющим роль второй «направляющей», она образует длинный, постепенно сужающийся коридор, выводящий в треугольную ограду.

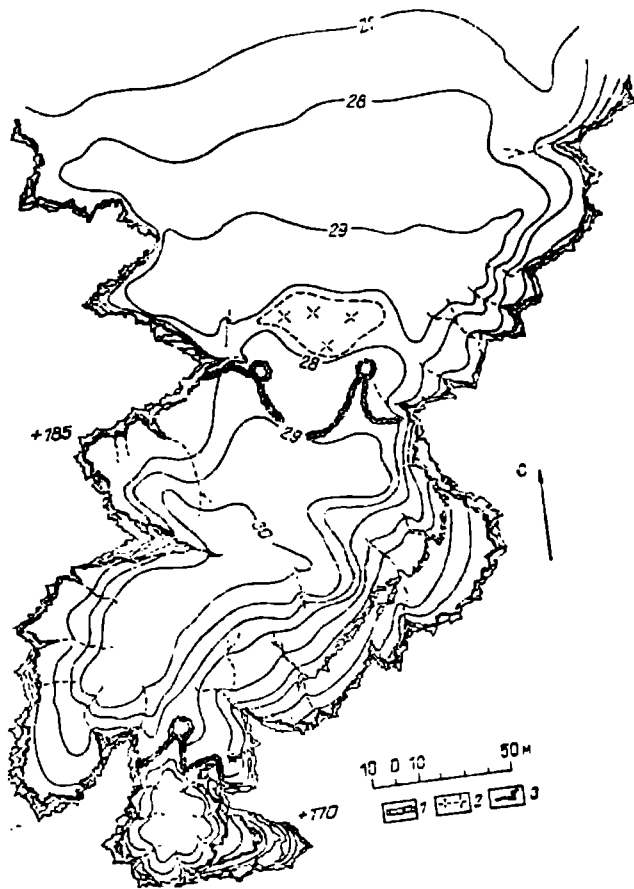

Рис. 35. Карамая-8, стреловидная планировка, ген. план:

1 — сплошная каменная кладка ограды планировки; 2 — такыры; 3 — обрывы.

Стреловидная планировка сложена из известнякового плитняка.

Карамая-10, стреловидная планировка. Расположена в 11 км к западу от бугра Когусем, на мысу, далеко выступающем за линию чинка (рис. 31). Представляет собой треугольную каменную ограду. На всех трех вершинах треугольника — кольцевые замкнутые ограды: на северной вершине — одинарная, на двух вершинах основания треугольника — двойные. Основание треугольной ограды глубоко втянуто внутрь и имеет широкий проход. Треугольная ограда расположена таким образом, что ее западная сторона и линия чинка образуют две постепенно сужающиеся «направляющие», выводящие к пространству, ограниченному обрывами с востока, юга и запада, а с севера — основанием треугольной ограды с воронкообразным входом в нем.

Карамая-11, стреловидная планировка. Расположена на чинке, в 0,7—0,8 км к северо-северо-западу от стреловидной планировки Карамая-8 (рис. 31). Сильно разрушена, планиграфически трудноопределима.

Карамая-12, 13, стреловидные планировки. Расположены по сторонам оврага с обрывистыми краями, в 9 км к юго-юго-западу от бугра Когусем (рис. 31). Не обследовались.

Когусем-2, стреловидная планировка. Находится в стороне от чинка, в 3,2 км к юго-востоку от бугра Когусем. Представляет собой систему низких каменных изгородей и колец (рис. 31). Не обследовалась.

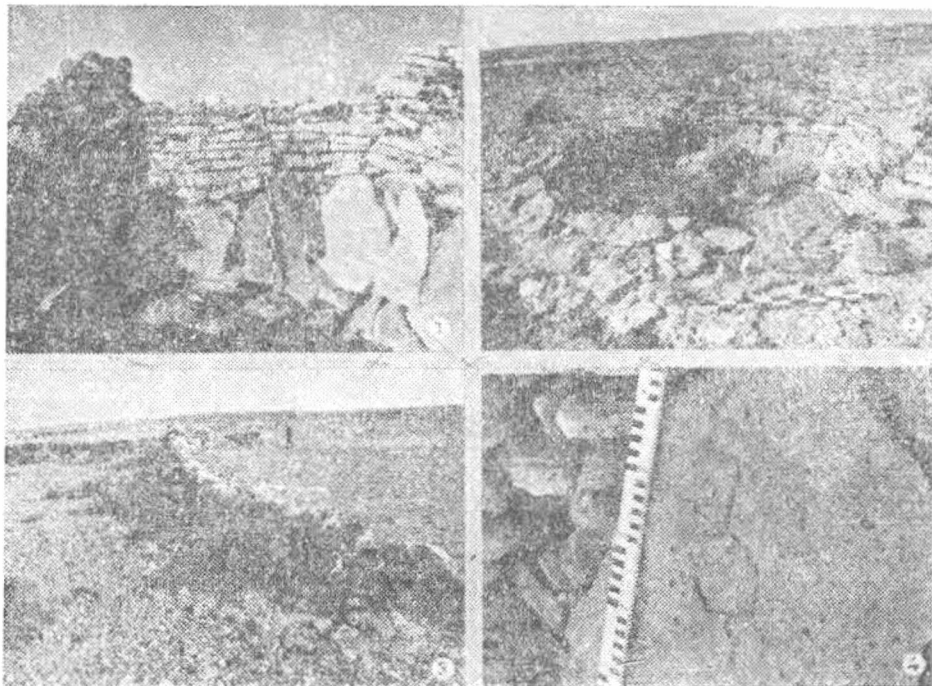

Рис. 36. Кендыршорская группа стреловидных планировок:

1 — Карамая-8, западное кольцо, вид с внутренней стороны; 2 — Карамая-5, юго-восточное кольцо; 3 — Карамая-8, западная половина входа; 4 — Карамая-8 западное кольцо, таяга.

Бейнеуская группа.

Находится на Западном чинке Устюрта, в районе Старого Бейнеу. Данных о количестве планировок в группе, их конструкции и т. п. нет. Обнаруживший их Л. Л. Галкин относит Бейнеуские стреловидные планировки к средневековью [Галкин, 1987, с. 561].

ТИПОЛОГИЯ И ХРОНОЛОГИЯ СТРЕЛОВИДНЫХ ПЛАНИРОВОК УСТЮРТА

Типология. Благодаря имеющимся в настоящее время материалам мы можем выделить четыре типа стреловидных планировок. В планиграфическом отношении все они представляют собой комбинацию из нескольких оград, количество которых различно.

1 тип — с тремя оградами. Стреловидная планировка с большой оградой параболической формы, с широким, втянутым внутрь воронкообразным входом и двумя малыми оградами треугольной (стреловидной) формы, соединенными с большой также воронкообразными входами, с «усами» и «направляющими».

2 тип — с двумя оградами. Стреловидная планировка с большой оградой, по преимуществу треугольной формы, в качестве одной из сторон которой обычно использован чинк Устюрта, и малой оградой треугольной (стреловидной) формы, соединенной с большой воронкообразным входом.

3 тип — с одной оградой. Стреловидная планировка с одной малой оградой определяющей рельефом формы, в качестве одной из сторон ограды часто используется чинк Устюрта, и двумя сходящимися «направляющими».

4 тип — с беспорядочной комбинацией оград. Система стен из известняковых плит, замкнутых колец и втянутых воронкообразных входов, включенных в естественный рельеф обрывистых мысов плато и использующих рельеф в качестве элементов искусственно созданной системы оград, воронкообразных входов и колец.

По группам стреловидных планировок перечисленные типы распределяются следующим образом: Североустюртская группа представлена первым типом стреловидных планировок; Айбуйирско-Присарыкамьшская — вторым типом; Жарынкудукская — первым и третьим типами; Кендырлнсорская — третьим и четвертым типами.

Хронология. Все перечисленные типы имеют, как правило, различные хронологические позиции и различные основания для установления хронологии. Обратимся к рассмотрению этих оснований по каждой из имеющихся территориальных групп.

Североустюртская группа.

Относительная хронология. В индивидуальных описаниях стреловидных планировок, входящих в эту группу, уже отмечалось, что по материалам аэрофотосъемки, а в ряде случаев и непосредственно на местности, удастся выявить как бы просвечивающие через контуры стреловидной планировки очертания более ранних сооружений того же типа. На стреловидных планировках № 2 и 3 сдвоена часть контура

«мешка»; на стреловидных планировках № 3, 5, 15 сдвоены «стрелы». Значительный интерес с позиций относительно-хронологических представляет стреловидная планировка № 15. Здесь на более ранней запятой «стреле» на северной вершине находится одинарное кольцо, а на более поздней это кольцо уже двойное. Этот факт позволяет полагать более поздним в системе относительно хронологии стреловидные планировки № 8, 9, 10, 11. Если это так, то и сдвоенные валы на «стрелах» стреловидной планировки № 9 и курганообразные бугры в кольцах стреловидной планировки № 9 — также явление относительно-хронологически более позднее. И, наконец, к этой же категории поздних явлений необходимо отнести круглые ямы на входе в «мешок» стреловидной планировки № 10, поскольку она имеет сдвоенные кольца на северной вершине восточной «стрелы».

К наиболее ранним стреловидным планировкам мы можем отнести на основании отмеченных выше признаков планировки № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 12, 13, 14 и раннее сооружение стреловидной планировки № 15. Причем, необходимо заметить, что стреловидные планировки № 2, 3, 4 и 5 перестраивались еще в ранний относительно-хронологический период. К поздней группе стреловидных планировок мы должны отнести стреловидные планировки № 8, 9, 10, 11 и позднее сооружение на планировке № 15.

Небольшое количество стреловидных планировок в подсистеме II может свидетельствовать о том, что она находилась на ранних стадиях формирования, в то время как подсистема I являлась уже сложившимся, длительное время функционировавшим и эволюционировавшим организмом.

Таким образом, имеются все основания полагать, что Североустюртская система стреловидных планировок представляет явление не возникающее единовременно, а постепенно складывающееся и развивающееся. Перестройка на отдельных стреловидных планировках с введением новых элементов устройства — свидетельство ее постепенного усовершенствования. При современном уровне археологической изученности Североустюртской системы стреловидных планировок можно выделить два этапа ее относительно-хронологического развития — ранний и поздний.

Абсолютная хронология. Установление абсолютных дат для выделенных относительно-хронологических периодов при современном уровне археологической изученности Североустюртской группы стреловидных планировок затруднительно. Может быть установлена лишь суммарная дата для всей группы в целом. Единственным источником для разработки вопросов абсолютного датирования является керамика: подъемная и из слоя.

Собранная на Североустюртской группе стреловидных планировок керамика по технологическим признакам может быть разделена на две группы: I) лепная, обжиг костровый; II) сформованная с применением поворотной подставки или гончарного круга, обжиг горновой.

Группа I. В количественном отношении является преобладающей в рассматриваемом комплексе. Большинство сосудов, входящих в данную группу, представляют собой плоскодонные горшки баночной или горшковидной формы с резко отогнутым наружу венчиком удлиненно-прямоугольной (рис. 37, 3, 11), вытянуто-треугольной (рис. 37, 2), просто треугольной формы (рис. 37, 6). Часто горловины сосудов не имеют венчика, представляя собой просто отогнутый наружу край стенки сосуда, иногда слабо утолщенный (рис. 37, 1, 4, 9, 12). На некоторых сосудах на нижней стороне венчика, в его нижней части имеются шишечки-налепы или ушки-налепы. Они, вероятно, располагались на противоположных сторонах горловины по две или по четыре штуки. Венчики по наружной стороне часто украшались пояс-

ками орнамента в виде вдавленных ромбов (рис. 37, 11), вертикальных прямых вдавлений (рис. 37, 13), наклонных удлинненно-овальных вдавлений (рис. 12). В некоторых случаях прямыми вдавлениями образована опоясывающая сосуд зигзагообразная линия (рис. 37, 9). Иногда сосуды украшались нанесенными по бережку наклонными вдавлениями (рис. 37, 4).

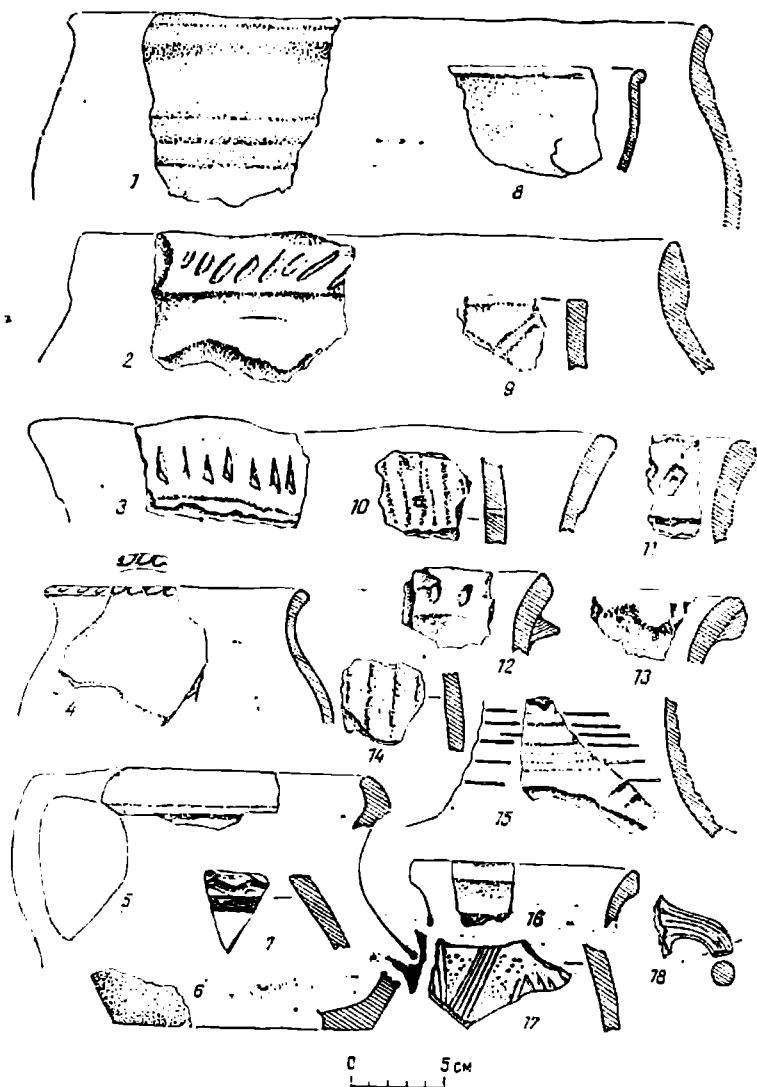

Рис. 37. Североустюртская группа стреловидных планировок. Подсистема 1, стреловидные планировки № 2, 3, 5, 6. Керамика.

Поверхности сосудов обычно грубобугристые, плохо заглаженные. Внешняя поверхность до обжига затиралась жидкой глиной. В ряде случаев внешняя поверхность имела характерную отделку в виде нарочито грубой глиняной обмазки с хорошо выраженной вертикальной ребристостью (рис. 37, 10, 14). В одном случае на внешней поверхности сосуда отмечена слабовыраженная горизонтальная ребристость (рис. 37, 1).

Сосуды формовались вручную, без применения гончарного круга или поворотной подставки. Формовочная масса плохо промешана, приготовлена из неотмученной глины, в которую в значительных количе-

ствах вводился отошитель в виде шамота. Обжиг напольный, слабый, неравномерный, черепок в изломе черный, часто крошится.

Баночные сосуды, аналогичные описанным, в целом характерны для первой группы керамики джетыасарской культуры низовьев Сырдарьи и на II и III этапах ее развития, датирующихся с IV по VIII или по начало IX вв. н. э. [Левина, 1971, с. 71, 74, 75], для керамики «культуры болотных городищ» [Левина, 1971, с. 78—80] и раннего этапа развития кердерской культуры Приаральской дельты Амударьи, датирующегося последней четвертью VII — первой половиной VIII в. н. э. [Поселение Курганча, неопубликованные материалы в фондах отдела археологии ИИЯЛ КК ФАН РУз]. Наличие такого признака, как вертикальная ребристость на грубой глиняной обмазке, нанесенной на тулово сосуда, позволяет ограничить дату всего комплекса последней четвертью VII — первой половиной VIII в. н. э., поскольку в джетыасарской культуре подобный признак появляется лишь на третьем этапе [Левина, 1971, с. 74—75], а в кердерской культуре это наиболее характерный признак для горшков, по преимуществу баночной формы, раннего этапа развития этой культуры [Поселение Курганча. Неопубликованные материалы в фондах отдела археологии ИИЯЛ КК ФАН РУз].

Группа II. Очень немногочисленна, представлена в анализируемом комплексе всего несколькими фрагментами. По форме большинство из них принадлежит кувшинам различных разновидностей. Два фрагмента (рис. 37, 3, 6) принадлежат кувшинам так называемого «афригидского типа». Это широкогорлые кувшины с выделенной суженной шейкой, яйцевидным туловом и плоским дном. Кувшины одноручные, ручка пластинчатая, сужающаяся книзу. Венчик подпрямоугольной формы, имеет с внутренней стороны изгиб, образующий своеобразный «кармашек».

Формовались сосуды этого типа на гончарном круге из предварительно отмученной, хорошо промешанной формовочной массы с редкими известняковыми вкраплениями. При формовке под дно подсыпался песок, его отпечатки сохранились на плоской поверхности дна. На внешней поверхности следы облицовки зеленовато-серым, слабоукрывистым, осыпающимся ангобом.

Впервые подобного типа сосуды описаны А. И. Тереножкиным [Тереножкин, 1940], публиковались С. П. Толстовым [Толстов, 1948 а, с. 142, табл. 51—53]. Кувшины описанного типа имеют четкую хронологическую позицию, датируясь в пределах последней четверти VII — первой половины VIII в., и широко распространены в Правобережном и Левобережном Хорезме [Тереножкин, 1940; Толстов, 1948 а, с. 142, табл. 51—53; Неразник, 1959, с. 240, рис. 6, 1, 2; 1966, с. 38, рис. 19, 1—8; Ягодин, Ходжайов, 1970, с. 66—68, рис. 28, 1—5], в Кердере [Гудкова, Ягодин, 1963, с. 261; Гудкова, 1964, с. 58; неопубликованные материалы раскопок кердерских городищ Куюк-кала и Курганча в фондах отдела археологии ИИЯЛ КК ФАН РУз].

Фрагмент горловины кувшина с подпрямоугольным в сечении венчиком (рис. 37, 16). Сосуд изготовлен на гончарном круге из предварительно отмученной, хорошо промешанной формовочной массы. Обжиг равномерный, горновой, черепок в изломе коричневатосерый. На внешней поверхности следы облицовки черным ангобом. Сосуды с перечисленными признаками характерны для керамики II группы джетыасарской культуры [Левина, 1971, с. 68, 73, 75]. Отнесение описываемого фрагмента к тому или иному этапу затруднительно, хотя следует заметить, что на III этапе кувшины характеризуются отсутствием венчика и имеют просто утолщенный край [Левина, 1971, с. 75].

Фрагмент горловины кувшина (рис. 37, 15). Горловина неширо-

кая, суживающаяся кверху, от плечиков отделена резким уступом. На внешней стороне горловины горизонтальное рифление. Сосуд изготовлен из предварительно отмученной, хорошо промешанной формовочной массы с примесью незначительного количества дресвы. Обжиг равномерный, горновой, черепок в изломе кремовый. На внешней поверхности следы сплошной облицовки плотным красно-коричневым ангобом.

Такой признак, как горизонтальное рифление на горловине, характерен для всех трех этапов развития джетыасарской культуры [Левина, 1971, с. 68, 73, 75].

Фрагмент плечиков кувшина (рис. 37, 7). Принадлежит хорошо изученному типу водонесных узкогорлых кувшинов с высокой пластинчатой ручкой. Сосуд изготовлен на гончарном круге из предварительно отмученной, хорошо промешанной формовочной массы без видимых примесей. Обжиг равномерный, цвет черепка в изломе терракотовый. На внешней поверхности плотный желтоватый ангоб. На плечиках кувшина орнаментальный пояс: орнамент линейно-волнистый, нанесенный гребенкой по сырой глине. Между двух параллельных гребенчатых полос проведена волнистая гребенчатая линия.

Сосуды этого типа характерны для хорезмийской афригидо-саманидской культуры IX в. [Вактурская, 1959, с. 272—273, 216], а также для позднекердерского керамического комплекса, датированного в целом второй половиной VII—X вв. [Ягодни, 1981, с. 87, 98, рис. 6,5].

Единственным фрагментом представлен сосуд типа хумчи. Изготовлен на гончарном круге из предварительно отмученной и хорошо промешанной формовочной массы с редкими известняковыми примесями. Обжиг горновой, равномерный, черепок в изломе кирпично-красного цвета (рис. 37, 17). Внешняя поверхность облицована неплотным желтоватым ангобом и украшена линейно-волнистым гребенчатым орнаментом. Подобные сосуды характерны для афригидской культуры раннесредневекового (VII—VIII вв.) Хорезма [Толстов, 1948 а, табл. 51; Неразник, 1959, с. 236—240, рис. 5, 2, 13]. В небольших количествах находки фрагментов подобных сосудов отмечены в джетыасарской культуре на третьем этапе ее развития (VII — начало IX вв.) [Левина, 1966, с. 59, рис. 8, 20, 28] и в материалах раннего этапа развития кердерской культуры [Гудкова, Ягодни, 1963, с. 261].

Также одним фрагментом представлен сосуд типа небольшого кувшина или кружки с петельчатой, круглой в сечении вертикальной ручкой. Сосуд изготовлен из тонкоотмученной, хорошо промешанной формовочной массы без видимых примесей отощителя. Обжиг равномерный, горновой, черепок в изломе равномерного красного цвета. Поверхность ручки бессистемно огранена в результате заглаживания по сырой глине каким-то плоским орудием. Внешняя поверхность сосуда облицована плотным темно-красным ангобом, поверх которого сплошное лощение (рис. 37, 18).

Описанный сосуд по технологическим признакам и отделке поверхности находит аналогию в керамике второй группы джетыасарской культуры на всех трех этапах ее развития [Левина, 1971, с. 68, 70, 73, 75], а также в ранней кердерской культуре [Поселение Курганча. Неопубликованные материалы в фондах отдела археологии ИИЯЛ КК ФАН РУз].

Анализ керамики с Североустюртской группы стреловидных планировок показывает, что она, представляя единый в культурном отношении комплекс, неоднородна в хронологическом отношении. В подавляющем большинстве она представлена керамикой III этапа джетыасарской культуры (конец VII — начало IX вв.). В то же время некоторые признаки позволяют говорить о присутствии в комплексе материалов более ранних этапов развития джетыасарской культуры.

Выделяется и очень немногочисленный комплекс, который можно отнести уже целиком к IX или даже X в. Интересно заметить, что этот поздний комплекс происходит со стреловидной планировки № 10 в подсистеме I. Как уже отмечалось, при анализе относительной хронологии именно эта планировка отнесена к наиболее поздним сооружениям подобного рода в Североустюртской группе.

Прочие находки (рис. 38). Очень немногочисленны. Представлены изделиями из камня и железа. Сильно фрагментированы. Изделия из камня представлены фрагментами орудий труда. На стреловидной планировке № 5 поднят фрагмент шлифованного орудия, видимо, ударного действия, изготовленного из черного камня (рис. 38, 1). Два

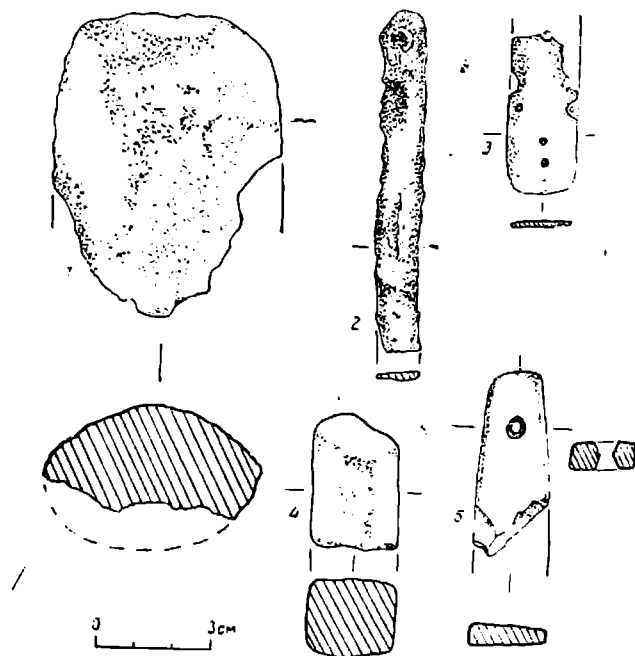

Рис. 38. Североустюртская группа стреловидных планировок. Подгруппа I, находки.

других фрагмента каменных орудий представлены обломками оселков. Первый из них (рис. 38, 4) представляет собой обломок квадратного в поперечном сечении бруска из серого мелкозернистого песчаника, найден на стреловидной планировке № 9. Вторым (рис. 38, 5) — обломок плоского, сужающегося к концу оселка из серого сланца. Рабочие поверхности сильно сработаны. Отверстие для подвешивания круглое, сверленное, сверление двустороннее коническим сверлом. Найден на стреловидной планировке № 5.

Изделия из железа представлены двумя находками. Со стреловидной планировки № 5 происходит фрагмент длинной, узкой, с закругленным концом кованой пластинки, в поперечном сечении вытянуто-треугольной формы (рис. 38, 2). На закругленном конце сохранились остатки железной клепки. Функциональное определение находки затруднительно, хотя не исключено, что она является частью железного шлема.

На стреловидной планировке № 9 найден фрагмент пластины панцирной, являющейся частью так называемого «чешуйчатого» защитного доспеха (рис. 38, 3). Пластина вытянуто-прямоугольной формы, с прямым нижним краем, со скругленными углами. В нижней части парные отверстия посередине пластины, выше — одинарные от-

верстия по краям, служившие для нашивания пластины к матерчатой основе панциря. По причине сильной фрагментированности подбор аналогий и установление их датировки затруднительны.

В связи с вопросом об абсолютной хронологии Североустюртской группы стреловидных планировок необходимо также подвергнуть анализу некоторые особенности топографии расположенных в зоне ее пространственного влияния археологических объектов и, прежде всего, большого археологического комплекса Дуана (рис. 2). В его составе отмечено несколько групп погребальных и культовых сооружений, различающихся как типологически, так и хронологически. Древнейшей группой, датирующейся IV—II вв. до н. э., являются наземные одиночные и коллективные погребения на горизонте, с южной ориентацией погребенных, внутри каменных ящиков или склепов. Подобного рода погребальные сооружения входят в состав групп I, III, VII и IX могильника. Всего их насчитывается не менее 25. Они расположены редкой цепочкой, вытянувшейся по чинку на протяжении почти 8 км, и образуют типичный для такого рода погребений сильно рассредоточенный могильник. Подобный тип погребальных сооружений широко распространен на территории плато и представлен, как правило, одиночными сооружениями или небольшими, в 2—3 единицы, группами.

Основную часть погребений могильника составляют погребения III—IV вв. Они представлены индивидуальными погребениями с северной ориентацией погребенных в неглубоких грунтовых ямах, часто обложенных на всю глубину или по устью плитняком. Подобные погребения отмечены в группах IV, V, VI, их общее количество около 80. В этот же период практиковались погребения и в сооружениях другого типа: коллективные, с северной ориентацией погребенных в грунтовой яме, обложенной вертикально установленными каменными плитами — каменный ящик выше уровня горизонта. Ящик перекрывался каменными плитами. Наземные сооружения из плитняка, круглые или прямоугольные, с ложносводчатым перекрытием. Все эти погребения находятся в пределах X группы, общее количество больше сотни.

И, наконец, к периоду VII—VIII вв. в пределах комплекса Дуана относятся святилища 1—2, давшие находки той же джетыасарской керамики III этапа развития этой культуры, которая была обнаружена на всех стреловидных планировках Североустюртской группы. Раскопки на святилище I не производились и вся керамика происходит из сборов на поверхности. Эту керамику по технологическим признакам также можно разделить на две группы: в первую входят сосуды, изготовленные вручную и обожженные напольным способом, во вторую — сосуды, изготовленные на гончарном круге или с помощью поворотной подставки, обожженные горновым способом.

В первой группе керамики подавляющее количество фрагментов принадлежит сосудам типа горшков. Среди них можно выделить несколько разновидностей. Большинство сосудов баночной формы с очень широким устьем, обрамленным широким вертикальным или резко отогнутым наружу воротничковым венчиком, в поперечном сечении удлиненно-подпрямоугольным или подтреугольным (рис. 39, 6, 7, 9, 10, 11, 13). Изготовлены сосуды из плохо промешанного теста с примесями шамота. Внешние поверхности обычно до обжига затирались жидкой глиной. Обжиг слабый, напольный, черепок в изломе черный.

Сосуды обычно украшены орнаментом, продавленным по сырой глине. Орнамент располагается пояском на внешней стороне венчика, по преимуществу это прямые вертикальные или чуть наклонные линии, иногда это отпечатки трехзубого штампа, иногда ромбическая решетка или полукруглые вдавления. Эти сосуды тождественны описанным нами ранее на отдельной постройке Сумбетымер-Алан-Куркреук [Ягодин, 1978, с. 176—178, рис. 64], на стреловидных планировках Северо-

устюртской группы (см. выше рис. 37) и подобно им находят аналогии в керамике кердерской культуры, культуры болотных городищ и в керамике III этапа джетыасарской культуры. Здесь следует особо отметить наличие на сосудах святилища I подтреугольного в сечении венчика. Этот признак, по наблюдениям Л. М. Левинной, появляется на горшках баночной формы лишь на III этапе развития джетыасарской культуры [Левина, 1971, с. 74].

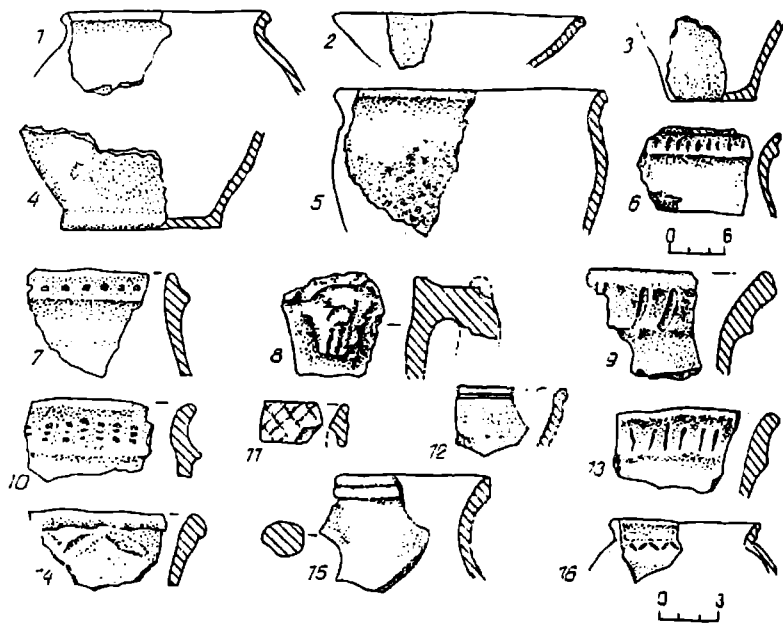

Рис. 39. Могильник Дуана. Группа X, святилище I, керамика.

В анализируемом комплексе имеются также простые, без орнамента лепные плоскодонные, широкогорлые горшки, сформованные из очень плохо промешанной формовочной массы и обожженные на костре [рис. 39, 1, 4, 5]. Эти сосуды, а также миниатюрный лепной сосуд горшковидной формы с орнаментом в виде горизонтальной ломаной линии под горловиной (рис. 39, 16) являются какими-то локальными формами, не находящими аналогий в доступных мне материалах.

Во вторую группу керамики выделены сосуды, изготовленные на гончарном круге или с помощью поворотной подставки из предварительно отмученной и хорошо промешанной формовочной массы без видимых примесей. Обжиг горновой, черепок в изломе красный или розовато-кремовый. Среди этой керамики необходимо отметить фрагмент стенки станкового сосуда, внешняя поверхность которого облицована беловатым ангобом, поверх которого нанесены неопределенные темно-коричневые мазки. Сосуды с беловатым ангобом и красно-коричневыми мазками и потёками поверх него в небольших количествах находят в комплексах I и II этапов развития джетыасарской культуры [Левина, 1971, с. 72, 74, рис. 15, 287], датируемых соответственно I—IV вв. [Левина, 1971, с. 64] и IV—VII вв. [Левина, 1971, с. 72], и включают во вторую группу керамики [Левина, 1971, с. 72].

Ко второй группе керамики святилища I отнесены фрагменты двух кувшинов. От первого частично сохранились горловина и ручка (рис. 39, 15). Горловина раструбообразная, оформленная по краю под-

треугольным в сечении, с прогнутой лицевой поверхностью воротничковым венчиком. Под венчиком прикреплена вертикальная, подкруглая в поперечном сечении ручка. Диаметр устья 8 см, толщина стенок 0,5 см. Внешняя поверхность сосуда облицована красно-коричневым ангобом.

Фрагмент второго кувшина (рис. 39, 8) имеет на внешней поверхности следы сплошной облицовки ярко-красным ангобом, одну коленчатую, овальную в поперечном сечении, сужающуюся книзу ручку. На ее изломе имеется конический налп. На внешней поверхности ручки ниже налпа двумя сужающимися в них бороздами сформованы три широких низких валика. Аналогичные по форме и технологическим признакам кувшины отмечены для всех трех этапов развития джетыасарской культуры. Однако подтреугольные в сечении небольшие венчики характерны только для первых двух этапов и на III этапе венчик образует лишь утолщенный край [Левина, 1971, с. 69, 73, 75].

Таким образом, в комплексе керамики из святилища I можно выделить формы, характерные для всех трех этапов развития джетыасарской культуры и датировать его, соответственно, в целом I—VII вв. н. э.

Рассмотренные данные позволяют выделить в развитии археологического комплекса Дуана период IV—II вв. до н. э.; период III—IV вв. н. э.; период VII—VIII вв. В первые два периода комплекс функционирует как могильник и культовый центр; в третьем периоде — только как культовый центр.

К детальному рассмотрению всего комплекса проблем, связанных с археологией Устюрта IV—II вв. до н. э. и III—IV вв. н. э., мы предполагаем обратиться в отдельной работе.

Поэтому можно ограничиться лишь констатацией того факта, что в эти периоды Устюрт использовался племенами, кочевавшими круглогодично по более или менее постоянным маршрутам (модель I по С. А. Плетнёвой). В условиях существования этой формы кочевания формирование больших могильников явление аномальное [Плетнёва, 1982, с. 13 и сл.]. Чем обусловлена эта аномалия? Наиболее вероятным объяснением может служить существование в данном районе Устюрта более или менее постоянных зимовок. Обитатели их, помимо скотоводства, занимались, как это будет обосновано ниже, и охотой на мигрирующих животных, применяя стационарные заградительные устройства типа описанных стреловидных планировок. Возможно, первоначально кочевники использовали этот район для облавных охот без применения стреловидных планировок, а только затем появляются их отдельные элементы, а затем и вся система. В этом случае вполне вероятно допустить, что дата археологического комплекса Дуана — IV в. до н. э. — VII—VIII в. н. э. — должна в значительной степени совпадать с датой Североустюртской группы стреловидных планировок. Таким образом, начало ее сложения мы можем предварительно определить второй половиной I тыс. до н. э.

Разумеется, трудно допустить, что Североустюртская группа стреловидных планировок непрерывно использовалась в течение почти тысячелетия. Наверняка, она периодически забрасывалась и затем к ней обращались вновь. Однако ее зарождение еще во второй половине I тыс. до н. э., по наш взгляд, вполне допустимо.

Что касается отдельно расположенной стреловидной планировки («система каменных оград») в археологическом комплексе Дуана, то она, как мы уже отмечали выше, не связана с Североустюртской системой. По основным признакам отдельно расположенная стреловидная планировка может быть сопоставлена с наиболее поздними из известных в настоящее время на плато Устюрт стреловидных планировок, входящих в Кендырлисорскую группу.

Айбуйирско-Присарыкамышская группа.

Относительная хронология. При всей типологической общности входящих в группу стреловидных планировок в каждой из них отмечаются и индивидуальные различия, являющиеся, как мы попытаемся показать ниже, в ряде случаев различиями относительно-хронологического порядка.

Как видно из индивидуальных описаний, обычно стреловидные планировки в группе имеют одну малую ограду. Однако в ряде случаев отмечено наличие двух малых оград. Это стреловидные планировки Чалбурун-1, Дарьялык-2, Бернияз, Карамата-7. За исключением стреловидной планировки Карамата-7, которая сразу же строилась с двумя малыми оградами, остальные представляют собой механическое соединение в одну двух или более планировок, имеющих по одной малой ограде. Не исключено, что элементарные, то есть с одной малой оградой, и объединенные имеют различные хронологические позиции. Объединенные в этом случае, как дальнейшее развитие элементарных, должны датироваться позже. Это прослеживается на примере стреловидной планировки Чалбурун, которая возникла как элементарная, а затем была перестроена как объединенная.

Возможно, различные относительно-хронологические позиции занимают стреловидные планировки и по такому признаку, как двойной или одинарный вал в малой ограде. Однако данных, позволяющих относительно-хронологически разделить их, получить не удалось.

На некоторых стреловидных планировках, входящих в группу (Дарьялык-1, Ибрахимша-2, Чалбурун-1), отмечена такая особенность, как наличие двойной линии валов в основании малой ограды. Судя по тому обстоятельству, что в системе Чалбурун-1 ограда с таким основанием находится в системе более поздней стреловидной планировки, эта особенность в относительно-хронологическом распределении признаков может быть отнесена к поздним элементам.

Рассмотренные данные по относительной хронологии, несмотря на их ограниченность, позволяют сделать вывод о том, что Айбуйирско-Присарыкамышская группа возникла не сразу, а складывалась постепенно, совершенствуясь и приобретая в процессе своего развития какие-то новые элементы.

Абсолютная хронология. По каждой отдельной стреловидной планировке Айбуйирско-Присарыкамышской группы основания для установления абсолютной даты чрезвычайно скудны и датировки по отдельным планировкам вызывают значительные затруднения. Однако в сумме, в рамках всей анализируемой группы, они вполне достаточны для установления абсолютных дат. Здесь необходимо повторить, что Айбуйирско-Присарыкамышские стреловидные планировки образуют единую в типологическом отношении группу, внутри которой прослеживается определенная динамика развития. Надо полагать, что единство типологическое в определенной степени свидетельствует и о единстве хронологическом.

Имеются следующие основания для абсолютного датирования Айбуйирско-Присарыкамышской группы стреловидных планировок:

1) керамика, полученная в процессе раскопок стреловидных планировок Айбуйир, Декча-1;

2) подъемная керамика со стреловидных планировок Дарьялык-2, Айбуйир, Аксаймак-2, Карамата-7;

3) стратиграфические данные, стреловидная планировка Хантерсек;

4) строительные приемы;

5) радиоуглеродные даты.

1.2. Керамика из раскопок, подъемная керамика. На стреловид-

ной планировке Декча датирующие материалы были получены при раскопках курганообразных бугров, находящихся внутри планировки. При раскопках бугра № 1 был обнаружен почти полностью сохранившийся сосуд. Он может быть определен как водоносный кувшин с высокой цилиндрической горловиной и высокой коленчато-изогнутой пластинчатой ручкой. Тулово яйцевидное, дно плоское, плечи выпуклые, резким изломом отделенные от высокой, относительно узкой цилиндрической горловины (рис. 40, 1).

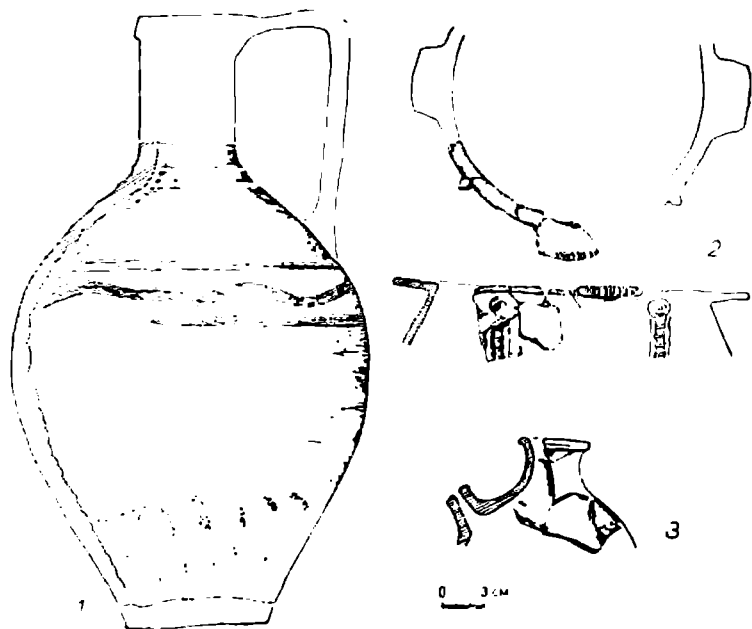

Рис. 40. Айбуйирско-Присарыкамьшская группа стреловидных планировок. Айбуйир и Декча-1. Керамика.

Высота сосуда (реконструируемая) 45 см, диаметр дна 10,5 см, наибольший диаметр тулова 26,5 см, диаметр горловины 7,2 см, высота горловины (реконструируемая) 11 см.

Сосуд изготовлен на гончарном круге из тонкоотмученной, хорошо промешанной формовочной массы, без видимых примесей. Внешняя поверхность разделана широкими, слабо выделенными горизонтальными каннелюрами, на внутренней — четко выраженные горизонтальные каннелюры: узкие на плечиках и у дна, широкие — по середине тулова. Нижняя часть тулова после формовки обработана с внешней стороны обстругиванием, вследствие чего эта часть кувшина оказалась наклонно и вертикально ограниченной. Обжиг равномерный, горновой, цвет черепка в изломе терракотовый. Внешняя поверхность сосуда облицована плотным, желтоватого цвета ангобом. На плечиках — орнаментальный пояс. Орнамент линейно-волнистый, нанесенный по сырой глине гребенкой. Между двух параллельных гребенчатых полос проведена волнистая линия.

Сосуд может быть определен как вышедший из хорезмийских гончарных мастерских. Имеет многочисленные аналогии в хорезмийских материалах IX в. [Вактурская, 1959, с. 272—273, 276] и в позднекердерских комплексах (IX—X вв.) Приаральской дельты Амударьи [Ягодин, 1981, с. 87]. Фрагменты аналогичных сосудов были обнаружены при раскопках бугра № 2.

При раскопках отдельного кольца стреловидной планировки Декча-1 среди немногочисленных сильно измельченных неопределенных фрагментов керамики были обнаружены обломки одного сосуда типа чайника (рис. 40, 3). Сосуд узкогорлый, обрамленный по устью валикообразным венчиком с четко выраженным ребром на внешней поверхности. Горловина расширяющаяся к устью. На крутых плечиках трубчатый слив. Сосуд изготовлен на гончарном круге из предварительно отмученной формовочной массы с обильными примесями отощителя в виде крупных комков гипса. Обжиг равномерный, горновой, черепок в изломе красный, на внешней поверхности следы оправки в виде грубых штрихов различных направлений. Поверхности облицованы плотным желтоватым ангобом.

Аналогичные сосуды отмечены в слоях конца VII — первой половины VIII в. городища Курганча, памятника кердерской культуры, распространенной в VII—VIII вв. в правобережной части Приаральской дельты Амударьи [фонды отдела археологии Института истории, языка и литературы Каракалпакского филиала АН РУз, Курганчинский археологический экспедиционный отряд 1970 г., раскоп VII, кв. Н—2, пласт 1, опись 2, колл. № 4143].

Следует отметить также находку фрагмента котлообразного сосуда на стреловидной планировке Айбуйир (рис. 40, 2). Сосуд имеет сильно раздутое тулово и очень широкое, почти по ширине сосуда, устье, обрамленное широким полочковидным венчиком, образованным простым отгибанием стенок сосуда. На внешней стороне венчика четыре оппозитно расположенные плоские полочковидные ручки.

Диаметр устья около 21 см, толщина стенок 0,4—0,5 см. Сосуд изготовлен вручную, без применения гончарного круга. Формовочная масса грубо промешанная, с обильными примесями мелкодробленого шамота. Обжиг костровый, неравномерный: в изломе цвет черепка в середине черный, у поверхностей темно-красный. Под венчиком с внешней стороны сосуда четыре оппозитно расположенных грубоконических палепа, под ними по плечикам и, вероятно, ниже палепные вертикальные валики с поперечными вдавлениями. Аналогичными вдавлениями украшено и внешнее ребро полочковидных ручек сосуда.

Сосуд является лепшой копией станковых горшков-котлов, происходящих из культурных слоев XII — начала XIII в. хорезмийских городов и сельских поселений [Вактурская, 1959, с. 310—313].

Подъемная керамика обнаружена при обследовании стреловидных планировок Карамата-7, Дарьялык-2, Аксаймак-2, Декча-1, Айбуйир. На Карамата-7 небольшая коллекция керамики собрана в развале плитняка от разрушившейся постройки на краю оврага. Все фрагменты принадлежат, видимо, одному или нескольким однотипным сосудам, изготовленным из тонкоотмученной, без видимых примесей формовочной массы. Формовка произведена с применением поворотной подставки или на гончарном круге. Обжиг горновой, равномерный, черепок в изломе красный. На внешней поверхности облицовка густым от ярко-красного до красно-коричневого цвета ангобом, поверх которого следы сплошного лощения.

По перечисленным признакам эта керамика близка к керамике 2 группы джетыасарской культуры [Левина, 1971, с. 68, 73, 75]. Однако ограниченность нашего материала позволяет говорить лишь о вероятной близости анализируемой керамики к джетыасарской, но не позволяет ограничить находку во времени, поскольку отмеченные признаки в равной степени характерны для керамики всех трех этапов развития джетыасарской культуры.

Небольшая коллекция керамики собрана на стреловидной планировке Аксаймак-2. Вся она находилась у юго-западного кольца малой ограды. Керамика принадлежала сосудам типа станковых кувшинов,

характерных для хорезмийских керамических комплексов периода IX—XI вв. [Вактурская, 1959, рис. 8, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9; с. 276—278].

На стреловидной планировке Дарьялык-2 обнаружено небольшое количество фрагментированной сероглиняной керамики. Вся керамика станковая, по основным признакам может быть определена как хорезмийская, хорезмшахско-золотоордынского периода, то есть XII—XIV вв.

3. Стратиграфические данные. На мысу Хантерсек, как уже отмечалось, находится разновременный археологический комплекс: стреловидная планировка, городище, могильник, одновременный городищу. Для датирования существенным является тот факт, что городище с могильником и стреловидная планировка — явления, безусловно, разновременные. Это вытекает уже из того обстоятельства, что стреловидная планировка никак не могла использоваться для загонной охоты при наличии городища. Кроме того, примечателен тот факт, что погребения могильника как бы «перехлестывают» через восточный вал стреловидной планировки. Это обстоятельство, во-первых, также свидетельствует о разновременности городища и могильника стреловидной планировки, во-вторых, дает прочную верхнюю границу даты стреловидной планировки. С. П. Толстов на основании материалов предварительного обследования датировал городище Хантерсек (Ербурун) временем хорезмшахов, то есть XII—началом XIII в. [Толстов, 1958, с. 78]. Раскопки, проведенные Устюртским археологическим отрядом 1974 г. [Ягоднин и др., 1975; Манылов, 1978, с. 214—220], полностью подтвердили эту дату.

Приведенные данные дают основание полагать, что стреловидная планировка в комплексе Хантерсек датируется не позже, чем XI в. н. э.

4. Строительные приемы. Небезынтересен с точки зрения датировки стреловидных планировок Айбуйирско-Присарыкамышской группы анализ способов кладки подпорных стен в кольцах. Зафиксировано три способа кладки: 1) плашмя или «ложком»; 2) наклонными рядами; 3) в «елочку». Использование последних двух строительных приемов отмечено на стреловидных планировках Карамата-7, Дарьялык-2, Декча-6.

Хронологическая позиция второго и третьего строительных приемов довольно определена. Исследователи единодушно полагают, что они — исключительная принадлежность средневековья, не применялись ранее и являются одним из характернейших строительных приемов золотоордынского периода [Толстов, 1958, с. 25; Вактурская, 1958, с. 474]. В Хорезме мы имеем целый ряд примеров использования строительного приема в «елочку». Этим приемом из жженого кирпича выполнена облицовка рва Таш-калы, построенного, как полагают, на рубеже XIV—XV в. [Толстов, 1958, с. 227, рис. 106; Вактурская, 1958, с. 474].

Кладка наклонными рядами и в «елочку» применена на городище XIV в. Шемаха-кала [Вактурская, 1952, с. 178]. Аналогичная кладка использована при сооружении верхних частей стен на средневековом городище Ярбекир [Толстов, 1958, с. 25]. Кладка в «елочку» и наклонными рядами широко использовалась на городищах Устюрта монгольского времени (вторая половина XIII—XIV в.) Курганча [Манылов, 1978, с. 272], Ассакеаудан-кала [Манылов, 1981, с. 61—62], на караван-сараях XIV в. Айата [Юсупов, Манылов, 1990]. Подобные же строительные приемы широко применялись при средневековых перестройках античных стен городища Дэвкескен. Предполагалось, что эти перестройки относятся к последнему периоду жизни городища XVI—XVII вв. [Бижанов, 1967, с. 12], однако исследования памятника, предпринятые в 1985—1986 гг. отделом археологии Каракалпак-

ского филиала АН УзССР, позволили установить, что эти перестройки осуществлялись в XV в. [Ягодин, Ходжаниязов, 1986]. За пределами Хорезма использование аналогичных строительных приемов отмечено, например, в Самарканде XIV—XIX вв. [Сухарева, 1979, рис. 35].

5. Радиоуглеродные даты. На радиоуглеродное датирование были направлены в Ленинградское отделение Института археологии АН СССР образцы из раскопок стреловидных планировок Декча-1, Айбуйир и Бернияз-3. Установлены следующие даты:

Айбуйир, отдельное кольцо, золистый слой, уголь, ЛЕ-2748, возраст 200 ± 40 , 750 г. н. э.

Декча-1, отдельное кольцо, дерево, ЛЕ-2747, возраст 280 ± 40 , 570 г. н. э.

Бернияз-3, кольцо 4, уголь, ЛЕ-2746, возраст современный.

Подведем некоторые итоги рассмотрению материалов по хронологии Присарыкамышской группы стреловидных планировок. Может считаться установленным факт постепенного сложения и длительного существования группы. Можно полагать, что древнейшие сооружения этого типа возникают в эпоху раннего средневековья. Радиоуглеродная дата отдельного кольца стреловидной планировки Декча-1 — последняя четверть VI в. н. э. Керамика, полученная из раскопок отдельного кольца этой планировки, датирована VII—VIII вв. И наконец, керамика, полученная при раскопках курганообразных бугров, а также немногочисленная подъемная керамика датированы IX—X вв. Таким образом, стреловидная планировка Декча-1, видимо, функционировала достаточно длительный период с VI до IX—X вв. Верхнюю хронологическую грань стреловидной планировки Декча-1 ограничивает возведение на ее территории, надо полагать, уже не используемой, сигнальной башни XII—XIII вв.

Наиболее поздний керамический комплекс, связанный с Айбуйирско-Присарыкамышской группой стреловидных планировок, происходит со стреловидной планировки Дарьялык-2. Он может быть датирован XIII—XIV вв. Видимо, к этому же периоду можно отнести и строительство восточной части стреловидной планировки Чалбурун-1.

Определенный интерес с точки зрения хронологии представляет знак-тамга в виде прямого креста, обнаруженный на каменной плите в кладке подпорной стены одного из колец восточной части стреловидной планировки Чалбурун-1. Важным для датировки обстоятельством является тот факт, что плита с крестом находится в первоначальной кладке, а не вставлена позже, то есть относится к периоду строительства восточной части стреловидной планировки Чалбурун-1.

Полностью аналогичные тамги в виде прямых крестов были обнаружены на жженных кирпичах со средневековых надмогильников некрополя городища Дэвкескен [Ягодин, Ходжаниязов, 1986]. Полную аналогию тамге со стреловидной планировкой Чалбурун-1 представляют тамги в композициях петроглифов Хантерсека. Здесь мы видим тот же прямой крест с поперечными линиями на окончании трех его лучей. На Балханах и Мангышлаке тамга в виде прямого креста связана со средневековыми надмогильниками, выделенными С. П. Поляковым в так называемый тип «рогатых» пирамидок. [Поляков, 1973, с. 39, 44—45]. По его наблюдениям, на надмогильниках этого типа, наряду с тамгой в виде креста, встречаются тамга-трезубец «казак» и тамга в виде круга с прямой линией от нижнего края [Поляков, 1973, с. 51, табл. XIII, 15]. Датироваются эти надмогильники XIV в. Тамга в виде прямого креста в равной степени характерна и для надмогильников типа «две необработанные каменные стрелы», составляющих на Балханах наиболее многочисленную группу [Поляков, 1973, с. 45, табл. XVI, 1]. Надмогильники этого типа связаны с надмогильниками

типа «рогатых» пирамидок, наиболее ранние из них датируются XIII—XIV вв., а затем сохраняются почти в неизменном виде в некоторых районах Туркмении почти до современности [Поляков, 1973, с. 106, 109]. Полагают, что надгробники типа «рогатых» пирамидок на Балханах и Мангышлаке связаны с салорами [Поляков, 1973, с. 122].

В то же время тамга в виде прямого креста употреблялась в домонгольский период кипчаками, расселявшимися на юго-востоке европейской части СССР. Некоторые исследователи полагают, что «из тюркских народов Средней Азии такая тамга существовала у тех народов и племен, чей этногенез был тесно связан с кипчаками. Трудно сказать, пользовались ли крестом-тамгой кипчаки до того, как были насильственно включены в состав Золотой Орды, или ее принесли с собой татаро-монголы, а потом она широко распространилась через посредство кипчаков» [Полубояринова, 1980, с. 179—180].

Тамга в виде прямого креста использовалась рядом племенных подразделений и родов казахов, в том числе адаев и торткара из племени кереев [Востров, Муқанов, с. 53; Лезинн, 1832, с. 234].

Таким образом, тамга-крест на стреловидной планировке Чалбурун, так же как и тамга на стреловидной планировке Карамая-8 в Кендырлисорской группе, являются знаками собственности на данное сооружение и, видимо, на прилегающую охотничью территорию. Сумма приведенных аналогий не противоречит высказанному выше предположению о возможности датировки стреловидной планировки Чалбурун-1 XIII—XIV вв.

Жарынкудукская группа.

Источниками для разработки вопроса о хронологии Жарынкудукской группы стреловидных планировок являются: 1) некоторые относительно-хронологические соотношения планировок и прочих археологических объектов; 2) вещественные материалы, извлеченные во время раскопок стреловидных планировок и связанных с ними археологических объектов.

Относительная хронология. В процессе исследований стреловидной планировки Жарынкудук-14 на входе в восточную «стрелу» обнаружен курган с каменной насыпью. Курган в данном случае является фактором, ограничивающим верхнюю хронологическую границу стреловидной планировки Жарынкудук-14. Во-первых, он сооружен на входе в восточную «стрелу» и, поскольку он «запирает» вход в нее, она уже не могла функционировать после сооружения курганной насыпи. Поэтому мы с полным основанием можем говорить о том, что курган был сооружен на стреловидной планировке уже бездействующей, не используемой по своему первоначальному назначению. Во-вторых, в сооружении насыпи кургана применялся плитняк, который брали, разбирая конструкции находящейся рядом стреловидной планировки, что также могло быть лишь в том случае, если планировка уже была заброшена.

Интересные относительно-хронологические соотношения выявлены при исследовании стреловидной планировки Жарынкудук-8. Здесь были обнаружены остатки двух разновременных планировок (рис. 25). Одна из них частично «перекрывает» другую, будучи построенной на месте, где уже имелись более ранние стреловидные планировки.

Верхняя хронологическая грань этой ранней стреловидной планировки определяется тремя погребальными сооружениями типа каменных ящиков на горизонте, сооруженных из камня со стреловидной планировки и частично перекрывших ее ограду.

Абсолютная хронология. Для разработки абсолютной хронологии могут быть использованы следующие материалы: 1) керамический комплекс, полученный при раскопках «стоянки» Жарынкудук-10, входящей в систему стреловидной планировки Жарынкудук-14; 2) погребальный инвентарь кургана 2 в системе стреловидной планировки

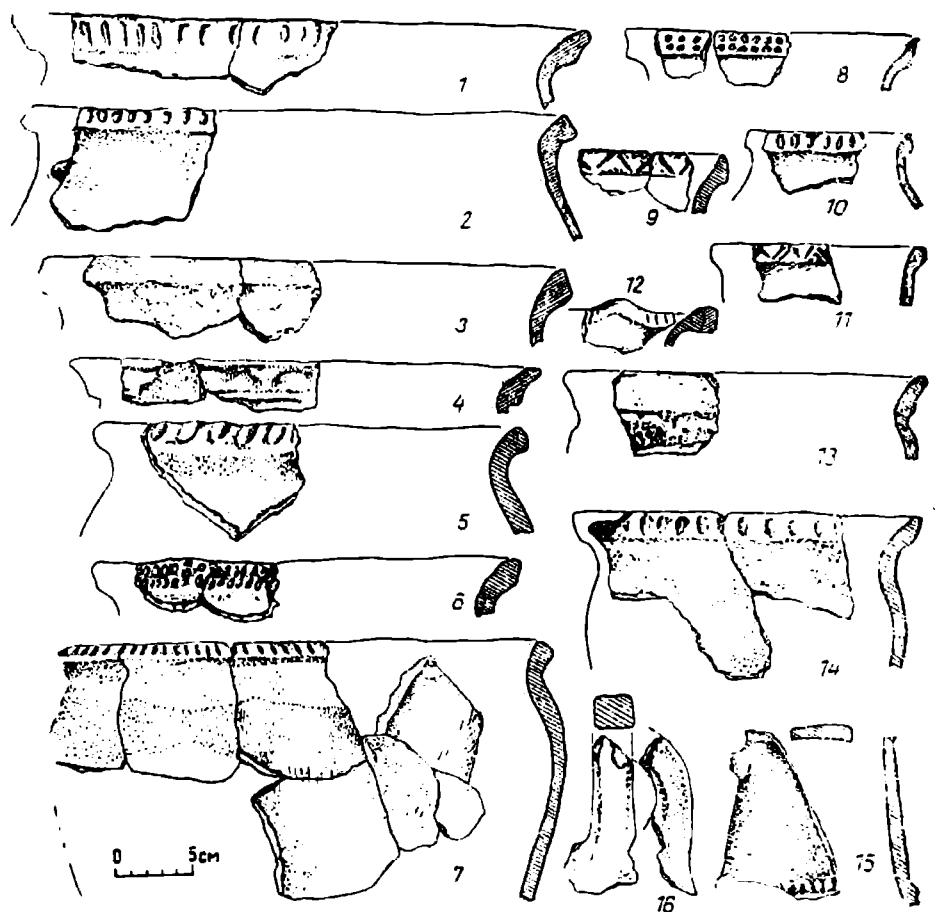

Рис. 41. Жарынкудукская группа стреловидных планировок. Жарынкудук-10, «стоянка», керамика.

Жарынкудук-14; 3) погребальные сооружения в виде каменных ящиков в системе стреловидной планировки Жарынкудук-8. Обратимся к их анализу.

1. Керамический комплекс Жарынкудук-10. Анализ коллекции керамики Жарынкудук-10 позволил выделить в ее составе по технологическим признакам две группы: I — лепная, обжиг костровый; II — сформованная на гончарном круге или с помощью поворотной подставки, обжиг горновой.

Группа I. К ней относится основная масса собранной керамики. По форме это в основном различные типологически и по размеру варианты горшков с диаметром горловины от 11 до 38 см. В большинстве фрагменты принадлежали крупным горшковидным сосудам типа хумчей. Сосуды имели тулово баночной формы или горшковидной (рис. 41, 1—7), все с очень широкой горловиной, равной наибольшему диаметру тулова. Горловина обычно обрамлена резко отогнутым наружу удлиненно-подпрямоугольным (рис. 41, 1, 4) или треугольным

(рис. 41, 2, 3, 5, 6) венчиком. Иногда представляет собой просто отогнутую, слегка утолщенную стенку сосуда. В большинстве случаев по внешней поверхности венчики украшены пояском орнамента. Это, как правило, вертикальные или слегка наклонные вдавления, овальные или прямые, расположенные в один ряд (рис. 41, 1, 2, 5, 7), иногда в два (рис. 41, 6).

Сосуды формовались вручную из грубопромешанной, предварительно отмученной формовочной массы с примесями отощителя, в качестве которого использован шамот. Поверхности грубобугристые, серого, черного или кирпично-красного цветов. До обжига затирались жидкой глиной. Обжиг слабый, костровый, черепок в изломе черный, крошащийся. Иногда у поверхностей цвет меняется на кирпично-красный.

Горшковидные сосуды меньших размеров (рис. 41, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14) по своим основным признакам не отличаются от крупных горшковидных, иногда имеют несколько зауженную горловину (рис. 41, 10). Кроме того, на некоторых из них на венчиках с внешней стороны имеются напелы-выступы (рис. 41, 12), вероятно, их было два или четыре и располагались они друг против друга. На этих сосудах, кроме перечисленных выше, отмечен и такой орнаментальный мотив, как зигзагообразная прерывистая линия, образованная отпечатками прямых линий (рис. 41, 9, 11). И, наконец, для многих из этих сосудов характерен такой декоративный прием, как нарочито грубая, бессистемная обмазка внешней поверхности тулова мелкокомковатой глиной (рис. 41, 13).

Группа II. Находки керамики этой группы в общей массе крайне немногочисленны. Представлены обычно фрагментами стенок красноглиняных сосудов, изготовленных на гончарном круге из хорошо промешанной, предварительно отмученной формовочной массы. На внешней поверхности иногда сохраняются следы красноватого ангоба. В коллекции отмечены находки фрагментов кувшинов с вертикальной ручкой (рис. 41, 15, 16). Только один фрагмент позволяет частично реконструировать сосуд (рис. 41, 15). Это фрагмент горловины кувшина с округлым туловом и высокой, широкой горловиной, суживающейся кверху. Верхний ее край резко отогнут и образует раструб, обрамленный вертикально вытянутым утолщенным венчиком. По основанию горловины, в месте резкого перелома к плечикам сосуда, кувшин опоясан валиком, украшенным поперечными вдавлениями. Сосуд имеет плоскую в сечении вертикальную ручку, верхним концом опирающуюся на стенку горловины под венчиком, нижним, вероятно, на плечики. Сосуд сформован с применением поворотной подставки. Формовочная масса предварительно отмученная, без видимых примесей. Обжиг горновой, черепок в изломе красный, в середине видна бледно-серая полоса недожженной формовочной массы. Внешняя поверхность шероховатая, облицована светло-серым ангобом. Внутренняя облицована плотным ярко-красным ангобом.

По всем перечисленным признакам описанный керамический комплекс полностью совпадает с керамическими комплексами джетысарской культуры на III этапе ее развития, датируемом концом VII — началом IX вв. [Левина, 1971, с. 74—76], «культуры болотных городищ», датируемой концом VII — началом IX вв. [Толстов, 1947 а, с. 57—71; 1947 б, с. 180—181; 1948 б, с. 210—213; Левина, 1971, с. 77—86] и керамическим комплексом последней четверти VII — первой половины VIII в. кердерской культуры в дельте Амударьи.

Вместе с тем некоторые признаки позволяют несколько сузить перечисленные даты. По наблюдениям Л. М. Левинной, прием отделки внешней поверхности горшковидных сосудов путем нацесения нарочито

грубой, бессистемной обмазки характерен для джетысарской культуры, появляясь здесь еще в конце II этапа ее развития, то есть в конце VII в. [Левина, 1971, с. 72, 74—75]. На III этапе на этой обмазке появляется четко выраженная вертикальная ребристость, столь характерная для кердерской культуры.

В керамическом комплексе Жарынкудук-10 сосудов с вертикальной ребристостью нет, что, видимо, дает основание датировать этот комплекс временем конца II этапа джетысарской культуры, то есть VII в. и этим же временем определять и дату стреловидной планировки Жарынкудук-14 в целом.

Комплекс находок из кургана 2, ограничивающего верхнюю хронологическую границу стреловидной планировки Жарынкудук-14, твердо датируется IX—X вв., что не противоречит дате, установленной на основе анализа керамики из культурного слоя «стоянки» Жарынкудук-10.

В целом почти вся группа жарынкудукских стреловидных планировок может быть, судя по их типологическому единству, отнесена к единому хронологическому периоду, а именно VII — началу IX вв. н. э. Однако остатки планировки середины I тыс. до н. э. позволяют говорить о том, что такого рода сооружения начали строиться и использоваться именно с этого времени и существовали, многократно перестраиваясь, до начала IX в. н. э., то есть в течение почти полутора тысяч лет.

Типологически из Жарынкудукской группы стреловидных планировок выпадает стреловидная планировка Жарынкудук-12. По некоторым признакам она может быть сближена со стреловидными планировками Кендырлisorской группы, датирующимися XIII—XIV вв. Поскольку прочих оснований для ее датировки нет, можно предположить, что и она относится к этому времени.

Таким образом, хронология Жарынкудукской группы стреловидных планировок может быть представлена следующим образом:

середина I тыс. до н. э. — северная часть комплекса Жарынкудук-8;

VII — начало IX вв. — Жарынкудук-14, Жарынкудук-6, южная часть комплекса Жарынкудук-8;

XIII—XIV вв. — Жарынкудук-12.

Кендырлisorская группа

Разработка вопросов относительной и абсолютной хронологии данной группы стреловидных планировок вызывает значительные затруднения. В пределах изученной части группы не удается установить наличия каких-либо данных для разработки вопросов ее относительной хронологии.

Не выявлены и какие-либо вещественные материалы, которые можно было бы привлечь для разработки вопроса о хронологии Кендырлisorской группы. Единственным источником для разработки вопросов хронологии являются сами стреловидные планировки, особенности их планиграфии, конструкций, строительных приемов и т. д.

Значительный интерес в плане разработки вопросов абсолютной хронологии представляет знак-тамга, обнаруженный на известняковой плите в каменной кладке стреловидной планировки Карамая-8. Плита с тамгой находится в первоначальной кладке стреловидной планировки, а не является поздней вставкой, т. е. она относится ко времени строительства стреловидной планировки.

Тамга представляет собой круг с длинной прямой линией, отходящей вниз (рис. 36, 4). Подобные тамги отмечены на надмогильниках

средневековых огузо-туркменских погребений Балхан и Мангышлака [Поляков, 1973, табл. XXII, 5]. На Балханах они связаны с надмогильниками типа «плита с фертом» [Поляков, 1973, табл. XVI, 3], устанавливавшимся обычно над погребением с погребальной щелью [Поляков, 1973, с. 45]. Датируются погребения с надмогильником типа «плита с фертом» XIV в. [Поляков, 1973, с. 104]. На Мангышлаке интересующая нас тамга связана с надмогильниками типа «рогатых» пирамидок [Поляков, 1973, табл. XXIII, 15]. На надмогильниках этого типа, наряду с отмеченной, имеются тамги типа «казаяк» в виде трехзубца или прямой крест [Поляков, 1973, с. 51]. По аналогиям с погребениями Крыма «рогатые» пирамидки датируются XIV в. с вероятностью некоторого удращения этой даты [Поляков, 1973, с. 51].

Приведенные данные позволяют датировать стреловидную планировку Карамая-8 XIII—XIV вв., а принимая во внимание типологическое единство стреловидных планировок Кендырлисурской группы, полагать, что этим же временем могут быть датированы все обследованные нами стреловидные планировки данной группы.

Бейнеуская группа.

Обнаруживший группу Л. Л. Галкин датирует ее средневековым [Галкин, 1987, с. 561].

Подведем итоги рассмотрению вопроса о хронологии стреловидных планировок Устюрта. При существующем уровне их археологической изученности мы можем выделить в истории их развития пять основных периодов:

- 1) вторая половина I тыс. до н. э.— период культуры погребений на горизонте;
- 2) III—IV вв. н. э.— период сармато-аланский;
- 3) VII — начало IX вв.— период джетыясарско-кердерский.
- 4) IX—XI вв.— период огузский;
- 5) XIII—XIV — период туркменско-кипчакский.

Глава III

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ СТРЕЛОВИДНЫХ ПЛАНИРОВОК

После первых сообщений об открытии необычных древних сооружений на плато Устюрт и публикации их первых, крайне схематичных научных описаний появилось множество гипотез о возможных функциях этих загадочных построек. Часть из них была высказана в серьезных научных изданиях, другие появились в популярных журналах и ежедневной прессе. Поскольку высказанные гипотезы базировались лишь на первоначальной публикации памятника, весьма предварительной, а не на полномасштабном научном анализе всей суммы фактических данных о них, я полагаю, нет необходимости рассматривать их здесь.

После обнаружения стреловидных планировок на плато были проведены обстоятельные археологические изыскания и накоплена значительная научная информация об этом необычном археологическом феномене, выявлены многочисленные разновременные аналогичные сооружения в различных регионах Европы, Азии и Северной Америки. В связи с этим представляется возможным обратиться к разработке вопроса о функциях стреловидных планировок Устюрта.

Подходы к его решению дает как собственно археология, так и обращение к свидетельствам этнографии.

Археология представляет два вида источников для разработки интересующего нас вопроса:

а) сами стреловидные планировки и сооружения, так или иначе связанные с ними, рассмотренные на базе фундаментального сравнительного анализа не только на региональной основе (Арало-Каспийское Междуморье), но и на более широкой континентальной (Евразия) или даже панэпокейской основе;

б) археологические материалы, как извлеченные непосредственно из наслоений стреловидных планировок и сооружений, связанных с ними, так и материалы по Приаралью в целом.

Вместе с тем необходимо заметить, что собственно археологический материал не несет прямой информации о функциях стреловидных планировок. В данном случае необходимо использование палеоэтнографического метода, то есть поисков наиболее подходящей этнографической модели для установления функций интересующего нас типа древних сооружений. Археолого-этнографические параллели тем более правомерны, что в условиях пустынного плато Устюрт мы имеем тот случай, когда действительность, фиксируемая этнографией, является в ряде случаев прямым аналогом прошлой археологической действительности. Данные по этнографии кочевников Устюрта, а также пустынь умеренного пояса Евразии в целом удивительным образом совпадают с той информацией, которую нам дает археология.

Прежде чем рассматривать сравнительные материалы из других регионов, обратимся к этнографии собственно Арало-Каспийского Междуморья и Приаралья в целом. Вся сумма имеющихся данных относится к XIX — началу XX в. и связана с этнографией казахов-адаев и табынов — кочевых скотоводов пустынь Устюрта, а также каракалпаков — полуседлых жителей дельтовых областей Сырдарьи и Амударьи. Здесь мы находим немало весьма любопытных для нашей темы описаний сооружений, совпадающих в значительной степени с описаниями стреловидных планировок. Так, в материалах экспедиции 1825—1826 гг. на Устюрт в топографическом журнале пространства Киргизской степи между Каспийским и Аральским морями, составленном В. Д. Вольховским и А. О. Дюгамелем, мы находим следующие описания: «Из замечательных зверей здесь куланы (дикие лошади), тарпаны и сайгаки. Ловят сайгаков, заганивая их в каменные ограды, в которых сделаны ямы, куда они упадывают» [Первые русские..., 1963, документ № 15, с. 98].

В материалах той же экспедиции имеются наблюдения, изложенные натурологом, доктором медицины, философии и изящных искусств и членом разных ученых обществ Эдуардом Эверсманном: «Для ловли антилоп или сайгов (*Antilope* или *Saiga*) имеют киргизцы на Устюрте места, обнесенные каменной стеною, от 300—400 шагов в длину и, смотря по местным обстоятельствам, шире или уже, вышиной от 3—4 футов, имеющие весьма малые отверстия; подле находится рывина, обнесенная также складенными камнями, так что никакой зверь не может перепрыгнуть через сию ограду. Охотящийся киргизец идет на 10—15 верст в окрестные места и умеет столь хорошо подражать свистящему голосу сайгачьей самки, что все самцы за ним следуют. Таким образом проводит он их через оставленное отверстие в большую загородку, потом идет на другую сторону рывины или ямы и продолжает свистеть по прежнему; другой, с начала сего действия спрятавшийся киргизец становится в отверстие и начинает кричать. Робкие зверьки, желая спастись, отваживаются бросаться через яму, попадают в нее и ловятся» [Первые русские..., 1963, документ № 18, с. 145]. Те же сведения Э. Эверсманн повторяет и в более поздней работе. «На Усть-Урте, или говоря правильнее, на верхнем краю этого берега, называемого киргизцами Чинк, они ловят антилоп следующим образом: удобное место около 300 шагов в длину и различной ширины, смотря по обстоятельствам, огораживается стеною в 3 или 4 фута вышиной, сделанной на скорую руку из камней, положенных один на другой. На одной стороне оставляют в стене маленькое отверстие. Ниже этого места на скате находится ущелье, обведенное другою каменной стеною такой вышины, что антилопы не в состоянии перепрыгнуть через нее. Для этого выбирают удобные места, чтобы меньше было работы. Один из киргизов садится верхом, едет по Усть-Урту в степь верст за 10—15, останавливает антилоп и, подражая искусно свистящему свисту самок, обманывает самцов и уводит их за собой. Оставив лошадь, он пробирается вместе с ними через отверстие в огороженное место, потом переходит на другую сторону загородки и продолжает кричать подобно самке. Вслед за тем другой киргиз, который до этого скрывался, с криком становится в отверстие верхней ловушки. Испуганные животные хотят спастись, смелым прыжком перепрыгивают через стену в нижнюю загородку и остаются там пойманными» [Эверсманн, 1850, с. 262].

При публикации этого документа было выражено сомнение в том, что сообщаемые Эверсманном сведения соответствуют действительности [Первые русские..., 1963, с. 294, прим. 66]. Между тем этот способ охоты довольно широко распространен и неоднократно описан

в этнографической литературе. У тувинцев-тоджинцев, например, практиковался способ охоты при помощи заманивания животных на звук деревянной дудки-мургу, имитирующей крик самца марала. У этого же народа описан и другой звукоподражательный инструмент — эдиски, имитировавший крик козленка, привлекавший самку-косулю, или крик самки кабарги, привлекавший самцов [Вайнштейн, 1961, с. 44, 46].

У Эверсмана имеются сведения о том, что стационарные охотничьи сооружения имелись не только на Устюрте, но и в других районах Прикаспия и Приаралья: «Киргизцы убивают сайгаков следующим странным образом: на ровной степи, поросшей полынью, любимым кормом сайгаков, делают из земли или дерна кучки вышиной около 3 футов. Кучки эти образуют прямые линии, расходящиеся приблизительно под углом 45—60°. В конце угла кучки, находящиеся на одной линии, очень близко одна от другой, на расстоянии 3—5 шагов, но потом, чем дальше, тем реже они расставлены и крайне отдалены одна от другой сажень на 70. Большое отверстие угла бывает шириной около 3 верст, а узкий конец его также открыт и он шириною около 15 футов. Перед этим последним поставлены на 1/2 фута один от другого стебли камыша, наложенные косо к отверстию угла, тонкими концами вперед. Эта камышовая солома довольно тверда у основания около пальца, а наверху, где кисть отрезана, она острая. Киргизцы караулят верхом на лошадях и, заметя стадо сайгаков, пасущихся вблизи широкого отверстия угла, они стараются загнать их внутрь его. Пугливые животные принимают земляные кучи за людей, не смеют приблизиться к ним и бегут среди них к концу угла, преследуемые криком киргизов. Чем ближе кучки одна от другой, тем больше они боятся и, не смея броситься в сторону, хотят поскорее спастись через отверстие и накальваются на камыш» [Эверсманн, 1850, с. 261].

Принципиальная схема этого сооружения, несмотря на конструктивные различия и материалы, из которых они выполнены, та же, что и на стреловидных планировках Устюрта.

Ценные наблюдения сохранились у Г. С. Карелина, записанные им во время плавания в 1832 г. по Каспийскому морю и обследования некоторых закаспийских районов. Он, в частности, пишет о значительном удельном весе охоты в хозяйстве казахов-адаев, кочевавших в пустынях Западного Устюрта. Объектами этой охоты, по свидетельству Г. С. Карелина, были дикие лошади, горные козы, архары и сайгаки [Карелин, 1883, с. 484].

Г. С. Карелин не только записывал эти сведения со слов казахов-информаторов, но и сам был очевидцем охоты адаев на перечисленных выше животных при помощи специальных стационарных сооружений. Оставленное им описание одного из этих сооружений в основных чертах совпадает с некоторыми из описанных нами стреловидных планировок на Западном чинке Устюрта. «Устюрт» в сем месте Кайдака выше прежде виденных гор. На верху одного находится у самой стремнины к краям несколько наклонной выведенная углом и складенная из плитняку стена с ямами, в которых ловят сайгаков следующим образом. Устраивают они стенки на продолжении тропок, по коим сайгаки, мучимые жаром, а всего более набивающимися в широкую их ноздри мошками преимущественно бегут против ветра, взвевая пыль и отклоняя, таким образом, своих неприятелей. Стенка, как я уже упомянул, выводится углом, на конце коего и по середине сторон выведены округленные стенки; стенка за исключением тех мест, против которых выведены округления, довольно высокая, а в самих округлениях вырыты на 1/2 аршина ямы, так что с самою стеною составляют до сажени. Завидя стадо сайгаков, ордынцы делают большой круг и заезжают к ним с боков и сзади. Робкие животные бегут

по тропам вперед, еще не видя стен, устроенных по обыкновению на скате Устюрта. Между тем киргизцы безпрестанно сближаются так, что когда сайгаки завидят стенки, то бег в стороны становится невозможным. В сие время киргизцы поднимают страшный крик и робкие животные устремляются прямо в треугольник, где увидя, что в трех местах стенки ниже и удобны к перескоку, прыгают и попадают прямо в глубокие ямы. Таким образом ловят их разом несколько десятков» [Карелин, 1883, с. 495].

В значительной степени совпадают с приведенными выше сведениями Э. Эверсманна об охоте на сайгаков за пределами Устюрта данные об охоте на куланов в Приаралье. Описана, в частности, охота на куланов методом загона на пучки заостренного камыша, вкопанного у основания холма [Силантьев, 1898]. Имеются описания того же способа охоты, где отмечается, что заостренный тростник размещался в ловчей яме. Для добывания куланов «в окрестностях Аральского моря» «... отыскивались или выкапывались ямы, в которые втыкали срезанный в виде пик толстый тростник — аран, растущий в устье р. Сырдарьи. Около ямы под углом устанавливались кучи дерна или пугала. Всадники загоняли куланов в этот раструб. Пугаясь куч, животные направлялись к имевшемуся вдали проходу и попадали в яму. Казахи-аксакалы говорят, что наиболее часто так добывали куланов в местечке Наркомыс к юго-востоку от Аральского моря» [Соломатин, 1973, с. 126],

Казахи старшего поколения, чьи предки кочевали по Устюрту, помнят о существовании на плато охоты при помощи специальных сооружений, описания которых в значительной степени напоминают описания стреловидных планировок. По словам информаторов, эти сооружения назывались «аран», остро заточенные стебли камыша, устанавливавшиеся в круглых ямах на углах треугольной ограды, носили название «жебе». Вокруг арана отрывалось несколько специальных ям, где прятались охотники. Облавой, в которой участвовало 30—40 всадников, животные загонялись внутрь арана и здесь истреблялись. Охота происходила осенью.

Аран строил кочевой аул или даже группа кочевий, объединившихся в одно племя. После охоты добыча распределялась на весь аул. В этой связи представляет интерес одна из этимологий термина «аран» как «народ, племя» [Радлов, 1893, с. 251].

Об охоте у казахов способом аран пишут и современные исследователи-охотоведы. Они описывают специальные системы сооружений, расположенных воронкой, на выходе из которых устанавливались срезанные стебли камыша. Сайгаки загонялись в воронки, с ходу напарывались на камыш и становились добычей охотников [Слудский, 1955, с. 50, 51]. Современные исследователи, обобщая свидетельства об этом способе охоты, описывают его так: «Наиболее распространенным способом охоты были... загон на срезанные камыши. В последнем случае стадо сайгаков или нагоняли на участок срезанного тростника, или устраивали загонные изгороди. Кучи земли, сложенные на некотором расстоянии друг от друга, образовывали две длинные линии, сходящиеся под углом. Получалось нечто вроде воронок с раструбом шириной до 5 км. На узком выходе из воронки, в ее горле оставляли остро срезанные стебли тростника высотой около 70 см, или специально втыкали острые колья. Загнанное стадо сайгаков, выскакивая из горла воронки на большой скорости, попадало на острые стебли и животные протыкали себе грудь или распарывали брюхо. Этот варварский способ применяли с небольшими видоизменениями как в Казахстане, так и в Калмыкии» [Левшин, 1832: Геитнер, Насимович, Банников, 1961, с. 483—485]. Такой же способ аран применялся и для охоты на джейранов, однако в гораздо меньших масштабах, так как

джейраны редко образуют большие стада [Гептнер, Насимович, Банников, 1961, с. 439].

Помимо казахов-адаев и табынов загонной охотой с использованием аранов занимались и каракалпаки, что отразилось даже в их родоплеменной номенклатуре. В роду кенегес имеется подразделение аранши, что, надо полагать, прямо указывает на то, что загонная охота с применением аранов была когда-то для этой группы каракалпаков одним из важных видов хозяйственной деятельности.

По свидетельству информатора Ширазова Тажетдина, 65 лет, каракалпака родовое подразделение куйин, проживающего в пос. Халкабад, араны, описываемые как ямы, в которых находились заостренные остриями вверх стебли камыша или прутья джунгила, использовались для охоты на диких копытных в начале XIX в. в районе Жаныдары в Юго-Восточном Приаралье.

Аран как охотничье сооружение с широко открытым входом, известно в каракалпакском фольклоре. В частности, в эпосах «Ер Зийуар» и «Қыркыыз» в ряде мест отмечается выражение «открыл рот широко, как аран» («Арандай аузын ашады») [Қарақалпақ фольклоры, 1980, с. 382; Қарақалпақ фольклоры, 1981, с. 57].

В «Шежире» Бердаха аран описывается как охотничье сооружение для ловли джейранов:

*Шөлдерде газер жераны
Жеранға құрған араны..
(В степи пасутся джейраны,
На джейранов ставят араны.).
[Хамидов, 1985, с. 143]

Термин «аран» в тюркских языках достаточно древний. Он отмечен, в частности, в словаре Махмуда Кашгарского (1072—1074) с этимологией «скотный двор», «конюшня» [Древнетюркский словарь, 1969, с. 51].

Из других этимологий значительный интерес представляет такая — «заостренное дерево, которое ставят на пути диких зверей», приведенная В. В. Радловым в его «Опыте словаря тюркских наречий» [Радлов, 1893, с. 251].

Обобщая приведенные выше данные, мы можем констатировать, что в XVIII—XIX вв. на обширных пространствах между Аралом и Каспием, а также в Восточном Приаралье практиковалась крупномасштабная охота с применением специальных заградительных и ловчих устройств. В качестве их специфических черт выделяются «сходящиеся» углом линии валов, изгородей и находящиеся на их завершении устройства в виде ям, оград или остро заточенных стеблей камыша. Часто приводятся сведения, что последние помещали в ловчие ямы.

Нетрудно заметить, что приведенные описания в той или иной степени применимы к сооружениям типа стреловидных планировок, свидетельствуя о многовековых традициях организации большой охоты в Арало-Каспийском междуморье и Приаралье с применением различных вариантов стационарных охотничьих сооружений.

Несмотря на широкий территориальный размах археолого-топографических изысканий в пустынях Арало-Каспия, до настоящего времени не удалось выявить стационарных охотничьих сооружений, которые мы могли бы бесспорно связать с хозяйственной деятельностью казахов-адаев и табынов XVIII—XIX вв. на Устюрте. Вместе с тем источники характеризуют их не только как скотоводов, но и как охотников. Имеются свидетельства об охоте казахов-адаев с использованием аранов на Устюрте. Данные о них сообщают литературные источники XIX в. [Карелин, 1883, с. 484, 495]. Многочисленные сцены охоты на

архаров с использованием фитильных ружей на сошках и луков отмечаются на адайских петроглифах Устюрта и Мангышлака [Медоев, 1969, с. 146—152; Медоев, 1979, табл. 72, 73, 80, 82, 83, 84]. Вполне возможно, что сооружаемые казахами араны не имели такого монументального характера как более ранние, средневековые и, в силу этого, быстро разрушались. Вполне возможно, однако, что хорошо сохранившиеся средневековые араны могли использоваться адаями и табынами вторично. В частности, описанные нами стреловидные планировки Кендырлисорской группы, часть стреловидных планировок Жарынкудукской группы, и так называемая «система каменных оград» в топографической структуре могильника Дуана на Восточном чинке Устюрта, сооруженные из камня и прекрасно сохранившиеся, вполне могли использоваться повторно.

Что касается аранов, использовавшихся в Приаралье за пределами Устюрта, то они, как мы могли убедиться, сооружались из менее стойких, чем камень, материалов и, естественно, значительно хуже сохранялись. Этим обстоятельством, видимо, и можно объяснить тот факт, что археологическими изысканиями в пустынях Восточного и Юго-Восточного Приаралья памятники материальной культуры типа стреловидных планировок до настоящего времени не зафиксированы.

Нет пока достаточно достоверных данных о наличии подобных сооружений в Средней Азии и Казахстане в целом. Однако это, на наш взгляд, не значит, что устюртские стреловидные планировки являются чем-то исключительным. Вполне вероятно, что, подобно тому, как это происходило в Приаралье, из-за использования в строительстве стационарных охотничьих сооружений плохо сохраняющихся материалов материальные свидетельства о существовании в прошлом подобного рода охоты в пустынных районах Средней Азии и Казахстана не дошли до нас.

В этой связи хочется обратить внимание на свидетельство Ч. Ч. Валиханова о так называемых «Джанибековых» или «Тамерлановых» валах, использовавшихся для охоты на куланов. По словам Ч. Ч. Валиханова, один из этих валов находится между хребтом Тарбагатай и рекой Или [Валиханов, 1904; Соломатин, 1973, с. 127].

Аналогичное свидетельство со слов А. Х. Маргулана приводит М. Е. Массон, который пишет о том, что «... в Восточной части Казахстана есть два крупных старинных рва, по-видимому предназначенных для облавной охоты на куланов; один в горах Хантау, носящий название Кулан-Кырылган (истребление куланов), а второй тянется от озера Балхаш до северо-западных отрогов Джунгарского Алатау и реки Или» [Массон, 1984, с. 116].

Вполне вероятно, что некоторые из функционально и типологически неопределенных древних сооружений, описываемых обычно как разного рода валы, являются остатками сооружений типа стреловидных планировок [см., например, Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, 1906, с. 50—54, 57; Археологическая карта Казахстана, 1960, с. 64].

Приходится сожалеть, что из-за своей специфичности, «непохожести» на традиционные археологические объекты эта категория памятников прошлого не привлекает достаточно прочного внимания исследователей.

Археологические и этнографические параллели древним сооружениям типа устюртских стреловидных планировок мы находим в тундровой и лесной зоне всего Евразийского материка, на севере Скандинавии, на Кольском полуострове, на Урале, в Западной и Восточной Сибири.

На Урале и в Сибири среди многочисленных наскальных изображений исследователи выделяют сюжеты с сооружениями типа оград

или целых их систем и животными в них. Изображения человека в таких композициях, как правило, отсутствуют. Эти сюжеты, по выражению А. П. Окладникова, представляют «... сюжет охоты без охотника» [Окладников, 1966, с. 125] или пассивной формы охоты с применением стационарных заградительных устройств. Аналогичные композиции отмечены исследователями и в наскальных изображениях Урала [Чернецов, 1971]. Полагают, что подобные способы охоты в указанных районах весьма древние.

На писаницах Урала изображения с сюжетами такой охоты появляются «... в более раннее, чем начало II тыс. до н. э., время» [Чернецов, 1971, с. 110]. В Сибири эти сюжеты своими истоками уходят в глубь палеолитической эпохи [Окладников, 1966, с. 125]. Для их осмысления исследователи привлекают большой этнографический материал, где описываются стационарные заградительные сооружения для саомовно́й охоты в местах постоянных миграций диких копытных, известные в Урало-Сибирской этнографии под наименованием «огороды» или «загородни» [Третьяков, 1934, с. 236 и сл.; Окладников, 1966, с. 125; Чернецов, 1971, с. 73 и сл.; Косарев, 1984, с. 83 и сл.].

«Огороды» представляли собой гигантские сооружения, которые народы Урала в XVIII — начале XX вв. строили по рекам, в лесу в виде изгородей из жердей или засек из поваленных деревьев, тянувшихся часто на протяжении десятков километров. Через определенные промежутки в них устраивались проходы, за которыми располагались глубокие ловчие ямы, стенки которых укреплялись жердями, а по некоторым данным даже срубам из бревен. На дне ям устанавливался заостренный кол. Многие авторы пишут о том, что часто вместо ям в проходах настораживались самострелы. Высказывалось мнение, что ловчая яма является более древним элементом устройства «огородов», а самострелы — явление более позднее.

«Огороды» сооружались на путях сезонных миграций копытных с западной стороны хребта на восточную, в связи с чем они ориентировались в меридиональном направлении на всех горных переходах и по берегам рек, по которым обычно шли мигрирующие животные [Теплоухов, 1880, с. 26—27; Глушков, 1900, с. 36].

В южной части лесного Зауралья основным объектом охоты была косуля, мигрировавшая обычно стадами по 20—50 голов, а иногда до 500 голов [Сабанеев, 1872]. В северных районах Зауралья «огороды» использовались главным образом для охоты на лося [Паллас, 1786, с. 328].

По замечанию М. Ф. Косарева, «... охота при помощи «огородов» практиковалась не только на Урале, но вообще в горных районах Сибири, где наблюдалась резкая смена климатических и ландшафтно-растительных поясов и где перекочевки диких копытных шли по узким путям, совпадающим обычно с перевалами или долинами горных рек» [Косарев, 1984, с. 85]. П. Н. Третьяков полагает, что «загородни» или «огороды» «... распространены по всему лесному северу от Балтийского моря до Амура, служили для охоты на лося, северного оленя, мелких копытных» [Третьяков, 1934, с. 238]. В его работе приводится обширный обзор литературы, посвященный этой форме охоты, что освобождает нас от необходимости вновь повторять его. Стационарные охотничьи сооружения, использовавшиеся при пассивных формах охоты на диких копытных, в последующие годы неоднократно описывали ученые-этнографы и биологи [см., например, Вайнштейн, 1961; Василевич, 1969; Симченко, 1976; Гурвич, 1977; Сыроечковский, 1986].

В тундровой зоне, по всему северу Евразии практиковалась другая форма охоты, которая здесь имела активный характер. Она ориентировалась на промысел северного оленя, образующего огромные ста-

да, и была направлена на овладение не отдельной особью или частью стада, как это имело место при пассивных формах охоты, а на загон в ловушку всего стада.

Охота совершалась при помощи сооружения, принципиально одинакового в различных районах и у разных народов. В нем обязательно присутствовали две сходящиеся линии (из камней, земляных куч, палок с флажками или перьями, жердей и т. п.) и ловушки в месте схождения этих двух линий. Хорошо документирована такая охота на севере Скандинавии и на Кольском полуострове [Манкер, 1960, р. 406; Nesheim, 1961, р. 210; Симченко, 1976, с. 87—88; Семенов Тянь-Шанский, 1977, с. 85—88], заключающаяся в загоне лосей и оленей в ловушки. Ловчие ямы этих загонов обнаруживались повсюду, где расселялись саамы: в Северной Швеции, Норвегии, Финляндской Лапландии [Симченко, 1976, с. 88]. Полагают, что у этих ям имелись деревянные сходящиеся углом изгороди, которые обычно не сохраняются [Семенов Тянь-Шанский, 1977, с. 85—86; Сыроечковский, 1986, с. 209—210]. Манкер считает, что охота с использованием подобного рода сооружений появляется на севере Скандинавии еще в неолите [Манкер, 1960, р. 406].

Имеются описания подобного способа охоты у саамов Кольского полуострова. Здесь ставились две линии, протяженностью каждая до нескольких километров, сходящихся углом деревянных столбов. По мере схождения расстояние между столбами уменьшалось. В вершине угла находился узкий проход и яма за ним. Назывались подобные сооружения *wiotep*. Перед началом охоты к столбам прикреплялись «страшные, черные чучела». Оленей гнали между сходящимися линиями столбов, загоняя в ловчую яму, где и убивали. Подобный способ охоты практиковался до второй половины XVIII в. [Третьяков, 1934, с. 246—247; Сыроечковский, 1986, с. 209—210]. Сооружения для загонной охоты с помощью сходящихся изгородей, выводящих к ямам-ловушкам, типологически близкие к саамскому *wiotep*, имелись у якутов [Гурвич, 1977].

Другой вариант стационарного охотничьего устройства для охоты загонном — так называемые «поколки». Они известны в двух разновидностях: речные и озерные. Для нас представляют интерес озерные «поколки». Для их проведения избиралось озеро с вдающейся в него длинной косой и берегами, крутыми с одной стороны и пологими — с другой. На пологом берегу озера сооружались из деревянных жердей с нанизанными на них кусками дерна две длинные сходящиеся линии длиной до 2 км, выходящие на плоскую косу. Оленей через разруб сходящихся изгородей загоняли в озеро, сюда на лодках выплывали покольщики и кололи животных. Такой способ охоты описан, в частности, у нганасан Таймырского полуострова [Попов, 1948; Сыроечковский, 1986, с. 174—176] и у юкагиров северо-востока Азиатского материка [Сыроечковский, 1986, с. 195].

И, наконец, еще одним вариантом сооружения для охоты загонном являлись «маховки». В этом случае загонное устройство уже не было стационарным, а носило подвижный характер. «Маховки» представляли собой деревянные кольца, на которые навешивались крылья гусей, тундровых куропаток или длинные лоскуты кожи, выкрашенные в черный цвет. Заметив стадо оленей, охотники втыкали в грунт «маховки», образуя две сходящиеся линии. В месте схождения линий находилась ловушка, оплетенная сетями, и прятались охотники. Подобный способ охоты описан у нганасан Таймыра [Попов, 1948; Третьяков, 1934, с. 246; Сыроечковский, 1986, с. 174—175].

Таким образом, в лесной, лесотундровой и тундровой зонах Евразии в течение длительного периода практиковалась охота с примене-

нием стационарных охотничьих устройств двух видов: пассивная и активная. Первая опиралась на использование гигантских цепей самодельных устройств, сооруженных на путях сезонных миграций диких копытных; вторая — загон животных в стационарные ловушки.

Обратимся к рассмотрению ближневосточных параллелей. Здесь исследователи отмечают многочисленные находки древних сооружений, введенных в научный оборот под наименованием «desert kites» — «пустынные змеи». Эти сооружения обнаружены в пустынях Сирии, Иордании, Восточной Палестины, Саудовской Аравии. Интересно заметить, что подобно устуртским стреловидным планировкам ближневосточные «пустынные змеи» также часто почти неразличимы с поверхности земли или не читаются из-за своих гигантских размеров и их план дешифруется лишь с помощью аэрометодов [Fild, 1960, p. 129].

Первым на археологический феномен «пустынных змей», обратил внимание Мейтленд [Antiquity, 1927, p. 199—207]. В дальнейшем их изучением занимались полковник Л. В. Б. Риз [Rees, 1929 a, p. 389—407; 1929 b, p. 89—92], А. Киркбридж [Fild, 1960, p. 130], А. Пойдебар [Poidebard, 1934].

Исследователи далеко не сразу подошли к современному толкованию этих необычных сооружений. Л. В. Б. Риз полагал, что «пустынные змеи» являлись оборонительными сооружениями, использовавшимися для защиты людей и скота [Rees, 1929 a]. Аналогичных взглядов придерживался А. Пойдебар, выполнивший в период 1925—1930 гг. большой объем археологических аэрофотосъемок в Сирии [Poidebard, 1934]. Вместе с тем А. Пойдебар допускал возможность того, что эти древние, как он полагал, оборонительные сооружения использовались в более позднее время туземцами-бедуинами для охоты [Poidebard, 1934, Atlas, pl. XIV].

Современные ученые, занимавшиеся проблемой «пустынных змей», единодушны в определении их в качестве стационарных устройств для охоты на диких копытных. «Пустынные змеи» Ближнего Востока по форме в плане и размерам образуют ряд вариантов. Однако принципиальная планировочная схема их одинакова. Они имеют центральный загон или большую ограду (рис. 42). Форма ее в плане непостоянна. Имеются варианты с треугольной и многоугольными оградками. По углам обычно расположены ограды меньших размеров, а по периметру большой ограды, с ее внешней стороны находятся небольшие замкнутые кольца. Свент Б. Хелмс полагает, что эти кольцевые ограды служили местом укрытия охотников, вооруженных луками, из которых они убивали загнанных животных [Helms, 1981; Легг, Роули-Конуи, 1987, с. 67]. Внутри большой ограды ведет воронкообразно втянутый проход, внутри малых из большой — также проходы. Кольцевые ограды за стеной проходов не имеют. Большие ограды в поперечнике расходятся до 150 м. От входа в большую ограду — длинные стены. Они часто уходят в пустыню на многие километры.

В ряде мест «пустынные змеи» группируются в системы или длинные цепи, простирающиеся, по наблюдениям Л. В. Б. Риза, до 20 миль в длину [Rees, 1929 a]. Авиавизуальные и наземные наблюдения, проведенные Элисон Беттс и Свентом Б. Хелмсом в Северной Иордании, позволили установить, что здесь находится большое количество «пустынных змеев» и что эти «змеи» объединяются в большие системы. Стены одного сооружения соединялись со стенами другого, формируя гигантские цепи, простирающиеся по пустынной равнине в широтном направлении на десятки километров [Betts, 1983, p. 1—10; Betts, 1984, p. 25—34; Betts, 1985, p. 29—52; Helms, 1981]. Хотя исследователи, изучавшие «пустынные змеи» Ближнего Востока и не отмечают этого обстоятельства, по сумме приведенных ими фактических данных мож-

но сделать вполне определенное заключение о том, что по характеру пространственного расположения «пустынные змеи» образуют два варианта: 1) одиночно расположенные «пустынные змеи»; 2) «пустынные змеи», объединенные в гигантские (несколько десятков километров) системы, простирающиеся сплошной линией в широтном направлении.

Сопоставляя второй вариант с картой миграций диких копытных в пустынях Ближнего Востока, нетрудно убедиться, что эти системы пересекают пути миграций. Таким образом, здесь мы имеем тот же вариант «охоты без охотника», о котором писали археологи, описывая

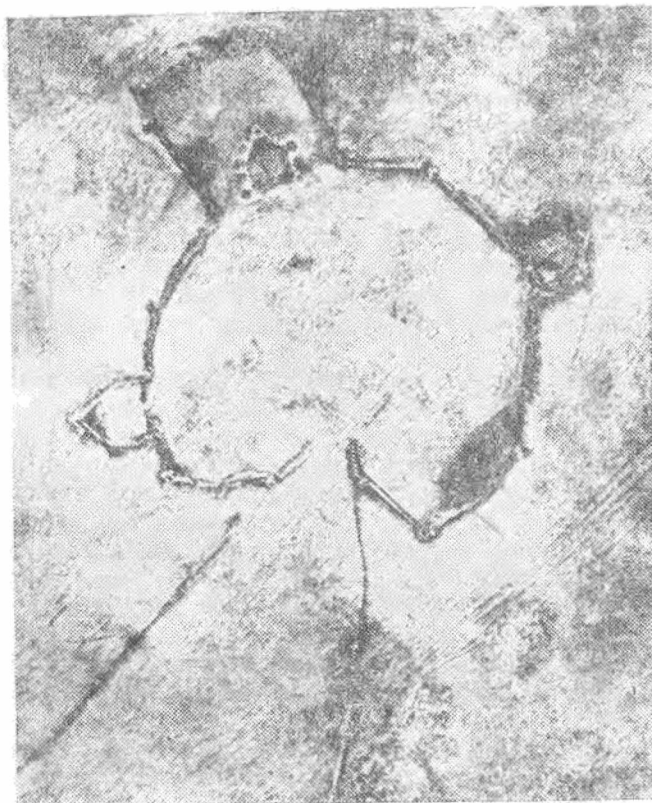

Рис. 42. «Пустынный змей», плановый аэрофотоснимок (по Пойдебару).

уральские и сибирские сооружения типа «огородов» или «загородей». В этом же ряду стационарных заградительных устройств на путях миграций диких копытных должны рассматриваться и часть устюртских планировок, выделенных нами в I тип и объединенных в Североустюртскую группу, которую следует, в связи с этим, называть не группой, а системой.

Решающую роль в установлении функций «пустынных змей» сыграли свидетельства европейских путешественников, видевших их в действии. Наиболее раннее свидетельство этого рода принадлежит португальцу Педро Тахейра, который в 1604 г. видел «змеев», расположенных к северу от прохода через горную цепь Джебель-Бишри у деревни Ат-Тайбе, использовавшихся бедуинами для охоты на джейранов. Однако в данном случае контуры «змея» были не постоянными, а их образовывали ряды тряпочных флажков, подвешенных на шестах [Легг, Роули-Конун, 1987, с. 68]. В этой связи нельзя не отметить их близость к описанным выше сибирским «маховкам».

В XIX в. Дж. Буркхардт видел «пустынные змеи» к северо-востоку от Дамаска. Это свидетельство настолько интересно, что следует привести его перевод здесь полностью. «Джейраны. Их можно увидеть в большом количестве повсюду в Сирийской пустыне. На восточных границах Сирии несколько мест для охоты на джейранов. Эти места называются *masiade*. Пространство на равнине около 1,5 кв. мили огораживается с 3 сторон стеной из камня, причем эта стена достаточно высокая, чтобы джейраны не перепрыгивали через нее. В различных местах стены специально оставлены проходы, снаружи около каждого из них вырыта глубокая яма. Огороженное место располагается около речушки или ручья, к которому летом приходят джейраны. Когда должна начинаться охота, собирается много крестьян и наблюдают, пока не увидят стадо джейранов, движущихся к огороженному месту. В него они загоняют их. Джейраны, напуганные криками людей и выстрелами, пытаются перепрыгнуть через забор, но могут только воспользоваться отверстиями, через которые они падают в яму снаружи и их легко ловят, часто сотнями. Вожак всегда прыгает первым, остальные следуют за ним. Джейранов, пойманных таким образом, немедленно забивают, а их мясо продают арабам и соседствующим феллахам. Добычу от каждого *masiade* делят несколько деревень или группы охотников... Обработанную шкуру джейранов используют для покрытия маленьких барабанов или *tabl*, которыми сирийцы сопровождают игру на музыкальных инструментах или пение» [Burchardt, 1831, p. 220—221].

Ценным свидетельством, на которое ссылаются исследователи, разрабатывающие вопрос о функциях ближневосточных «пустынных змей», являются некоторые сюжеты наскальных изображений Сирии. Ланкастер Хардинг, в частности, в числе доказательств в пользу охотничьего назначения «пустынных змей» опубликовал наскальное изображение доисламского периода, где было представлено сооружение типа «пустынного змея», внутри большой ограды которого находится загнанное стадо джейранов (рис. 43, I). Три охотника гонят ко входу в большую ограду между двумя сходящимися изгородями оставшуюся часть стада [Day, 1960, fig. 32 a, p. 153].

Другой наскальный рисунок с изображением «пустынного змея» с загнанными внутрь дикими животными (рис. 43, II) опубликовал Элисон Беттс [Betts, 198 — fig. 4].

Исследователи датируют «пустынные змеи» Ближнего Востока очень широко: от мезолита до этнографической современности.

Подводя итоги рассмотрению материалов по ближневосточным «пустынным змеям», мы должны отметить следующее:

1. «Пустынные змеи» по характеру группировки могут быть разделены на два варианта: а) одиночно или бессистемно расположенные; б) объединенные в гигантские системы.

Первые, судя по приведенным материалам, связаны с активными формами охоты, а именно с загоном животных в стационарные охотничьи устройства и в качестве таковых могут быть сопоставлены с устюртскими стреловидными планировками 2, 3 и 4 типов.

Вторые связаны с пассивными формами охоты (охота без охотника), когда перехватывались животные на путях их сезонных миграций, и в качестве таковых могут быть сопоставлены с Североустюртской системой стреловидных планировок.

Хорошо документированы способы облавных охот и массового забоя животных в Северной Америке. В отличие от археологии этнография дает немало примеров использования стационарных заградительных устройств для облавной охоты. Здесь мы не находим сис-

тем ловушек для пассивной охоты на путях миграций. Имеющиеся данные говорят об активной загонной охоте.

В Калифорнии некоторые племена индейцев широко практиковали охотничьи облавы. Для этого из дерева или путем натягивания веревок между деревьями они сооружали две сходящиеся изгороди, заканчивающиеся узким проходом, где вырывали яму либо устраивали какую-либо другую западню. Оленей загоняли между сходящимися изгородями и гнали в ловушку [Кунов, 1929, с. 115—116].

С. Поверс приводит следующее свидетельство о подобной охоте у индейцев. «Один старый охотник рассказал мне, что он обычно ло-

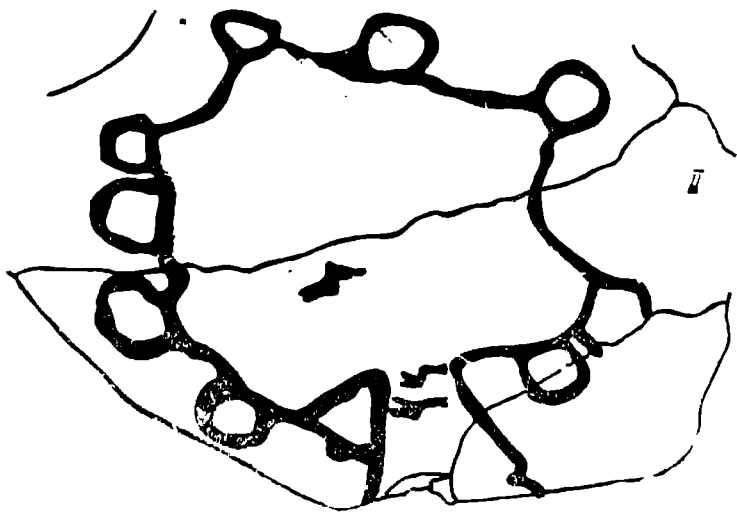
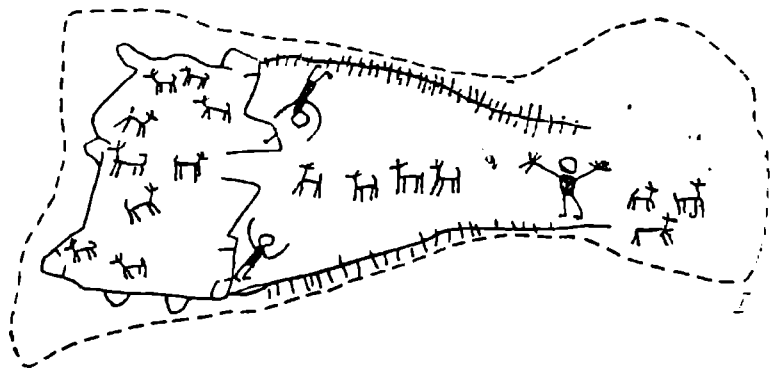

Рис. 43. Наскальные изображения со сценами охоты при помощи «пустынного змея» (по Л. Хардингу и Э. Бетс).

вил прекрасных самцов оленя следующим образом. Они строили две линии из хвоста, сходящиеся в одной точке, где устраивали ловушку. И они загоняли преследуемых животных в эту ловушку» [Powers, 1976, p. 117].

Первый губернатор Новой Франции (Канады) Шамплен (1567—1635) сохранил для нас интересный документ, показывающий охоту индейцев-ирокезов на канадского оленя (caribou). Рисунок изображает охотников, загоняющих оленей между двумя сходящимися длин-

ными изгородями (рис. 44). Загонщики производят шум ударными инструментами. На вершине сходящихся изгородей оставлен узкий проход, где в засаде находятся охотники с кольями. Олени, избежавшие охотников, попадают в особые капканы [Champlain, 1929, pl. 55]. Загонная охота при помощи загонов-коралей практиковалась индейцами Северной Америки не только на оленей, но и на бизонов [Audubon and Bachman, 1851, p. 32—55], и на вылорогих антилоп [Легг, Роули-Конуи, 1987, с. 66].

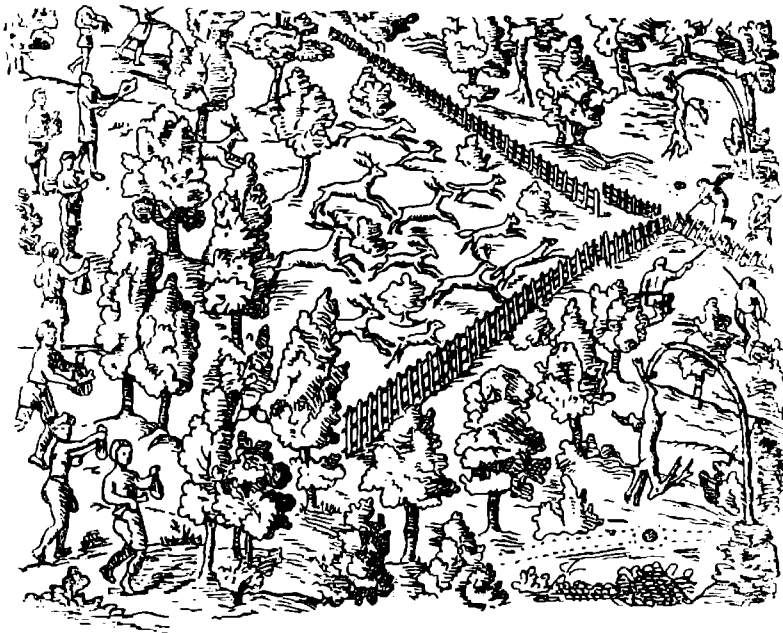

Рис. 44. Охота при помощи сходящихся изгородей у индейцев (по Шамплону).

Попытаемся подвести некоторые итоги предпринятого нами обзора. Стреловидные планировки Арало-Каспийского Междуморья, рассмотренные на фоне материалов по стационарным охотничьим сооружениям, которые использовались в течение исторического периода различными народами Северной Европы, Азиатского континента и Северной Америки, показывают их принципиальную сопоставимость и должны быть признаны бесспорно охотничьими сооружениями. Стреловидные планировки-араны Устюрта могут быть поставлены в один ряд с такими охотничьими сооружениями, как *whotep* на севере Скандинавии, «маховки» и озерные «поколки» в Сибири, «пустынные змеи» — *masiade* на Ближнем Востоке, загоны-корали индейцев Северной Америки, сохраняя при этой общности свою собственную эколого-этнографическую специфику.

Поскольку повсюду, где такого рода сооружения существовали, отмечается их глубокая древность и длительный период использования, вплоть до этнографической современности, логично полагать, что они не оставались неизменными по своим топографическим и планиграфическим параметрам. Изменялись формы ведения охотничьего хозяйства, появлялись новые социальные формы, менялись экологические условия и т. п. Все это находило отражение в изменении топографии и планиграфической структуры стреловидных планировок, отмирании одних ее элементов, возникновении новых, в изменении функций этих элементов.

В литературе уже отмечались подобные процессы по всем регионам, где имелись охотничьи сооружения типа стреловидных планировок. Неизменным оставалось лишь общее охотничье назначение этих сооружений.

По характеру пространственного размещения (топографии) и конструктивным особенностям, находящим соответствующие параллели в археологических и этнографических материалах из других регионов, можно полагать, что стреловидные планировки Арало-Каспийского Междуморья по способу своего использования оказываются связанными с двумя формами организации охоты: активной и пассивной. К пассивным необходимо отнести все те формы организации охоты, которые базируются на использовании целых систем, цепей, линий охотничьих сооружений, простирающихся на десятки километров и преграждающих пути сезонных миграций диких копытных. В рассматриваемом нами материале таковыми являются: в Арало-Каспийском Междуморье — Североустюртская система стреловидных планировок, в Сибири и на Урале — сооружения типа «загородей», «огородов»; на Ближнем Востоке — системы «пустынных змей» в Иордании.

К сооружениям, связанным с активными формами охоты, надо относить все стационарные и полустационарные охотничьи сооружения, которые располагаются одиночно и, как обязательный элемент, имеют две сходящиеся линии изгородей, созданные из различных материалов искусственно или использующих в качестве ограждающих линий ландшафтные особенности, естественные формы рельефа. С активными формами охоты связаны стреловидные планировки 2, 3, 4 типов Арало-Каспийского Междуморья, «пустынные змеи» — *masiade* Ближнего Востока, «маховки», озерные «поколки» Сибири, *whomen* севера Скандинавии, корали-загоны индейцев Северной Америки. Типологически часто сооружения для активной и пассивной форм охоты очень близки, их функции менялись в зависимости от пространственного размещения на местности. Одиночные сооружения, как правило, связаны с активными формами охоты, системы таких сооружений — с пассивными формами.

Приведенный сравнительный материал позволяет не просто установить общее охотничье предназначение стреловидных планировок, но и вычленив в их внутренней планиграфической структуре такие функционально различные элементы, как сходящиеся под углом ограничительные линии, большие ограды, малые ограды, большие кольца на углах малых оград, малые кольца на внешней стороне и на углах малых оград, отдельные кольца.

Обратимся, прежде всего, к такому характерному для рассматриваемых нами сооружений планиграфическому элементу, как сходящиеся под углом ограничительные линии. Это наиболее универсальный планиграфический элемент, одинаково характерный для охотничьих сооружений севера Скандинавии, Азии, Ближнего Востока и Северной Америки. Повсюду он рассматривается как функционально предназначенный для захвата рассредоточенного стада копытных, его постепенной, по мере сужения ограничительных линий, концентрации и выведения в различных типах стреловидных планировок или в промежуточную ограду (большая ограда в приведенных выше индивидуальных описаниях стреловидных планировок Устюрта), или непосредственно в ловушку.

Сходящиеся под углом направляющие линии характерны для стреловидных планировок Устюрта 1, 2, 3 типов и отсутствуют на планировках 4 типа. К объяснению причин последнего явления мы вернемся ниже.

Большая ограда — планиграфический элемент менее распространенный, чем сходящиеся линии. В сравнительном материале он отме-

чен лишь в планиграфической структуре некоторых типов «пустынных змеев» Ближнего Востока. Имеющиеся данные позволяют полагать, что этот элемент был необходим в стационарных охотничьих устройствах, связанных с пассивными формами охоты для накопления достаточно большого количества животных в течение какого-то отрезка времени. Этому способствовали и воронкообразные входы в больших оградах стреловидных планировок I типа, препятствующие выходу животных из «накопителя» и исполняющие роль своего рода самозапирающихся систем, пропускающих животных только в одном направлении.

Ту же роль «накопителя» играли большие ограды в планиграфической структуре стреловидных планировок 2 типа. Однако здесь уже нет самозапирающихся воронкообразных входов. Закрывали животным выход из ограды уже сами охотники. В пользу этого утверждения говорит обязательное наличие по одну или по обе стороны входа небольших каменных колец или ям, предназначенных для укрытия участников охоты, которым предстояло закрыть вход после загона стада животных в большую ограду. Так что в данном случае изменение конструкции входа в большую ограду связано с изменением формы охоты с пассивной на активную.

Большие ограды-«накопители» — элемент, характерный для стреловидных планировок Устюрта 1 и 2 типов. Для некоторых типов охотничьих сооружений Арало-Каспийского Междуморья характерно наличие многоступенчатой системы «накопителей». Наряду с большими «накопителями» (большой оградой) существовали малые «накопители» (малые ограды), соединенные с большими воронкообразными «самозапирающимися» входами. Ограды эти, как правило, имеют треугольную, стреловидную в плане форму и играют роль второго «накопителя», выведшего животных непосредственно к большим кольцам на вершинах треугольников малых оград — ловушкам.

В сравнительном материале такая многоступенчатая система «накопителей» отмечена лишь на некоторых типах «пустынных змеев» Ближнего Востока. На Устюрте подобная многоступенчатость «накопителей» характерна для стреловидных планировок 1 и 2 типов.

У более ранних стреловидных планировок 1 типа малых оград две, у более поздних планировок 2 типа — одна. В еще более поздних стреловидных планировках 3 типа вообще остается лишь одна ограда. Меняется ее положение в планиграфической структуре планировок, меняются и функции этих оград. Так же, как и во всех приведенных выше этнографических материалах, в стреловидных планировках 3 типа сходящиеся «направляющие» выводят не в промежуточные «накопители», а непосредственно в ловушку, капкан или загон, где производился отстрел или отлов загнанных животных. В Арало-Каспийском Междуморье эти формы представлены единичной планировкой («система каменных оград») в структуре могильника Дуана на Восточном чинке, единичной планировкой (Жарынкудук-12) в Жарынкудукской группе во внутренних районах плато и большинством из изученных нами планировок Кендырлисурской группы на Западном чинке.

Как уже отмечалось, из промежуточных малых оград («накопителей») загнанные животные направлялись в большие кольца. Наличие подобных колец характерно для стреловидных планировок 1 и 2 типов. В планировках 2 типа к кольцам из внутреннего пространства ограды выводили специальные подъемы-пандусы. Как будет показано ниже, наличие этого элемента обуславливалось этологическими факторами.

Анализируемый элемент типологически различен в разных типах стреловидных планировок. В планировках 1 типа — это колодцеобраз-

ные глубокие ямы с вертикальными, облицованными каменной кладкой стенами. Их конструкция предопределяла, что выведенное к краю колодца животное вынуждено было пытаться перепрыгнуть через него. Однако диаметр кольца определялся строителями планировок с таким расчетом, чтобы превысить максимальную длину прыжка животного. В итоге оно неизбежно оказывалось внутри кольца. Поскольку каких-либо устройств для умерщвления попавших в ловушку животных при исследовании стреловидных планировок обнаружено не было, остается предположить, что забой животных производился непосредственно охотниками, использовавшими для этого оружие ближнего боя.

Кольцо-ловушка сохраняется и в стреловидных планировках 2 типа. Однако здесь оно дополняется новыми элементами, а именно курганообразным бугром в центре ловушки и кольцевой канавой между его основанием и внутренним контуром кольца. Следует заметить, что курганообразные бугры спорадически появляются уже и в наиболее поздних по времени стреловидных планировках 1 типа.

В индивидуальных описаниях стреловидных планировок отмечается, что все бугры отсыпались из мягкого, рыхлого грунта. Этнографические источники, описывающие охотничьи сооружения Устюрта и Приаралья в целом, постоянно упоминают об установке остро заточенных стержней из камыша или другого материала в сооружениях для загонной охоты. Так же, как и большие кольца стреловидных планировок 1 типа, большие кольца планировок 2 типа были рассчитаны на то, чтобы заставить животное прыгать через пространство, перепрыгнуть через которое они были не в состоянии. В результате животные падали на курганообразный бугор. Хотя материальных свидетельств этому в изученных нами стреловидных планировках не сохранилось, естественно предположить, что курганообразный бугор использовался для установки камышовых, деревянных или других не сохраняющихся длительное время острий, на которые напарывались падавшие в кольцо животные, после чего, будучи ранеными или убитыми, скатывались в кольцевую канаву, освобождая место для новых жертв.

Таким образом, если в ловушках стреловидных планировок 1 типа загнанные животные забивались охотниками, то в планировках 2 типа ловушка убивала животное без участия человека.

Помимо больших колец на планировках отмечается наличие малых — небольших замкнутых колец, располагающихся на стреловидных планировках 1 типа на внешней стороне малой ограды, на планировках 2 типа — на большой ограде как с внешней, так и с внутренней стороны, на планировках 3 и 4 типов — на углах оград.

На стреловидных планировках 1 типа они отмечены лишь в Жарынкудукской группе. На стреловидных планировках Североустюртской группы встречаются единично, располагаясь на наиболее поздних планировках у входа в большую ограду. Судя по одному такому кольцу, расположенному на стреловидной планировке № 6 Жарынкудукской группы, оно представляло собой яму глубиной свыше метра, на всю глубину или в верхней части обложенную плитняком. На стреловидных планировках 2 типа эти кольца расположены на большой ограде и часто имеют не круглые, а угловатые очертания. Судя по данным проведенных исследований, такое кольцо представляло собой яму глубиной чуть более 0,5 м, по верхнему краю обложенную плитняком. На стреловидных планировках 3 и 4 типов это круглые или близкие к квадрату ограждения из плитняка, сооруженные на уровне горизонта, располагающиеся по углам ограды. Все эти кольца слишком невелики по диаметру, чтобы служить, как кольца большого диаметра, ловушками. Кроме того, они полностью замкнуты; в них нет никаких проходов или пандусов.

В сравнительном материале такие кольца отмечены на некоторых

типах «пустынных змей» Ближнего Востока, где исследователи определяют их как места для укрытия охотников [Helms, 1981; Легг, Роули-Конун, 1987, с. 57]. Видимо, в этом же качестве они выступали и на устюртских стреловидных планировках 1 и 2 типов. В сведениях информаторов о приаральских аранах также упоминаются специальные ямы, расположенные вокруг арана и предназначенные для укрытия охотников.

Сопоставляя все эти материалы, мы должны заключить, что небольшие кольца являлись местом охотничьих засад. Однако функционально эти засады были различными. В стреловидных планировках 1 и 2 типов здесь прятались охотники, которые после загона стада животных в ограду, во-первых, преграждали выход из нее, а во-вторых, гнали животных к ловушкам. В стреловидных планировках 3 и 4 типов ограда уже не имела ловушек, а загнанные животные отстреливались из засад из оружия дистанционного боя.

Нам осталось рассмотреть вопрос о том, какие животные были объектом охоты с помощью стреловидных планировок, а также об охотничьей специализации различных типов этих сооружений. Подробно к этому мы обратимся в следующей главе, а сейчас отметим лишь, что объектами охоты с помощью стреловидных планировок в Арало-Каспийском Междуморье были кулан, сайгак, джейран и архар. 1, 2, 3 типы стреловидных планировок носили, скорее всего, универсальный характер и служили для охоты на куланов, сайгаков и джейранов. 4 тип стреловидных планировок Устюрта являлся специализированным для охоты на архаров.

Глава IV.

ТОПОГРАФИЯ, ОСОБЕННОСТИ УСТРОЙСТВА СТРЕЛОВИДНЫХ ПЛАНИРОВОК И НЕКОТОРЫЕ ЕСТЕСТВЕННЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПОВЕДЕНИЯ ДИКИХ КОПЫТНЫХ

В размещении стреловидных планировок по территории плато Устюрт, специфике их пространственного размещения по отношению друг к другу, к различным ландшафтным особенностям, формам рельефа и т. п., в соотношении их различных частей находит отражение огромный, эмпирически накопленный многими поколениями опыт наблюдений за формами поведения в природе диких копытных, установления естественных закономерностей этого поведения и выработки навыков использования естественных закономерностей поведения животных в процессе экономической адаптации в такой неблагоприятной для человека среде, какую представляют пустыни умеренного пояса Евразии и, в частности, плато Устюрт. Строительство стреловидных планировок решалась задача включения человека в естественную систему поведения диких животных, использования ее в нужном человеку направлении.

Решение задачи сравнительного анализа структур стреловидных планировок Устюрта и всей системы естественных закономерностей поведения диких копытных доступно лишь профессионалам-этологам. Однако некоторые соотношения, доступные и не специалисту, мы допускаем возможным привести в связи с разработкой проблемы поведенческой обусловленности конструкции и пространственного размещения стреловидных планировок.

Объектом охоты с применением стационарных охотничьих сооружений — стреловидных планировок на плато Устюрт, судя по имеющимся данным нарративных источников, этнографической информации, а также находками археологически атрибутированной субфоссильной фауны в доступные для нашего обозрения исторические периоды, являлись такие дикие копытные, как кулан, сайгак, джейран и устюртский баран.

Прежде чем приступить к непосредственному анализу специфики пространственного размещения и конструктивных особенностей стреловидных планировок и естественных закономерностей поведения диких животных, охарактеризуем виды копытных, служивших объектами охотничьего промысла.

Кулан (*Equus hemionus*). Обладал в прошлом огромным ареалом, являясь одним из наиболее многочисленных видов животных степей и пустынь Евразии от Манчжурии на востоке до Румынии и Болгарии на западе. Населял также нагорные степи [Банников, 1981, с. 4, 19]. В Средней Азии наиболее древние находки костей кулана отмечены в мустьерских слоях пещеры Аманкутан под Самаркандом [Бибикова, 1958]. Известны находки костей куланов, происходящие из памятников культуры Каунчи [Громова, 1940]. На территории право-

берского Хорезма находки костей куланов отмечены в культурных слоях IV—I вв. до н. э. на городище Жанбас-кала, в слоях III в. н. э. городища Топрак-кала [Цалкин, 1952, с. 240, 244; Цалкин, 1966, с. 145], при раскопках афригидских замков № 19 и 28 конца VII—первой половины VIII в. Беркут-калинского оазиса, причем в замке № 19 было открыто захоронение целого животного [Цалкин, 1966, с. 145]. Многочисленные находки костей куланов отмечены в материалах раннекердерского поселения Курганча в Приаральской дельте Амударьи, датированного последней четвертью VII—первой половиной VIII в. [Батыров, Батиров, 1981]. На территории левобережного Хорезма находки костей куланов были отмечены в слоях XIII в. городища Шемаха-кала,

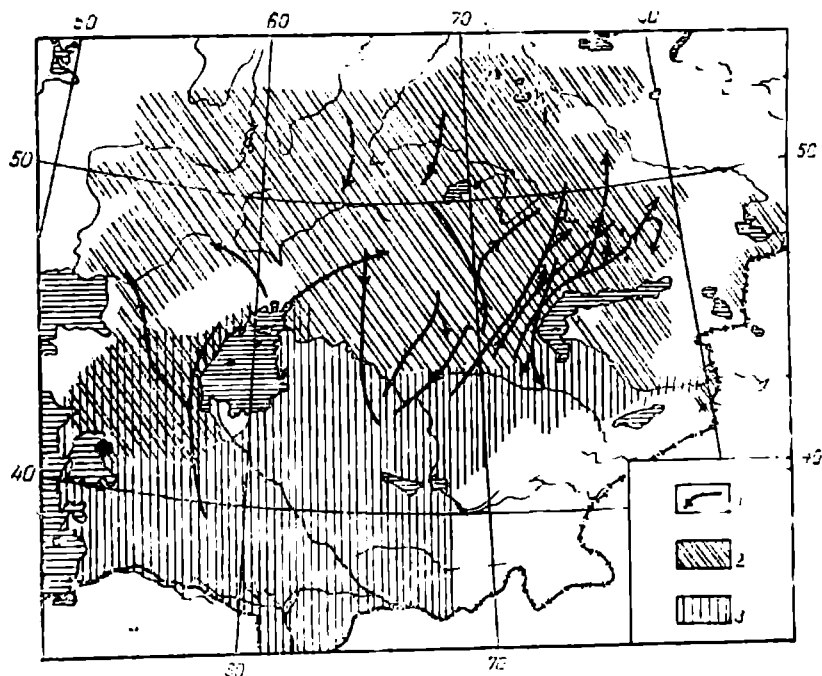

Рис. 45. Размещение куланов в Средней Азии и Казахстане и миграционные пути в XVIII—XIX вв. (По А. Г. Банникову):

1 — миграционные пути; 2, 3 — размещение куланов соответственно летом и зимой.

являющегося остатками большого хорезмийского города, расположенного на краю плато Устюрт. И, наконец, кости кулана зафиксированы и на самом плато Устюрт: они найдены при раскопках святилища VII—VIII вв. Сумбетимералаи-куркреук в урочище Алан на северо-западе впадины Барсакельмес. В составе дикой фауны этого археологического объекта кулан — наиболее многочисленный вид [Батыров, Батиров, 1986]. Кости кулана найдены при раскопках стреловидной планировки Декча-1. На Устюрте куланы обитали до конца XIX в. [Ломакин, 1873].

Северным популяциям куланов были свойственны сезонные миграции в меридиональном направлении на расстоянии многих сотен километров. На перекочевках косяки куланов сбивались в огромные, до тысячи голов, стада [Баскин, 1976, с. 44; Банников, 1981, с. 5, 42—43]. В конце лета, в августе, собравшиеся в огромные табуны животные двигались на юг. Один из миграционных путей в XVIII—XIX вв., по данным А. Г. Банникова, пролегал вдоль Восточного чинка Устюрта (рис. 45). С началом таяния снегов стада куланов двигались на север и к апрелю выходили на летние пастбища [Банников, 1981,

с. 43]. Большие зимние концентрации куланов, приходящих с севера, исследователи отмечали на Устюрте [Северцов, 1861; Вамберн, 1867, с. 98; Рычков, 1762, с. 291]. Куланы тебеноют при снеговом покрове до 30 см [Баскин, 1976, с. 55], поэтому при значительном снеговом покрове в северных летовочных частях ареала и в годы суровых зим их миграции приобретали особенно массовый характер [Банников, 1981, с. 43]. Для куланов во время передвижения характерны регулярные подъемы на возвышенности и внимательный осмотр местности [Баскин, 1976, с. 61].

В некоторых частях ареала животные жили более или менее оседло. В частности, по некоторым сведениям, куланы в пустыне у впадины Сарыкамыш живут постоянно, а в пустыне Кызылкум только зимуют [Богданов, 1882].

Сайгак (Saiga tatarica Linnaeus, 1766). Это животное является одним из древнейших млекопитающих в Палеарктике, сохранившихся до настоящего времени. Появление вида относят еще к началу четвертичного периода. Сайгак — современник сейчас уже вымерших животных: пещерных льва, медведя, гнены, мамонта, южного и древнего слонов, ряда видов носорогов [Слудский, 1955, с. 18]. Подобно кулану, сайгак обладал в прошлом огромным ареалом, совпадающим, а часто выходящим за пределы ареала куланов. Четвертичное распространение охватывает огромные территории от Аляски на востоке до Южной Англии на западе. На севере пределы ареала доходили до Новосибирских островов [Гептнер, Насимович, Банников, 1961, с. 445—446]. Восстановленный ареал несколько уже. В Европе сайгак обитал по всей степной зоне и отчасти в лесостепи, куда он периодически проникал летом, в Азии — от Каспия до Китая. Населял Джунгарию, Монголию. Южная граница распространения шла по линии 44° с.ш. На севере границы ареала проходили по широте верховьев Оби и Иртыша [Гептнер, Насимович, Банников, 1961, с. 445—446].

Приаралье — один из районов обитания сайгака в древности. Костные остатки этого животного обнаружены при раскопках многих археологических объектов. Интересно заметить при этом, что в памятниках правобережной части Хорезма и правобережной части Приаральской дельты Амударьи, прилегающих к пустыне Кызылкумы, костные остатки сайгака полностью отсутствуют [Цалкин, 1966, с. 145]. В то же время в левобережном Хорезме, особенно в районах, близких к Устюрту, находки костей сайгаков в культурных слоях археологических памятников весьма многочисленны. Так, при раскопках Гурганджа — средневековой столицы Хорезма (современный Куля-Ургенч) было обнаружено 186 костей сайгака минимально от 99 особей [Цалкин, 1966, с. 145]. Имеются находки его костей в культурных слоях археологических объектов и на самом Устюрте [Батыров, Батиров, 1986, с. 129].

В пределах всего ареала сайгак является обитателем равнинных пространств. Избегает не только гористой, но и сколько-нибудь пересеченной местности.

Сайгак — типичный кочевник, тем не менее регулярные сезонные миграции свойственны далеко не всем его популяциям в пределах ареала [Гептнер, Насимович, Банников, 1961, с. 472—473]. Среди зоологов нет единства мнений относительно существования у сайгаков регулярных сезонных миграций. А. Г. Банников, опираясь на некоторые данные по Западному Казахстану [Раков, 1956] и на собственные наблюдения в Калмыкии и Монголии [Гептнер, Насимович, Банников, 1961], считает, что подобных миграций не было. Другие исследователи [Бакеев, Формозов, 1955] считают, что регулярные сезонные миграции имели место. Это мнение поддерживает Л. М. Баскин, осно-

вызывающийся на собственных наблюдениях в Тургайской степи и Казахском мелкосопочнике [Баскин, 1976, с. 127].

В Западном Приаралье некоторые природно-климатические и ландшафтные факторы способствовали формированию одного из наиболее постоянных и регулярных миграционных потоков сайгака в пределах ареала. Наличие такого линейного фактора, как Восточный чинк Устюрта, формировало и строго ориентировало миграционный поток.

А. А. Слудский отмечает в районах регулярных миграций сайгаков наличие глубоких многокилометровых троп [Слудский, 1955]. По наблюдениям почвоведом С. В. Губина, для Западного Приаралья характерны вытянутые на многие километры в меридиональном направлении узкие длинные выположенные впадины глубиной до 0,3 м, практически лишенные растительности, покрытые разбитой на полигоны такырной коркой с мелким щебнем на поверхности. Их генезис он связывает с достаточно долговременной регулярной миграцией вдоль чинка больших стад копытных животных [Губин, 1985].

Во время миграции сайгаки образуют огромные скопления до 100—200 тыс. голов. По сути дела, в миграционном обороте участвует целая географическая популяция [Баскин, 1976, с. 200]. Сайгаки образуют также сезонные скопления. Подобного рода концентрации, возникающие в частности в зимний период на Устюрте, обычно относят к другому популяционному уровню, а именно к так называемой «экологической популяции» [Наумов, 1973; Баскин, 1976, с. 200].

Джейран (Gazella subgutturosa Queldenstaedt). В Европе обитал в Закавказье, Куро-Аракской низменности, Восточном Закавказье. В Азии распространен от Каспийского моря до Китая. На северо-западе границей ареала служила р. Эмба. Постоянно встречался севернее чинка Устюрта, в районе Иргиза и Челкар-Иргиза. Северная граница ареала проходила по линии 48° с. ш. На юге населял ирано-афганские пустыни, Иранское нагорье. Четвертичный и современный ареалы практически одинаковы [Гептнер, Насимович, Банников, 1961, с. 425—428].

В пределах ареала джейраны встречаются по всем типам пустынь и полупустынь. В местах постоянного обитания передвигаются на весенние, летние, осенне-зимние пастбища. Джейраны не совершают многодневных перекочевков, а лишь переходят в течение суток с одного пастбища на другое [Мамбетжумаев, 1970, с. 35]. Регулярных, длительных миграций на большие расстояния, подобных миграциям кулана или сайгака, джейран не совершает [Гептнер, Насимович, Банников, 1961, с. 43]. Следует, однако, заметить, что в данном случае биологи фиксируют лишь современную ситуацию. Не исключено, что в более ранние периоды джейран мог совершать большие сезонные миграции, охватывающие всю территорию плато. В сходных условиях пустынь Ближнего Востока исследователи отмечают регулярную миграцию джейранов скоплениями до 10 тыс. голов [Mendelssohn, 1974, p. 722—743]. Эти миграционные потоки, как было показано выше, перехватывали огромные системы стационарных охотничьих заградительных устройств — «пустынных змей».

В современных условиях джейраны весной обитают в песчаных, кустарниково-травянистых пустынях. Используют укрытия в холмистых песках для окота. По мере выгорания трав джейраны смещаются в холмистые, закрепленные растительностью, участки пустынь, а на Устюрте — к чинкам, где имеются водопой. В осенне-зимний период выходят на востоке плато в приморскую причинковую равнину, в районы причинковых урочищ. На западе также выходят в причинковые участки плато и причинковые низменности с остепненными солончакowymi впадинами. В приморской части, примыкающей к Аральскому морю, держатся постоянно, привлекаемые водопоями (джейраны пьют

соленую морскую воду), повышенной влажностью воздуха, способствующей продлению вегетации растений, наличии эрозийных форм рельефа, удобных для укрытия [Мамбетжумаев, 1970, с. 28—33].

Джейраны держатся небольшими стадами, численность и состав которых меняются в разные времена года. Чаще всего группы небольшие, 2—5 особей, реже — до 10—20 голов. Такие скопления возникают кратковременно при особых условиях, например, при миграциях. Больших скоплений по несколько сотен голов джейраны не образуют. Время перекочевки изменчиво и зависит от места и конкретных условий года. Зимние передвижения на Устюрте выражены слабо [Костин, 1955; Мамбетжумаев, 1970; Гептнер, Насимович, Банников, 1961]. При галопе джейран способен совершать большие прыжки на расстояние 310—574 см [Мамбетжумаев, 1970, с. 90].

В прошлом джейран в Приарале был распространен чрезвычайно широко. Многочисленные находки его костей отмечены исследователями в культурных слоях археологических памятников правобережного и левобережного Хорезма античного и средневекового времени [Цалкин, 1952, с. 24; Цалкин, 1966, с. 108 и сл.], в Приаральской дельте Амударьи в эпоху раннего средневековья [Батыров, Батиров, 1981, с. 138—147], на Устюрте в культурных слоях того же времени [Батыров, Батиров, 1986, с. 125 и сл.].

Устюртский баран (Ovis ammon arcal Eversmann, 1850). Является подвидом горных баранов рода *Ovis*, к которому относится и туркменский баран (*Ovis a. cicloceros* Hutton, 1842), называемый также копетдагским или афганским. Северные популяции устюртского барана, обитавшие на восточном берегу Каспия, Мангышлаке и Устюрте называли также «степным бараном» [Эверсмани, 1850].

Горные бараны населяли возвышенности и нагорья крайнего юга Туркмении, возвышенное места Закаспия, полуостров Мангышлак, плато Устюрта, Афганистан, Северо-Восточный Иран [Гептнер, Насимович, Банников, 1961, с. 634]. Устюртский подвид имел распространение на побережье Карабугаза, Мангышлаке, Устюрте [Цалкин, 1951, с. 254]. Обитал баран и в Кызылкумах, где его выделяют в кызылкумскую форму вида *Ovis (Ovis ammon Severtzovi)* [Цалкин, 1952, с. 239; Цалкин, 1966, с. 145]. Об обитании барана на Устюрте в эпоху раннего средневековья свидетельствуют материалы археологических раскопок [Батыров, Батиров, 1981, с. 131].

Горные бараны обитают на обширных открытых пространствах со слабопересеченным рельефом, на пологих горных склонах, в мелко-сopочниках, увалистых предгорьях и т. д. На равнинах встречаются редко, заходя сюда лишь во время миграций. На Устюрте, Мангышлаке, в Кызылкумах, Бетпакдале и казахском мелкосопочнике бараны живут по невысоким останцевым хребтам, откуда они регулярно заходят в овраги и ущелья, где дольше не выгорает растительность и сохраняется снежная и дождевая вода [Бажанов, 1945; Гептнер, Насимович, Банников, 1961, с. 640—642]. На Устюрте это в основном причинковые районы, изрезанные глубокими оврагами, и большие бессточные впадины [Баскин, 1976, с. 150—156].

Специалисты, изучающие поведение диких копытных, полагают, что горные бараны в природных условиях ведут оседлый образ жизни, имея постоянные места кормежек, постоянные убежища и постоянные тропы, соединявшие их. Поведение архаров в этих условиях определяется знанием участка обитания [Цалкин, 1951; Егоров, 1971; Баскин 1976, с. 150—151].

Анализ пространственного расположения оград, функционально специализированных на загонную охоту на устюртских баранов, позволяет прийти к заключению, что их строители великолепно знали особенности поведения архаров и умело пользовались своими знаниями,

располагая ловушки на местности таким образом, чтобы загоном можно было перехватить баранов, перемещающихся по своим постоянным маршрутам. В районе Кендырлисурской излучины это были пути от причинковых пастбищ к убежищам в оврагах под скальными карнизами и водооям в виде соленых источников, расположенных у основания хребта Карамая и соленого озера Карамая, находящегося на солончаке Кендырлисор.

Значительную часть года бараны живут оседло. Исключение — весна и осень, когда животные перемещаются с летних участков обитания на зимние и наоборот. Зимой участок обитания сужается, лето животные проводят вблизи лучше сохраняющихся пастбищ и немногочисленных водоемов. Осенью, когда начинается вегетация эфемеров, участок обитания расширяется [Гептнер, 1956; Баскин, 1976, с. 150].

В течение суток в пределах участка обитания горные бараны совершают регулярные перекочевки по набитым ими тропам. Осенью и в конце зимы бараны образуют крупные стада до сотни и более голов. Крупные, но непостоянные, легко распадающиеся скопления бараны образуют после снегопадов.

В полупустынях и пустынях часть популяции горных баранов является оседлой, т. е. здесь они держатся одних и тех же мест круглый год. Часть популяции в определенных условиях совершает миграции, обычно небольшие, до нескольких десятков километров, причем амплитуда кочевок непостоянна, изменяется в зависимости от степени суровости зимы или засушливости лета. На перекочевках бараны идут большими группами, трассы перекочевок отличаются значительной стабильностью [Гептнер, Насимович, Банников, 1961, с. 646—647].

Обратимся теперь к анализу пространственного распределения стреловидных планировок по территории Устюрта и особенностей их группировки. Выше мы уже установили, что при нынешнем уровне археологической изученности плато мы можем выделить пять групп стреловидных планировок.

1. Североустюртская группа. Представляет линейно расположенную, вытянутую в широтном направлении систему конструктивно и планировочно одинаковых сооружений, ориентированных входами на север, расположенную под прямым углом по отношению к меридиональной линии Восточного чинка Устюрта.

2. Айбуйирско-Присарыкамышская группа. Представлена стреловидными планировками, беспорядочно разбросанными вдоль чинка на участке от могильника Бернияз на севере до мыса Чалбурун на юге. Отмечено три варианта расположения планировок на местности: на мысах; в вершинах оврагов; непосредственно на прямой линии чинка.

3. Жарынкудукская группа. Единственная из известных в настоящее время, которая находится во внутренних районах плато. Планировки расположены беспорядочно по склонам котловины и солончака Жарынкудук.

4. Бейнеуская группа. Данных о характере распределения стреловидных планировок на местности нет.

5. Кендырлисурская группа. Насколько можно понять по перспективным аэрофотоснимкам Л. Л. Галкина [Галкин, 1988], по данным, опубликованным С. И. Варущенко с соавторами [Варущенко, Варущенко, Қлиге, 1987, с. 88], а также по нашим данным 1988 г., стреловидные планировки здесь многочисленны и располагаются вдоль Западного чинка Устюрта на расстоянии около 90 км, обычно по пологим склонам на краях глубоких оврагов.

Приведенный обзор позволяет легко заметить, что по характеру расположения и пространственному распределению все выделенные нами группы стреловидных планировок заметно отличаются друг от

друга. Надо полагать, что это отличие обусловлено различными формами концентрации диких копытных в местах расположения выделенных нами групп стреловидных планировок, видовым составом добываемых животных, различием в способах применения стреловидных планировок и т. п.

Выше мы уже говорили о том, что через Устюрт проходили сезонные миграционные потоки таких видов диких копытных, как сайгак и кулан. Одним из миграционных путей был путь вдоль Восточного чинка Устюрта. Надо полагать, что при прочих равных условиях формирование этого пути определялось особенностями реакции диких копытных на видимые ориентиры. Установлено, что «... при прочих равных обстоятельствах, они движутся вдоль русла реки, кромки леса, по тропе или следу и т. п.» [Баскин, 1976, с. 259]. Видимо, эта особенность естественного поведения копытных — приверженность к миграциям вдоль естественных «направляющих» и была одной из причин формирования постоянного миграционного пути вдоль Восточного чинка Устюрта, а выбор места строительства определялся тем фактором, что роль «направляющей» для мигрирующих животных играл такой линейный фактор, как линия Восточного чинка. Именно тем обстоятельством, что чинк формировал постоянный, стабильно ориентированный поток животных, и было обусловлено строительство Североустюртской системы стреловидных планировок, перегородивших этот поток и выполнявших роль своего рода ловчей сети, работавшей в определенное время года без каких-либо особых усилий со стороны человека. В систему ловушек направлялась масса животных и строителям системы оставалось лишь пожинать плоды своих усилий, основанных на многолетних наблюдениях за поведением животных, эмпирически накопленных знаниях, огромном опыте поколений.

Ландшафтно-географические особенности плато не формировали более нигде такого фиксированного миграционного потока, что и обусловило определенную уникальность Североустюртской системы стреловидных планировок среди других групп, рассчитанных уже на отлов с использованием искусственных побудителей (загонами, облавами и т. д.).

С реакцией животных на видимые ориентиры связаны такие элементы в североустюртских планировках, как «усы» и «направляющие» в виде мелких узких длинных канав, выводящих к воронкообразному входу в замкнутое пространство большой ограды стреловидной планировки. Используя хорошо известный поведенческий эффект, движение копытных ориентировали в нужном направлении, выводя их ко входу в ловушку. «Усы» и «направляющие» играли, таким образом, роль искусственно созданного линейного фактора. Реакция диких копытных на видимые ориентиры широко использовалась охотниками и пастухами для выбора места сооружения разного рода ловчих ям, западней, коралей и т. п. Кроме того, животных направляли, устраивая по сходящимся линиям легкие изгороди, а на открытой местности — кучи дерна или камней, разного рода пугала. Об этих способах использования поведенческих реакций диких копытных для их отлова пишут многие естествоиспытатели [Казнаков, 1907; Язеп, 1961; Калугин, 1968; Соломатин, 1973; Mendelsshon, 1974; Баскин, 1976; и др.].

«Усы» и «направляющие» в виде цепочки вертикально установленных известняковых плит отмечены и для стреловидных планировок Жарынкудукской группы. Наличие таких элементов устройства стреловидных планировок — всегда прямое указание на то, что эти сооружения «работали» на перехват миграционного потока и их функционирование не требовало участия человека.

В связи с вопросом о роли Восточного чинка представляет интерес следующее обстоятельство. Во время миграций сайгаки обра-

зуют скопления до 100—200 тыс. особей. Большие скопления образуют и куланы. По сути дела, движется целая географическая популяция [Баскин, 1976, с. 200]. Подвижностью миграционного потока обеспечивается целостность вида. Однако отдельные миграционные потоки могут то ослабевать, то снова усиливаться, иногда даже резко отклоняться от обычного пути, что приводит к переходу большой группы особей из одной географической популяции в другую. Однако в условиях Западного Приаралья все эти факторы оказываются в значительной степени ослабленными и сохраняется значительно более постоянная, чем в других популяциях, направленность миграционного потока. Главным фактором, способствующим этому, является ландшафтная специфика. Как уже было отмечено, чинк играет роль направляющей.

Знание человеком прошлого всех этих факторов и обусловило выбор места для строительства системы ловушек, перехватывающих на миграционном пути целую географическую популяцию диких копытных, номадных, каковыми являются кулан и сайгак.

Направленность входов в большую ограду на север свидетельствует о том, что стационарные ловчие устройства «работали» только осенью, во время массового миграционного хода диких копытных. Учитывая то обстоятельство, что отчетливо выраженные сезонные миграции характерны лишь для таких животных, как кулан и сайгак, необходимо предположить, что Североустюртская система стреловидных планировок, будучи сооружена на пути миграций указанных животных, была предназначена для их массового отлова и заготовки.

В остальных частях Устюрта пути этих миграций не были столь жестко ориентированы, как на востоке плато, в связи с чем там отсутствуют системы стреловидных планировок, аналогичные Североустюртской. Некоторой аналогией, как уже отмечалось, может служить часть стреловидных планировок Жарынкудука, однако здесь отсутствовали четко выраженные миграции и мигрирующие животные не концентрировались узкой полосой, а рассеивались по необозримым просторам плато.

Чрезвычайно важным для нашей темы является вопрос о разграничении структуры популяций. Полагают, что определению популяции могут отвечать различные по количественному составу и размерам территории группы особей, на чем и основано выделение популяций различных рангов [Пантелеев, 1968; Баскин, 1976, с. 200]. У сайгаков и куланов во время миграций движется, по сути дела, вся географическая популяция и именно она служит объектом охоты, инструментом которой является Североустюртская система стреловидных планировок. В то же время на зимовке они образуют структуру более низкого ранга — экологическую популяцию с более низким уровнем численности, со стиранием черт номадности. Подобные популяции отмечаются в присарыкамышских районах Устюрта, где размещена Айбуйирско-Присарыкамышская группа стреловидных планировок. Эмпирически популяционные различия были отмечены уже древними и средневековыми кочевниками Устюрта, что нашло свое отражение в различных способах охоты, в различных системах пространственного размещения стреловидных планировок, в различной ландшафтной приуроченности, в различном размещении на местности, ориентации, конструктивных особенностях и т. д.

По тем данным, которыми мы располагаем сейчас, стреловидные планировки — явление, существующее веками. Как в данном случае можно совместить выработку копытными способности обходить постоянное препятствие, избегать постоянно повторяющейся опасности, почему стреловидные планировки оказались способными «работать» в течение длительного периода и у животных не вырабатывалось чувство страха перед ними?

Специалисты, изучающие поведение животных, полагают, что накопление случайных навыков замедляется у молодых животных после первого года жизни. Долгое время, а часто и всю жизнь, они существуют за счет уже выработанных навыков и подражания другим животным в стаде. Чем больше животных в стаде, тем менее потребность в обучении [Баскин, 1976, с. 173].

Численность стад куланов и, особенно, сайгаков, сезонно мигрировавших вдоль Восточного чинка Устюрта, была, как мы отметили выше, очень большой. Не исключено, что именно это являлось препятствием на пути выработки адаптивного поведения по отношению к ловушкам — стреловидным планировкам в Североустюртской системе. Аналогичная ситуация отмечена в отношении бизонов Северной Америки. Пока их численность была велика, адаптивного поведения на пресс охоты не вырабатывалось. Однако как только их численность сократилась, бизоны научились убегать прочь при малейшей опасности [Баскин, 1976, с. 173]. Видимо, аналогичный поведенческий механизм действовал и у популяций копытных, мигрировавших через Устюрт. Сайгаки и куланы при снижении уровня их численности научились избегать ловушек в Североустюртской системе стреловидных планировок, сделав их эксплуатацию хозяйственно малоэффективной, следствием чего являлось забрасывание ловушек. Отмеченные случаи перестройки стреловидных планировок в Североустюртской системе на одном и том же месте достаточно однозначно свидетельствуют о том, что эти ловушки периодически забрасывались, а затем, когда численность мигрирующих животных возрастала и ослаблялись механизмы выработки адаптивного поведения, вновь восстанавливались и активно эксплуатировались.

Как показывают зоопсихологические опыты, обучение выбору и запоминанию миграционного пути могло происходить лишь на ранних стадиях развития животного. Л. М. Баскин, ссылаясь на исследования американских ученых [Hafes, Scott, 1962, с. 3—20], отмечает, что «... в экспериментах с лабиринтами способность обучаться поиску правильного пути проявляли лишь те животные (озцы и козы.— Я. В.), которые познакомились с обстановкой таких опытов еще ягнятами. Впервые попавшие в лабиринт взрослые обучиться не могли» [Баскин, 1976, с. 172]. В данном случае мы имеем дело с «облигатным» типом обучения. Навыки, полученные с его помощью, Л. М. Баскин называет популяционно-специфическими [Баскин, 1976, с. 173]. Эмпирическое познание путей формирования поведения животных позволило человеку активно, целенаправленно вмешиваться в этот процесс.

Таким образом, анализ пространственного размещения стреловидных планировок и поведенческих реакций диких копытных позволяет установить следующее:

1. Североустюртская система стреловидных планировок была специализированно направлена на перехват огромных масс диких копытных на путях их сезонных миграций. Частично те же функции выполняла Жарынкудукская группа.

2. Объектами добычи были кулан и сайгак, поскольку только они являются в полной мере номадными животными, западноаральские популяции которых регулярно совершают в меридиональном направлении сезонные миграции.

3. Ловушки «работали» без применения облав или других способов загона животных в стреловидные планировки.

Айбуйирско-Присарыкамышская группа стреловидных планировок, в противоположность Североустюртской группе, не образует взаимосвязанной, единой системы, а является только территориально объединенной группой типологически единых сооружений, функцио-

нировавших индивидуально, не в связи с другими стреловидными планировками в группе.

Территориально район расположения Айбуйирско-Присарыкамышской группы совпадает с районом зимней концентрации диких копытных: куланов, сайгаков, джейранов. Не исключено, что эти районы могли служить и для летних кочевых популяций копытных, живших более или менее оседло. В литературе отмечено, что концентрации, например, куланов в районах, где имеются хорошие водопой в летнее время и где животные не испытывают нужды в воде, происходят повсеместно [Башиков, 1981, с. 44—45]. Известно, что в эпоху античности и средневековья находящееся под чинком русло Дарьялыка и Сарыкамыш были обводнены, что обеспечивало животных надежными водопоями и способствовало их постоянному обитанию в этом районе.

Зимние концентрации обуславливались малоснежной или вообще бесснежной зимой. В конце XIX в. М. Богданов, например, отмечал, что в пустыне около оз. Сарыкамыш куланы живут постоянно [Богданов, 1882]. Большие зимние концентрации куланов на Устюрте, приходящих с севера, отмечает Н. А. Северцов [Северцов, 1861]. Характерно и расположение стреловидных планировок в группе. Они находятся обычно непосредственно у обрывов чинка (Дарьялык-1, Дарьялык-2, Казган-1), отсекают мысы (Декча-1, Хантерсек, Ибрахимша-2, Ибрахимша-3, Чалбурун-1), располагаются в верховьях оврагов у их обрывистых краев (Казган-3, Аксаймак-2, Карамата-7, Карамата-3, Декча-3,4). Ориентация стреловидных планировок в группе различна и определяется не страной света, а расположенном обрыве, на который планировка опирается.

Все перечисленные признаки свидетельствуют о том, что Айбуйирско-Присарыкамышская группа не могла служить, подобно Североустюртской, заградительным охотничьим устройством на путях сезонных миграций. В данном случае в естественную систему осуществления поведения животного должны включиться не только связанные с его деятельностью стимулы в виде загонов, но и сам человек как объект опасности для животного.

В стреловидные планировки Айбуйирско-Присарыкамышской группы животные не шли сами, как в Североустюртские: для того, чтобы они туда попали, требовался загон. Вероятно, более или менее крупные стада постоянно живущих здесь или зимующих копытных тем или иным способом загонялись в большую ограду-«накопитель» и, попадая затем в ловушки, в массе становились жертвами загонной охоты с применением стационарных ловушек.

В Кендырлицорской группе стреловидные планировки располагаются на пологих склонах, на краях глубоких оврагов. Видимо, и здесь выбор места их расположения определяется знанием закономерностей поведения копытных, для охоты на которых и строились стреловидные планировки. Л. Л. Галкин высказал предположение о том, что они предназначались для охоты на архаров. Действительно, по данным биологов, районы Устюрта, прилегающие к Карынжарыку, служили местообитанием архаров. Эти животные в условиях Устюрта являлись оседлыми, использующими определенный участок обитания. Животные стремятся не покидать этого участка, зная его особенности. Испуганные горные бараны стараются пересечь ущелье или овраг в конкретных условиях Устюрта, преграждающие путь и человеку, и хищникам [Баскин, 1976, с. 197]. Знанием всего этого и обусловлена специфика расположения стреловидных планировок Карынжарыкской группы, поставленных таким образом, чтобы перехватить испуганный табунок животных. Вряд ли в данном случае использовался конный загон животных. Скорее всего охота строилась на знании тактики взаи-

модействия с опасностью, использовавшимся в прошлом устюртской популяцией архаров. Загон мог происходить следующим образом: когда люди входили в сенсорный контакт с животными, последние отступали и их постепенно оттесняли к западне. На аналогичный способ охоты на дзеренов указывает Л. М. Баскин [Баскин, 1976], ссылаясь на Н. М. Пржевальского [Пржевальский, 1946]. Сейчас этот способ охоты уже невозможен, поскольку чрезмерное преследование архаров на Устурте выработало у них реакцию, включая встречи с человеком, безоглядного бегства, «когда животное вновь возвращается в спокойное состояние лишь выйдя за пределы сенсорного контакта с испугавшим его человеком» [Гептнер, Насимович, Банников, 1961; Баскин, 1976].

Расположение Кендырлисорской группы позволяет говорить о том, что она использовалась и как ловушка, перехватывающая мигрирующих животных, и как ловушка, использовавшаяся во время загонной охоты.

Анализ материалов, полученных при исследовании стреловидных планировок, свидетельствует о том, что высота и ширина оград в различных частях планировок была различной. Малые ограды и кольца на них имели значительную высоту и вертикальные облицованные камнем стены с внутренней стороны, что делало их физически непреодолимыми для попадавших сюда животных. В то же время для больших оград характерны низкие неширокие валы, неглубокие, а также неширокие рвы, низкие ограды из вертикально установленных каменных плит или даже не сплошные ограды, а цепочка вертикально установленных плит. Эти ограды отнюдь не являлись физически непреодолимой преградой для животных. Видимо, в данном случае великолепное знание особенностей поведения диких копытных позволило выбрать наиболее оптимальный вариант ограды, требовавшей для своего сооружения минимальных из возможного объема трудовых затрат.

Строительство оград, которые легко преодолимы физически, но тем не менее являются непреодолимыми для животных, рассчитаны, как полагают этологи, на реакцию животных на видимые ориентиры и не столько на механическую невозможность преодолеть преграду, сколько на поведенческий эффект. Для поведения сайгака, например, характерно неизменное стремление не преодолевать, а обойти препятствие, даже если это незначительная канава [Гептнер, Насимович, Банников, 1961, с. 471]. Данную особенность поведения диких копытных широко использовали скотоводы и охотники при сооружении разного рода ловушек и загонов. Это подтверждает и опыт современного охотничьего хозяйства и животноводства. Так, веревочно-тканевые кораллы применяют ковбои Северной Америки [Dobie, 1952]. С успехом используются подобные кораллы в северном оленеводстве. По свидетельству Л. М. Баскина, «двухметровая непрозрачная стенка из материи создает у северных оленей, лошадей иллюзию непреодолимой преграды [Баскин, 1976, с. 259].

Для Айбуйирско-Присарыкамышской группы выявлена отчетливо выраженная тенденция к расположению треугольных оград на возвышенностях, вообще на наиболее высоких точках местности и обязательно выше большой ограды. Указанная особенность устройства стреловидных планировок также может найти объяснение с позиций этолога: «Рельеф, прежде всего наклон местности, имеет важное значение для копытных. Возможность улучшить условия обзора, поднявшись на возвышение, используется многими из них: горными баранами, козлами, северными оленями, верблюдами, многими антилопами. Опыт строительства коралей в северном оленеводстве показывает, что их необходимо строить устьем вниз к подножью склона...» [Баскин, 1976, с. 259]. Именно так, как мы видели, обязательно ориентированы

треугольные ограды в Айбуйирско-Присарыкамышской группе. «Стадо всегда легче гнать на ветер и в «гору» [Баскин, 1976, с. 259].

Следует обратить внимание и на такой элемент стреловидных планировок, как отдельно расположенные кольца или квадраты малого диаметра. Они служили для засады той группы охотников, которой в сценарии направленного воздействия на поведение животных отводилась роль фактора, пугающего животных и доведившего их до паники. Когда стадо загоняется или само зашло в большую ограду-«накопитель», охотники, используя звуковые и оптические сигналы, криками, маханием рук, одеждой, поднятием на палке шапки и т. д., вызывают паническую реакцию, заставляя животных метаться в поисках выхода и находить его в постепенно сужающихся проходах, ведущих к кольцам ловушки. Причем, в качестве еще одного фактора, направляющего животных к ловушке в Айбуйирско-Присарыкамышской группе, отмечено сооружение искусственных подъемов-пандусов, выводящих к краю ловушки. В данном случае используется реакция копытных — «бежать в гору».

В этнографической литературе отмечено заманивание сайгаков в стреловидную планировку подражанием крику самок. Применение подобного метода известно в период гона [Баскин, 1971, с. 255].

Должна быть отмечена и такая особенность стреловидных планировок, как расположение большой ограды на такыре, отражающую особенность сайгака при опасности выходить на такыр, где он получает возможность развить максимальную скорость [Гептиер, Насимович, Банников, 1961, с. 468].

Подытоживая приведенные выше данные, мы неизбежно приходим к выводу о прямой зависимости способов пространственного размещения стреловидных планировок на плато и их конструктивных особенностей от специфики поведения диких копытных. Устройство стационарных охотничьих сооружений уже само по себе свидетельствует о накоплении человеком определенной суммы знаний о поведении животных, умения, опираясь на эти знания, предсказывать их поведение при искусственном создании определенных условий. Строительство стреловидных планировок предполагало умение прогнозировать поведение животных, а это, в свою очередь, требовало знания сезонных пастбищ популяции, магистральных путей движения, умения делать поправки на конкретные природные условия [Баскин, 1976, с. 255]. Именно сумма этих знаний и была основой организации промысла диких копытных на Устюрте и строительства огромных систем стационарных охотничьих сооружений.

ВОПРОСЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ СТРЕЛОВИДНЫХ ПЛАНИРОВОК УСТЮРТА

Проблемы этнокультурной атрибуции стреловидных планировок Устюрта вряд ли могут успешно разрабатываться, если исходить лишь из внутреннего информационного потенциала этой категории археологических объектов, ограниченного, как правило, данными о топографии и планиграфии. Как уже отмечалось выше, стреловидные планировки лишены такого существенного элемента археологического памятника, как культурный слой, насыщенный артефактами, часть из которых используется обычно в качестве этнокультурных показателей.

В связи с этим только анализ данных о стреловидных планировках в контексте всей суммы археологической информации в рамках определенных хронологических периодов всего Арало-Каспийского Междуморья и Приаралья позволяет наметить подходы к разработке интересующих нас вопросов. Определенные трудности возникают также в связи с тем, что мы находимся лишь на начальных стадиях археологического изучения огромных пустынных пространств, лежащих между Аральским и Каспийском морями, а материалы уже проведенных здесь археологических изысканий в основном еще ждут своей публикации и не всегда могут быть вовлечены в исследовательский процесс.

В предшествующих главах мы уже установили, что стреловидные планировки — археологический феномен, имеющий весьма широкие хронологические рамки, типологически неоднородный и существенно эволюционирующий во времени.

Выделены следующие периоды строительства и использования стреловидных планировок:

1) вторая половина I тыс. до н. э. — период культуры погребений на горизонте;

2) III—IV вв. н. э. — период сармато-аланский;

3) VII — начало IX вв. — период джетыясарско-кердерский;

4) IX—XI вв. — период огузский;

5) XII—XIV вв. — период туркменско-кипчакский.

В рамках предложенной периодизации мы и будем вести последующее изложение материала.

Вторая половина I тыс. до н. э. — период культуры погребений на горизонте. Датируется в пределах V—II вв. до н. э. Ее памятники распространены в Закаспии [Мандельштам, 1976, с. 21 и сл.; Мандельштам, 1981, с. 73 и сл.], по Узбою [Юсупов, 1986, с. 40 и сл.], по всему Устюрту [Ягодин, 1978, с. 289—290; Ягодин 1982, с. 43—52, 61—64, 76] и Мангышлаку [Галкин, 1988, с. 95]. На севере ареал культуры доходит до широты Нижней Эмбы [Мандельштам, 1981,

с. 80]*. Это культура скотоводческих племен, кочевавших, используя как пастбищные и зимовочные территории плато Устюрт и прилегающие к нему районы. Ряд исследователей [Мандельштам, 1976, с. 25—26; Юсупов, 1986, с. 140—144; Галкин, 1988, с. 95] полагают возможным этнически определять данную культуру как принадлежащую, согласно Страбону, массагетам — обитателям равнин [Страбон, XI, 8, 6—7].

Параллельно этой культуре на Устюрте в интересующий нас период существует другая археологическая культура, по нашему мнению, савромато-сарматская в том ее варианте, который известен в науке как самаро-уральская группа или область [Смирнов, 1964, с. 191—197], и обнаруживающая особую близость к памятникам выделенных в ее составе районов: бассейна р. Илек и Орь; бассейна р. Урал между Оренбургом и Орском; северо-востока Южного Приуралья, включающего, главным образом, южную часть Челябинской области [Смирнов, 1964, с. 79]. Именно эти районы, по мнению некоторых исследователей, выделяются в пределах Самаро-Уральской области особым своеобразием [Смирнов, 1964, с. 196].

Часть населения указанных районов вела кочевой образ жизни с круглогодичным циклом кочевания. Пути кочевий шли в меридиональном направлении и выходили на юге к границам древних городских и оседло-земледельческих цивилизаций Хорезма и юга Туркмении [Ягодин, 1978, с. 290; Ягодин, 1982, с. 78].

У нас чрезвычайно мало данных для того, чтобы напрямую включать стреловидные планировки в структуры той или иной культуры. Однако анализ топографии памятников этих культур делает наиболее вероятным предположение о связях стреловидных планировок с культурой погребений на горизонте.

Мы, к сожалению, пока располагаем чрезвычайно ограниченной изученной информацией о стреловидных планировках рассматриваемого периода. В Жарынкудукской группе от планировки этого времени сохранилась лишь часть изгороди большой ограды. Хронологическая позиция данной стреловидной планировки, как уже отмечалось в главе о хронологии стреловидных планировок, определяется тем фактором, что она перекрыта группой из трех погребений на уровне горизонта внутри каменных ящиков. Ряд косвенных соображений, также приведенных выше, позволяет связывать со стреловидными планировками группу погребений в каменных ящиках могильника Дуана и допускать возможность, что существование могильника Дуана определялось наличием здесь стреловидных планировок.

III—IV вв. н. э. — период сармато-аланский. К этому времени на Устюрте относится целый ряд археологических объектов, в основном приуроченных к Восточному чинку и археологически документированных на участке от мыса Дуана на севере до юго-восточного выступа Устюрта на юге. Они представлены в основном курганными и грунтовыми могильниками и святилищами. К этому периоду отнесены группы IV, V, VI, X могильника Дуана [Ягодин, 1978, с. 193—196; Ягодин, Бижанов, 1981; Ягодин, 1985а], отдельные курганы могильника Жиделибулак-1 [Ягодин, 1985а], курганный могильник Сызлууй [Ягодин, 1985б; Ягодин, 1986б], грунтовый могильник Дэвкескен-6 [Ягодин, 1986б; Ягодин, 1989], группы курганов II и IV могильника Казыбаба [Ягодин, 1990].

По основным признакам культура, представленная на плато Устюрт перечисленными памятниками, совпадает с позднесарматской культурой Нижнего Поволжья и Южного Приуралья [Ягодин, 1978,

* Аналогичные сведения о северных пределах ареала культуры погребений на горизонте сообщил А. Н. Меленгьев.

с. 193—196] и может быть связана с кочевым скотоводческим населением, с круглогодичным хозяйственным циклом меридионального кочевания между летовками Южного Приуралья и зимовками на юго-востоке Устюрта, на границах позднеантичного Хорезма.

Нет никаких археологически засвидетельствованных материалов, которые могли бы истолковываться как остатки сооружений типа стреловидных планировок, относящихся к рассматриваемому периоду. Однако некоторые соображения косвенного порядка делают допустимым предположение о возможности использования стационарных охотничьих сооружений типа стреловидных планировок и в этот период. В частности, выше уже говорилось о том, что существование у мыса Дуана довольно большого по масштабам Устюрта позднесарматского одиночного могильника, в то время как все остальные концентрируются далеко на юге вдоль границ оседло-земледельческого Хорезма, возможно, связано с существованием здесь сооружений для охоты на мигрирующих копытных и периодическим, сезонным обитанием какой-то группы поздних сарматов в период массовой охоты. VII — начало IX вв. — период джетыасарско-кердерский. Джетыасарская культура представлена на Устюрте довольно широко. К ней отнесены следующие археологические объекты: а) Североустюртская группа стреловидных планировок; б) святилища 1—2 могильника Дуана; в) часть стреловидных планировок (Жарынкудук-6В, Жарынкудук-14) и святилище Жарынкудук-10 в Жарынкудукской группе; г) святилище Сумбетымералан-куркреук; д) развалины каменного сооружения в системе стреловидных планировок Карамата-7 в Айбуйирско-Присарыкамышской группе. В этот перечень по хронологическому принципу должны быть включены стреловидные планировки Декча-1 и Айбуйир в Айбуйирско-Присарыкамышской группе, для которых, по данным радиоуглеродного анализа, нижняя хронологическая граница определена как VI—VIII вв.

Характеризуя джетыасарскую культуру на Устюрте, нельзя не отметить одну весьма специфическую ее особенность. Объекты этой культуры представлены здесь только стреловидными планировками и святилищами. При этом, несмотря на широкий охват археолого-топографическим изучением территории плато, не удалось выявить ни одного погребального памятника, нет и объектов, которые свидетельствовали бы о постоянном обитании здесь джетыасарско-кердерских племен. Характер памятника говорит скорее о временном, сезонном пребывании джетыасарско-кердерских племен на Устюрте.

Первоначальной территорией распространения культуры является урочище Джетыасар в Северо-Восточном Приуралье, в бассейне одного из древних русл Нижней Сырдарьи-Кувадари [Толстов, 1962, с. 186]. Результаты исследований джетыасарской культуры и раскопок ее многочисленных памятников частично освещены в литературе [Толстов, 1947 а; 1947 б; 1948 б; с. 125—140; 1949, с. 246—254; 1950, с. 521—531; 1952; с. 16—19; 1954, с. 258—262; 1958, с. 235—252; 1962; с. 186—189; Сеннигова, 1953; Левина, 1966; 1971; 1974; 1977; 1979; 1980; 1981; 1983; 1988; с. 76—78; Андрианов, 1969, с. 202—205; Андрианов, Левина, 1979].

Культура представлена многочисленными городищами с монументальной сырцово-архитектурой, с мощной фортификацией и незастроенным внутренним пространством. В комплексе с городищами обычно находятся крупные курганные могильники, насчитывающие многие сотни погребений, остатки слабо развитых небольших оросительных систем. Городища и могильники, как правило, располагаются на берегах сухих русл и речных протоков. Вместе с тем отмечается полное отсутствие неукрепленных сельских поселений.

В развитии джетыасарской культуры на современном этапе ее изучения выделяются три периода Джетыасар-I — рубеж нашей эры (или последние века до н. э.) — IV в. н. э. (возможно, конец III в. н. э.); Джетыасар-II—IV—VII вв. н. э. (возможно, с конца III по начало VIII вв. н. э.); Джетыасар-III—конец VII, возможно, начало VIII вв. по IX в. [Левина, 1971, с. 64—76]. Отмечено, что сохраняется возможность открытия и более ранних слоев в памятниках джетыасарской культуры, вследствие чего ее нижняя хронологическая граница определена в достаточной мере условно [Левина, 1971, с. 64].

На первых двух этапах культура развивается в территориальных рамках Джетыасарского урочища, на последнем, III этапе, происходит передвижение значительной массы племен — посетителей джетыасарской культуры на запад и на юг, в дельты Сырдарьи и Амударьи [Левина, 1971, с. 76]. Полагают, что эти передвижения осуществлялись под давлением перемещавшихся в конце VI — начале VII в. в пределы Джетыасарского ареала новых этнических группировок из среднесырдарьинских районов, в основном подвергшихся тюркизации отгарско-каратауского населения, а также тюркских племен Семиречья и Каратау [Андреанов, Левина, 1979, с. 97]. В какой-то степени указанные этнические передвижения происходили под воздействием факторов экологического порядка [Левина, 1988, с. 78].

Появляется принципиально новая внутренняя планировка джетыасарских городищ, когда при сохранении мощной фортификации внешних оборонительных стен, внутри огражденной ими территории оставляется значительное, лишенное какой-либо застройки, пространство. Полагают, что оно использовалось в качестве убежища для больших стад скота в случае военной опасности [Андреанов, Левина, 1979, с. 95—97]. Все это, в свою очередь, свидетельствует в пользу вероятного увеличения удельного веса скотоводства в системе экономики Джетыасарского урочища. В начале IX в. большинство джетыасарских городищ пустеет и жизнь в урочище замирает.

Продвинувшиеся к западу джетыасарские племена расселяются в районе распространения культуры «болотных городищ» в дельте Сырдарьи [Толстов, 1947 а; Толстов, 1947 б, с. 211, рис. 80, 1; Левина, 1971, с. 77—86]. Племена, двигавшиеся на юг, оседают в правобережной части дельты р. Амударьи, где на джетыасарском субстрате формируется кердерская культура [Неразник, Рапопорт, 1959; Толстов, 1962, с. 241—244; Гудкова, 1964; Вайнберг, 1973; Ягодин, 1973; 1981; 1984 а; 1986 а].

Рассматривая памятники VII — начала IX вв. на Устюрте, мы не можем, на современном уровне их изученности, выделить из этого, по сути дела, единого культурного массива материалы, указывающие на исключительные связи только с джетыасарской, кердерской или культурой «болотных городищ», и должны вследствие этого констатировать, что культура Устюрта VII — начала IX вв. является органической частью единого культурного массива, после открытия памятников этого времени на Устюрте приобретшей циркумаральский характер.

IX—XIV вв. — периоды огузский и туркмено-кипчакский. Археологические объекты этих периодов представлены, во-первых, многочисленными стреловидными планировками. В основном это планировки, входящие в Айбуйирско-Присарыкамышскую группу, частично, вероятно, в Жарынкудукскую и полностью в Кендырлиторскую группу. Во-вторых, это кочевнические археологические памятники. Представлены они в основном курганными археологическими объектами, хотя имеются и объекты хозяйственного назначения (загоны для скота на зимниках) и объекты типа кочевнических святилищ, в-третьих, ар-

хеологические объекты типа городищ, сигнальных башен и бескурганых могильников.

Первая из перечисленных группа археологических объектов уже описана и расклассифицирована выше. Вторая группа представлена исключительно новыми материалами, полученными во время наших экспедиционных работ на плато и еще не опубликованными. В связи с этим в данном случае представляется необходимой их полная пуб-

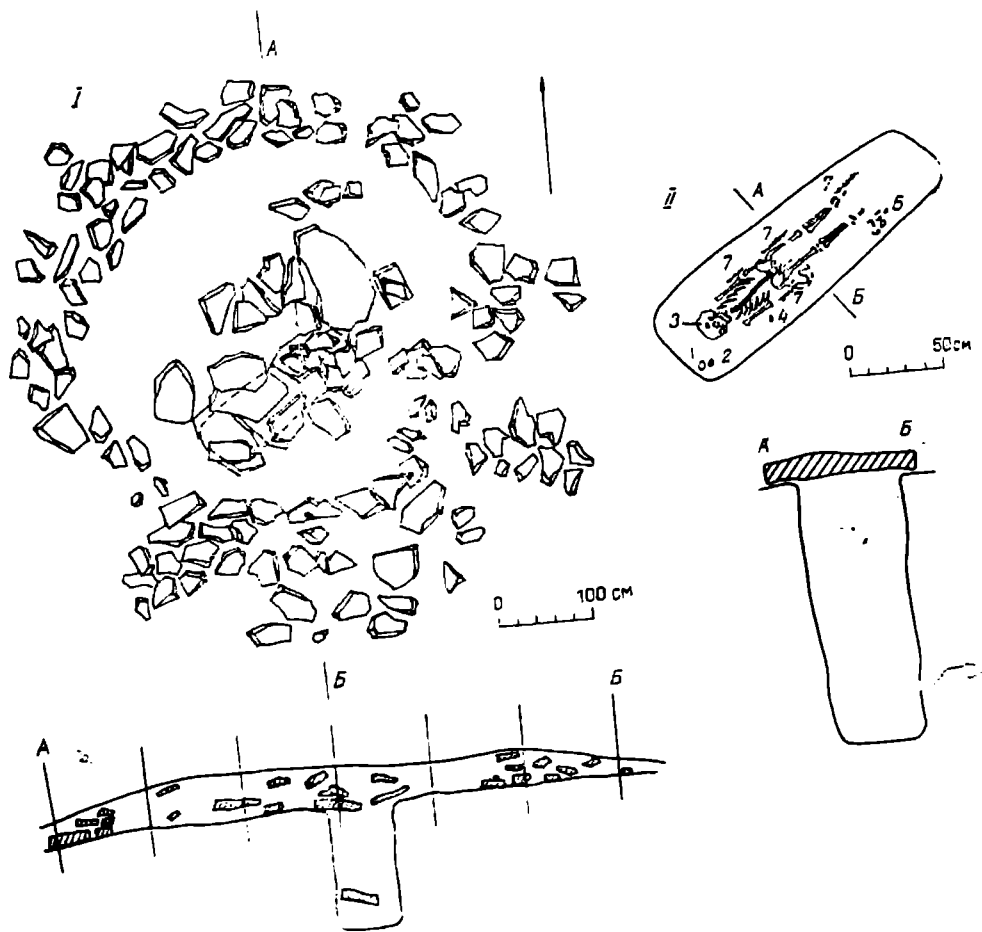

Рис. 46. Курганы Акчулгуля, группа 1, курган 3. I — план по уровню расчищенной насыпи; II — план и разрез погребения:

1 — раковина; 2 — бубенчик бронзовый; 3 — серьга бронзовая; 4 — раковина; 5 — глина; 6 — фрагменты железных изделий; 7 — таеи древесный; 8 — под черепом две золотые серьги и бронзовый колпачок.

ликация. Тем более, что понимание стреловидных планировок этого периода возможно лишь в системе всего комплекса синхронных археологических объектов Устьюрта.

И, наконец, третья группа средневековых археологических объектов Устьюрта в значительной степени опубликована [Ягодин, 1978; Манылов, 1978; Манылов, 1981; Манылов, 1982; Юсупов, Манылов, 1990], что в данном случае освобождает нас от их нового подробного описания. Таким образом, обратимся к описанию и анализу второй группы перечисленных археологических объектов Устьюрта.

Курганы Акчулгуля, группа 1, курган 3. Находится на юго-западном краю большой платообразной возвышенности. Насыпь кургана 3

сильно нарушена перекопами, контуры выражены нечетко. Диаметр по основанию 6—7 м (рис. 46, 1). В перекопанном песчаном грунте насыпи беспорядочно разбросаны известняковые плиты, среди них отмечены находки фрагментов керамики: обломки крупного хорезмийского позднеантичного хума и фрагменты сероглиняного водоносного кувшина хорезмшахского (XII—начало XIII в.) или золотоордынского (вторая половина XIII—XIV в.) периодов.

Под насыпью, на уровне древнего горизонта находилось кольцо диаметром около 6 м, грубо выложенное обломками известняковых плит. В центре кольца беспорядочно набросаны крупные каменные плиты, засыпанные щебнем и песком, под которыми находилось устье

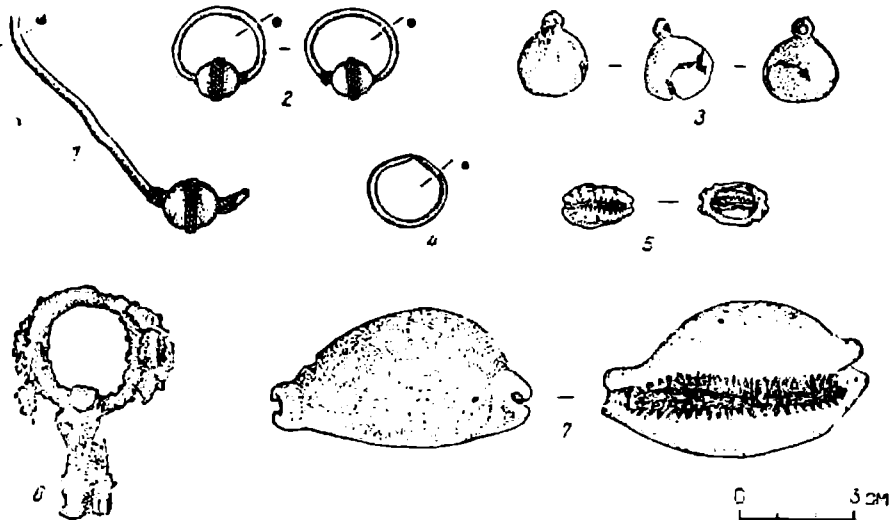

Рис. 47. Курганы Акчунгуля, группа 1, курган 3. Погребальный инвентарь.

могильной ямы. Яма в плане подпрямоугольная, со скругленными углами, ее размеры 1,75×0,55 м. Длинной осью яма ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Максимальной ширины 0,55 м яма достигает в СВ части. К ЮЗ яма сужается до 0,35 м.

Сверху яма перекрыта плотно уложенными поперек крупными известняковыми плитами. Две из них в середине ямы сдвинуты со своих мест, остальные сохранили первоначальное положение. Яма вырублена в рыхлом известняке, глубина от уровня древнего горизонта около 150 см. Стенки вертикальные (рис. 46, 1).

Первоначально яма, вероятно, засыпки не имела, заполнявший ее в момент раскопок песчано-щебнистый грунт с обломками известняка проник через сдвинутые со своего места плиты перекрытия. На дне ямы находился костяк женщины, лежавший на спине вытянуто, головой на ЮЗ, костями лица слегка повернут на ЮВ (рис. 46, 11). Кисть левой руки находилась на костях таза. Погребение произведено, вероятно, на деревянных носилках или в гробу, по обе стороны костяка сохранились идущие по длинной оси ямы полоски древесного тлена.

Погребение сопровождалось инвентарем. В южном углу ямы лежала крупная морская раковина и бронзовый бубенчик (рис. 47, 3, 7). На черепе, на височной кости с левой стороны находилось серебряное колечко (рис. 47, А). Раковина каури лежала у стенки ямы в области правого предплечья (рис. 47, 5). Под черепом была найдена пара золотых серег (рис. 47, 2) и бронзовый колпачок. Под тазом и правым бедром была прокопана ямка диаметром около 30 см, в которой был

закопан обломок серебряной гривны (рис. 47, 1). У правой стены находились обломки железного изделия, вероятно, кольчатых удил (рис. 47, 6).

Курганы Акцунгуля, группа VIII, курган 1. Насыпь кургана поверху была густо усыпана мелким щебнем и беспорядочно лежавшими плитами необработанного известняка (рис. 48). Диаметр насыпи около 8 м, высота от уровня современного горизонта до 0,6 м. Курганная насыпь отсыпана на поверхности маломощного слоя погребенной почвы,

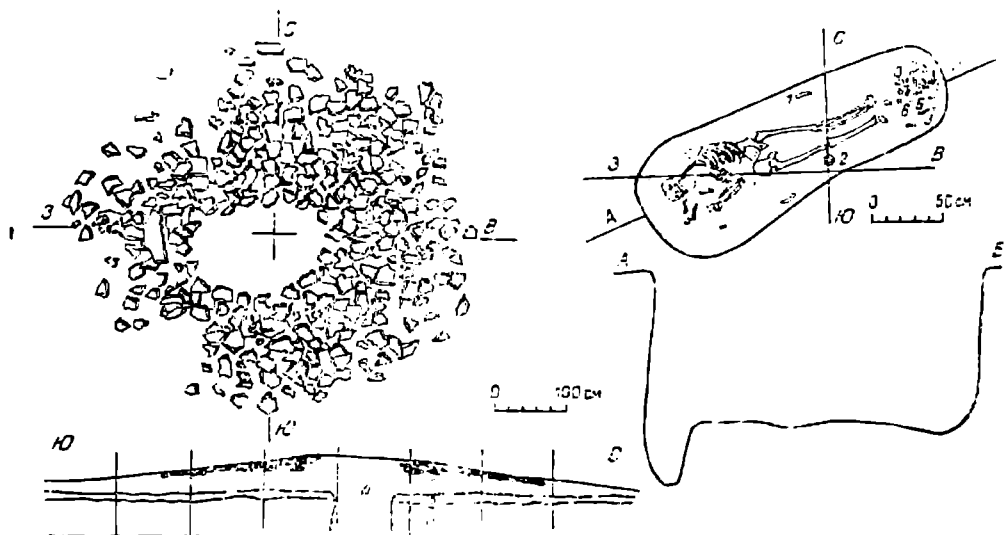

Рис. 48. Курганы Акцунгуля, группа VIII, курган 1. План по уровню расчищенной насыпи, разрез С—Ю; план и разрез А—Б погребения:

1 — фрагмент железного стрежня; 2 — кольцо железное; 3 — костяные обкладки седла; 4 — стремена железные; 5 — фрагмент стержня железного; 6 — фрагмент стержня костяного. Разрез С—Ю: 1 — суглинок пылеватый с комками гипса и щебнем (насыпь); 2 — погребенная серо-бурая почва (древний горизонт); 3 — песок огипсованный, переходящий в гипс (материк); 4 — суглинок пылеватый с обильными примесями гипса и зеленой глины (грабительская яма).

фиксирующего уровень древнего горизонта. Насыпь отсыпана из пылеватого, суглинистого, сильно щебнистого грунта. По поверхности имела сплошную беспорядочную обкладку необработанными плитами известняка. Обкладка отсутствовала лишь в центре насыпи, непосредственно под погребением. Здесь прослеживалась грабительская яма, затянута пылеватым суглинком с обильными включениями гипса и комков зеленой глины.

Могильная яма (рис. 48) выкопана в толще огипсованных суглинков, гипсов и зеленых глин, с уровня древнего горизонта. В плане яма подтрапещевидная со слегка стянутыми боковыми и округленными торцевыми стенками. Стенки ямы расширяются книзу. Размеры ямы по осям 2,25×70 м. Глубина от уровня древнего горизонта около 1,15 м. Длинной осью яма ориентирована по линии СВ-ЮЗ. В торцевых частях дно ямы углублено. В СВ торце углубление мелкое, в ЮЗ — глубокое. В ЮЗ части ямы в заполнении было много каменных плит, опускающихся в яму по линии грабительского хода.

На дне ямы на правом боку вытянуто лежал человеческий костяк, головой ориентированный на ЮЗ. Правая рука вытянута вперед, согнута в локте, кисть опущена вниз. Левая согнута в локте, кости кисти находятся у костей лица. Череп завалился вниз, в просевшую засыпку углубления в торце, позвонки шеи в результате этого неестественно

но вытянулись. Кости обеих стоп со своего первоначального положения смещены и придвинуты к СВ торцевой стенке ямы. Пол и возраст не определены.

Погребение сопровождалось инвентарем. По всей площади ямы и по всей ее глубине в заполнении были отмечены многочисленные следы истлевшего дерева, вероятно, остатки деревянного предмета (возможно, седла), разрушенного во время ограбления кургана. В СВ

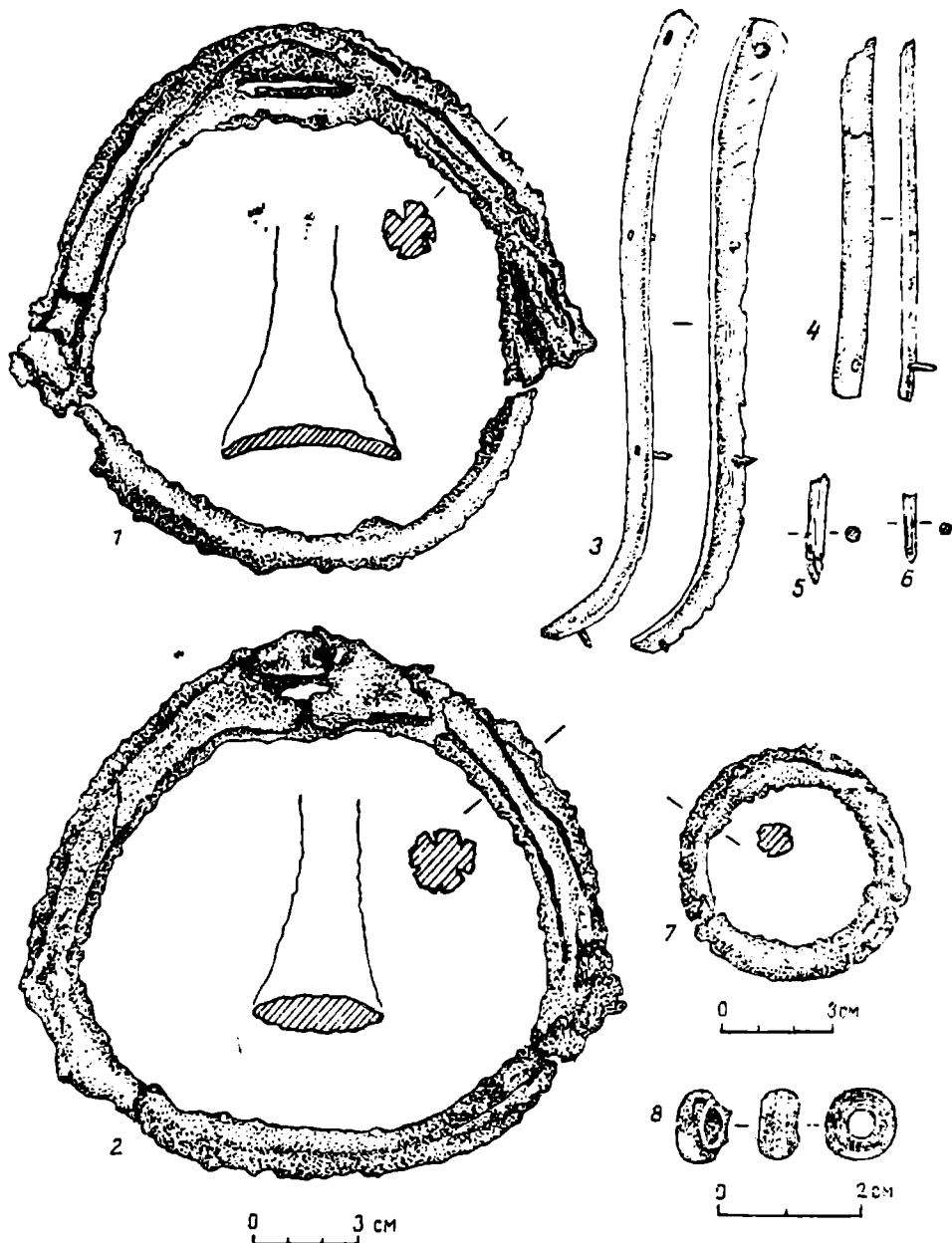

Рис. 49. Курганы Акчунгуля, группа VIII, курган I. Погребальный инвентарь.

торце ямы находились сдвинутые с места своего первоначального расположения вместе с костями стоп обломки двух железных стремян (рис. 49, 1—2), одна целая и несколько обломков костяных обкладок седла (рис. 49, 3—4), неопределимые фрагменты костяного и желез-

ного стержней (рис. 49, 5—6). У ЮВ стенки ямы, в заполнении, на уровне таза погребенного лежало железное кольцо (рис. 49, 7), также явно смещенное с места первоначального расположения. У противоположной стенки, на том же уровне, на дне ямы лежал обломок одного

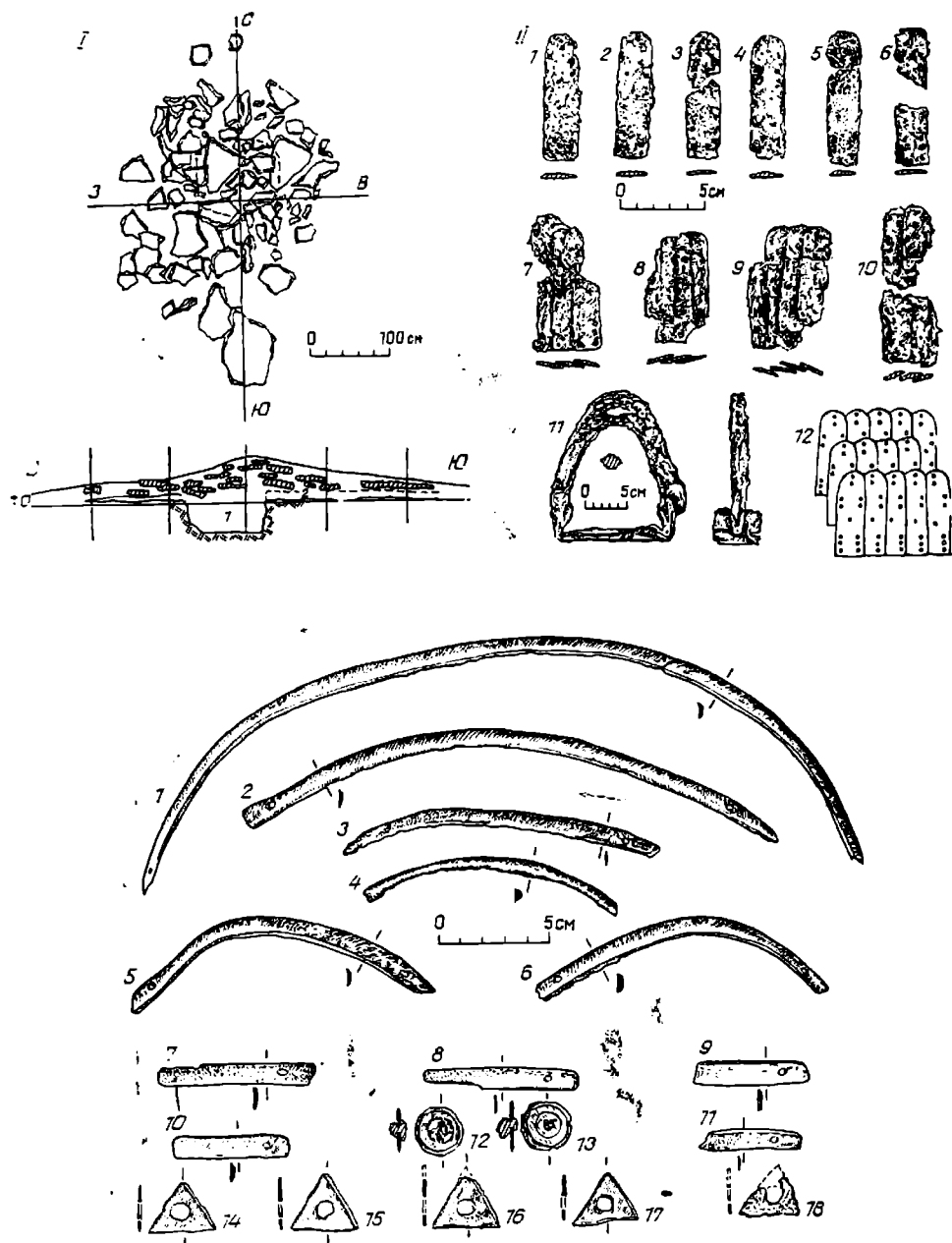

Рис. 50. Бернияз-3, курган 1. I — план по уровню расчищенной насыпи, разрез С—Ю: I — щебнисто-супесчаное заполнение ямы; 2 — почва погребенная (уровень древнего горизонта); II—III — погребальный инвентарь.

из стремян. В ЮЗ части ямы в засыпке была найдена стеклянная бутылка (рис. 49, 8).

Таким образом, если общее положение костяка в какой-то мере отражает его первоначальное положение, то состав и расположение ин-

вентаря явно претерпели значительные изменения в результате ограбления.

Бернияз-3, стреловидная планировка, курган 1. Находится на территории стреловидной планировки Бернияз, в 20—25 м к северу от обрывистого края чинка. Курган имел каменную насыпь диаметром 4,5—5,0 м, высотой до 0,5 м, сложенную из известнякового плитняка. Под насыпью с уровня горизонта выкопана яма, подквадратная в плане, сторонами ориентированная по странам света. Длина стороны ямы 0,9—1,1 м, глубина до 0,45 м (рис. 50, I).

В яме без видимого порядка располагались железный пластинчатый панцирь или его часть (рис. 50, II, 1—10, 12) и предметы конской упряжи для верховой езды: костяные обкладки седла (рис. 50, III, 1—11). Седло, видимо, было полным, однако его деревянные части не сохранились. Костяные треугольные с круглым отверстием посередине пластинки, возможно, декоративные накладки на седло (рис. 50, III, 14—18). Круглые с остатками железной петли пуговицы (рис. 50, III, 12—13). Одно железное стремя (рис. 50, II, 11).

Таким образом, в данном случае перед нами клад, но захороненный в традициях курганной погребальной обрядности.

Бернияз-1, могильник курганный, группа 1, курган 1. Впускное погребение. В насыпь сарматского кургана впущено погребение, яма которого прорезала насыпь и углубилась в грунт под насыпью на 0,4 м. Яма в плане подпрямоугольная, со скругленными углами, размерами по осям 2,1×1,0 м. Длинной осью ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Погребение нарушено. На дне ямы в беспорядке находились: череп без нижней челюсти, длинные кости верхних и нижних конечностей, кости таза, фрагменты ребер. Среди костей обнаружен фрагмент кашинного сосуда.

Жарынкудук-4, группа курганная, курган 5а. На поверхности каменное сооружение в виде подпрямоугольной в плане ограды, сооруженной из известняковых плит, поставленных в 1—2 ряда на ребро с наклоном к центру. По основанию с внешней стороны обкладка в 1—2 ряда аналогичным известняковым плитняком. Внутренность подпрямоугольной ограды и обкладка слегка присыпаны щебнистым грунтом. Размер ограды 2,8—3,0×1,8—2,0 м (рис. 51, II). Внутри ограды по ее центру находится могильная яма, в плане трапециевидная, углы и торцевые стенки скруглены. Стенки ямы вертикальны. Размеры по осям 2,0×0,6 м, глубина ямы до уровня древнего горизонта 0,5 м. Длинной осью яма ориентирована по линии СЗЗ—ЮВВ. Яма расширяется в СЗЗ половине и сужается в ЮВВ.

На дне ямы находился костяк женский, возраст зрелый. Он лежал на спине, вытянуто, головой на СЗЗ (аз—300°). На локте правой руки находилось бронзовое зеркало (рис. 51, III). Зеркало повреждено, его центральная часть продавлена до укладки в погребение. Зеркало было помещено в матерчатый мешочек, остатки которого, законсервированные окислами меди, частично сохранились.

Жарынкудук-4, курганная группа, «курган» 5б. В данном случае «курган» — наименование условное, т. к. курганная насыпь отсутствует. Над могильной ямой с поверхности вкопаны две каменные плиты на расстоянии 0,85—0,90 м одна от другой (рис. 51, I). Могильная яма выкопана с уровня древнего горизонта. Она имеет широкую входную яму и узкую погребальную камеру. Входная яма прямоугольная в плане, углы округлены, размером 2,2×1,0 м, глубиной 0,65 м. Со дна входной ямы прокопана погребальная камера, подпрямоугольная в плане со скругленными углами и торцевыми стенками. Стенки ямы вертикальны. Размер 1,9×0,4 м, глубина от уровня дна входной ямы 0,55 м. Длинной осью могильная яма ориентирована по линии СЗ-ЮВ.

Погребальная камера по устью обложена одним рядом известня-

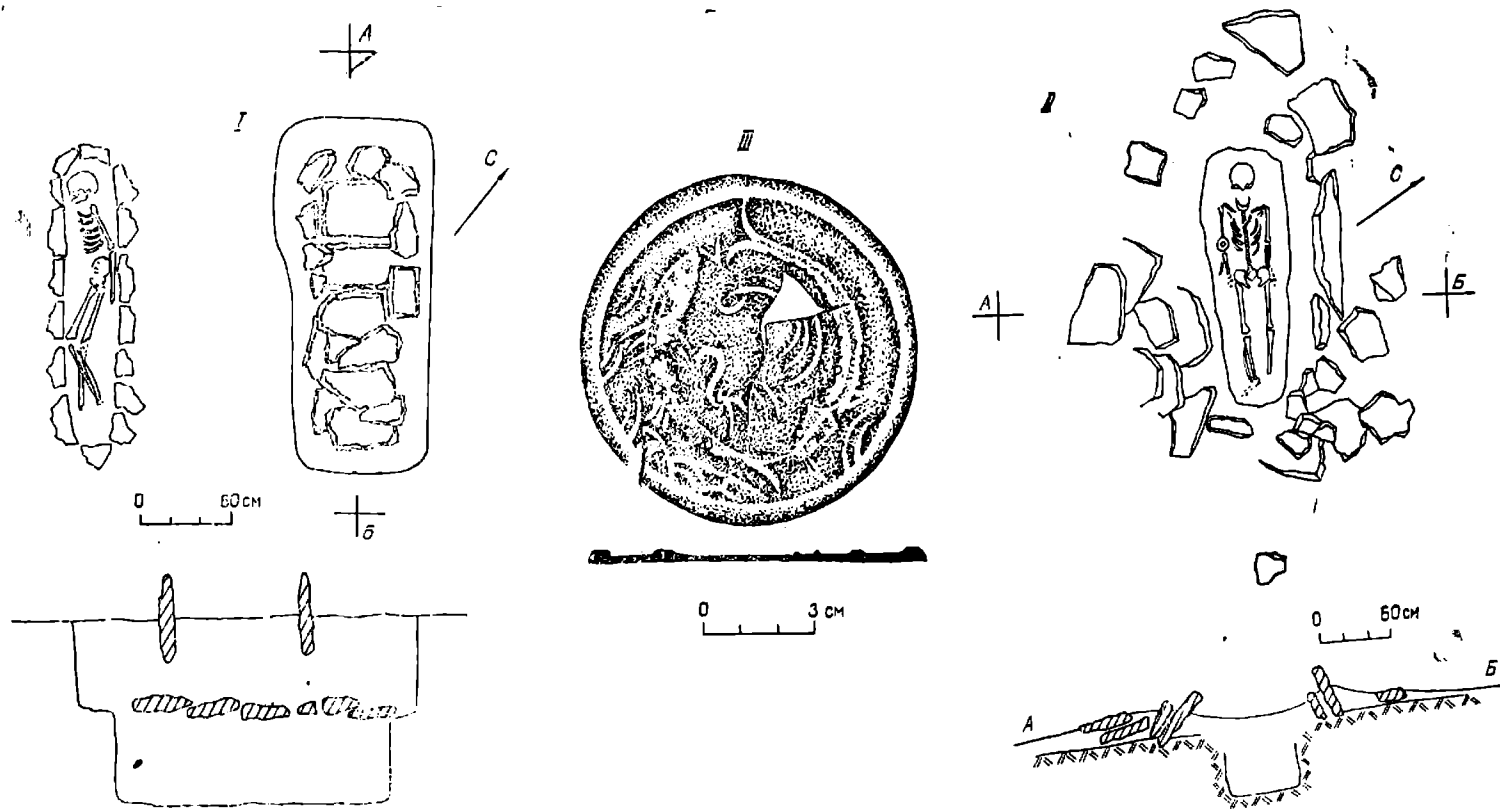

Рис. 51. Жарынкудук-4, группа курганная. I — «курган» 56, план, разрез А—Б, план погребения; II — «курган» 6а, план погребения, разрез А—Б; III — курган 5а, серебряное зеркало.

кового плитняка и имеет перекрытие также из известняковых плит. На дне погребальной камеры костяк, лежавший на правом боку, ноги согнуты в коленях, головой на СЗ, костями лица к ЮЗ. Инвентарь отсутствует.

Жарынкудук-14, стреловидная планировка, курган 2. Расположен на территории стреловидной планировки. Курганная насыпь камен-

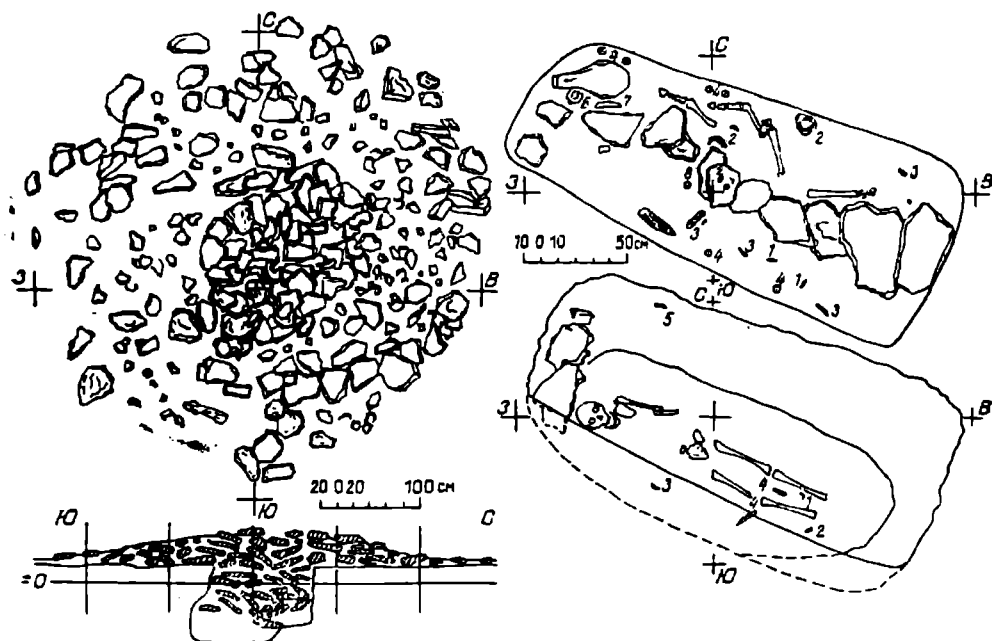

Рис. 52. Жарынкудук-14, курган 2. План по уровню расчищенной насыпи, разрез С—Ю, план погребения по двум уровням.

Верхний уровень: 1 — наконечники стрел железные; 2 — железные стремена и их фрагменты; 3 — фрагменты железного изделия (меча?); 4 — бляшки наременные, серебряные; 5 — обкладки седла костяные; 6 — удила кольчатые с псаками, железные; 7 — костяная обкладка лука. Нижний уровень: 1—2 — петли от ножен серебряные; 3 — обкладка седла костяная; 4 — фрагмент меча железного; 5 — уголь древесный.

ная, бессистемно сложенная из известнякового плитняка. Диаметр насыпи 5,0—5,5 м, высота до 0,5 м. Насыпь уложена на уровне древнего горизонта, каковым является поверхность маломощного почвенного слоя, залегающего на щебнистом известняковом субстрате (рис. 52).

Курганная насыпь перекрывает яму, выкопанную с уровня древнего горизонта. Яма в плане имеет форму, близкую к прямоугольной. Длинной осью ориентирована по линии ЮВ-СЗ. Размеры ямы по осям 2,6×1,1 м, глубина от уровня горизонта 1,0 м. Вдоль длинной СВ стенки ямы — ступень шириной 0,55 м, высотой 0,2 м. В противоположной стене — подбой глубиной до 0,25 м. До уровня ступени яма была забита известняковым плитняком. Забивка производилась одновременно с сооружением насыпи.

В могильной яме находилось человеческое погребение с конем и погребальным инвентарем. В связи с тем, что засыпка ямы была сплошь изрыта норами грызунов, кости погребения и инвентарь оказались в какой-то степени смещенными с места первоначального залегания и даже частично уничтоженными.

На ступени вдоль СВ стены ямы располагалось конское захоронение, содержащее череп и отрубленные ноги коня. Они были расположены в анатомически правильном порядке, мордой к западу. Пог-

ребенке сопровождалось набором упряжи для верховой езды. В зубах коня были зажаты частично сохранившиеся железные удила (рис. 53, б). Вокруг черепа находилось несколько серебряных бляшек с клепками

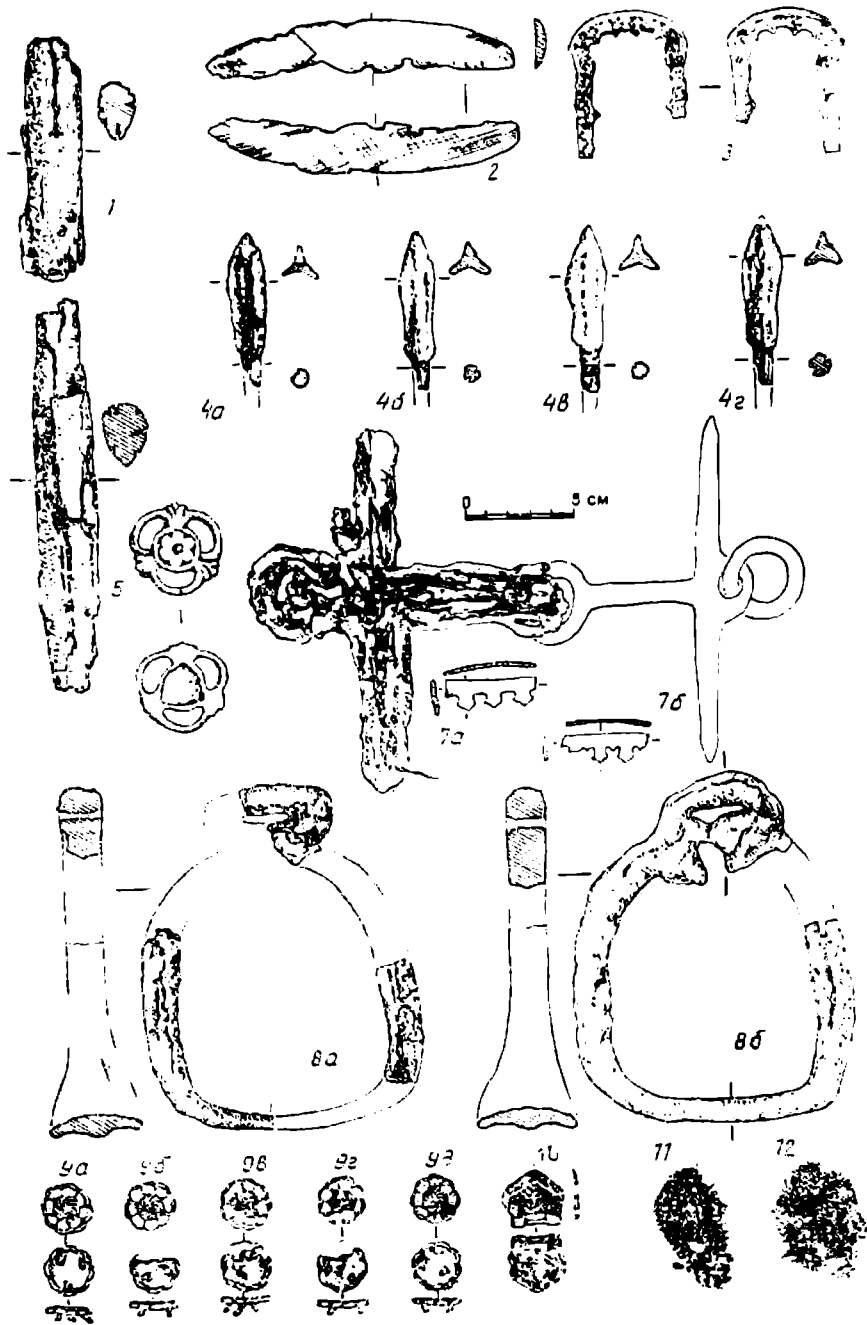

Рис. 53. Жарынкудук-14, курган 2, погребальный инвентарь.

(рис. 53, 9 а, б, в, г, д), украшавшими, видимо, ремни оголовья. По обе стороны «коня» лежала пара железных стремян (рис. 53, 8 а, 8 б). Здесь же, судя по коричневому тлену, находилось деревянное, вероятно, обтянутое кожей седло, украшенное костяными накладками рис. 53,

7 а, б). К набору конского снаряжения надо отнести и найденную в засыпе ямы серебряную перекрестную бляху (рис. 53, 5).

На дне ямы, ниже ступени, частично в подбое находилось погребение человека мужского пола, зрелого возраста. Костяк лежал на спине вытянуто, головой на СЗ (аз — 296°), костями лица вверх. Грызунами полностью уничтожена грудная клетка костяка и смещен с места первоначального залегания инвентарь. В его составе находились: палаш (рис. 53, 1), обломки которого были найдены у ног и у

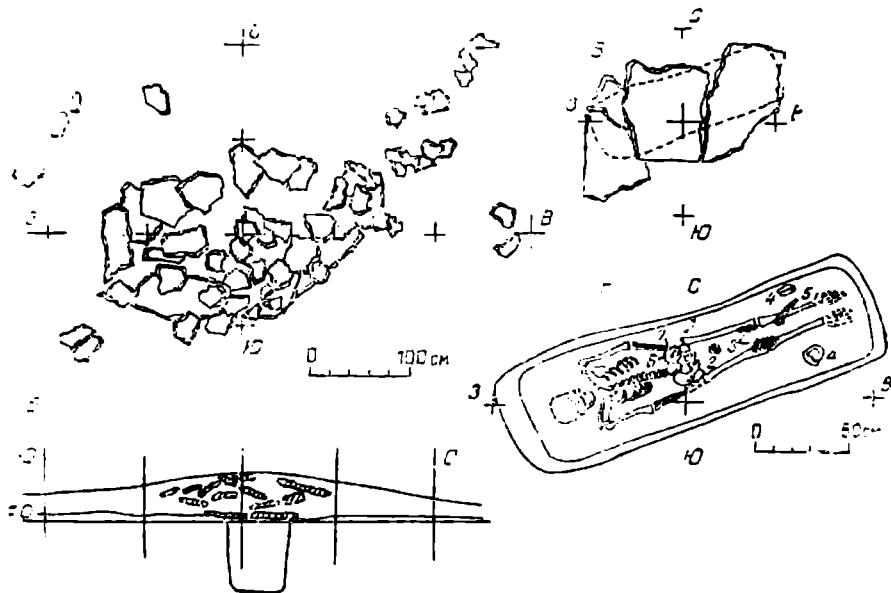

Рис. 54. Казган-2, группа III, курган 3. А — план по уровню расчищенной насыпи; Б — разрез С—Ю; В — план перекрытия могильной ямы; Г — план погребения:

1 — пряжка железная прямоугольная; 2 — пряжка железная, угловая; 3 — фрагменты ткани; 4 — стремена железные; 5 — фрагмент дерева (седло?); 6 — наконечники стрелы костяной; 7 — нож железный.

таза костяка. Палаш был в ножнах, от которых сохранились серебряные позолоченные петли и обоймы для подвешивания (рис. 53, 3); железные наконечники стрел (рис. 53, 4 а, б, в, г), найденные на разных уровнях в ЮВ половине ямы; лук, от которого сохранилась лишь срединная костяная накладка (рис. 53, 2), обнаруженная у черепа коня; пряжка бронзовая поясная для подвесных ремней (рис. 53, 10). В ряде мест погребения сохранились мелкие фрагменты тканей (рис. 53, 11—12).

Казган-2, комплекс археологических объектов, группа III, курган 3. Курганная насыпь небольших размеров, низкая, в плане овальная (рис. 54, А, Б). Состоит из беспорядочно набросанного известнякового плитняка, сверху засыпанного щебнистым грунтом. Размеры насыпи по осям примерно 4,0×3,0 м. Высота до 0,2 м. Могильная яма прокопана с уровня древнего горизонта, в плане имеет форму, близкую к прямоугольной. Углы ямы скруглены. Стенки слегка сужаются книзу. Размеры по осям поверху 2,10×0,65 м, глубина ямы от уровня древнего горизонта до 0,8 м. Яма перекрыта большими необработанными известняковыми плитами (рис. 54, Б, В).

На дне ямы — костяк, лежавший на спине вытянуто, головой на ЮЗЗ (аз — 250°). Левая рука согнута в локте, кости кисти лежат на костях лобка. Возраст 18—20 лет, пол мужской (рис. 54, Г). Погребение сопровождалось инвентарем. У костей голени справа и слева от

костяка лежали железные стремена (рис. 55, 1—2), между бедренных костей — круглая железная пряжка (рис. 55, 7), у бедра слева — прямоугольная железная пряжка (рис. 55, 3), на тазе слева — костяной наконечник стрелы (рис. 55, 6), под тазом слева — железный нож (рис. 55, 8). На левой берцовой кости фрагменты истлевшего дерева, возможно, лука седла. В области коленных суставов — остатки истлевшей кожи. В засыпке ямы — два железных наконечника стрел (рис. 55, 4—5).

Казган 2, комплекс археологических объектов, группа III, курган 4. Курганная насыпь небольшая, 4,5—5,0 м в диаметре, высота до 0,3 м от уровня современного горизонта, до 0,4 м от уровня древ-

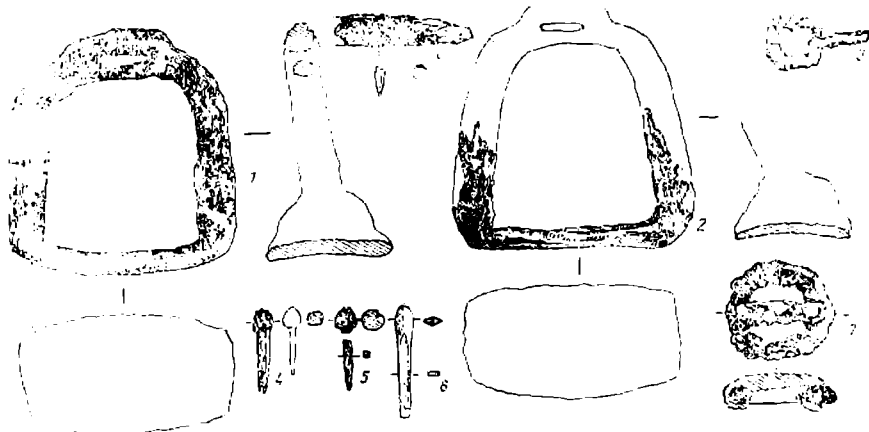

Рис. 55. Казган-2, группа III, курган 3. Погребальный инвентарь.

него горизонта. Частично нарушена грабителями. Имела каменную выкладку на древнем горизонте, перекрытую грунтово-щебнистой насыпью (рис. 56, А).

Могильная яма выкопана с уровня древнего горизонта, прямой формы, подпрямоугольная в плане, с закругленными углами. Стенки ямы вертикальные. Ориентирована длинной осью по линии В—З. Размеры по осям 2,27×0,78 м, глубина ямы 1,15 м. Яма имела перекрытие из крупных необработанных известняковых плит. В процессе ограбления часть плит была снята, оставшиеся провалились внутрь ямы (рис. 56, Б, В).

На дне ямы костяк, лежавший на спине вытянуто, головой на запад, руки вытянуты вдоль тела. Возраст 20—25 лет, пол мужской (рис. 56, Г). Погребение сопровождалось инвентарем. На одной из провалившихся внутрь ямы плит лежал берестяной колчан и его обломки (рис. 57, 1). Вокруг него находилось большое количество фрагментов железных изделий, среди которых можно определить обломки удила и стремян, однако основная масса фрагментов неопределима. В колчане обнаружены четыре наконечника стрел — три железных, один костяной (рис. 57, 2—6). Под тазовыми костями с левой стороны находился железный нож (рис. 57, 9), а чуть выше таза, также с левой стороны, костяная подвеска (рис. 57, 7). Под тазом же обнаружено железное кресало (рис. 57, 8).

Казган 4, группа курганная, курган 1. Насыпь большая, высокая, ее диаметр по основанию около 7 м, высота от уровня горизонта около 1,3 м. Насыпь состоит главным образом из супесчаного щебнистого грунта, отсыпана по уровню древнего горизонта (рис. 58). В северной половине насыпи на горизонте сохранился выброс из могильной ямы, представленный зеленой палеогеновой глиной и грунтом почвенного

горизонта. По поверхности насыпь имеет сплошную обкладку известняковым плитняком. В нижней части она относительно регулярная вверху — беспорядочная.

В центре насыпи, в ее верхней части, находилось впускное погребение. Здесь залежали многочисленные беспорядочно расположенные известняковые плиты, среди которых обнаружен череп и разрозненные кости человеческого костяка. Пол погребенного мужской, возраст юношеский (16—18 лет). При совершении впускного погребения насыпь утратила часть первоначальной каменной обкладки.

На древнем горизонте в северо-западном секторе кургана, под насыпью находилось конское погребение (рис. 58). Конский костяк неполный, собран в анатомическом порядке: череп, кости ног и хвоста

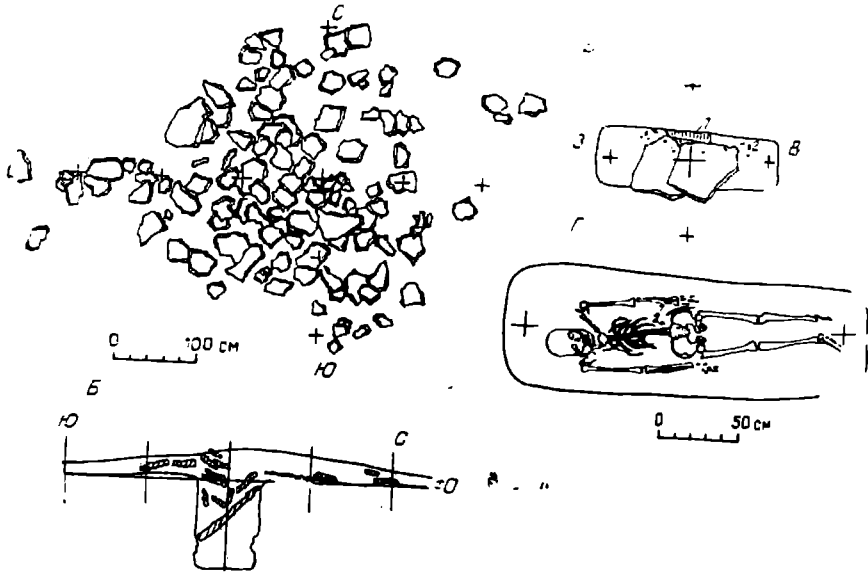

Рис. 56. Казган-2, группа III, курган 4. А — план по уровню расчищенной насыпи; Б — разрез С—Ю; В — план перекрытия могильной ямы;

Г — план погребения; 1 — нож железный; 2 — костяной предмет.

уложены в позе, имитирующей лежащего на брюхе коня с подогнутыми ногами. Головой конь ориентирован на ЮЗ.

Конское погребение располагалось параллельно могильной яме, прокопанной по центру насыпи с уровня древнего горизонта. Яма трапециевидная, в плане со скругленными углами. Стенки ямы вертикальные. Длинной осью ориентирована по линии СВ-ЮЗ. К ЮЗ яма расширяется. Размеры по осям $2,35 \times 1,05$ м, глубина ямы от уровня горизонта около 1,10 м.

Яма имела перекрытие положенными поперек большими плитами необработанного известняка. Часть плит смещена из первоначального положения, часть обращена внутрь ямы вследствие имевшего место ограбления кургана (рис. 58).

На дне ямы находился человеческий костяк, лежавший на спине, вытянуто, головой на ЮЗ (аз. — 230°). Руки вытянуты вдоль тела. Пол мужской, возраст возмужалый, 35—40 лет. Погребение сопровождалось инвентарем. У человеческого костяка с внутренней стороны правой плечевой кости лежало несколько разрушенных железных пластин, возможно, панцирных (рис. 59, 5).

В конском погребении находились остатки комплекса упряжи верхового коня. В зубах зажаты железные удила, от которых сохранилось только одно железное кольцо (рис. 59, 3). По обе стороны туловища коня лежали железные стремена (рис. 59, 1—2). Между ними находилось полностью истлевшее дерево, вероятно, остатки седла. Здесь же под «брюхом» коня располагалась крупная железная подпружная пряжка (рис. 59, 4). У северо-западного края насыпи обнаружены мно-

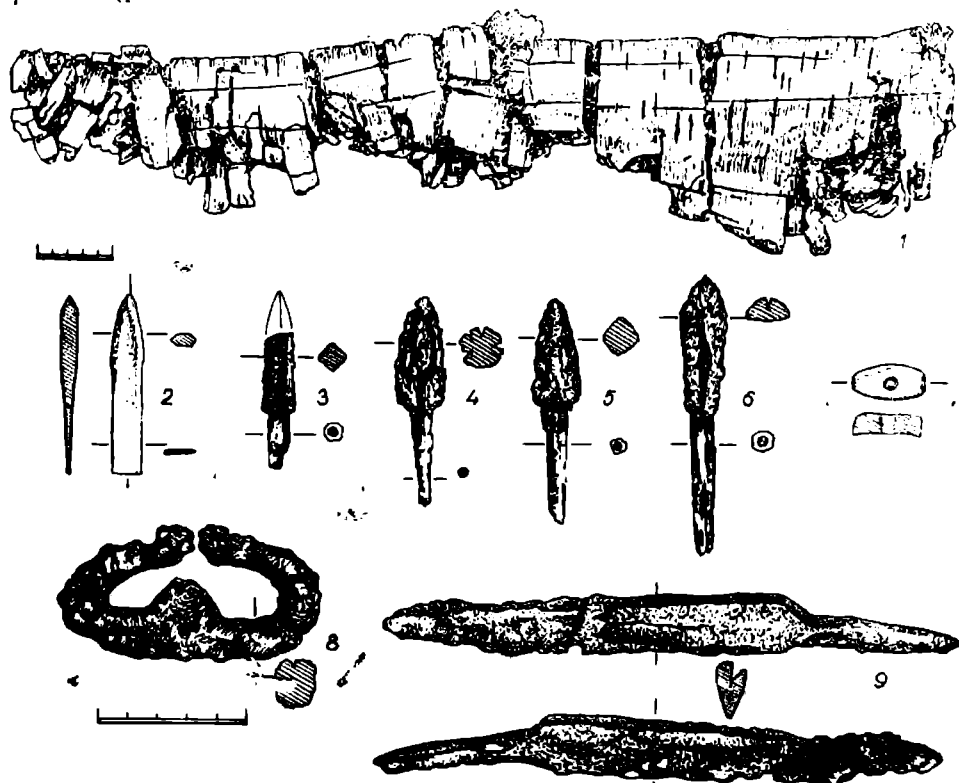

Рис. 57. Казган-2, группа III, курган 4. Погребальный инвентарь.

гочисленные неопределенные фрагменты истлевшего дерева.

Казган-4, группа курганная, «курган» 2. На древнем горизонте находилась квадратная в плане ограда, сложенная из известнякового плитняка. Плиты в ограде установлены с наклоном внутрь. Углами ограда ориентирована по странам света, длина стороны квадрата около 4 м (рис. 60).

По центру квадратной ограды находилась могильная яма, выкопанная с уровня древнего горизонта. Яма в плане прямоугольная, с размерами по осям $1,90 \times 0,65$ м, глубиной около 0,65 м. Длинной осью яма ориентирована по широте с отклонением $9-10^\circ$. На всю глубину стенки ямы обложены крупными вертикально установленными каменными плитами, образующими каменный ящик ниже уровня горизонта. По устью яма обложена известняковым плитняком, кладка сохранилась на высоту до 0,25 м.

На дне ямы находился костяк, лежавший на спине, вытянуто, руки слегка согнуты в локтях, кости кистей на тазе. Череп и верхняя часть костяка смещены из первоначального положения. Погребение ориентировано на запад с небольшим отклонением к северу (аз.— 260°). Костяк женский, возраст 18—20 лет. На черепе сохранились остатки

золотого шитья. Под плитами обкладки ямы обнаружены разрозненные кости барана.

Казган-4, группа курганная, объект 3. На краю оврага на оползневой террасе, под обрывом обширное, круглое, диаметром до 25—30 м

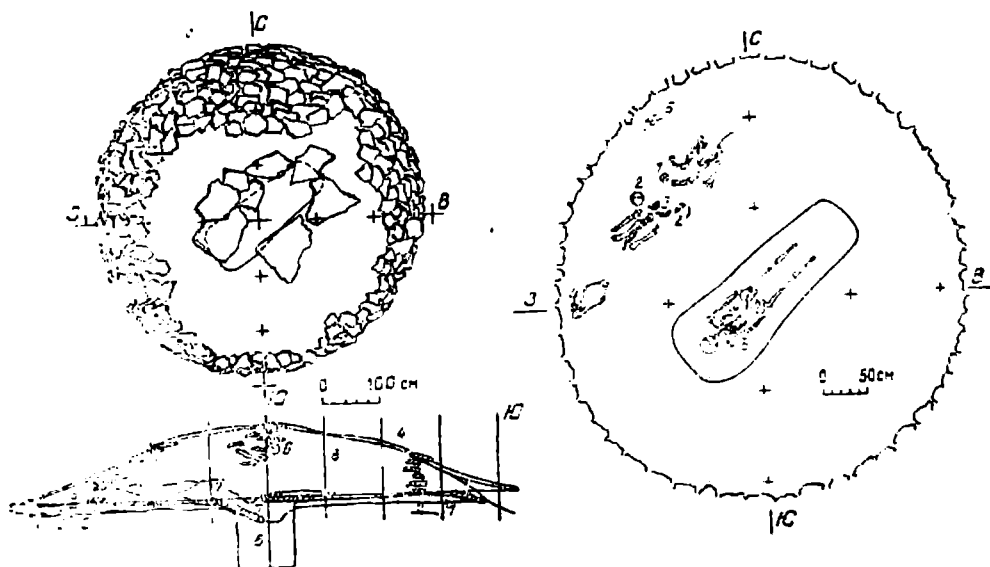

Рис. 58. Казган-4, группа курганная, курган 1. План по уровню расчищенной насыпи, разрез С—Ю:

1 — почвенный горизонт; 2 — огипсованный щебнистый горизонт (материк); 3 — известняк (материк); 4 — корковый горизонт; 5 — супесь серая пылеватая с тонкими глинистыми прослойками, натечно-падувная; 6 — погребение впускное; 7 — зеленая глина; 8 — грунт супесчаный, щебнистый (высыпь). Плана погребения: 1 — пряжка подпружная; 2 а, б — стремена железные; 3 — истлевшее дерево, кожа (остатки седла); 4 — кольцо железное от удила; 5 — фрагмент истлевшего дерева; 6 — фрагменты железных (панцирных) пластин.

понижение, по периметру которого прослеживаются верхушки вертикально стоящих известняковых плит. Раскопками вскрыта облицовка вертикально установленными плитами края котловины на высоту до

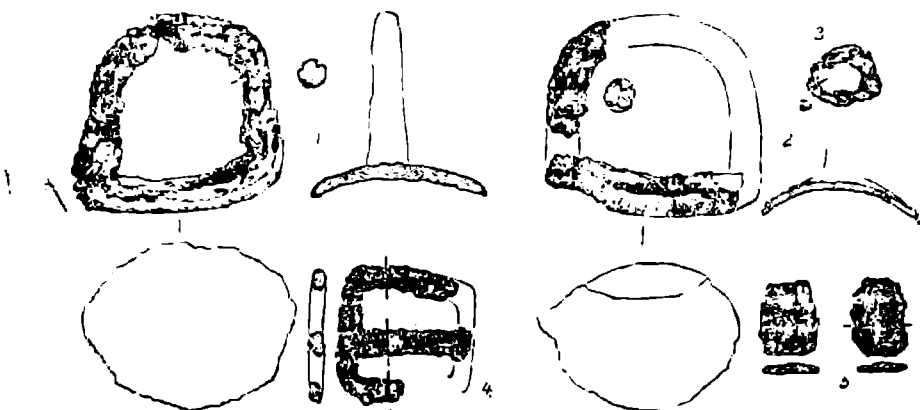

Рис. 59. Казган-4, группа курганная, курган 1. Погребальный инвентарь.

1,7 м. Вероятно, в целом это был котлован с облицованными плитами краями.

Казган-5, группа курганная, курган 2. Курганная насыпь небольшая, ее диаметр около 4,5 м, высота от уровня древнего горизонта около 0,5 м. Насыпь каменная, из известнякового плитняка. Сверху

уложены плиты мелкогазмерные, под ними, частью наклонно, уложены по кругу более крупные плиты. В основании насыпи, на древнем горизонте, лежат очень крупные известняковые плиты размером $0,72 \times 0,49$ м, $0,90 \times 0,35$ м, $0,86 \times 0,37$ м и т. д. Они уложены в определенном порядке: плиты подквадратной формы — по кругу, а крупные прямоугольные — посредине, образуя плоское перекрытие находящейся под насыпью могильной ямы (рис. 61).

Яма в плане близкая к прямоугольной, углы скруглены, стенки вертикальные. Длинной осью ориентирована по линии С-Ю с неболь-

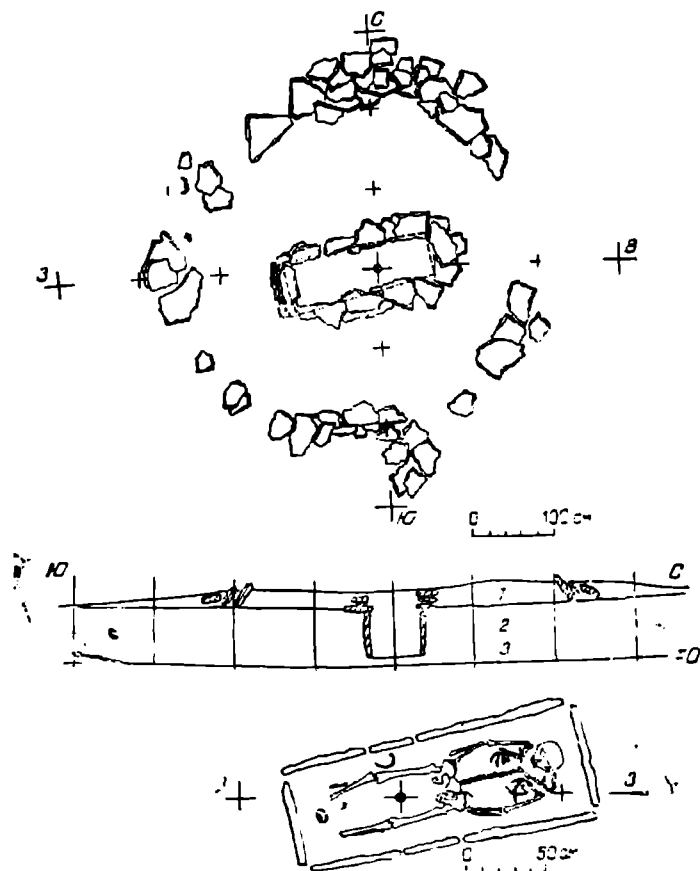

Рис. 60. Казган-4, группа курганная, «курган» 2. План по уровню горизонта. Разрез С-Ю:

1 — супесь серая пылеватая; 2 — супесь щебнистая; 3 — известняк. План погребения.

шим (около $16-17^\circ$) отклонением. Размеры ямы по осям $2,0 \times 0,7$ м, глубина от уровня древнего горизонта около 0,8 м.

На дне ямы находился костяк, лежавший на спине, вытянуто, головой на север с небольшим (около 15°) отклонением к востоку. Левая рука вытянута вдоль тела, правая несколько отведена в сторону. Пол мужской, возраст юношеский (18—20 лет). Погребение, видимо, нарушено, в результате чего отчасти смещены из первоначального положения кости верхней части костяка.

В северной части по краю ямы прослеживается древесная труха, а в северном торце ямы сохранилась даже часть истлевших деревянных досок, образующих прямой угол. Вполне очевидно, что погребение совершено в дощатом гробовище, однако степень его сохранности не позволяет установить его форму и тип.

Погребение сопровождалось заупокойной пищей и инвентарем. В области грудной клетки были обнаружены разбросанные бараньи позвонки, а в СВ углу ямы кость бараньей ноги. У левого плеча погребенного находился железный наконечник стрелы (рис. 61, врезка), в СВ углу ямы обнаружена железная пластина с загнутыми концами.

Казган-6, вал спиральный. Находится условно в составе «курганной группы». Расположен в глубоком, закрытом со всех сторон овраге, на его пологом склоне. Представляет собой сооружение в виде спи-

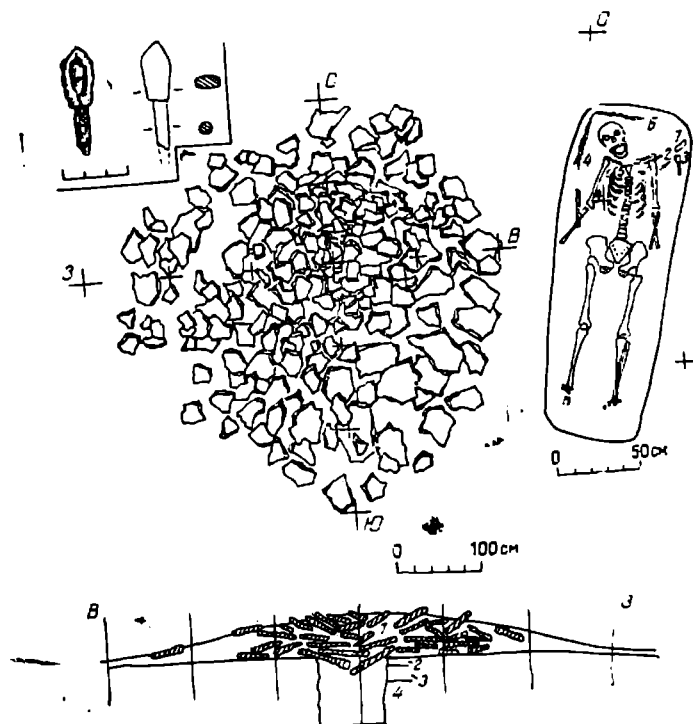

Рис. 61. Казган-5, группа курганная, курган 2. План расчищенной насыпи, план погребения:

1 — фрагмент стремени железного; 2 — наконечник стрелы железный; 3 — кость баранья; 4 — истлевшее дерево (остатки деревянной рамы); 5 — позвонки бараньи; 6 — остатки вертикально стоящей деревянной доски. Разрез В—В: 1 — сплошная каменная закладка; 2 — супесь серая, пылеватая; 3 — супесчаный щебнистый грунт, уплотненный, красноватого цвета; 4 — известняк. На врезке железный наконечник стрелы.

рального вала из беспорядочно набросанных известняковых плит. Каких-либо оснований для датировки нет. Можно предположить, что сооружение относится к средневековью и представляет собой загон для скота на зимовке.

Калалык-2, одиночный курган. Расположен в 500—600 м от края чинка. Имеет расплывшуюся насыпь высотой до 0,7 м, диаметром до 8,0 м. На вершине насыпи беспорядочно набросаны обломки известняковых плит. Насыпь грунтово-щебнистая, ее отсыпка производилась в два этапа: первоначально на уровне древней дневной поверхности, фиксируемой в настоящее время слоем погребенной серо-бурой почвы; сооружалась насыпь высотой до 0,4 м. Ее поверхность сплошь обкладывалась необработанными плитами известняка, образуя так называемую «черепашу» диаметром около 3 м (рис. 62). Устье могильной

ямы перекрывалось каменными плитами и имело по уровню древнего горизонта овальную в плане закладку из известняковых плит, уложенных в несколько рядов. Размер выкладки по осям 3,5×2,4 м.

Могильная яма подпрямоугольная в плане, углы и торцевые стенки округлены (рис. 62). Длинной осью ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Засыпка ямы грунтово-щебнистая. В ней на разных уровнях отмечены находки разрозненных человеческих костей, главным обра-

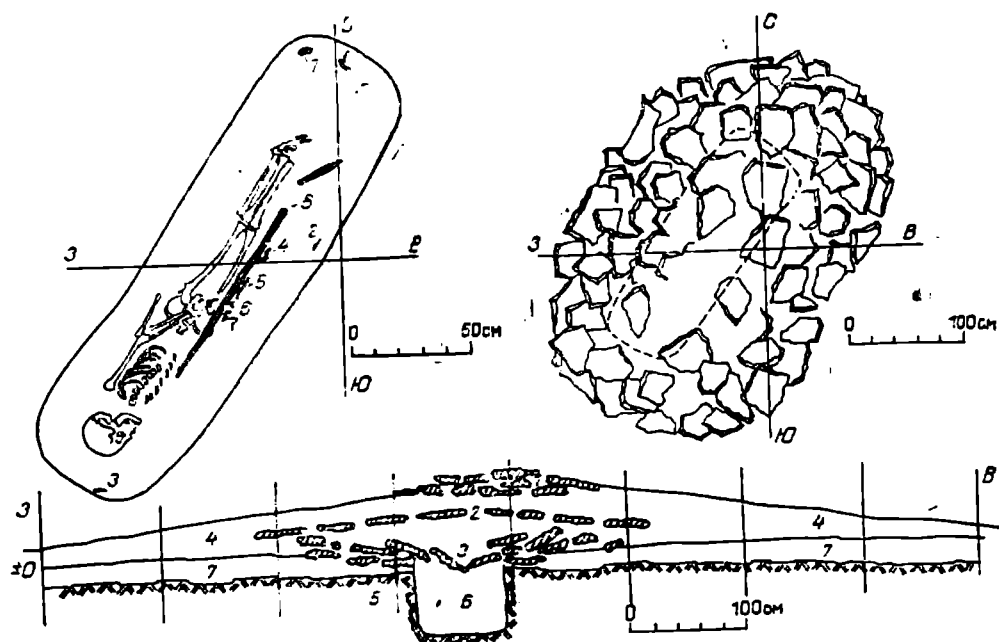

Рис. 62. Калалык-2, курган одиночный. План погребения:

1 — обломки стремя железных; 2 — наконечник стрелы железный; 3 — костяная фигурная обкладка ножен; 4 — костяная петля для подвески ножен; 5-6 — костяная обкладка ножен; 7 — лента берестяная; 8 — палаш железный. Каменная выкладка по первой насыпи; разрез В-З: 1 — каменная обкладка верха кургана; 2 — каменная обкладка первой насыпи; 3 — перекрытие ямы; 4 — щебнисто-грунтовая насыпь; 5 — известняк (материк); 6 — заполнение ямы; 7 — почва погребенная.

зом, фаланг пальцев рук. Аналогичные находки отмечены и в насыпи. Кроме того, здесь обнаружена костяная колчанная петля.

Костяк лежал на правом боку в вытянутом положении, левая рука согнута в локте, кости кисти — на лобковых костях таза. Головой погребенный ориентирован на ЮЗ. Пол мужской, возраст зрелый.

Погребение сопровождалось инвентарем. В ногах погребенного, у СВ стенки ямы лежали обломки двух железных стремя (рис. 63, 1-2), справа от костяка находился железный палаш (рис. 63, 3). Судя по древесному тлену, сохранившемуся на нем, он был уложен в погребение в деревянных ножнах. Острый конец палаша преднамеренно обломан перед укладкой в погребение и лежал отдельно. Рядом с палашом были обнаружены: берестяная лента, фрагмент костяной пластины с фигурным краем, простая узкая костяная пластина, костяная петля. Еще одна подобная же петля была обнаружена в засыпке ямы. У ЮВ стенки был найден фрагментированный железный наконечник стрелы (рис. 63, 11).

Вполне очевидно, что в данном случае мы имеем дело с ненарушенным погребением. Смещение части костей и инвентаря произведено грызунами, норы которых пронизывают во многих направлениях насыпь и засыпку ямы кургана.

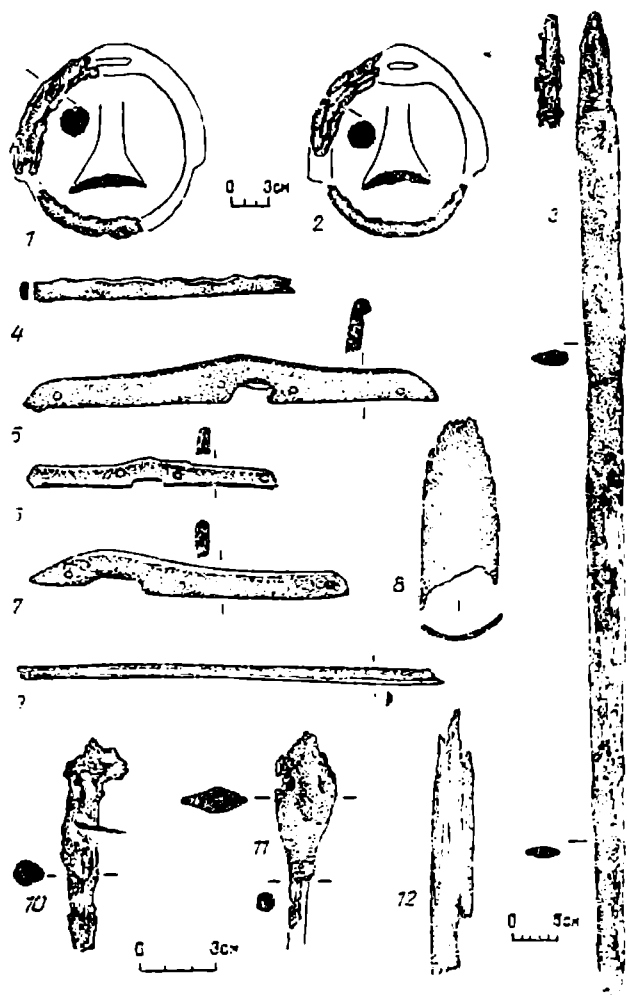

Рис. 63. Калалык-2, курган одиночный. Погребальный инвентарь.

Типология вещевого комплекса.

В связи с тем, что районы между Аралом и Каспием оставались до недавнего времени практически «белым пятном» на археологической карте Евразийского континента, необходимы подробное описание и характеристика вещевого комплекса курганов этого региона и сравнительный анализ их с вещевыми комплексами соответствующего периода из курганов Казахстана, Средней Азии, Южного Приуралья и степей юга Восточной Европы.

Несмотря на сравнительную немногочисленность материалов, обусловленную, во-первых, спецификой кочевой культуры позднего железного века рассматриваемого региона, во-вторых, тем обстоятельством, что мы находимся еще на самых начальных стадиях его архео-

логического изучения, что, естественно, значительно повышает информационную ценность каждого вновь открываемого курганного вещевого комплекса, они образуют вполне определенный культурный слой со своим специфическим набором признаков. Сравнение по всей сумме признаков погребального обряда и вещевого комплекса кочевников кипчакского времени Устюрта с погребальным обрядом курганов восточной группы Южного Приуралья, вполне обоснованно выделяемых В. А. Ивановым и В.А. Кригером в отдельную группу среди кипчакских древностей Евразийских степей [Иванов, Кригер, 1988, с. 42], демонстрирует практически полное совпадение. Это дает основание полагать, что устюртские и южноуральские группы не являются чем-то разнородным, а типологически едины.

В связи с этим следует говорить сейчас не об отдельных восточноуральской и устюртской группах, а о единой восточноуральско-устюртской группе кипчакских курганов.

Вещевой комплекс устюртских курганов характеризуется следующими категориями находок: 1) предметы вооружения и их принадлежности; 2) принадлежности конской сбруи; 3) украшения и предметы туалета; 4) предметы быта; 5) отдельные находки, не укладываемые в перечисленные категории; 6) керамика.

1) Предметы вооружения.

Палаш. Полный экземпляр палаша найден только в одном погребении, в комплексе одиночного кургана Калалык-2. Во фрагментах палаш обнаружен также в кургане 2 стреловидной планировки Жарынкудук-14. Возможно, что палашу с обоюдоострым острием принадлежал и фрагмент, обнаруженный в кургане 2 курганной группы Косарма. Палаш из одиночного кургана Калалык-2 без перекрестья и навершия с обоюдоострым острием (рис. 63, 3). Полоса прямая, широкая с лезвием, параллельным спинке, в поперечном сечении каплевидная, спинка лощенная. Острие обоюдоострое, остроугольное, линзовидное в поперечном сечении.

Черен толстый, клиновидный, с двумя сохранившимися железными заклепками, крепившими обкладку, изготовлявшиеся, судя по сохранившимся на окислах железа отпечаткам, из дерева. На верхнем прямосрезанном конце клинка — следы узкой бронзовой оковки.

Общая длина палаша 110 см, длина черена 11 см, длина клинка 99 см, ширина полосы 3,5 см. Палаш цельнокованный, железный. В погребении находился справа от костяка, вдоль бедра.

Заслуживает внимания и тот факт, что палаш был преднамеренно поврежден перед укладкой в погребение, его острие было обломано и уложено в погребение отдельно. Обычай ритуального повреждения такого рубяще-колющего оружия, как палаш, известен в Кыргызском каганате V—IX вв. Исследователи полагают, что в данном случае этот обычай восходит к таштыкской эпохе [Худяков, 1980, с. 33].

Палаш из кургана 2 стреловидной планировки Жарынкудук-14 представлен фрагментами прямой широкой полосы с лезвием, параллельным спинке, в поперечном сечении каплевидный. Фрагменты не позволяют дать типологическое определение палаша.

Палаша, аналогичные калалыкскому, распространены весьма широко. Они известны в Туве в курганах енисейских кыргызов IX—XII вв. В классификации Ю. С. Худякова выделены в группу II по наличию обоюдоострого острия и тип 4 по отсутствию перекрестья [Худяков, 1980, с. 36—39, табл. IV, 6; VI, 3—4].

Палаша подобного типа известны в сrostкинской культуре [Грязнов, 1956, с. 146], в кипчакских курганных комплексах Западного Ка-

захстана [Синицын, 1956, с. 97—98], Южного Урала [Иванов, Кригер, 1988, с. 10] и степей Восточной Европы [Федоров—Давыдов, 1966, с. 24]. По классификации Г. А. Федорова-Давыдова, развитой В. А. Ивановым и В. А. Кригером, они отнесены к типу Б 1, по наблюдениям Г. А. Федорова-Давыдова, доживающему до XIII—XIV вв. [Федоров-Давыдов, 1966, с. 24; Иванов, Кригер, 1988, с. 10].

Ножны. Палаш был уложен в погребение в ножнах, о чем свидетельствуют отпечатки их деревянной основы почти по всей плоскости обеих граней клинка. Ряд находок, сделанных во время исследования погребения, на наш взгляд, входят в комплекс отделки и принадлежностей ножен и позволяют частично их реконструировать. Прежде всего следует обратить внимание на находку в погребении фрагмента берестяной ленты шириной 1,5 см (рис. 63, 12), найденной на трухе деревянной основы ножен. Судя по находкам в кимакских погребениях Восточного Казахстана, полоски бересты использовались для обертки деревянного футляра ножа [Арсланова, 1969, с. 47]. Полосками бересты обкладывалась обратная сторона ножен палаша из кургана № 1 Орловского могильника [Арсланова, 1969, с. 53].

Обнаружен также фрагмент костяной вогнуто-выпуклой в сечении костяной пластины (рис. 63, 8). Не исключено, что она является остатками костяного навершия — детали для крепления нижнего конца ножен.

На ножнах имелись, видимо, декоративные костяные накладки. Фрагментом подобной детали является узкая костяная накладка (рис. 63, 4). Один ее край ровный, другой волнисто-зубчатый. Лицевая сторона слабовыпуклая, заполированная до жирного блеска. Обратная сторона плоская, шероховатая, этой стороной пластина, видимо, наклеивалась на деревянную основу ножен. Фрагментом другой, подобной же детали является длинная, тонкая, прямая, плоско-выпуклая в поперечном сечении костяная пластина. Ее края обломаны. На одном сохранилась половина круглого отверстия, вероятно, для костяного гвоздика, которым пластина крепилась к деревянной основе ножен. Выпуклая сторона пластинки — лицевая, гладкая. Обратная сторона шероховатая, видимо, этой стороной пластина приклеивалась к деревянным ножнам.

Судя по имеющимся данным по ножнам средневековых палашей, их деревянная основа обтягивалась кожей. Кроме того, деревянный каркас ножен, видимо, скреплялся двумя обоймами каких-то мягких, плохо сохраняющихся материалов типа шнуров или ремней, на которых крепились костяные петли для портупей (рис. 63, 5, 6, 7). Подобные петли обычно считают частью снаряжения колчанов [Худяков, 1980, с. 117, табл. XXXVIII]. Однако в данном случае обнаружение одной из петель *in situ* на клинке палаша, на мой взгляд, свидетельствует о том, что эти петли являются принадлежностями ножен. Кроме того, в погребении нет колчана или следов его наличия в прошлом. Мягкие обоймы пропускались через круглые отверстия в петлях.

Петли костяные. В описываемом комплексе три экземпляра, несколько отличающиеся один от другого. Первая петля (рис. 63, 5) представляет собой толстую костяную пластинку, боковые края ее косо срезаны, нижний край плоский с прямоугольным вырезом по середине. Спинка (верхний край) утолщающаяся к середине. В пластине четыре круглых сквозных отверстия. Длина пластины 16,2 см, высота минимальная 1,2 см, максимальная — 2,0 см, толщина 0,8 см, ширина прямоугольного выреза 1,4 см, диаметр отверстий 0,4 см. Изделие обрабатывалось пилением, подрезкой, сверлением (сверление одно-стороннее), полированием поверхности до жирного блеска. В качестве сырья использована трубчатая кость крупного животного.

Другая петля (рис. 63, 6) представляет собой толстую костяную

пластинку, плоскую снизу, выпуклую сверху, с прямоугольным вырезом посредине нижнего плоского края пластины. Боковые края косо срезаны. В пластине четыре сквозных отверстия. Два на концах — большего диаметра, два по обе стороны прямоугольного выреза — меньшего диаметра. Длина изделия 9,7 см, высота максимальная 1,2 см (середина), минимальная (концы) — 0,7 см, толщина пластины 0,6 см, ширина выреза 1,1 см; диаметр отверстий: концевых — 0,4 см, срединных — 0,3 см.

Пластина обрабатывалась пилением, подрезкой, сверлением (сверление одностороннее, цилиндрическое), обработкой поверхностей инструментом типа напильника и полированием до жирного блеска. В качестве сырья использована трубчатая кость крупного животного.

Третий экземпляр петли (рис. 63, 7) представляет собой толстую костяную слабоизогнутую пластину, один конец ее заострен, другой косо срезан. На одном конце — широкий вырез, один конец которого прямой, другой слабоизогнутый. В пластине три сквозных отверстия. Длина изделия 12,5 см, высота 1,0—1,4 см, толщина 0,4—0,6 см. Диаметр отверстия 0,3 см. Пластина обрабатывалась резанием, пилением, заполирована до жирного блеска. Отверстия цилиндрические, сверление одностороннее.

Такого рода костяные петли полагают деталью, связанной с колчаном. Они служили для прикрепления колчана к ремню. Через петлю продевался шнур или ремень для ношения колчана через плечо или на пояс [Синицын, 1956, с. 112, табл. VI; Федоров-Давыдов, 1966, с. 31; Артамонов, 1958, с. 39, рис. 25; Медведев, 1959 а, с. 146, рис. 11,6; с. 147, рис. 40, 6, рис. 11, 5; Худяков, 1980, с. 117, табл. XXXVIII].

Вместе с тем анализ расположения костяных петель в анализируемом погребении позволяет полагать, что эти петли использовались и для подвешивания и ношения ножен палаша. Две петли из анализируемого набора были найдены смещенными из своего первоначального расположения и не дают информации о способах их употребления. Одна петля (рис. 63, 6) была найдена *in situ*. Она располагалась в верхней части палаша со стороны его спинки, вырезом к палашу. Это, несомненно, указывает на то, что подобные петли крепились на ножнах палаша и употреблялись для их подвешивания. Это тем более вероятно, что признаков, которые указывали бы на присутствие в составе инвентаря анализируемого погребения колчана, не обнаружено.

В кургане 2 стреловидной планировки Жарынкудук-14 были вместе с остатками железного палаша найдены и отдельные детали ножен в виде обоймы, и петли для подвески ножен (рис. 53, 3). Обойма сохранилась фрагментарно, представляет две длинные металлические полосы, охватывающие ножи. Внешний край полосы волнистый, внутренний ровный с несколькими остроугольными выступами. На внешней поверхности орнамент в виде волнистой линии с короткими отростками с поперечинами. Полосы обоймы соединялись при помощи металлического штифта с полукруглой петлей, состоявшей из двух половин. Внешний край петли гладкий, внутренний зубчатый. На внешней поверхности петли орнамент в виде пояска пальметок. Обойма и петля штампованные, серебряные, по внешней поверхности следы позолоты.

Одинаковые по форме, но отличающиеся по орнаменту обоймы и петли ножен известны на Южном Урале в I Бекешевском кургане, в погребении 1, в комплексе, датируемом IX в. [Мажитов, 1977, с. 24, 28; рис. 5, 2, 3, 5].

Колчан берестяной. (рис. 57, 1.). Найден в кургане 4 комплекса археологических объектов Казган-2, группа III. Колчан конусовидной формы. Приемник колчана расширяющийся книзу. На боковых плоскостях колчана две прочерченные линии, параллельные боковым сторонам колчана. Пространство между этими двумя линиями было зак-

рашено черной краской. Местами на бересте сохранились ее следы. Днище и горловина колчана не сохранились. Стрелы лежали остриями ко дну колчана. Каких-либо других деталей (петля, крючок, накладки), часто сопровождающих находки колчанов, в данном случае не сохранилось. Колчан был смещен из первоначального положения и частично поврежден при ограблении кургана. Длина сохранившейся части колчана 65 см, ширина по днищу около 17—18 см, по горловине около 11—12 см.

Практически полностью идентичные берестяные колчаны известны в кипчакских погребениях Южного Урала в курганных комплексах XII—XIV вв. [Иванов, Кригер, 1988, с. 13, рис. 2, 3; 14, 39].

Наконечники стрел железные. Обнаружены в вещевых комплексах одиночного кургана Калалык-2 (2 экз.), кургана № 2 в комплексе стреловидной планировки Жарынкудук-14 (4 экз.); кургана 3 в группе III комплекса археологических объектов Казган-2 (2 экз.); кургана 4 в той же группе комплекса Казган-2 (4 экз.); кургана 2 группы курганной Казган-5 (1 экз.).

Вся сумма данных о железных наконечниках стрел укладывается в типологическую и хронологическую классификацию, разработанную Г. А. Федоровым-Давыдовым для средневековых кочевников Восточной Европы [Федоров-Давыдов, 1966, с. 25 и сл.] и дополненную новыми материалами для Приуралья и Южного Урала В. А. Ивановым и В. А. Кригером [Иванов, Кригер, 1988, с. 25—28]. Поэтому вслед за названными авторами мы полагаем, что нет необходимости в новых типологических разработках. Используя уже устоявшуюся номенклатуру, мы лишь вводили в ее систему новые типы, следуя принципам индексации, предложенной Г. А. Федоровым-Давыдовым.

Отдел А — трехлопастные.

Тип II* — асимметрично-ромбические, 4 экз., все происходят из одного вещевого комплекса кургана 2 стреловидной планировки Жарынкудук-14 (рис. 53, 4а, б, в, г). Наконечники с остроугольным острием, массивным трехгранным в сечении бойком, нижний край лопастей примыкает к черешку под тупым углом. Край лопастей в нижней части пера слегка прогнут. Черешок круглый. На всех черешках сохранились отпечатки древесных волокон черешков. На одном экземпляре (рис. 53, 4в) имеются следы обмотки. Длина пера 5,5—5,9 см, ширина 1,6—2,0 см.

Аналогии этим наконечникам отмечены в материалах кипчакских курганов Приобья, Алтая и Восточного Казахстана IX—X вв. [Могильников и др., 1980, рис. 5, 1; Грязнов, 1956, табл. 1 VII, 4; Бородкин, 1977, рис. 11; Степи Евразии..., 1981, с. 44, рис. 26, 39; Арсланова, 1969, табл. 1; Худяков, 1986, с. 183, рис. 82, 1].

Отдел Б — четырехгранные

Тип IV — пирамидальные, вытянутые (2 экз.). Основание ровно срезанное. Черешок круглый в сечении. Длина головки 4—5 см, ширина 1,2—1,5 см (рис. 53, 3, 5). Происходят из колчанного набора кургана 4 группы III комплекса археологических объектов Казган-2.

По наблюдениям Г. А. Федорова-Давыдова, сравнительно редко встречающийся тип в кипчакских курганных комплексах. Отмечена взаимовстречаемость наконечников Б IV с наконечниками стрел Б III, В II, В III; стрелами Д II; удилами Г I, Г II, Г IV. Поскольку стре-

* Введен автором.

мена Д2II и удила Г IV отнесены Г. А. Федоровым-Давыдовым к числу хронологических определителей периода второй половины XIII—XIV в. [Федоров-Давыдов, 1966, с. 116], наконечники стрел интересующего нас типа можно датировать тем же временем.

Отдел В — плоские.

Тип I (1 экз.) — листовидные. Широкое листовидное перо, ромбическое в сечении, с муфтой-упором в основании. Черешок круглый (рис. 63, 11). Длина пера 5,5 см, ширина 2,5 см. Происходит из вещевого комплекса одиночного кургана Калалык-2.

Широкие аналогии в средневековых кочевнических курганах степей Восточной Европы [Федоров-Давыдов, 1966, с. 27]. Аналогии в славянских слоях Саркела-Белой Вежи [Сорокин, 1959, рис. 29, 22; с. 186], в разрушенных монголами городах [Кучера, 1962], в чернокобукских древностях Поросья [Плетнева, 1973, табл. 46, 10; табл. 30, 1, 4].

По наблюдениям Г. А. Федорова-Давыдова, стрелы VI имеют широкий хронологический диапазон [Федоров-Давыдов, 1966, с. 96] и в качестве временного показателя в комплексах использованы быть не могут.

Тип В XI (1 экз.). Наконечник в виде вытянутой лопаточки, черешковый. Перо асимметрично-ромбической формы, плоское, со сходящимися под тупым углом ударными гранями. Основание прямосрезано. Черешок длинный, круглый в сечении (рис. 61, врезка). Длина пера 2,8 см, ширина 1,5 см. Происходит из кургана 2 курганной группы Казган-5.

Аналогии стрелам типа В XI известны в комплексах XIII—XIV вв. на Алтае [Гаврилова, 1965, табл. XXXI, 82], в русских городах, разрушенных монголами в начале XIII в. [Кучера, 1962, рис. 12, 4]. В Восточной Европе они отмечены в комплексах с вещами XIV в. [Медведев, 1959 а, рис. 13, 33, с. 167; Смирнов, с. 193, табл. Е, XIV]. Широко распространены в кипчакских курганах Нижнего Поволжья и Южного Урала [Федоров-Давыдов, 1966, с. 27; Иванов, Кригер, 1988, с. 11; Иванов, 1984, с. 77, рис. 3, 2, 4; Пшеничнюк, 1984, рис. 7, 3]. В Средней Азии железный наконечник стрелы найден в Хорезме в кочевническом погребении XIII—XIV вв. близ городища Пиль-кала [Кдырниязов, 1984, с. 99, рис. 2, 2 а]. Аналогичные наконечники происходят из кочевнического погребения XIV в. в Халчаяне [Пугаченкова, 1967, с. 252—258; рис. 1].

Корреляционный анализ, проведенный Г. А. Федоровым-Давыдовым [Федоров-Давыдов, 1966] и существенно дополненный В. А. Ивановым и В. А. Кригером [Иванов, Кригер, 1988], весьма прочно определяет хронологическую позицию наконечников В XI в рамках второй половины XIII—XIV в.

Отдел Г — круглые.

Тип I* (1 экз.) с круглым в сечении конусовидным пером и коротким, круглым в сечении черешком (рис. 57, 4). Длина пера 4,2 см, максимальная ширина 1,7 см, длина черешка 3,5 см. Происходит из колчанного набора кургана 4 группы III комплекса археологических объектов Казган-2. В качестве малораспространенного типа отмечен В. А. Ивановым и В. А. Кригером в материалах кипчакских курганов Южного Урала [Иванов, Кригер, 1988, с. 11, рис. 1, 5].

Тип II** (2 экз.). С коротким, круглым в сечении пером, с остро-

* Введен В. А. Ивановым, В. А. Кригером.

** Введен автором.

угольной ударной частью муфтой-упором в основании. Черешок длинный, круглый в сечении (рис. 55, 4—5). Длина пера 1,5 см, максимальный диаметр 1,5 см, длина черешка 4,5 см. Происходят из вещевого комплекса кургана 3 группы III комплекса археологических объектов Казган-2. Аналогии в доступных нам материалах отсутствуют.

Отдел Д — треугольные*.

Тип I (1 экз.) с пятиугольным вытянутым пером, длинным, круглым в сечении черешком (рис. 57, 6). Длина пера 5,0 см, максимальная ширина 1,6 см, длина черешка более 5 см. Происходит из курганного набора кургана 4 группы III комплекса археологических объектов Казган-2. В качестве малораспространенных отмечен на Южном Урале, в курганах IX—X вв. [Мажитов, 1981, рис. 51, 8, с. 98—99].

Наконечники стрел костяные (2 экз.).

Тип IV (1 экз.) — черешковый, черешок плоский, перо листовидной формы, в поперечном сечении ромбическое (рис. 55, 6). Общая длина наконечника около 8 см (перо — 3 см, черешок — 5 см). Максимальная ширина пера 1,5 см, ширина черешка 0,8—0,9 см. Происходит из вещевого набора кургана 3 группы III комплекса археологических объектов Казган-2. Аналогии в курганах средневековых кочевников степей Восточной Европы [Федоров-Давыдов, 1966, с. 29] и кипчакских курганов XIII—XIV вв. Южного Урала [Иванов, Кригер, 1988, с. 12, рис. 8, 13—14; 9, 4, 12, 13; 16, 16—17].

Тип V (1 экз.) — черешковый, черешок плоский, широкий. Перо треугольное, ромбическое в сечении (рис. 57, 2). Общая длина наконечника 6,5 см (перо — 2,5 см), максимальная ширина пера 1,2 см, ширина черешка 1 см. Происходит из набора погребального инвентаря кургана 4 группы III комплекса археологических объектов Казган-2. В качестве малораспространенного типа отмечен в курганных наборах кипчакских курганов XIII—XIV вв. Южного Урала [Иванов, Кригер, 1988, с. 12, рис. 13, 3].

Лук. Сохранившихся полностью экземпляров нет. Имеется только одна находка в кургане 2 стреловидной планировки Жарынкудук-14 костяной накладкой на лук (рис. 53, 2). Накладка боковая срединная, представляет собой дуговидно изогнутую костяную пластину плоско-выпуклую в поперечном сечении. Внешняя поверхность заполирована, концы сточены, покрыты беспорядочно расположенными штрихами. Внутренняя плоская поверхность, предназначенная для склеивания с кибитью лука, шероховатая, с глубокой косой нарезкой.

По классификации Г. А. Федорова-Давыдова, это срединные накладки II типа [Федоров-Давыдов, 1966, с. 25]. Судя по отсутствию в вещевом наборе кургана 2 стреловидной планировки Жарынкудук-14 концевых и фронтальной накладок, мы имеем в данном случае тип сложносоставного лука со срединными боковыми накладками. В классификации кимакских луков IX—X вв. Ю. С. Худяков выделяет их в третий тип луков [Худяков, 1986, с. 181]. Подобный лук, в частности, известен в курганах прииртышских кимаков [Арсланова, 1969, с. 45—47, табл. 1].

Колчан (1 экз.). Представлен единственной находкой в инвентаре кургана 4 группы III комплекса археологических объектов Казган-2. Колчан берестяной, усеченно-конусовидной формы (рис. 57, 1). Приемник колчана расширяющийся книзу. На боковых плоскостях две прямые прочерченные линии, параллельные боковым сторонам колчана. Пространство между линиями, вероятно, было закрашено черной крас-

* Введен автором.

кой, следы которой сохранились частично. Днище и горловина колчана не сохранились. Внутри колчана находились наконечники стрел: четыре железных и один костяной, лежавшие остриями вниз, т. е. ко дну. Каких-либо деталей снаряжения колчана (петля, крючок, накладки и т. п.) не сохранилось — колчан был поврежден при ограблении кургана. Длина колчана (сохранившейся части) 65 см, ширина по днищу около 17—18 см, по горловине около 11—12 см.

Берестяные колчаны с приемником усеченно-конической формы известны в вещевых комплексах кипчакских курганов XII—XIV вв. Южного Урала [Иванов, Кригер, 1988, с. 13, рис. 2, 3; 15, 39].

Доспехи. Представлены только остатками пластинчатых панцирей. Имеются две находки: в кургане 1 курганной группы Казган-4. Здесь на костяке, в верхней части грудной клетки человеческого костяка были найдены две подпрямоугольные, размером 4×5 см, железные пластины (рис. 59, 5) сильно коррозированные. Исследователями уже отмечено, что поскольку изготовление пластинчатого панциря было весьма сложным и дорогостоящим делом, в погребения они попадали очень редко. Обычно наличие доспеха символизировалось несколькими панцирными пластинами [Иванов, Кригер, 1988, с. 13]. Видимо, в данном случае мы имеем конкретное проявление отмеченной закономерности.

Другая находка, происходящая из вещевого комплекса кургана 1 в системе стреловидной планировки Бернияз, представляет собой большой комплекс пластин, представляющий доспех целиком или его значительную часть. Комплекс представлен совершенно одинаковыми железными длинными пластинами длиной 7,5—7,6 см, шириной 2,0—2,2 см. С одного края пластина закруглена. В каждой пластине имеется по 13 сквозных отверстий диаметром 2—3 мм: на прямоугольном основании три пары отверстий по боковым краям пластины, в центре одно посередине пластины, на верхнем закругленном крае — два по центру пластины и по два по ее краям (рис. 50, 11, 1—10, 12).

Подобные пластины с различными вариантами расположения отверстий распространены чрезвычайно широко. Их находят в славянских памятниках VII—XIV вв. [Медведев, 1959 б, рис. 2, 1], в курганах средневековых кочевников степей Восточной Европы [Федоров-Давыдов, 1966, с. 35], Западного Казахстана [Синицын, 1956, с. 97], Южного Урала [Иванов, Кригер, 1988, с. 13], Алтая [Гаврилова, 1965, табл. V, 1], юга Сибири [Худяков, 1980, с. 118—128, табл. XL, 4]. Доспех, в состав которого входили подобные пластины, употреблялся как для защиты воина, так и для защиты коня. В черпоклобуцких древностях Поросья, например, в погребении Цозаровка 250 был найден пластинчатый панцирь, перекинутый через спину лошади [Федоров-Давыдов, 1966, с. 35; Плетнева, 1973, с. 31, табл. Д].

Чешуйчатый доспех воина имел вид рубашки с короткими рукавами. Пластины скреплялись проволокой или нашивались на тканую основу. В состав доспеха входили пластины и других типов и прочие дополнительные детали. В нашем случае они отсутствовали. Судя по положению, они представляли собой широкую полосу ткани с нашитыми на нее пластинами. Если учесть, что вещевого комплекса, в котором пластины найдены, состоял только из предметов конской упряжи для верховой езды: седло, стремяна, то следует признать наиболее вероятным предположение о том, что в нашем случае мы имеем дело с пластинчатым панцирем для защиты верхового коня.

2) Принадлежности конской сбруи.

Стремена. Находки имеются в 6 курганах. В одном случае (Казган-5, курган 2) тип неопределим из-за сильной фрагментиро-

ванности. Все остальные стремена, обнаруженные нами, укладываются в типологию, разработанную Г. А. Федоровым-Давыдовым [Федоров-Давыдов, 1966, с. 11—16, рис. 1]. В соответствии с ней в устьуртских материалах имеются следующие типы: Б I (1 экз.); В I (1 экз.); В II (2 экз.); Г IV (4 экз.); Ж I (2 экз.). Один тип не представлен в номенклатуре стремян Г. А. Федорова-Давыдова. Обычно в погребении находятся однотипные стремена, хотя в одном случае (Жарынкудук-14, курган 2) в вещевом наборе находились стремена разнотипные. Если стремена находят в конском погребении, они лежат обычно по обе стороны остова коня. Когда их находят в погребении без костей коня, они лежат в ногах погребенного.

Стремена Б I (рис. 53, 8 а). Обнаружены совместно со стременем В I (рис. 43, 8 б) в кургане 2 стреловидной планировки Жарынкудук-14. Стремена с низкой подпрямоугольной петлей, отделенной от дужки перехватом. Подножка узкая, вогнуто-выпуклая в сечении. Посредине внешней вогнутой стороны — валик. Контур яйцевидный. Стремя железное, цельнокованное.

Стремена данного типа имеют весьма широкие аналогию. В качестве ближайших территориально необходимо отметить многочисленные находки стремян в курганных комплексах IX—X вв. Южного Урала в выделенной Н. А. Мажитовым хронологической группе В [Мажитов, 1977, с. 22, 24, 28; табл. 1, 200; Мажитов, 1981, рис. 26, 29; рис. 43, 5, 8]. Аналогичные типы стремян характерны для салтовомаяцкой культуры [Плетнева, 1967, с. 167, рис. 46, 8] и для кочевников X—XI вв. степей Восточной Европы [Федоров-Давыдов, 1966, с. 11] до Венгрии включительно [Диенеш, 1966, с. 231, рис. 23; Kiss, Bartha, 1970, pl. XXIX, 1, 2]. Известны они и в русских древностях [Кирпичников, 1973, с. 45, рис. 29, VI; табл. 1, 1; XIV, 1—6, 11—12]. Следует особо отметить, что, по Г. А. Федорову-Давыдову, стремена типа Б I являются хронологически определенным типом, позволяющим датировать комплексы, в которых они обнаруживаются [Федоров-Давыдов, 1966, с. 115]. Находки стремян того же типа имеются и в Сибири [Киселев, 1951, с. 518].

Стремена В I (рис. 53, 8 б). Обнаружены совместно со стременем Б I в кургане 2 стреловидной планировки Жарынкудук-14. Стремена с низкой подпрямоугольной петлей для путлища, без перехвата. Под петлей снизу дугообразный выступ. Подножка неширокая, вогнуто-выпуклая в поперечном сечении, с валиком посреди внешней вогнутой стороны. Контур яйцевидный. Стремя железное, цельнокованное.

По сравнению с описанными Г. А. Федоровым-Давыдовым стременами данного типа, имеющими плоскую подножку, в нашем варианте сохраняется такой элемент, как продольный валик на нижней поверхности подножки, в связи с чем его следует рассматривать скорее как вариант, промежуточный между типами Б I и В I номенклатуры Г. А. Федорова-Давыдова.

Аналогичные стремена имеются в сросткинской культуре в комплексах VIII—X вв. [Гаврилова, 1965, рис. 11, 5], а также в курганных наборах IX—X вв. Южного Урала [Мажитов, 1981, рис. 41, 10; рис. 45, 6; рис. 46, 20]. Следует отметить и то обстоятельство, что, как в кургане 2 стреловидной планировки Жарынкудук-14 в одном комплексе находятся два разнотипных стремени Б I и В I, так и на Южном Урале в Ишимбаевских курганах (курган 3, погребение 3) в одном комплексе имеются стремена обоих названных типов [Мажитов, 1981, рис. 45, 5—6].

Необходимо отметить и следующее обстоятельство. В. А. Иванов и В. А. Кригер, отмечая, что разработанная ими хронология южноуральских типов вещей вполне согласуется с хронологией Г. А. Федо-

рова-Давыдова в отношении интересующего нас типа, полагают необходимым несколько скорректировать предложенную Г. А. Федоровым-Давыдовым дату. Они пишут следующее: «Целостность схемы нарушают стремена типа В I, аналогии которым исследователь (Г. А. Федоров-Давыдов, — Я. В.) находит в памятниках XII — начала XIII в. В Приуралье стремена этого типа, кроме как с вещами и монетами конца XIII — первой половины XIV в. не встречены. В Заволжье и Южнорусских степях стремена типа В I известны как в домонгольское, так и в золотоордынское время... Это обстоятельство позволяет нам пересмотреть (во всяком случае, применительно к Волжско-Уральскому региону) датировку стремян типа В I и также считать их хронологическим признаком конца XIII—XIV в.» [Иванов, Кригер, 1988, с. 26—27].

Однако находка стремени В I на Устьурте в комплексе со стремением Б I, дата которого не выходит за пределы IX—X вв., не позволяет безоговорочно принимать эту дату. Видимо, более правильным следует считать тип стремени В I длительно существующим и, ввиду этого, не могущим иметь статус узкого хронологического показателя.

Стремена В II (2 экз.). Обнаружены в кургане 3 группы 3 комплекса археологических объектов Казган-2. Стремена с подпрямоугольной, низкой, вытянутой горизонтально петлей для путлища (Рис. 55, 1, 2). Петля от дужки не отделена и представляет верхнюю расплюснутую часть дужки. Под прорезью — слабо намеченный выступ. Подножка широкая, плоская, слабо прогнута в поперечном сечении. Дужка в месте соединения с подножкой сплюснута с боков. Высота стремян 15,8—16,0 см, ширина по основанию 13,5—14,0 см, ширина подножки 7,5—7,8 см.

Аналогии прослеживаются в курганах средневековых кочевников Восточной Европы. По аналогиям в древнерусских домонгольских городах Г. А. Федоров-Давыдов полагает возможным датировать стремена типа В II XII—началом XIII в. [Федоров-Давыдов, 1966, с. 12, рис. 1; с. 15; с. 103; с. 105]. В то же время этот автор не считает стремена данного типа безусловным хронологическим показателем. Справедливость этого подтверждают, например, находки стремян В II в кипчакских курганах XIV в. бассейна р. Урал [Иванов, 1984, с. 84, с. 93; рис. 8, 7, 12].

Стремена типа Г IV (4 экз.). Обнаружены в вещевом комплексе кургана 1, в группе VIII курганов Акчунгуля и среди погребального инвентаря одиночного кургана Калалык-2. Стремена арочной формы (рис. 63, 1, 2) с выступами при переходе от дужки к подножке. Подножка неширокая, обычно вогнуто-выпуклая в поперечном сечении, выпуклой стороной вверх, на одном экземпляре — двояковыпуклая. В плоской расплюснутой дужке находится узкое щелевидное отверстие для путлища. Внизу под прорезью небольшой выступ. Верхняя часть дужки образует треугольный или округло-треугольный выступ.

Стремена близкого Г IV типа найдены в Средней Азии в долине р. Кашкадарья [Кабанов, 1963]. Датировка этого погребения (IX—X вв.) оказалась сильно заниженной, на что уже указывалось в литературе [Федоров-Давыдов, 1966, с. 15, прим. 32]. По всему комплексу погребение на Кызтепе относится к XIII—XIV вв. Стремена аналогичных типов характерны для средневековых курганов степей Восточной Европы XIII—XIV вв. [Федоров-Давыдов, 1966, с. 12, 13, рис. 1], памятников XII—XIII вв. древней Руси [Федоров-Давыдов, 1966, с. 15—16].

Стремена типа Ж I (2 экз.). Обнаружены в кургане 1 группы Казган-4. Стремена арочной формы, с широкой, овальной в плане, вогнуто-выпуклой в поперечном сечении подножкой. Дужка в поперечном

сечении круглая, без расплющивания верхней части и без прорези (рис. 59, 1, 2). Высота около 12,5 см, ширина по основанию около 14 см, ширина подножки около 12 см.

Как малораспространенный отмечает этот тип стремян в курганах средневековых кочевников Восточной Европы Г. А. Федоров-Давыдов, предлагая их в качестве хронологически определенного типа для второй половины XIII—XIV в. [Федоров-Давыдов, 1966, рис. 1; с. 13; с. 116].

Стремя типа, отсутствующего в номенклатуре Г. А. Федорова-Давыдова (1 экз.). Обнаружено в «кургане» (кладе) № 1 стреловидной планировки Бернияз. Стремя арочной формы с угловатым прокованным выступом при переходе от дужки к подножке. Отверстие для ремня-путлища в плоской расплющенной дужке. Подножка широкая, ровная, концы отогнуты вверх под прямым углом и соединены крестнакрест с вышеупомянутым выступом в нижней части дужки (рис. 50, 11, 11). Высота стремени 17,5 см, длина подножки 14,5 см, ширина 5,2—5,3 см, длина прорези на путлище 3 см.

Прямые аналоги данному типу стремян нам неизвестны. Тем не менее типологически они могут быть сближены со стремянами древней Руси в классификации А. Н. Кирпичникова, выделенными в тип 8 [Кирпичников, 1973, рис. 29, VIII; с. 51—52]. По его наблюдениям, это малораспространенный тип, находки известны только в Новгороде и Россаве в слоях второй половины XII—XIII вв. По наблюдениям того же автора, они являются созданием европейских народов. Их находки отмечены, кроме Руси, у куршей, пруссов и шведов [Кирпичников, 1973, с. 52]. Если типологическое сопоставление нашего и указанных типов стремян правомерно, мы можем говорить о каких-то неясных пока отдаленных западных связях.

Удила. Находки отмечены лишь в трех курганах, причем только в одном случае сохранность позволяет типологически определить находку. В одном случае (Казган-4, курган 1) кольцо находилось в зубах конского черепа и, поскольку погребение не нарушено, видимо, символизировало целые удила. В двух других случаях (курганы Акчунгула, группа 1, курган 3; группа VIII, курган 1) среди инвентаря находились железные кольца, которые могли быть кольцами от удил, однако условия находки не позволяют утверждать это с достаточным основанием. Обратимся к описанию типологически определенной находки.

Удила с неподвижными прямыми псалиями. К стержню псалия, в середине приковано неподвижное кольцо, с которым соединяется подвижное кольцо для ремня оголовья. В погребении была найдена лишь одна половина удил, однако можно предполагать, что они были двусоставными (рис. 53, б). Обе половины соединялись в середине неподвижными кольцами.

Удила с прямыми, «гвоздевидными» псалиями в различных вариантах распространены достаточно широко в IX—XI вв. на Южном Урале [Мажитов, 1981, рис. 17, 15; 21, 11; 22, 11; 24, 8; 26, 11; 31, 17; 50, 11], на Руси в IX—XI вв. [Кирпичников, 1973, рис. 4, типы 1, 1а, 1б]. Однако прямые аналоги мы находим в более ранних комплексах, VIII—IX вв., салтово-маяцкой культуры [Плетнева, 1989, с. 81, рис. 38].

Уздечный набор. Предметы уздечного набора обнаружены лишь в одном комплексе Жарынкудук-14, курган 2 и представлены узловой рамчатой бляхой (1 экз.) и бляшками наременными (5 экз.).

Бляшки наременные (рис. 53, 9 а, б, в, г, д). Представляют собой округлую восьмилепестковую розетку с вихревым орнаментом в центре. Розетки штампованные из серебряного листа. На обратной стороне три шпенька для крепления бляшки на ремне. Аналогичные серебря-

ные позолоченные бляшки имеются в вещевом наборе IX—X вв. погребения 15 Старохалиловского кургана № 6 на Южном Урале [Мажитов, 1981, с. 1, 1, 129, рис. 55, 4] — в кимакских курганных комплексах Прииртышья IX—X вв. Они, в частности, известны в материалах кургана 1 Орловского могильника [Арсланова, 1969, с. 45, рис. 1; Степи Евразии..., 1981, рис. 26, 22]. И в том, и в другом случае бляшки связаны с поясными наборами. Устюртские же бляшки, по условиям находки, скорее надо связывать с уздечным набором. Вероятно, они являлись декоративным элементом ремней оголовья.

Бляха рамчатая, узловая (рис. 53, 5). Округлой формы, с круглой выпуклостью в центре. На ее поверхности шестилепестковая розетка, в центре которой круглая выпуклость. Три прорези бляхи разделены трехлепестковыми рельефными пальметками. Бляха литая, серебряная.

Изделия подобного типа являлись одним из элементов конской упряжи и предназначались для соединения трех ремней оголовья. Типологически многовариантны с весьма широким ареалом от Киргизии и Прииртышья на востоке до Венгрии на западе, датируются в ареале в хронологических рамках IX—XI вв. [Труды Семиреченской археологической экспедиции, 1950, табл. XLIX, 4; Степи Евразии..., 1981, рис. 26, 57, 58, 79; Федоров-Давыдов, 1966, с. 59; Казаков, 1971, табл. XII, 22, 23, 24, 25; Мажитов, 1981, рис. 20, 26; с. 42; рис. 55, 3, с. 103; рис. 21, 6, 10, с. 42; Дженеш Н., 1966]. Однако бляхи, полностью тождественные устюртской, имеются только на Южном Урале в курганных комплексах IX—X вв. [Мажитов, 1981, рис. 20, 26; рис. 21, 6, 10; рис. 55, 3]. Н. А. Мажитов полагает возможным на Южном Урале ограничить время бытования подобных блях только IX в. [Мажитов, 1977, с. 24].

Седла. Остатки седел и их принадлежностей были обнаружены в четырех курганах. Сами седла, во всех случаях деревянные, не сохранились, в курганах фиксировались лишь древесная труха. В погребениях с костями коня деревянная труха от седел находится обычно на спине «коня». В трех курганах обнаружены костяные накладки на седла. В одном случае (рис. 50, III, 1—9) это так называемый седельный кант — узкие длинные костяные полоски, заполированные с внешней стороны и шероховатые, с глубокой косой нарезкой с внутренней стороны, предназначенной для склеивания с деревянной основой седла. В ряде случаев костяные полоски седельного канта сохранили отверстия для закрепления канта на седле, а иногда и костяные гвоздики в этих отверстиях (рис. 49, 3, 4).

Отделка седел узким кантом — прием широко распространенный. Остатки седел с такой отделкой известны, например, в черноклобуцких древностях Поросья [Плетнева, 1973, табл. 7], в материалах могильника Кудыргэ на Алтае [Гаврилова, 1965, табл. XII, 13]. Декоративным элементом седла, вероятно, являются и обломки двух костяных накладок из вещевого комплекса кургана 2 стреловидной планировки Жарынкудук-14 (рис. 53, 7 а, б).

Пряжки сбруйные (3 экз.). Обнаружены в составе погребального инвентаря кургана 3, группы III комплекса археологических объектов Казган-2, в кургане 1 курганной группы Казган-4. Все пряжки железные, кованые, две крупных размеров. По наблюдениям Г. А. Федорова-Давыдова, железные пряжки употреблялись в основном в конской сбруе [Федоров-Давыдов, 1966, с. 42], а пряжки больших размеров — в качестве седельных и подпружных [Федоров-Давыдов, 1966, с. 46]. Прямоугольная пряжка меньших размеров, типологически не отличающаяся от круглой, функционально предназначалась, видимо, для ремней оголовья.

Представлены следующие типы [по номенклатуре Г. А. Федорова-Давыдова, 1966, с. 42—47].

Тип II A I. Большая железная пряжка с трапециевидной рамкой размером примерно 9×10 см, подвижным язычком, без специального приспособления для соединения ремня с пряжкой (рис. 59, 4). Ремень охватывает часть рамки, ширина его не менее 5 см. Происходит из кургана 1 курганной группы Казган-4.

Подобные пряжки типичны для периода IX—XI вв. в Восточной Европе, причем они имели хождение как на Руси [Кирпичников, 1973, с. 76—78, рис. 43, 1—2], так и среди скотоводческого населения Восточноевропейских степей [Федоров-Давыдов, 1966, с. 46]. Аналогичные пряжки отмечены в салтово-маяцкой культуре [Плетнева, 1967, рис. 46, 1]. Они характерны для вещевых комплексов кипчакских курганов XII—XIV вв. Южного Урала и Приуралья [Иванов, Кригер, 1988, рис. 3, 1 тип A I].

К этому же типу можно отнести и другую пряжку, меньших размеров, чем первая. Она происходит из кургана 3 группы III комплекса археологических объектов Казган-2. Пряжка представляет простую квадратную рамку 3,5×3,5 см с подвижным язычком, без специального приспособления для крепления ремня (рис. 55, 3). Довольно многочисленны аналогии подобным пряжкам можно отметить в салтово-маяцкой культуре, где они описаны как поясные пряжки [Плетнева, 1989, рис. 56, катакомбы 37, 69, 71, 74, 86—89, 95, 98, 102, 106, 118].

Тип II A III. Большая круглая пряжка с хоботообразным подвижным язычком, без специального приспособления для соединения ремня с пряжкой (рис. 55, 7). Диаметр пряжки около 7 см. Происходит из кургана 3 группы III комплекса археологических объектов Казган-2. Аналогии в древнерусских комплексах XI—XIII вв. [Кирпичников, 1973, с. 77, рис. 43, 7—8], а также у кочевников степей Восточной Европы [Федоров-Давыдов, 1966, с. 46, рис. 7]. Известны в кипчакских курганах XII—XIV вв. Южного Урала [Иванов, Кригер, 1988, рис. 3, 1, тип A III].

3) Украшения и предметы туалета.

Серьги (3 экз.). Находки немногочисленны. Все они происходят из вещевого комплекса кургана 1 в группе I курганов Акчунгуля. Серьги (2 экз.) в виде кольца с напускной шаровидной дутой бусиной из того же материала, что и кольца. Бусина с одной стороны закреплена наглухо, с другой — подвижно. В месте глухого соединения бусины с кольцом последнее обмотано в два оборота тонкой витой проволокой. В три оборота аналогичной витой проволокой обмотана в экваториальной плоскости напускная бусина. Серьги изготовлены из золота красноватого цвета. Диаметр кольца 23—24 мм, диаметр проволоки кольца 2 мм, диаметр шаровидной дутой бусины 10 мм (рис. 47, 2).

Серьги подобного типа обнаружены в археологических комплексах Казахстана XI в. в «Чимкентском кладе» (ОАК, 1898, с. 65, рис. 105). Известны в Венгрии (Námpel, 1905, s. 368, 369) и в степях Восточной Европы. В классификации восточноевропейских кочевнических древностей они выделены в тип III [Федоров-Давыдов, 1966, с. 39, 40, рис. 6, III]. По аналогиям с русскими древностями серьги этого типа датируются концом XI—XII вв. Полагают, что они являются одним из элементов вещевого комплекса, характерного для женских погребений половецкого времени [Степи Евразии..., 1981, с. 216, рис. 84, 7]. Типологически близкие серьги имеются в материалах кипчакских курганов на Южном Урале [Иванов, Кригер, 1988, рис. 4, 1, III].

В описываемом комплексе имеется серьга другого типа (рис. 47, 4). Она принадлежит к типу простых серег в виде незамкнутого кольца, согнутого из серебряной проволоки. Диаметр серьги 20 мм, диаметр

проводами 2 мм. Эта форма серег в классификации восточноевропейских кочевнических древностей выделена в I тип. Имеют весьма широкий хронологический и территориальный диапазоны [Федоров-Давыдов, 1966, с. 39, рис. 6,1]. Особенно часто встречаются в комплексах женских погребений конца XI—XII в. [Степи Евразии..., 1981, с. 216, рис. 84, 2]. Отмечены они и в курганных комплексах XII—XIV вв. на Южном Урале [Иванов, Кригер, 1988, с. 16, рис. 4,1; 7,6; 11,41].

Гривна (рис. 47, 1) в виде проволочного кольца с напускной шаровидной дутой бусиной из того же материала, что и кольцо. С обеих сторон бусины на проволочное кольцо гривны намотана в 5 витков тонкая витая проволока. Такой же проволокой в три витка обмотана в экваториальной плоскости дутовая бусина. Толщина проволоки 3 мм, диаметр бусины 14 мм. Гривна серебряная, сохранилась неполностью.

В восточноевропейских позднекочевнических материалах гривны в погребениях встречаются редко [Федоров-Давыдов, 1966, с. 37]. Ни один из выделенных здесь типов [Федоров-Давыдов, 1966, с. 37; Степи Евразии..., 1981, с. 217, рис. 84,5] не является аналогией для вышеописанной гривны. Обращает на себя внимание тот факт, что она выполнена на том же типологическом и технологическом уровне, что и вышеописанные серьги с напускной дутой бусиной.

Раковины (2 экз.). Происходят из одного вещевого комплекса кургана 3 в группе I курганов Акчунгуля. Представлены небольшой (рис. 47, 5) и крупной (рис. 47, 7) раковинами каури. В кипчакских курганах Южного Урала встречаются вместе с бусами в XII—XIV вв. [Иванов, Кригер, 1988, с. 18, рис. 4,12].

Бусы (1 экз.). Единственная бусина найдена среди погребального инвентаря кургана 1 в группе VIII курганов Акчунгуля. Бусина округлой, сжатой с боков формы (рис. 49, 8). Выполнена из непрозрачного темного стекла со слабо выраженной продольной слоистостью, выделяются более темные и более светлые продольные полосы, полученные путем накручивания полоски стекла на стержень-основу.

Зеркало. Представлено единственной находкой в кургане 5 курганной группы Жарынкудук-4. Представляет собой плоский диск диаметром около 9 см. (рис. 51, III). Одна сторона плоская, гладкая. Другая имеет по краю невысокий валикообразный бортик. В круг вписаны рельефные изображения двух рыб*. В центре круга и по краю рельефные, неопределенного вида, идущие в разных направлениях полосы. Зеркало серебряное, литое.

По Г. А. Федорову-Давыдову, подобные зеркала объединены в тип NI, датирующийся второй половиной XIII—XIV в. [Федоров-Давыдов, 1966, с. 82, 116]. Подобные зеркала отмечены в культурных слоях второй половины XIII—XIV в. в средневековом Хорезме [Кдырнязов, 1984, с. 99, рис. 16], в курганах кочевников второй половины XIII—XIV вв. Восточной Европы и в культурных слоях золотоордынских городов Поволжья [Федоров-Давыдов, 1966, с. 82, рис. 13, тип. NI].

Для более раннего времени (XII—XIII вв.) находки зеркала подобного типа отмечены на Дальнем Востоке [Шавкунов, 1960, с. 235, рис. 6]. Видимо, среди жителей золотоордынских городов и кипчакского населения степей этот тип зеркал появляется под влиянием дальневосточных импульсов. Однако производство их, судя по изображению на устюртском зеркале осетровых рыб, водившихся в бассейне Аральского и Каспийского морей, было местным. Эти зеркала, изготовлявшиеся по дальневосточным образцам, производились, видимо, в ремесленных мастерских золотоордынского Хорезма и золотоордын-

* По заключению ихтиолога канд. биол. наук Л. П. Павловской, изображены рыбы осетровых пород.

ских городов Поволжья и в результате обмена попадали затем к кочевникам Дешти Кипчака.

4) Предметы быта.

Ножи (3 экз.). Целый экземпляр обнаружен в кургане 4 в группе III комплекса археологических объектов Казган-2 (рис. 57,9). Нож имеет прямое, суживающееся к заостренному концу лезвию, в поперечном сечении каплевидное. Спинка и лезвие переходят к черешку уступом, хорошо выраженным при переходе со спинки и слабо выраженным при переходе от лезвия. Черешок вытянуто-клиновидный, насад для деревянной или костяной ручки. Расположен под некоторым углом по отношению к оси лезвия. Длина ножа 19,5 см, длина черешка 5,5 см, ширина лезвия у черешка 2,1 см.

По Г. А. Федорову-Давыдову, это ножи I типа, чрезвычайно широко распространенные как территориально, так и хронологически [Федоров-Давыдов, 1966, с. 85]. Многочисленны находки этих ножей в кипчакских курганах Южного Урала [Иванов, Кригер, 1988, с. 14]. Отмечены такие находки и в немногочисленных средневековых курганах Средней Азии [Заднепровский, 1975, с. 277, рис. 26].

Два других экземпляра, происходящих один из кургана 3 в группе III комплекса археологических объектов Казган-2 (рис. 55, 8), другой из одиночного кургана Калалык-2 (рис. 63, 10), представлены фрагментами, вероятно, ножей того же I типа.

Кресало (1 экз.). Происходит из погребального инвентаря кургана 4 в группе III комплекса археологических объектов Казган-2. Кресало однолезвийное, «калачевидное», с треугольным выступом с внутренней стороны, с загнутыми наружу несомкнутыми концами (рис. 57, 8). Железное, цельнокованое. Длина 8,5 см, ширина 6 см.

По Г. А. Федорову-Давыдову, кресало типа Б II — распространенное в курганах средневековых кочевников степей Восточной Европы [Федоров-Давыдов, 1966, с. 84, рис. 12, 8, тип Б II], в кипчакских курганах XIII—XIV вв. Южного Урала [Иванов, Кригер, 1989, с. 14, рис. 8, 8]. Кресала несколько иного типа происходят из кочевнического погребения XIII—XIV вв. в Фергане [Заднепровский, 1975, с. 277, рис. 2 в]. Вместе с тем они известны и в более ранних (XI—XII вв.) комплексах [Колчин, 1959, с. 101—103; Кызласов, 1975].

Бляшка накладная. Имеется только в одном экземпляре, происходящем из вещевого комплекса кургана 2 стреловидной планировки Жарынкудук-14. Бляшка стрельчато-арочной формы, со срезанной нижней частью и прямоугольной прорезью для подвесного ремня (рис. 53, 10). На лицевой стороне бляшки орнамент в виде кружочков по краю и побега какого-то растения в центре в ромбической рамке. С обратной стороны бляшки — три шпенька для крепления к поясу. Бляшка серебряная, штампованная.

Наборные пояса с накладными бляшками с прорезями для подвесных ремней — явление, широко распространенное как территориально, так и хронологически. Существует множество вариантов накладных бляшек. Прямые аналоги устюртской бляшке нам неизвестны.

5) Отдельные находки вне перечисленных категорий.

Бубенчик (1 экз.). Происходит из вещевого комплекса кургана 1 в группе III курганов Акчунгуля. Бубенчик грушевидной формы (рис. 47, 3), дутый, с прямой прорезью снизу и петлей сверху. Внутри бубенчика сердечник в виде каплевидного кусочка бронзы с отверстием посередине. На поверхностях и особенно на петле — следы обра-

ботки напыльником. Одна из сторон бубенца пробита насквозь, от пробоины к прорези идет трещина. Бубенчик бронзовый, цельнолитой.

По Г. А. Федорову-Давыдову, это III тип, являющийся хронологическим показателем для периода X—XI вв. [Федоров-Давыдов, 1966, с. 69, 115].

По назначению бубенчики многофункциональны. Они служили в качестве пуговиц в одежде, возможно, при этом сохраняя и функции оберегов-амулетов, отпугивающих злых духов своим звоном от отверстий в одежде. Бубенчики были принадлежностью конской сбруи, из бубенчиков составляли звенящие подвески [Федоров-Давыдов, 1966, с. 69; Плетнева, 1989, с. 107].

Костяные накладки (5 экз.). Все они найдены в комплексе кургана 1 в стреловидной планировке Бернияз. Представляют собой тонкие костяные пластинки в виде равностороннего треугольника с длинной стороны 2,4—2,9 см и круглым отверстием диаметром 0,7—0,9 см в центре (рис. 50, III, 14—18). Одна сторона, лицевая, заполирована, обратная — шероховатая, видимо, служила для наклеивания на какую-то основу.

Аналоги нам неизвестны. Поскольку пластинки найдены в комплексе с остатками седла, можно предположить, что они служили в качестве декоративных накладок на седло.

Костяные диски (2 экз.). Происходят из того же комплекса кургана 1 стреловидной планировки Бернияз. Представляют собой тонкие костяные диски диаметром 2,1 см. Поверхности заполированы. На одной две concentрические линии по краю и в центре, а на другой одна по краю. В центре в круглом сквозном отверстии остатки железного стержня или петли (рис. 50, III, 12—13). Прямые аналоги нам неизвестны. Можно лишь предположить, что диски как-то были связаны с седельным набором, поскольку были найдены вместе с остатками седла или служили какими-то застежками для чешуйчатого панциря, остатки которого также находились в кургане 1.

Костяное изделие в виде «утюжка» со сквозным отверстием посредине (рис. 57, 7).

6) Керамика.

Находки керамики крайне ограничены. Они отмечены в кургане 2 курганной группы Косарма и в археологическом комплексе Тайли. В кургане 2 курганной группы Косарма было найдено несколько фрагментов керамики. Все они принадлежат горловине сосуда с массивным валикообразным венчиком, в поперечном сечении округлым. Диаметр устья 10 см, толщина стенок 0,4 см. Сосуд изготовлен на гончарном круге из тонкоотмученной и хорошо промешанной формовочной массы. В изломе черепка хорошо видны мелкие гипсовые примеси. Обжиг горновой, черепок в изломе кирпично-красный. На внешней поверхности следы облицовки слабоукривистым грязновато-белым ангобом*.

Перечисленные признаки позволяют говорить о том, что описанные фрагменты принадлежат сосуду типа кувшина с высокой пластинчатой ручкой, то есть форме, хорошо известной в хорезмийских [Вактурская, 1959, с. 272—273, 276] и позднекердерских [Ягодина, 1981, с. 87, 98, рис. 6, 5] керамических комплексах IX—XI вв. Нелишне в данной связи отметить, что рядом с курганом были найдены фрагменты сосудов того же типа. Фрагменты аналогичных сосудов были обнаружены в районе объекта 5 («курган с хвостом») и в группе кост-

* В первой публикации кургана он был ошибочно датирован IV—II вв. до н.э. [Ягодина, 1978, с. 123—127].

рищ с ветровыми заслонами археологического комплекса Тайли, а также в кургане 2 курганной группы Косарма.

Следует в данной связи напомнить и о том, что аналогичная керамика была найдена на стреловидных планировках Декча и Аксаймак-2.

И, наконец, имеется единственная находка фрагмента кашинной керамики, происходящая из впускного погребения в кургане 1 группы 1 курганного могильника Бернияз-1. Она представлена фрагментом глубокой чаши с подглазурной росписью в сине-зеленой гамме. Подобная керамика характерна для Хорезма золотоордынского периода — вторая половина XIII—XIV вв. [Вактурская, 1959, с. 327].

ХРОНОЛОГИЯ КУРГАНОВ ПОЗДНИХ КОЧЕВНИКОВ УСТЮРТА

Датировка средневековых курганов Устюрта не представляет значительной сложности ввиду того, что как система погребальной обрядности, так и вещевые комплексы не выходят за пределы хорошо разработанной типологии и хронологии кочевнических древностей степей Восточной Европы, Южного Урала и Приуралья (Федоров-Давыдов, 1966; Иванов, Кригер, 1988).

Несмотря на немногочисленность находок средневековых курганов на Устюрте, уже сейчас становится очевидным, что они не образуют какой-то локальной, обособленной устюртской группы, а, как будет показано ниже, являются частью выделенной В. А. Ивановым и В. А. Кригером восточной группы южноуральских курганов кипчакского времени. В качестве таковых они должны рассматриваться в рамках уже имеющегося массива информации в пределах Южноуральско-Устюртского региона в целом. При рассмотрении их под этим углом зрения информативная ценность устюртских курганов значительно повышается. В качестве основания для разработки вопросов хронологии в этом случае с достаточным основанием можно использовать как датирующие типы вещей, так и типы погребений.

Сейчас, пользуясь разработанной хронологической классификацией, мы можем распределить наш материал по следующим хронологическим периодам: IX—XI вв. и XII—XIV вв.

Период IX—XI вв. К нему могут быть отнесены курган 2 в системе стреловидной планировки Жарынкудук-14, курган 2 в курганной группе Косарма и археологический комплекс Тайли [Ягодин, 1978, с. 138—140]. Дата кургана 2 в системе стреловидной планировки Жарынкудук-14 может быть ограничена IX—X вв. Курган 2 Косармы и комплекс Тайли могут быть датированы лишь в широких хронологических рамках всего периода.

Помимо курганов и святилищ к этому периоду относится часть стреловидных планировок в Айбуйирско-Присарыкамышской группе; развалины башен Казахлыдегиш, Куланлы, Галыгумбез, башня у Малой Айбуйир-калы, Айбуйир, Каскажол, Калалык, Томар-кала, Пулжай, Акчулак, Караумбет, Урга, Аджабай; городища Куланлы, Галыгумбез, Малая Айбуйир-кала, Караумбет, Урга, Аджибай; могильники грунтовые: Куланлы, Караумбет, Аджибай [Манылов, 1978], а также верхние слои городища Большая Айбуйир-кала [Мамбетуллаев, 1978].

Период XII—XIV вв. К нему относится большинство из известных в настоящее время курганов средневековых кочевников. В рамках этого периода лишь один курган (Акчунгуль, группа 1, курган 1) может быть отнесен к домонгольскому времени и датирован XII — началом XIII в. Все остальные — золотоордынского периода второй половины XIII—XIV в. Некоторые хронологические уточнения возможны и здесь. Для части курганов, главным образом безы Inventарных, мож-

по сузить дату до второй половины XIV в. Эти курганы оставлены, как мы покажем ниже, кочевниками, принявшими ислам.

Помимо курганов временем XII—XIV вв. датируется часть стреловидных планировок в Айбуйирско-Присарыкамышской группе. К домонгольскому времени XII — начала XIII в. относится часть городищ и сигнальных башен на Восточном чинке Устюрта: верхние слои городищ Куланлы, Айбуйир-кала Малая (Баккал-кала), Караумбет, Аджибай; нижний слой городища Курганча (Давлет-гирей). Только XII — началом XIII в. датированы городище и могильник Хантерсек (Ербурун), городища Саксаулсай, Кыяжол 1, 2.

И, наконец, второй половиной XIII—XIV в. датирован лишь верхний слой городища Курганча [Манылов, 1978, с. 272]. К этому периоду относятся все караван-сарай на караванном пути через Устюрт из Хорезма на Волгу: Аджигельды, Булак, Косбулак, Белеули, Чурук [Манылов, 1982].

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ПОЗДНИХ КОЧЕВНИКОВ УСТЮРТА.

Многолетние археолого-топографические изыскания в пустынях Арало-Каспийского Междуморья позволили к настоящему времени сформировать хотя и немногочисленную, но уже достаточно репрезентативную базу для первого типологического анализа погребального обряда кочевников, использовавших плато Устюрт в IX—XIV вв. Не является случайностью и немногочисленность курганов этого периода, объясняющаяся не только слабой археологической изученностью данных территорий, но и спецификой их освоения кочевниками в рассматриваемый период.

Вместе с тем необходимо повторить, что мы находимся на самых первых ступенях археологического изучения этого огромного труднодоступного региона, что и вынуждает нас оперировать пока весьма немногочисленными данными. Их анализ позволяет в предварительном плане решить задачу выявления по установленным хронологическим периодам комплекса признаков, характеризующих погребальный обряд поздних кочевников Устюрта и рассмотреть его в системе признаков, характеризующих погребальный обряд кочевников IX—XIV вв. по всему Великому поясу степей Евразии и, прежде всего, близлежащих районов Нижнего Поволжья и Южного Урала.

Так же, как при анализе вещевого комплекса, в анализе погребального обряда мы используем классификацию Г. А. Федорова-Давыдова, развитую и дополненную В. А. Ивановым и В. А. Кригером.

Большинство курганов кочевников в IX—XIV вв. на Устюрте являются основными погребениями под курганными насыпями. Имеются единичные впускные погребения в насыпях более ранних позднекочевнических (одиночный курган Каракибир) или даже раннекочевнических (Аджибай, курган 2; Бершияз 1, группа 1, курган 1) курганов. Располагаются обычно одиночно или небольшими, не более 1—3 курганов, группами. В ряде случаев курганы поздних кочевников встречаются среди более ранних в хронологическом отношении курганных групп (Казган 2, группа III, курганы 3, 4; Казган 5, курган 2).

Сравнивая топографию курганов поздних кочевников Устюрта с топографией одновременных южноуральских курганов, можно отметить их несомненное сходство. Так же, как и на Устюрте, «... абсолютное большинство известных на Южном Урале могильников кипчакского времени (79%) одиночные курганы или группы, состоящие из 2—3 курганов» [Иванов, Кригер, 1988, с. 42].

Период IX—XI вв.

Насыпь. На устюртских курганах насыпи двух типов: каменная и грунтовая с обкладкой камнем по поверхности («черепаха»). В классификации Г. А. Федорова-Давыдова первый тип насыпи соответствует типу V — «насыпи, состоящие из камня», второй — типу IV со сплошной «черепахой» на поверхности. Насыпи типа IV появляются в Приуралье и Поволжье в IX—XI вв. [Федоров-Давыдов, 1966, с. 122]. Насыпи данного типа характерны для Южного Урала и Подонья второй половины XIII—XIV в. [Федоров-Давыдов, 1966, с. 122].

По характеру погребения — также два типа: тип А I — в простой яме костяк человека, обращенного головой на запад, без костей коня; тип Б III — костяк человека головой на запад в широкой яме с костями коня (череп, кости ног), разложенными в анатомическом порядке, черепом на запад, на ступеньке и вдоль северной стенки ямы.

Тип А I распространен в IX—XI вв. довольно широко, однако наиболее часто встречается в Поволжье. Тип Б III в IX—XI вв. встречается в Поволжье, а вообще погребения с костями коня (типы Б I—Б III) отмечены в Южном Приуралье, Поволжье [Федоров-Давыдов, 1966, с. 134].

Период IX—XI вв., когда в степях господствовали печенег и огузы, по данным Г. А. Федорова-Давыдова, характеризуется распространением погребений А I и Б I—Б III [Федоров-Давыдов, 1966, с. 134], т. е. типов, представленных на Устюрте.

Период XII—XIV вв.

Насыпь. По внешним признакам рассматриваемые нами погребения можно разделить на две группы: с курганными насыпями, без курганных насыпей. Первая группа абсолютно преобладает. Все курганы сооружены с использованием камня. Типологическое распределение укладывается в классификацию Г. А. Федорова-Давыдова [Федоров-Давыдов, 1966, с. 120]. Абсолютно преобладают насыпи типа IV «... с каменными выкладками в виде колец по поверхности насыпи и по периферии или сплошной «черепахой» по поверхности насыпи, а также курганы, насыпанные в два приема с выкладкой камнями по поверхности и первой насыпи» [Федоров-Давыдов, 1966, с. 120].

Двумя курганами представлен тип II — насыпь, насыщенная камнями, и тип VI — ограда из вертикальных каменных плит, установленных на горизонте вокруг могильной ямы. По одному кургану представлен тип III с выкладками из камней на горизонте над ямой и тип V с насыпью из камня. Размеры насыпей в большинстве случаев достигают 6—8 м в поперечнике при средней высоте 0,5—0,6 м, хотя отмечены также курганы диаметром 3—4 м и высотой 0,15—0,20 м с одной стороны и 1,5 м — с другой.

Из типологии выпадает курган 2 в курганной группе Курганча, имеющий грунтовую насыпь диаметром до 40 м, с впущенными в нее многочисленными каменными ящиками [Ягодин, 1978, с. 128].

Во вторую группу отнесено погребение Жарынкудук-5 б, у которого насыпь заменена двумя вертикально вкопанными каменными плитами над могильной ямой. Подобные намогильные сооружения имеются на бесспорно мусульманском могильнике караван-сарая Белеули, датированном началом — 70 гг. XIV в. [Манылов, 1982, с. 106, 108, 112]. В эту же группу отнесены погребения Жарынкудук-5 а, Казган-4, курган 2.

Таким образом, практически все известные к настоящему времени насыпи устюртских курганов кипчакского времени сооружались с применением в различных вариантах камня. Используя этот признак,

В. А. Иванов и В. А. Кригер разделяют общий массив курганов кипчакского времени Приуралья и Южного Урала на восточную и западную группы. Наличие камней в насыпи дает основание для выделения восточной группы. Грунтовые насыпи без камней — основной признак для выделения западной группы [Иванов, Кригер, 1988, с. 44—45].

Камни в насыпях курганов кочевников степей Восточной Европы спорадически появляются в XII в. и получают широкое распространение в XIII—XIV вв. [Федоров-Давыдов, 1966, с. 120—122].

Погребение. Под курганной насыпью находилось обычно одно основное погребение. В небольшой части курганов (Казган-4, курган 1; одиночный курган Каракибир) отмечены впускные погребения в насыпь средневековых курганов. Отмечены впускные погребения поздних кочевников и в насыпи раннекочевнических курганов (Аджибай, курган 2; Бернияз-1, группа 1, курган 1).

Погребения нескольких типов. Наибольшим количеством представлены погребения типа А I — костяк человека, ориентированного головой на запад, без костей коня, в простой подпрямоугольной в плане яме. Часть ям имеют перекрытие деревянными плахами, положенными поперек [Федоров-Давыдов, 1966, с. 124]. На Устюрте этот тип погребения зафиксирован в кургане 3, группа I, и в кургане 1, группа VIII курганов Акчунгуля; в кургане 5 б курганной группы Жарынкудук-4; в курганах 3—4, в группе III комплекса археологических объектов Казган-2; в одиночном кургане Калалык-2. Только один из них (Акчунгуль, группа I, курган 3) датируется XII — началом XIII в. Остальные относятся ко второй половине XIII—XIV в., часть имеет перекрытие из каменных плит, положенных с уровня горизонта поперек ям (Акчунгуль, группа I, курган 3; Казган-2, группа 3, курганы 3—4; Калалык-2). Надо полагать, что деревянные плахи и каменные плиты в данном случае — явления одного порядка, поскольку в условиях пустынного каменистого плато каменные плиты — вполне естественный заменитель деревянных плах.

Ямы простой конструкции типа А I абсолютно преобладают (72%) в курганах, сооруженных на Южном Урале и Приуралье с применением камня. 31% из них имеют перекрытие из деревянных плах, лежащих на древнем горизонте, заплечиках или вертикально поставленных плахах. Вместе с тем на Южном Урале в домонгольский период совершенно не были известны погребения типа А I, которые получают массовое распространение лишь в период второй половины XIII—XIV в. [Иванов, Кригер, 1988, с. 51].

Курганы с погребениями типа А II — костяк человека без костей коня, ориентированного головой на запад, в яме с уступом вдоль северной стены. Часть их имеет перекрытие из деревянных плах, положенных наклонно, одним концом на уступ, другим — на южный край ямы. В нашем материале погребение представлено единственным курганом (Курганча, курган I), безынвентарным, предположительно датирующимся второй половиной XIV в.

На Южном Урале это малораспространенный тип, отмечен только для золотоордынского, мусульманского периода, вторая половина XIV в. [Иванов, Кригер, 1988, табл. 6]. Интересно заметить, что погребения данного типа отсутствуют в восточной Южноуральской группе курганов кипчакского времени. Все известные находки связаны с западной группой [Иванов, Кригер, 1988, табл. 5]. Что касается степей Восточной Европы, то здесь погребения данного типа также крайне немногочисленны и целиком связаны с Нижним Поволжьем [Федоров-Давыдов, 1966, табл. 17].

Курганы с погребениями типа А IV. Представлены курганом 3 в курганной группе Урга [Ягодин, 1978, с. 138, рис. 43 А] и курганом 5 б в курганной группе Жарынкудук-4. Костяк человека, обращенного

головой на запад, без костей коня в яме с заплечиками в виде уступов вдоль западной и восточной стен. По уровню заплечиков перекрыты каменными плитами, в кочевнических курганах Восточной Европы — деревянными плахами [Федоров-Давыдов, 1966, с. 124]. На Южном Урале погребения этого типа известны и в восточной, и в западной группах. Отмечены они только для золотоордынского (вторая половина XIII—XIV в.), как языческого, так и мусульманского периодов [Иванов, Кригер, 1988, табл. 5; табл. 6].

Могильные ямы с заплечиками, разделяющими их на входную часть и щелевидную погребальную камеру, и перекрытием, лежащим на заплечиках, типичны для крупных городских некрополей средневекового Хорезма. На некрополе средневекового Миздахкана погребения этого типа датированы в пределах второй половины VIII—X вв. [Ягодин, Ходжайов, 1970, с. 107—108]. На некрополе Ток-калы они датированы в тех же пределах [Бижанов, Мамбетуллаев, 1973, с. 54].

Погребения типа А V. Единственная находка — курган 2 в курганной группе Аджибай [Ягодин, 1978, с. 130—134, рис. 42, III]. Костяк человека, ориентированного головой на север, в яме с подбоем в южной стене, подбой заложен вертикально установленными деревянными плахами или каменными плитами. Этот тип погребений характерен лишь для районов Нижнего Поволжья, Заволжья и Южного Урала золотоордынского времени. Полагают, что распространение здесь в указанный период данного типа погребений является локальной чертой данного района, сложившейся под влиянием пришедших с востока монголов и других восточных племен, втянутых в татаро-монгольское передвижение [Федоров-Давыдов, 1966, с. 160—161]. Характерно, что на Южном Урале погребения типа А V безынварные, уже мусульманские, датируемые второй половиной XIV в. [Иванов, Кригер, 1988, табл. 6]. Аналогичным образом и устюртское погребение данного типа не содержит инвентаря и является мусульманским.

Вместе с тем последующие археологические изыскания позволили существенно скорректировать первоначальные представления относительно ареала и времени появления данного типа погребений. Было установлено, что погребения в подбойных могилах распространены также по всей степной части Южного Приуралья и в Заволжье и датируются не только золотоордынским временем, но и домонгольским [Кригер, 1984, с. 111; Иванов, Кригер, 1988, с. 64]. В. А. Иванов и В. А. Кригер, ссылаясь на наличие аналогичных погребений в кимакских курганах Верхнего Прииртышья IX—X вв. [Арсланова, Самашев, 1985], полагают, однако, что тезис о восточном происхождении данного типа погребений, выдвинутый Г. А. Федоровым-Давыдовым, остается верным [Иванов, Кригер, 1988, с. 64].

Погребения типа А VIII. На Устюрте известно два погребения данного типа: Каракибир, погребение 1; Курганча, курган 2 [Ягодин, 1978, с. 128—130]. Костяк человека, ориентированного головой на запад, без костей коня в яме, в прямоугольном каменном ящике. В качестве редко встречающегося типа отмечен Г. А. Федоровым-Давыдовым для курганов Крыма XII в. [Федоров-Давыдов, 1966, табл. 15] и Нижнего Поволжья второй половины XIII—XIV вв. [Федоров-Давыдов, 1966, табл. 17].

Погребения типа Б I—Б II. Представлены на Устюрте погребением 3 одиночного кургана Каракибир [Ягодин, 1978, с. 129—130] и курганом 1 в курганной группе Казган-4. Костяк человека, ориентированного головой на запад, в простой яме. Над костяком на уровне древнего горизонта — череп, четыре ноги и хвост коня, разложенные в анатомическом порядке.

Погребения с частями коня, разложенными в анатомическом порядке (по Г. А. Федорову-Давыдову, типы Б I—Б III). Для золотоор-

дынского периода — это типы погребений, характерные для остаточного печенежско-торческого населения. В XII — начале XIII в. были сосредоточены почти исключительно в Поросье и Нижнем Подонье и связываются с племенами черных клобуков. В Поволжье и Южном Приуралье в этот период рассматриваемые типы погребений отсутствуют [Федоров-Давыдов, 1966, с. 150—153; Иванов, Кригер, 1988, с. 51]. Во второй половине XIII—XIV в. наблюдается перемещение типов погребений Б I—Б III и Б XII—Б IV, являющихся развитием первых в Поволжье и Южном Приуралье. Г. А. Федоров-Давыдов связывает это явление с обратным перемещением части черноклобуцких племен в Поволжье [Федоров-Давыдов, 1966, с. 150, 152].

Несмотря на ограниченность имеющихся в настоящее время данных, аналогичные процессы мы можем фиксировать и на Устьурте. Действительно, погребения типа Б I здесь имеются в IX—X вв., в X — начале XIII в. они отсутствуют и появляются вновь только во второй половине XIII—XIV в. Подобные факты вполне согласуются с данными о перемещении огузо-печенежских племен на Запад и расселении их в Поросье, а также о частичном возвращении их на восток в степи и пустыни Нижнего Поволжья, Южного Приуралья и Арало-Каспийского Междуморья в золотоордынскую эпоху.

Погребение типа Д IV. Представлено единственной находкой в кургане 2 курганной группы Казган-5. Костяк человека, обращенного головой на север, без костей коня, в простой могильной яме, в прямоугольном каменном или деревянном ящике-раме без дна.

Погребения отдела Д (с северной ориентировкой без коня) в значительных количествах появляются в Южнорусских степях, Поволжье, Заволжье и Южном Приуралье только в золотоордынское время. В домонгольское время их нет совсем. Ссылаясь на сибирские аналогии XIII—XIV вв., исследователи не без основания полагают, что появление погребений данного типа в перечисленных районах связано с племенами, пришедшими из Сибири в составе татаро-монгольских орд [Федоров-Давыдов, 1966, с. 159; Иванов, Кригер, 1988, с. 64—65].

Погребальный инвентарь. В количественном отношении в инвентарях средневековых курганов Устьурта преобладают предметы конской упряжи для верховой езды: удила, седла, стремена, пряжки подпружные. Несколько меньше по количеству предметов вооружения: палаши, наконечники стрел, остатки луков, колчаны, доспехи. Все остальные категории находок: бытовые украшения и т. п. очень немногочисленны и представлены единичными экземплярами.

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕВЕКОВОГО УСТЮРТА.

Основная масса стреловидных планировок за незначительным исключением относится к средневековью. Поэтому в нашем анализе вопросов этнической истории мы ограничиваемся лишь позднечувшинскими материалами, не затрагивая этнических проблем ранних кочевников Устьурта.

Проблемы средневековой этногеографии районов Арало-Каспийского Междуморья до настоящего времени рассматривались в общих рамках вопроса о расселении средневековых кочевых скотоводческих племен, главным образом огузов и кипчаков. Рассмотрение это велось в основном на базе анализа письменных источников, поскольку огромные пустынные районы плато Устьурт до недавнего времени лишь в незначительной степени были затронуты археологическими изысканиями.

Сейчас, когда накоплен уже довольно значительный объем научной информации о средневековых археологических объектах Устюрта, представляется необходимым рассмотреть его под углом зрения этнической принадлежности открытых и в той или иной степени изученных средневековых археологических памятников.

На разных этапах археологического изучения плато исследователи уже обращались к рассмотрению данного вопроса [Толстов, 1948 б; Манылов, 1978]. Однако они оперировали лишь ограниченными категориями археологических объектов: городищами и, в меньшей степени, бескурганными могильниками. Сейчас, когда появились новые категории средневековых археологических памятников, таких, как стреловидные планировки, остатки кочевий, хозяйственные сооружения и курганы кочевников, представляется необходимым рассмотреть вопрос об их этнической принадлежности на всей совокупности новых данных, а не по отдельным категориям археологических объектов.

Наш анализ будет проведен в рамках установленных выше хронологических периодов VII—VIII вв., IX—XI вв. и XII—XIV вв.

Период VII—VIII вв. Для этого периода на Устюрте известны лишь ограниченные категории археологических памятников: стреловидные планировки и святилища. Все они принадлежат джетыасарской или кердерской культурам.

Джетыасарскую культуру связывают с племенами раннесредневековых кангар-кенгересов, являвшихся этническим ядром крупной печенежской конфедерации племен, сложившихся на базе смешения местного населения с продвинувшимися в низовья Сырдарьи тюркоязычными племенами [Вайнберг, 1973, с. 115; Андрианов, Левина, 1979, с. 97].

В кердерской культуре на раннем этапе ее развития исследователи склонны усматривать смешанные в этнокультурном отношении черты [Неразик, 1968, с. 206; Левина, 1971, с. 242; Ягодин, 1971, с. 69—71], а для позднего этапа (IX—X вв.) выявляют признаки, свидетельствующие об участии населения Кердера в огузском этногенезе [Гудкова, 1964, с. 141—142; Ягодин, 1971, с. 71].

Период IX—XI вв. Для этого периода характерны курганы с использованием камня и погребения типов А I и Б III. Погребения Б III в условиях Устюрта могут принадлежать только огузам. Во-первых, практически полностью совпадает огузский погребальный обряд, описанный Ибн-Фадланом в 921—922 гг., и погребальный обряд, зафиксированный нашими раскопками кургана 2 в системе стреловидной планировки Жарынкудук-14, датированного IX—X вв. Ввиду важности для этнической атрибуции кочевой культуры Устюрта IX—X вв. приведем это свидетельство полностью. «... если умер человек из их (числа), то для него роют большую могилу наподобие дома, берут его, одевают на него его куртку, его пояс, его лук, кладут в его руку чашу с набилом, приносят все его имущество и кладут с ним в этом доме. Потом сажают его в нем и покрывают настилом дом под ним, наподобие юрты, берут лошадей вне зависимости от их численности и убивают из них сто голов или двести голов, или одну голову и съедают их мясо, кроме головы, ног, кожи и хвоста. И, действительно, они растягивают это на деревяшках и говорят «это его лошади, на которых он поедет верхом в рай». Если же он убил человека и был храбр, то вырезают изображение из дерева по числу тех, кого он убил и помещают их на его могиле...» [Путешествие Ибн-Фадлана..., 1939, с. 63].

Типологически близкие курганы описаны С. А. Плетневой на Северском Донце в Харьковской области. Они выделены ею во вторую группу курганов поздних кочевников южнорусских степей и связываются с торками-гузами. На основании сопоставления с вышеприведенным свидетельством Ибн-Фадлана [Плетнева, 1958, с. 161—163]

Г. А. Федоров-Давыдов показал, что курганы типа Б III известны в период IX—XI вв. только в Нижнем Поволжье и интерпретируются им как печенежско-торческие. При этом он также ссылается на обряд погребения гуза, описанный Ибн-Фадланом [Федоров-Давыдов, 1966, табл. 14, с. 141]. После наших находок на Устюрте ареал курганов Б III должен быть расширен и доведен до границ средневекового Хорезма.

Информация, имеющаяся в нарративных источниках по этногеографии Арало-Каспийского Междуморья, однозначно свидетельствует об этом регионе как месте расселения огузов. Персоязычный аноним Худуд аль-Алем, составленный в последней четверти X в., сообщает следующее: «... Каспийское море. С восточной стороны его пустыня, примыкающая к (области) гузов и Хорезму и отчасти хазаров... И еще море Хорезмское (Аральское)... Вокруг него все места принадлежат гузам» [МИТТ, 1939, с. 209—210].

О кочевьях гузов в пустынях Закаспия сообщает ал-Масуди в «Китаб ат-Танбих ва-н-ишраф»: «И на нем (Хазарское море) находятся многие из кочевьев гузов, из (числа) тюрок в пустынях, которые расположены там» [МИТТ, 1939, с. 166]. Весьма определенно помещает гузов на Устюрте ал-Истахри в «Китаб месалик ал-мемалик», написанной в 930—933 гг. на основе географического сочинения Ал Балхи, написанного в 919 или 920 гг. [МИТТ, 1939, с. 26]. «Потом Джейхун достигает Хорезмского озера в месте, где живут рыбаки и нет ни селений, ни построек. Место это называется Халиджан. На берегу этого озера в стороне Халиджана земля гузов, в мирное время они приходят с этой стороны в селение Баратегин, а с другой стороны в Джурджанно обе они пограничные крепости» [МИТТ, 1939, с. 179—180].

В связи с разработкой вопросов исторической географии Приаральской дельты р. Амударьи в VII—XIV вв. мне уже приходилось комментировать цитированный источник. В результате проведенного анализа Халиджан был локализован под чинком Устюрта на участке от оз. Айбуйир до мыса Урга, селение Баратегин было локализовано на городище Большая Айбуйир-кала. Таким образом, исходя из приведенного текста, «земля гузов» начиналась от Восточного чинка Устюрта на всем его протяжении [Ягодин, 1986, с. 102].

Границы Хорезма соприкасались с землями гузов и у города Гита (Кит, Джит), упоминаемого ал-Истахри [МИТТ, 1939, с. 179] и аль-Макдиси [МИТТ, 1939, с. 188]. Дискуссия о локализации Гита длится уже более ста лет [Ягодин, 1986, с. 105]. Не вдаваясь сейчас в ее детали, отмечу лишь то, что наиболее вероятной представляется локализация Я. Г. Гулямова, отождествившего Гит с городищем Пулжай [Гулямов, 1957, с. 146]. Гит, расположенный на краю Устюрта, в источниках характеризуется как город-крепость на границе с гузами. Если это так, то гузы кочевали на Устюрте, т. е. городище Пулжай находится на чинке плато и сразу же за ним начинаются необозримые просторы гузской пустыни.

Таким образом, даже неполный беглый обзор источников может свидетельствовать о том, что земля гузов находилась на Устюрте, начинаясь от чинка — естественной границы, разделявшей средневековый оседло-земледельческий Хорезм и кочевые племена гузов.

Исследователи, обращавшиеся в своих работах к проблеме расселения гузов, также в большинстве случаев рассматривают пустыни Арало-Каспийского Междуморья как районы, населенные кочевыми огузскими племенами. С. П. Толстов писал о том, что «... на юго-западе владения гузов охватывают, видимо, значительную часть Устюрта» [Толстов, 19486, с. 249]. На пустыни Арало-Каспийского Междуморья

как на места расположения многих кочевков огузов и укрепленных ставок их вождей указывает С. Г. Агаджанов, опираясь на анализ письменных источников [Агаджанов, 1969, с. 77].

В связи с рассматриваемым вопросом значительный интерес представляют средневековые городища и грунтовые могильники, расположенные на Восточном чинке Устюрта на большом протяжении от урочища Аджибай на севере до юго-восточного выступа Устюрта на юге. Изучение их было начато Хорезмской археолого-этнографической экспедицией [Толстов, 1958, с. 74 и сл.; Толстов, Жданко, Итина, 1963, с. 27] и продолжено затем отделом археологии Каракалпакского филиала АН УзССР [Маньолов, 1978, с. 199 и сл.].

Исходя из свидетельства Беруни о том, что каждую осень хорезмшахи отправлялись в поход, «...отгоняя тюрок-гузов от своих границ и охраняя от них окраины своих стран» [Беруни, 1957, с. 257], С. П. Толстов предположил, что башни на Юго-Восточном чинке Устюрта и небольшие городища, известные здесь, являлись единой системой сигнальных башен и военных крепостей, принадлежавших средневековому Хорезму и использовавшихся как оборонительная линия против набегов огузов [Толстов, 19486, с. 249].

Наши многолетние исследования на Устюрте, систематическое изучение остатков башен и городищ, расположенных на Юго-Восточном чинке, позволили установить, что они разновременны, неоднородны типологически и не представляют вследствие этого единой системы. Ю. П. Маньолов, показав ошибочность определения средневековых городищ на Юго-Восточном чинке в качестве хорезмийских военных крепостей, высказал предположение, что они являлись хорезмийскими караван-сараями, использовавшимися в торговле Хорезма с печенегами, гузами и Восточной Европой [Маньолов, 1978, с. 273 и сл.]. Подобное определение вполне согласуется с той большой ролью, которую, по мнению В. В. Бартольда и А. Ю. Якубовского, играла торговля с кочевниками для средневекового Хорезма, особенно для его северных районов [Бартольд, 1963 а, с. 124; Якубовский, 1932, с. 15].

И тем не менее определение всех городищ Юго-Восточного чинка Устюрта в качестве караван-сараяв страдает существенными недостатками. Сравнивая эти городища между собой в планиграфическом отношении, нельзя не заметить имеющих существенных различий между ними. Уже давно историками архитектуры было отмечено наличие несомненной связи между функцией и планиграфией. На это, в частности, указывал В. В. Бартольд, анализируя вопрос о внутренней планировке рабадов [Бартольд, 1963 б, с. 203]. Караван-сарай являются ярчайшим примером, когда единство функциональное порождает сходные планировочные решения. Достаточно указать, например, на караван-сарай Устюрта XIV в. [Маньолов, 1982], на синхронные устюртским городищам караван-сарай IX—XII вв. Сартараш и Ишан-рабад на торговом пути из Хорезма в Бухару [Лоховиц, 1979, с. 112 и сл.], на караван-сарай на торговых путях из Мерва в Хорезм и Мавераннахр [Массон, 1966, рис. 17, 22, 33]. Все они построены по единой планировочной схеме: большой центральный двор, окруженный каре стандартных помещений с индивидуальными входами.

На устюртских городищах мы наблюдаем принципиально отличающиеся планировочные решения. Городище Куланлы имеет нечто вроде кешка в центре крепостного сооружения со включенной в систему его стен высокой монолитной башней. По своему планировочному решению городище может быть сопоставлено с планировкой некоторых раннесредневековых замков Беркуткалинского оазиса, таких, например, как замки № 10, 11, 32, Кумбаскан-кала, Тешик-кала и ряд других [Толстов, 1948а, с. 137, № 139, рис. 77, 78, 79, 80, 81; Неразик, 1966, с. 138—143, рис. 40]. Это планиграфическое сходство некоторых

раннесредневековых построек оседлоземледельческого Хорезма и городища Куланлы уже отмечено Ю. П. Маныловым, тем не менее функционально определившим этот археологический объект в качестве караван-сарая [Манылов, 1978, с. 208].

С другой стороны, сходную планировку имеют, например, уйгурские «замки» VIII—IX вв., служившие, по мнению исследовавшего их Л. Р. Кызласова, центрами ремесла и торговли, местом, где стояли военные гарнизоны, убежищем в случае военной опасности для кочевого населения, жившего в юртах [Кызласов, 1969, с. 61—63, рис. 11].

Планировка таких устюртских городищ, как Айбуйир-кала Малая и Аджибай, сопоставима с другим типом сельских усадеб раннесредневекового Хорезма, так называемых «усадеб без донжона», представляющих единый массив помещений под одной крышей, разделенных коридором на две половины с секционной планировкой и выходящим в хлев-сенсхану. Типичным образцом усадеб с подобной планировкой являются замки № 28 и № 136 раннесредневекового Беркут-калинского оазиса [Неразик, 1966, рис. 40, 43].

Таким образом, в планировочном отношении городища Куланлы, Малый Айбуйир и Аджибай никоим образом не сопоставимы с традиционной планировкой караван-сараяв.

При раскопках этих городищ в комплексе с хорезмийской станковой керамикой IX—XI вв. была обнаружена лепная керамика явно нехорезмийского происхождения [Манылов, 1978, рис. 70, 11, 14, 15; рис. 71, 12; рис. 82, 7, 8, 12, 14], имеющая определенную близость к печенежско-торчешской керамике IX—X вв. из курганов и городищ южнорусских степей. Данный факт достаточно определенно свидетельствует о наличии на этих городищах нехорезмийского населения, которое в конкретных исторических условиях Арало-Каспийского Междуморья IX—X вв. могло быть только огузским [Плетнева, 1958, рис. 3; Степи Евразии, 1981, табл. 82, 27, 28, 29, 30, 31].

Для понимания интересующих нас городищ определенный интерес представляет сообщение ал-Идриси. «У них (огузов,— Я. В.) неприступные горы (возможно, чинки Устюрта,— Я. В.), и у них там укрепленные крепости, в которых укрываются их князья, и в которых они хранят свои запасы продовольствия. Там есть люди (назначенные) князьями, которые охраняют эту землю» [МИТТ, 1939, с. 220]. Цель городищ и башен на Восточном чинке Устюрта и могла быть крепостями в горах — ставками огузских племенных вождей. Башни этого времени сооружались как опознавательные знаки, обозначавшие спуски с плато, места расположения городищ, места зимовки внизу под чинком и т. п. Интересно заметить, что в недавнем прошлом высокими каменными турами скотоводы отмечали трассы перекочевков, места расположения пастбищ, удобные спуски с плато и т. д.

Система взаимодействия кочевых огузов и оседло-земледельческого Хорезма, а если рассматривать ее шире, то вообще проблема взаимоотношений оседло-земледельческих цивилизаций и мира кочевых степей, чрезвычайно сложна и неоднозначна. Это отмечал еще В. В. Бартольд, писавший: «Помимо торговых целей и набегов, кочевники искали в пограничных культурных землях удобных мест для зимовок, обращаясь иногда с соответствующими просьбами к государям и наместникам. Приход кочевников на зимовку часто соединялся с грабежами и заставлял местные правительства принимать меры предосторожности» [Бартольд, 1963 б, с. 243—244]. Между тем в литературе иногда отмечена тенденция некоторого обеднения этого сложного процесса, когда гипертрофируется лишь одна из сторон в сложной системе взаимосвязей и взаимоотношений.

Многочисленные свидетельства источников о непрерывных войнах гузов с оседло-земледельческими государствами породили представ-

ление об этих отношениях как о бесконечном военном противостоянии. Так, Истахри свидетельствует: «Все границы Мавераннихра — место военных действий от Хорезма до окрестностей Исфиджаба с тюрками-гузами» [МИТТ, 1939, с. 178]. Однако тот же Истахри сообщает о том, что «... мясо привозится к ним (в Мавераннихр) от гузов и карлуков и из окрестных мест в количестве большем чем нужно им» (МИТТ, 1939, с. 178). Описывая восточные границы Хорезма, Истахри отмечает, что за Халиджаном на берегу Аральского моря — земля гузов, «... в мирное время (разрядка моя.— Я. В.) они приходят с этой стороны в селение Баритегин, а с другой стороны в Джурджанию, оба они — пограничные крепости» [МИТТ, 1939, с. 179—180].

Комментируя описание ал-Бируни хорезмийского праздника выхода царя — «Фагбурья», проводившегося осенью, когда наступали холода, С. П. Толстов пишет: «Война с огузами — это явление повседневного быта хорезмийцев X в.— закрепляется традиционными обычаями и даже обрядами. Бируни описывает хорезмийский праздник Фагбурья — «выход царя», справлявшийся с наступлением осенних холодов, когда царь Хорезма выступал из своей резиденции в традиционную зимнюю кампанию против огузов, отбрасывая их от своих границ» [Толстов, 1948 б, с. 244].

В свете новых археологических данных мы, вероятно, должны несколько скорректировать это толкование. Гузы, обитавшие на Южном Урале, Нижнем Поволжье и Устюрте, являлись, вероятно, единым этнокультурным и хозяйственно-экономическим целым, представляя собой общество кочевников-скотоводов, сезонно передвигавшихся со своими стадами по меридиональным путям кочевания. Зимовки располагались на чинке и под чинком Устюрта, где кочевники зимовали, используя обширные заросли камыша в дельтовых районах. В местах зимовки располагались укрепленные резиденции вождей огузских племен (Куланды, М. Айбуйир, Аджибай), а также хорезмийские пограничные города, экономика которых в основном ориентировалась на торговый обмен с гузами. Естественно, что подобная трактовка имеющихся данных несколько меняет сложившееся одностороннее представление о взаимоотношениях Хорезма и гузов как о непрерывном военном противостоянии. Реально существовала система связей, где находили место и регулярные экономические взаимоотношения, и военное противостояние. Осенний выход хорезмийских царей означал, видимо, что Хорезм во время массовых подкочевок огузов к своим границам и периода наиболее активных связей брал под свой контроль всю ситуацию на своих северо-западных границах. Военные конфликты сменялись мирными периодами.

Исследователи отмечают, что в X в. отношения между степью и оазисом, развивавшиеся в предшествующие века на путях военной гегемонии степных держав над своими оседлыми данниками, стабилизируются и получают новое развитие. Степной аристократ появляется в городах не в качестве завоевателя, а в качестве мирного купца, что стимулирует скотоводство и, видимо, массовую охоту с использованием стреловидных планировок, носивших уже в определенной степени товарный характер и ориентированных на обмен. Кочевые пути выходят непосредственно на границы Хорезма. Здесь степные владетели строят свои укрепленные резиденции, сигнальными башнями обозначают подъемы на плато, места расположения резиденций, огузы, как это можно понять из описаний Ибн-Фадлана, служат проводниками для торговых караванов, идущих через Устюрт.

Хорезм со своей стороны также проявляет большую заинтересованность в торговом обмене с огузской степью. На развалинах античного города на хорезмийско-огузском пограничье возникает поселение Баратегин, специализировавшееся на торговле с гузами. Крупнейшим

центром торговли, местом, куда стекались огузские товары, становится Гургандж. Вдоль всей линии хорезмийско-огузского пограничья идет перманентный процесс оседания части кочевников, принимающих ислам. В могильниках, расположенных здесь, появляется погребения с синкретическим погребальным обрядом, сочетающим исламские и языческие элементы. Строители из Хорезма, несомненно, участвуют в строительстве резиденций и усадеб кочевой аристократии.

В этих условиях охота с помощью стреловидных планировок приобретает массовый характер, далеко выходящий за рамки удовлетворения собственных потребностей, ее продукты становятся предметом торговли и вывозятся на рынки Баратегиша и Гурганджа.

Период XII—XIV вв. В XI в. в Приаралье огузское население сменяется кипчаками. В этот период мы застаем кипчаков на Мангышлаке [Агаджанов, 1969, с. 247]. Бейхаки сообщает о появлении кипчакских племен на границах Хорезма в 30-е годы XI в. [Бейхаки, 1962, с. 104]. Имеющиеся в источниках сведения показывают, что уже в XI в. при хорезмшахе Атсызе кипчаки попадают в политическую зависимость от Хорезма. История домонгольского Хорезма в значительной степени связана с взаимоотношениями с кипчаками. Хорезмшахи совершали завоевательные походы в кипчакские земли, кипчаки находились на военной службе у хорезмшахов, между хорезмшахами и кипчакскими ханами заключались династические браки, развивались отношения в экономической области, продолжался традиционный для Хорезма торгово-экономический обмен с кочевым населением скотоводческой периферии.

Кипчакские племена в домонгольское время объединялись в непрочное этнополитическое образование типа конфедерации, характеризующейся общими чертами материальной культуры и стоящих на одном уровне общественного развития.

По сведениям китайских источников, кипчаки расселялись в местности Юйлиболи и имели правящую династию с ханами во главе [Кычанов, 1963, с. 62]. Исследователи установили, что Юйлиболи — место расселения кипчаков — локализуется на Южном Приуралье и в Северо-Западном Казахстане, а Юйлиболи является китайской передачей этнонима Илбары — названия племени, известного в восточных источниках в форме Элбули (Иби-Халдун) или Ольбурлик (Рашид-ад-Дин) [Ахинжанов, 1973, с. 61, прим. 8], к которому принадлежала правящая династия кипчакских ханов [Ахинжанов, 1973, с. 61, прим. 8]. В. А. Иванов и В. А. Кригер полагают, что местность Юйлиболи совпадает с ареалом восточной группы курганов кипчакского времени Южного Приуралья.

Сравнительный анализ, проведенный выше, когда речь шла о погребальном обряде, позволил установить, что по всем основным признакам погребальный обряд и вещевой комплекс устюртских курганов XII—XIV вв. практически полностью совпадают с погребальным обрядом и вещевым комплексом восточной группы курганов Южного Приуралья. Вероятно, это было единое население, кочевья которого находились на обширных пространствах от Южного Урала до северо-западных границ Хорезма. Следовательно, данные источников о Юйлиболи имеют прямое отношение к этнической истории Арало-Каспийского Междуморья, а кипчаки являются ведущим этнокомпонентом, определяющим этнокультурную обстановку в этом районе.

Выше уже отмечалось, что на Устюрте известно 15 погребений нескольких типов XII—XIV вв. (табл. 1). Из них к домонгольскому периоду относится лишь один курган, а основная масса — к золотордынскому периоду. Причем большая часть этих курганов сосредоточена в районе Юго-Восточного Устюрта вместе с зафиксированными здесь остатками зимовок и хозяйственных сооружений в виде загонов

для скота. В этом же районе Устюрта находятся и синхронные стреловидные планировки, входящие в Айбуйирско-Присарыкамышскую группу.

В это же время в Дештикипчаке, лежащем к северу от Устюрта, мы наблюдаем аналогичные по типу, составу инвентаря и погребальному обряду курганы, но более многочисленные и рассеянные не одиночно, а образующие более или менее значительные могильники (Иванов, 1984). Видимо, здесь находилась основная территория расселения кипчакских племен. В этом случае немногочисленные курганы Устюрта можно рассматривать как свидетельство временного пребывания на Устюрте небольших групп кипчаков. Одной из целей их появления здесь могла быть охота на местах зимнего скопления копытных при помощи облав с использованием стационарных охотничьих сооружений.

Таблица 1

Распределение типов погребений Устюрта кипчакского времени по хронологическим периодам

Тип по Г. А. Федорову- Давыдову	Период		
	домонгольский. XII— начало XIII в.	золотоордынский, язы- ческий, вторая полови- на XIII—XIV в.	золотоордынский, мус- ульманский, вторая по- ловина XIV в.
A I	1	7	—
A II	—	—	1
A:V	—	—	1
A VII:1	—	—	2
B I	—	1	—
B II	—	1	—
D IV	—	1	—
	1	10	4

Принимая во внимание территориальное единство курганов кипчаков и упомянутых выше остатков зимовок и загонов для скота, можно полагать, что они также оставлены племенами кипчаков, прикочевывавших к зиме на северо-западные границы Хорезма.

По чинку Юго-Восточного Устюрта расположены городища, грунтовые могильники и сигнальные башни XII — начала XIII в.: Хантерсек (Ербурун-кала), городище и грунтовый могильник; Куланлы, городище (верхний слой) и грунтовый могильник; Малая Айбуйир-кала, городище (верхний слой); Саксаулсай-кала, городище; Караумбет, городище (верхний слой) и могильник; Кыяжол 1, 2, городища; Урга, городище, верхний слой; Аджибай, городище (верхний слой); Курганча, городище (нижний слой).

В керамических комплексах всех этих городищ, наряду с хорошо известными формами хорезмшахской станковой керамики, обнаружена лепная керамика явно нехорезмийского происхождения. В конкретной этнокультурной ситуации домонгольского времени в Арало-Каспийском Междуморье она может быть только кипчакской, что дает основание предполагать наличие кипчакского элемента среди населения этих городищ. Надо полагать, что функционально вся эта цепь городищ на северо-западных границах домонгольского Хорезма принципиально не отличалась от более ранних огузских городищ, располагавшихся здесь. Видимо, и в том, и в другом случае здесь проходила своеобразная буферная зона между Хорезмом и кипчаками со смешанным населением. Здесь же располагались зимовья кочевников-кипчаков, здесь происходил торговый обмен. Не случайно в этот период под чинком Устюрта возникают хорезмийские поселения, подобные городищу Шибинды, экономика которых была целиком ориентирована

на обмен с кочевниками. Кипчаки, оседавшие в этой буферной зоне, попадали под сильное культурное воздействие Хорезма. Почти при всех городищах имеются мусульманские могильники, сохраняющие элементы языческой, доисламской погребальной обрядности.

Кочевая часть кипчаков оставалась язычниками, и ислам начинает проникать к ним только во второй половине XIV в. По наблюдениям исследователей, на Южном Урале в этот период появляются в погребальном обряде новые элементы, среди которых отмечаются и «...надмогильные сооружения в виде прямоугольных каменных или кирпичных оградок вокруг могилы, сооруженных на уровне древнего горизонта» (Урга-Буртя, кург. 3, 4; Лебедевка VIII, кург. 1, 5; Федоровка, кург. 1) (рис. 18, 8, 12, 13) [Иванов, Кригер, 1988, с. 53, 54]. Появление этих новых элементов при сохранении ряда традиционных: курганная насыпь, тризна — свидетельствуют, с одной стороны, о проникновении в кочевую среду ислама, а с другой — об этнокультурной стабильности кочевых племен Южного Урала и Устюрта в рассматриваемый период.

Со второй половины XIV в. погребальный обряд у кочевников Южного Приуралья в значительной степени унифицируется. Абсолютно преобладают (90,8%) погребения отдела А, преимущественно тип А 1 (75%). Сохраняются, но незначительно, погребения типа Д 1 (9,2%) [Иванов, Кригер, 1988, с. 52].

Во второй половине XIV в., как полагают, вследствие широкого проникновения ислама в среду южноуральских кочевников, из обряда исчезают такие языческие признаки, как наборы, более или менее многочисленные, погребального инвентаря, остатки заупокойных тризн, захоронения коней в одной могиле с погребенным и т. п. В качестве пережитков сохраняются курганные насыпи, деревянные конструкции (перекрытия, гробы), уступы (заплечики) вдоль длинных стенок могил [Иванов, Кригер, 1988, с. 52—53].

Те же процессы мы наблюдаем и на Устюрте. Почти безынвентарный курган 5а в курганной группе Жарынкудук-4, могильные ямы с заплечиками (курган 3 в курганной группе Урга [Ягодин, 1978], курган 5б в курганной группе Жарынкудук-4). В условиях безлесного Устюрта деревянные перекрытия сменяются каменными, а деревянные гробы — каменными ящиками, хотя среди погребений отмечены и случаи нахождения деревянных гробов-рам (курганная группа Казган-5, курган № 2). Значение в данном случае имел лишь факт перекрытия ям, а выбор материала определялся конкретными сырьевыми возможностями того или иного района.

В безынвентарных курганах Устюрта отсутствие инвентаря, ориентация на Кыблу свидетельствуют о мусульманском характере погребений. Вместе с тем сохраняются такие яркие элементы языческой погребальной обрядности, как наличие курганной насыпи, каменная выкладка на горизонте под насыпью и т. п.

Иначе говоря, перед нами кочевнические исламизированные погребения, синкретические по обряду. Синкретизм погребальной обрядности у средневекового населения на северо-западных рубежах Хорезма уже отмечен исследованиями наших сотрудников [Маньков, 1978, с. 240].

Исламизацию кипчакского кочевого населения юга Восточной Европы и Южного Приуралья, сопровождающуюся появлением курганов с чертами как языческого, так и мусульманского погребального обряда, исследователи относят ко второй половине XIV в. [Иванов, Кригер, 1988, с. 52 и сл.]. На северо-западной окраине Хорезма в среде оседающего огузо-кипчакского населения этот процесс, как мы видели, начался намного раньше. Однако в собственно кипчакскую коче-

вую среду ислам на Устюрте, так же, как и в других районах кипчакского ареала, проникает лишь во второй половине XIV в.

Несколько иную этническую ситуацию мы имеем на Западном чинке Устюрта и на Мангышлаке. Исследованиями С. П. Полякова установлено наличие на Мангышлаке большого количества средневековых бескурганых могильников с различными типами намогильных сооружений. Основываясь на сведениях письменных источников и изучении средневековых могильников, С. П. Поляков выявил картину средневекового расселения и передвижений туркменских племен в Восточном Прикаспии для периодов XI—XIII вв., XIV—XV вв. и XVI—XVII вв. [Поляков, 1973, с. 129, карты-схемы № 1, 2, 3].

Кендырлисорская группа стреловидных планировок примыкает с востока к районам расселения средневековых туркменских племен на Мангышлаке. Выше мы попытались датировать ее XIV в. с возможным удревнением даты до XIII в. В этот период на Мангышлаке расселяются туркменские племена салоров, имур, афшаров и кызык [Поляков, 1973, с. 131, карта-схема № 2]. Наши археолого-топографические изыскания на Западном чинке Устюрта, в районах, прилегающих к Мангышлаку, не выявили других средневековых археологических объектов, кроме стреловидных планировок. Однако на самих стреловидных планировках, а также на каменных турах в районе их расположения обнаружен ряд тамг, представляющих значительный интерес в плане разработки вопроса об этнической принадлежности Кендырлисорской группы стреловидных планировок. Знак-тамга в виде круга с длинной прямой линией, отходящей вниз, обнаружен, как уже отмечалось выше, на одной из плит в каменной кладке стреловидной планировки Карамая-8.

В полевой сезон 1989 г. в районе расположения Кендырлисорской группы стреловидных планировок нами исследовался курган раннежелезного века Кугусем-4. На вершине кургана находился каменный тур из камней, снятых с насыпи кургана. У основания тура была установлена плоская каменная плита с тамгой типа «круг с прямой линией», аналогичная обнаруженной на стреловидной планировке Карамая-8. При разборке тура на одной из плит была обнаружена также тамга типа «казаяк». Аналогичная тамга неоднократно отмечена в кучках камней (вероятно, развалившихся туров) на территории курганного могильника Карамола-1, находящегося в том же районе.

Как мы уже отмечали, совместные находки этих двух тамг обычны на средневековых могильниках Мангышлака. По данным письменных источников и этнографическим материалам, тамга «казаяк» принадлежит салорам — одному из племен средневековых туркмен [МИИТ, 1939, с. 309; Рашид-ад-Дин, 1952, с. 89; Кононов, 1958, с. 53]. Салорам же Мангышлака принадлежат и погребения с намогильниками типа «рогатая» пирамидка [Поляков, 1973, с. 122], на которых и отмечены интересующие нас тамги.

В свое время было высказано мнение, что тамги, приведенные у Махмуда Кашгарского, Рашид-ад-Дина, Абу-л-Гази, являются огузотуркменскими племенными знаками [Карпов, 1929; Карпов, 1945]. Современные исследователи придерживаются той точки зрения, что туркменские племена имели не одну, а несколько тамг по числу их подразделений [Марков, 1961; Поляков, 1973, с. 125], ссылаясь при этом на широкий круг этнографических параллелей у многих скотоводческих народов [Мейер, 1865; Гродеков, 1889; Харузин, 1889; Соколов, 1904; Шмидт, 1927]. Таким образом, наличие тамги на стреловидной планировке может свидетельствовать о принадлежности одному из племенных подразделений салоров XIII—XIV вв. Туры же с тамгами являлись, вероятно, знаками собственности на пастбищную или охотничью территорию.

Глава VI

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТРЕЛОВИДНЫХ ПЛАНИРОВОК И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Охота занимала одно из важнейших мест в экономике первобытных обществ. С появлением производящих форм хозяйства, таких как земледелие и скотоводство, роль охоты как формы хозяйства падает. В условиях классового общества роль охоты в экономике невелика. Но в некоторых районах, там, где земледелие было невозможным из-за природных условий, охота как форма хозяйства сохраняла свое доминирующее положение и в условиях классового общества. В районах, подобных Устюрту, со специфическим сочетанием природных факторов, важная экономическая роль охоты сохранялась очень долго, доживая вплоть до этнографической современности.

Для истории охоты как отрасли экономики чрезвычайно важно исследование материалов, происходящих из этих, не знающих земледелия, районов и, в частности в данном конкретном случае, материалов по истории охоты на равнинах Арало-Каспийского Междуморья. Археологические данные, имеющиеся в нашем распоряжении, односторонни и ограничены и могут быть должным образом поняты лишь в сопоставлении с этнографическими материалами, более поздними в хронологическом и стадийном отношении. Естественно, что особый интерес представляют материалы о традиционных формах охоты у народов, обитавших в пустынях умеренного пояса Евразии до того, как они были утрачены в результате воздействия современной цивилизации.

Следует сразу же отметить, что при огромных масштабах устюртских стреловидных планировок охота с их применением носила в определенной степени промысловый, товарный характер. Ее продукты в какой-то части должны были использоваться для торгового обмена. Несмотря на то, что по природе своей она является присваивающей и в качестве таковой характерна для первобытнообщинной общественно-экономической формации, промысловая охота с применением стреловидных планировок в качестве отрасли товарного хозяйства уже далеко ушла от первобытной и могла существовать лишь в условиях классового общества. Мясо, шкуры и рога добывались в таком количестве, что не могли потребляться сравнительно немногочисленными общинами кочевых скотоводов-охотников Устюрта и должны были идти на обмен.

Охота за диким зверем требует всякого рода технических приспособлений и различных форм организации самого процесса охоты. Выше мы уже проанализировали стреловидные планировки как специфические охотничьи сооружения. Мы установили также, что охотничья деятельность в условиях плато Устюрт была направлена на добычу диких копытных: кулана, сайгака, джейрана и устюртского ба-

рана. Поэтому важно обобщить сведения о количестве добываемых животных, способах их утилизации и основных направлениях использования полученной в результате охоты добычи и первичной переработки продукта.

Кулан. По сведениям участника экспедиции 1825—1826 гг. В. Д. Вольховского и А. О. Дюгамеля, добытые на Устюрте куланы использовались многосторонне: мясо употреблялось в пищу. «Кожа их (куланов,— Я. В.) продается в Конраде по три рубля за штуку. Из задней части выделяется шагрин или видом похожая на рыбную чешую зеленая кожа, употребляемая в Бухарии и Хиве на деланне туфель. Киргизцы употребляют также шкуру кулана как целительное лекарство в желтухе, застарелом отягчении желудка, давлении живота, худом варении желудка и отягчении печени» [Первые русские..., 1963, документ № 18, с. 148].

По свидетельству М. А. Леваневского, «мясо (куланов.— Я. В.) идет в пищу, а шкура продается обыкновенно хивинцам» [Леваневский, 1894, с. 123]. К XVIII в. относятся сведения о куланах, обитавших «... в Заяицкой степи, около р. Сарысу, а иногда и по Эмбе»: сообщается, что они «... ходят великими табунами, так что по тысяче и более случается, киргизцы стреляют их употребляя себе в пищу» [Рычков, 1762, с. 291].

Кулан являлся ценным промысловым животным уже в силу своих крупных размеров. Вес взрослого кулана достигает 250—300 кг [Соломатин, 1973, с. 71]. Повсюду, где кулан был многочислен, он являлся важным объектом охотничьего промысла. Очень высоко ценились мясо и шкура, ради которых и охотились на это животное [Паллас, 1780; Эверсманн, 1850; Radde, Walter, 1889; Герн, 1891; Рубруквис, 1911; Lattimore, 1929].

В Китае и Монголии мясо кулана применялось в качестве специи для приготовления некоторых мясных блюд [Lattimore, 1929]. Шкуры использовались для изготовления цветного сафьяна [Паллас, 1780; Эверсманн, 1850], моельных ковриков и дох [Паллас, 1780; Никольский, 1885; Lattimore, 1920], сбруйных ремней [Герн, 1891].

Широко использовались части туши и внутренности кулана в практике народной медицины. Печень использовали для лечения катаракты глаз, вообще считалось, что она способна возвращать человеку зрение [Паллас, 1780]. Целебные свойства приписывались куланьему жиру, считали, что с его помощью можно лечить туберкулез, ревматизм, бесплодие и многие другие заболевания [Гептнер, 1948].

А. О. Соломатин считает, основываясь на факте о том, что кулан был священным животным и приносился в жертву богу Аресу, что именно представление о кулане как о священном животном, наделенном чудодейственными свойствами, лежало в основе представлений о целительных свойствах, связанных с ним [Соломатин, 1973, с. 128].

«Кулан считается у киргизов одним из самых ценных и любимых охотничьих трофеев, т. к., кроме удовольствия, охота на куланов и выгодна. Мясо кулана считается у кочевников самым лакомым блюдом и ценится очень высоко: так, туша стоит до 15 руб. Из кожи выделывают ергаки, а снятая с крупа и бедер продается отдельно торговцам для выделки сафьяна. Кроме того, куланья кожа идет на «жай-намаз» и заменяет собой молитвенный коверик» [Степняк, 1896, с. 73; Полфоров, 1896, с. 60].

«Кочующие народы часто охотятся за дикими ослами. Мясо их они употребляют в пищу, а шкуры иногда продают в пограничных крепостях, а более отправляют их в Китай и Бухарию, где они идут на приготовление зеленых шагреновых кож, из которых шьют башмаки или галоши, носимые всегда бухарцами и хивинцами...» [Эверсманн, 1850, с. 231].

Современные исследователи пишут: «Мясо кулана считали изысканным блюдом, считалось, особенно жир, лечебным. Высоко ценилась шкура. мех с брюха шел на зимнюю одежду, из кожи выделяли дорогой сафьян цветной для обуви и седел» [Гептнер, Насимович, Банников, 1961, с. 712].

Авторы XVIII—XIX вв. отмечают, что огромные скопления куланов «... ходят великими табунами, так что по тысяче и более случается...» [Рычков, 1762, с. 291]. Многочисленные стада куланов видел А. Вамберн на крайнем юге Устюрта, на Каплангыре, которые он и его спутники приняли первоначально за наступающую конницу [Вамберн, 1867]. У нас нет непосредственных данных относительно количества куланов, добываемых способом «аран», однако, исходя из названной величины куланьих стад, можно полагать, что добывалось большое количество этих животных, а не единичные особи.

Сайгак. Был объектом коллективной охоты, рога сайгаков в XVIII в. вывозились в Китай и продавались по высокой цене [Паллас, 1788]. О размерах вывоза можно судить по сведениям Небольсина, согласно которым в период с 1840 по 1850 г. бухарские и хивинские купцы вывезли и продали в Китае 344 747 пар рогов сайгаков [Небольсин, 1855]. В данном случае имеются в виду только самцы, общее количество добытых животных по крайней мере вдвое больше, т. е. округленно около 700 тыс. По данным Силантьева, в России в начале XIX в. добывались сотни тысяч сайгаков только за один год. Он сообщает, что охота на сайгаков способом «аран» «... имеет промысловое значение. Киргизы отправляются артелью в глубь степей с кадками и солью, мясо убитых животных тут же солят и везут на продажу. Количество добываемых сайгаков измерялось сотнями тысяч в год» [Силантьев, 1898, с. 363—364].

Продукция, получаемая от сайгаков, состояла из мяса очень высокого качества, кожи, из которой изготавливали хром, и рогов. Рога шли на экспорт в Китай, где из них готовили тонизирующие лечебные препараты.

Охота с использованием стационарных охотничьих устройств как на путях сезонных миграций, так и в местах зимних скоплений могла быть только коллективной. Коллективных усилий требовала и сама постройка стреловидных планировок, отдельных, а тем более систем. Коллективная охота доставляла большое количество продукции, которая намного превышала ежедневные потребности коллектива и требовала умения заготавливать мясо впрок, консервировать его. Все это тоже требовало коллективных усилий.

В периоды, когда приходило время коллективной охоты на большие стада мигрирующих животных, самоеды, например, в тундровой зоне, во многом сопоставимой с пустыней, собирались вместе «на одном месте во множестве» [Паллас, 1788, с. 94—98]. М. Ф. Косарев полагает, что в этом случае в производственный коллектив объединялось несколько семей. При поколках, представляющих в определенной смысле аналогию (по способу охоты) Североустюртской системе стреловидных планировок, мы наблюдаем именно такие объединения.

Мы не имеем прямых данных о социальном строе скотоводческого населения, кочевавшего по Устюрту в древности и средневековье. Экологически обусловленная традиционность хозяйства предполагала такую же традиционность форм социального устройства, в связи с чем для реконструкции социального уклада древних и средневековых кочевников на Устюрте особую значимость приобретает этнографическая информация. Основываясь на ней, мы можем предполагать, что со времени формирования кочевого скотоводческого хозяйства у кочевников Устюрта патриархальный отцовский род являлся основной социальной ячейкой. Археологические данные свидетельствуют о том, что

на огромных пространствах плато кочевали немногочисленные, но хозяйственно самостоятельные семейные коллективы. В них существовало разделение мужского и женского труда. Мужчины заботились о пропитании и охотничьей добыче. Обработка добычи и забота о детях лежала на женской части коллектива. Надо полагать, что именно таким семейно-родовым коллективам принадлежала каждая отдельная стреловидная планировка, входившая в Североустюртскую систему. Однако в связи с массовостью такой охоты для участия в ней объединялось несколько подобных семейно-хозяйственных коллективов, из которых на сезон охоты и, видимо, на период строительства формировалась производственная община.

Подобно тому, как, по мнению многих исследователей, «... численность и структура социальной организации сибирских тундровых аборигенов издревле определялась условиями и нуждами коллективной охоты — прежде всего сезонных промыслов оленей на переправах через реки» [Долгих, 1960, с. 169; Хлобыстин, 1972, с. 32; Симченко, 1976, с. 185—189; Косарев, 1984, с. 141], так и на Устюрте численность и структура социальной организации кочевников, использовавших стреловидные планировки, определялись условиями и нуждами коллективной охоты и, прежде всего, охоты на куланов и сайгаков на путях миграций, а также в местах сезонных скоплений.

Н. Н. Чебоксаров отнес охоту к числу характерных черт хозяйственно-культурного типа кочевников-скотоводов засушливой зоны умеренного пояса Евразии [Чебоксаров, 1965, с. 103]. Вся сумма проанализированного выше материала позволяет нам достаточно обоснованно отнести древнее и средневековое население Устюрта, как, впрочем, и население нового времени, к этому же хозяйственно-культурному типу кочевников-скотоводов засушливой зоны умеренного пояса [общую характеристику см. Андрианов, 1962, с. 32 и сл.].

Рассмотрим вопросы хозяйственного использования стреловидных планировок и связанных с ними форм социальной организации по выделенным нами периодам в Арало-Каспийском Междуморье.

1) Вторая половина I тыс. до н. э. — период культуры погребений на горизонте.

2) III—IV вв. н. э. — период сармато-аланский.

Мы располагаем крайне ограниченным материалом для анализа по данным периодам и можем лишь фиксировать сам факт использования стреловидных планировок в это время.

VII—VIII вв. — период джетысарско-кердерский. Характеризуя джетысарскую культуру в палеоэкономическом отношении, исследователи относят ее к хозяйственно-культурному типу (ХКТ) полуседлых земледельцев и скотоводов [Толстов, 1947 а, с. 57—70], для которых было свойственно комплексное хозяйство, сочетавшее нерегулярное поливное, каирное и лиманное земледелие [Андрианов, 1969, с. 202—205], пустынное пастбищное скотоводство, а иногда и рыболовство [Жданко, 1961, с. 60—61]. Вместе с тем, некоторые исследователи отмечают, что в систему палеоэкономики джетысарского общества входила и охота [Левина, 1971, с. 10].

Информацию об охоте как форме хозяйства в экономике населения джетысарско-кердерской культуры позволяет получить анализ субфоссиальной фауны из раскопок кердерских городищ и джетысарско-кердерских святилищ Устюрта. Эти материалы уже достаточно подробно публиковались и анализировались [Батыров, Батиров, 1981; 1986; Ягодин, 1986], поэтому ограничимся в данном случае обобщенными данными.

Кердерскую культуру наиболее полно характеризуют материалы раскопок поселения Курганча. Среди прочих материалов здесь была получена и представительная остеологическая коллекция, позволя-

шая установить, что охота играла значительную роль в экономике Кердера. Подсчет по количеству особей показал, что 24,2% из числа определенных принадлежали диким видам:

Животные	Кости		Особь	
	абс.	%	абс.	%
Домашние	6400	88,6	834	75,8
Дикие	827	11,4	265	24,2
	7227	100,0	1099	100,0

Проведенный анализ позволил также установить видовой состав добывавшихся жителями поселения диких животных (табл. 2). Так, среди добывавшихся животных почти половину (45,6%) составляли куланы и джейраны, массово добывавшиеся коллективными способа-

Таблица 2

Видовой состав диких животных и межвидовые соотношения.
Кердерское поселение Курганча.

Вид животного	Количество костей	Количество особей	Процент
Кулан	298	51	19,2
Джейран	137	70	26,4
Олень	123	37	14,0
Кабан	108	30	11,3
Волк	66	30	11,3
Заяц	16	12	4,6
Лисица	11	6	2,3
Шакал	6	1	0,4
Крупные кошачьи	6	3	1,1
Птицы	29	17	6,4
Песчанки	4	3	1,1
Курица	1	1	0,4
Крыса	4	3	1,1
Дикобраз	18	1	0,4
Всего	827	265	100,0
Черепаха	1236	99	

ми охоты с использованием стационарных охотничьих сооружений. Существовала также охота индивидуальная, мясного направления (кабан, олень) — 12,7% и пушного (волк, шакал, заяц, лисица, куница, кошачьи) — 19,0%.

Интересно заметить, что в культурных слоях Курганчи отмечено большое количество костей черепах, явно употреблявшихся в пищу. Этот факт может свидетельствовать о сохранении у кердерского населения или у его части такой архаической формы хозяйственной деятельности, как собирательство.

О весьма значительном удельном весе охоты в хозяйстве джеты-асарско-кердерских племен на Устюрте свидетельствуют данные о соотношении между домашними и дикими видами животных (святилище Сумбетымералан-Куркреук):

Животные	Кости		Особь	
	абс.	%	абс.	%
Домашние	1001	43,4	55	43,7
Дикие	1305	56,6	71	56,3
	2306	100,0	126	100,0

В фаунистическом комплексе святилища дикие животные по количеству особей составляют более половины.

Анализируя таблицу 3, можно заключить, что охота джетысарско-кердерских племен на Устюрте носила по преимуществу коллективный характер с использованием стационарных охотничьих устройств. Удельный вес добытых таким образом животных по материалам святилища Сумбетымералан-Куркреук составляет 60,6%.

Интересно отметить, что среди фаунистических остатков найдены и довольно многочисленные кости черепахи. Она, несомненно, употреблялась в пищу. Вряд ли ее надо рассматривать как объект охоты, скорее — как объект такого архаического вида хозяйственной деятельности, как собирательство.

Как неоднократно отмечалось в литературе, для общественной и семейно-бытовой жизни племен, принадлежавших к хозяйственно-

Таблица 3

Соотношение между видами диких животных.
Святилище Сумбетымералан-Куркреук.

Вид животного	Кости		Особи	
	абс.	%	абс.	%
Кулан	981	80,0	28	39,4
Джейран	73	6,0	13	18,4
Лисица	70	5,7	11	15,5
Птицы	23	1,9	6	8,4
Куница	1	0,1	1	1,4
Кабан	12	1,0	3	4,3
Корсак	50	4,1	6	8,4
Баран	11	1,0	2	2,8
Суслик тонкопалый	3	0,2	1	1,4
	1224	100,0	71	100,0
Черепаха	81			

культурному типу полуоседлых земледельцев-скотоводов, было в значительной степени характерно устойчивое сохранение пережитков родового деления и патриархально-родового быта [Жданко, 1961, с. 57]. Именно такое общество и вырисовывается на основании исследований джетысарской и кердерской культур.

По существующим характеристикам это общество классовое, но вместе с тем в социальном отношении глубоко архаическое, устойчиво сохраняющее в своей структуре мощный пласт патриархальных общинно-родовых традиций [Толстов, 1948 б, с. 135—136].

Как позволили установить наши исследования, именно на III этапе развития джетысарской культуры ее носители появляются на Устюрте, оставляя здесь крайне ограниченный типологически круг сооружений: стреловидные планировки и святилища. Б. В. Андрианов и Л. М. Левина, основываясь на материалах обнаруженного и исследованного нами джетысарского святилища Сумбетымералан-Куркреук на Устюрте, полагают, что появление джетысарцев здесь связано с возросшим значением отгонного скотоводства в их хозяйстве [Андрианов, Левина, 1979, с. 96] и, следовательно, использованием джетысарскими племенами плато Устюрт в качестве территории для отгонных пастбищ.

Теперь, когда мы имеем более представительный материал по джетысарской культуре на Устюрте, этот вывод вряд ли может быть принят. Мы уже установили факт широкого распространения по территории плато систем стреловидных планировок, предназначенных, как это уже было обосновано, для массовой охоты на диких копытных. При тех данных, которыми мы располагаем об огромной производи-

тельности такой охоты, следует признать, что как форма хозяйства в своеобразных экологических условиях Арало-Каспийского Междуморья она оказывалась более эффективной, чем отгонное скотоводство.

Приведенные данные делают более фундированным предположение о том, что в экономике носителей джетысарской культуры, наряду со скотоводством, большой удельный вес занимала и такая присваивающая форма экономики, как охота.

Выше мы уже говорили о том, что Устюрт обладал весьма высоким охотничье-промысловым потенциалом. Здесь во время осенних миграций сосредотачивалось огромное количество диких копытных: куланов, сайгаков, джейранов. Большое количество этих животных скапливалось и на зимовках. Как показывает широкое распространение во времени и в пространстве стреловидных планировок, эти богатые охотничьи ресурсы весьма активно эксплуатировались, в том числе и носителями джетысарской, кердерской культур и культуры «болотных городищ».

Многочисленные примеры организации такого рода охоты мы находим в этнографии. У индейцев Калифорнии, например, несколько семей, составляющих население отдельной деревни, имели свою особую охотничью и рыболовную территорию, находившуюся в коллективной собственности. Отдельные семьи имели право владения в пределах этой территории на свои уголья для собирательства, «а также на места, где устроены приспособления для охоты на оленей» (выделено мною.— Я. В.). Эти уголья передавались по наследству [Кунов, 1929, с. 113].

Индейцы омаха, жившие в прериях, значительную часть средств к существованию добывали охотой на бизонов. С этой целью после завершения земледельческих работ вся деревня, за исключением немногих стариков, уходила на 6—8 недель в прерии. Охота была особым образом организована. Избирались ее руководители, строго разделялись производственные функции в охотничьем сообществе. Строго регламентировалось и распределение добычи. По завершении охотничьего сезона устраивалось традиционное празднество, после чего производственный коллектив, сформировавшийся для массовой охоты, возвращался домой [Кунов, 1929, с. 164].

Аналогичный порядок существовал и у индейцев пуэбло (Аризона и Новая Мексика). Осенью и зимой после завершения земледельческих работ небольшие партии индейцев отправлялись на охоту. Она велась массовыми облавами, в которых участвовали не только отдельные роды — жители одного селения, но часто в производственный коллектив объединялись несколько соседних пуэбло [Кунов, 1929, с. 201].

Во время охотничьих облав индейская охота разделялась на два крыла, каждое из которых возглавлял опытный руководитель — кацит [Аверкиева, 1970, с. 29—30].

Примеры организации такого рода охоты мы находим и у бурят: с глубокой древности у них известна коллективная охота под названием «зэгэтэ-аба». Ее поздние формы, отражавшие уже не производственную необходимость, а превратившиеся в праздничный ритуал, хорошо документированы в этнографической литературе [Хангалов, 1898]. Охота эта носила строго регламентированные формы организации с четким распределением функций между участниками, с ней были связаны и культовые обряды, и ритуалы [Хангалов, 1898, с. 1—17; Клеменц, Хангалов, 1910].

В «зэгэтэ-аба» участвовало все взрослое население нескольких родов, включая и женщин. Общее количество участников доходило до нескольких сот или даже тысяч человек. Охотой распоряжался выбранный управитель-галша. Непосредственно охотой руководили два че-

ловека, называвшиеся «газарша». Более низкую ступень в иерархии «зэгэтэ-аба» занимали захулы, количество которых зависело от общего количества участников коллективной охоты. В их обязанности входила расстановка охотников, пресечение всякого рода нарушений.

После оповещения участники охоты собирались в одном месте, которое называлось «тобши». Газарши делил участников «зэгэтэ-аба» на два отряда, располагавшихся по правую и левую сторону гарши, после чего они отправлялись в разные стороны по двум расходящимся из одного центра линиям. Замыкаясь, эти два крыла образовывали большой эллипс, в котором зверей, попавших внутрь, убивали копытами или стрелами. Вся добыча свозилась к тобши и здесь делилась. Здесь же производилось наказание нарушителей правил охоты. «Зэгэтэ-аба» была не только промысловой артелью, но и военным отрядом, облава часто превращалась в набег.

С коллективной охотой были связаны и религиозные обряды, и ритуалы. Светские и духовные функции совмещали руководители «зэгэтэ-аба». Перед ее началом происходило общественное моление с пожеланиями успеха предприятию. После совершались благодарственные обряды с жертвоприношениями [Хангалов, 1898, с. 1—17].

Сходные формы организации коллективной охоты отмечены у индейцев Северной Америки. Здесь охота играла одну из главных ролей в экономике и носила она общеплеменной характер. Исключением являлись тетон-дакоты и команчи, у которых летняя охота устраивалась отдельными общинами или группой общин.

Надо полагать, что сходные формы организации охоты мы можем предполагать и у джетыасарско-кердерских племен, использовавших пустынные пространства Арало-Каспийского Междуморья в качестве охотничьей территории. Охота, судя по ее размаху, должна была занимать весьма существенное место в экономической системе джетыасарской, кердерской культур и, вероятно, культуре «болотных городищ».

Наличие стационарных охотничьих сооружений уже само по себе свидетельствует о существовании определенной охотничьей территории, скорее всего племенной, используемой сообща. Система, в которую объединены отдельные планировки (Североустюртская система стреловидных планировок), достаточно определено об этом свидетельствует. В то же время отдельная планировка — собственность социальной группы более низкого ранга, возможно, отдельного рода. Особо следует сказать о наличии святилищ, бесспорно племенных, одному святилищу, вероятно, соответствовала одна племенная территория со всеми находящимися здесь стационарными охотничьими сооружениями.

Во всех приведенных нами этнографических примерах по завершении охот устраивались специальные празднества со своими обрядами и ритуалами. Святилище № 1 Дуаны, святилище Сумбетьмералан-Куркреук, святилище Жарынкудука свидетельствуют не только о существовании подобных празднеств у джетыасарцев, но и о том, что для их отправления создавались специальные (родовые? племенные?) святилища, видимо, по одному на тот район охоты, которым владела определенная группа племен — носителей джетыасарской и кердерской культур. Таким образом, о джетыасарской культуре на III этапе ее развития, так же как и о ранней кердерской культуре можно говорить не только как о скотоводческой, но и как об охотничье-скотоводческой, где охота находилась в рамках одного ХКТ вместе с земледелием и придомным и отгонным скотоводством.

Поскольку мы установили временный характер пребывания джетыасарско-кердерских племен на Устюрте, можно предполагать, что какие-то группы носителей этих культур периодически передвигались

сюда из основных районов расселения — низовьев Сырдарьи и Амударьи, вероятно, специально для охоты на диких копытных (рис. 64).

Мы уже установили, что джетысарско-кердерская культура связана главным образом со стреловидными планировками I типа, предназначенными для перехвата миграционных потоков копытных, когда двигалась целая географическая популяция. Для этого не нужны были специальные загоны животных. Однако охота требовала, во-первых, строительства стационарных охотничьих сооружений, во-вторых, — организации массового забоя и первичной переработки продуктов

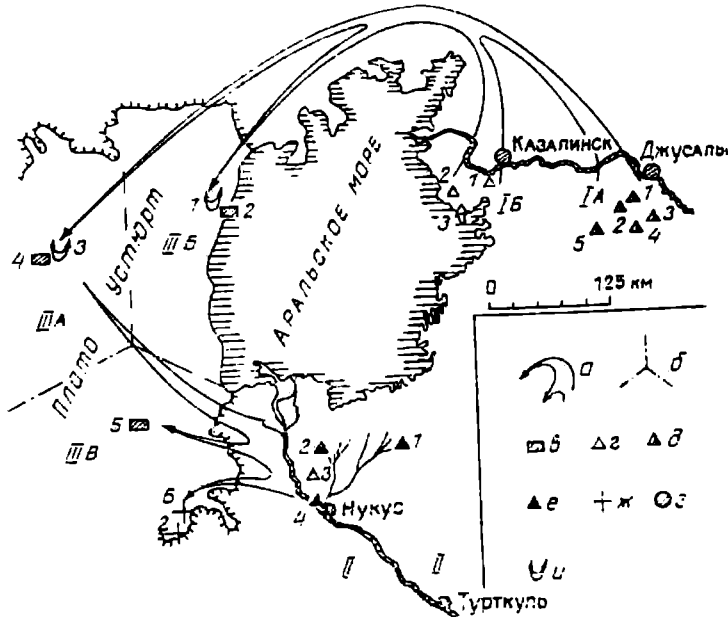

Рис. 64. Схема передвижений на Устьурт для сезонной охоты с использованием стреловидных планировок:

I — районы комплексного хозяйства земледельцев, скотоводов, охотников, рыболовов; I А — джетысарская культура: 1 — Рибенсай, 2 — Алтынасар, 3 — Қарасар, 4 — Жалпакасар, 5 — Томпакасар; I Б — культура «болотных городищ»: 1 — Джалкент, 2 — Кескея-Куюк-кала, 3 — Куюк-кала; I В — кердерская культура: 1 — Курганча, 2 — Куюк-кала, 3 — Халваи-кала, 4 — Ток-кала; II — оседлые земледельцы; III, А, Б, В — охотничьи территории населения джетысарской, кердерской культур и культуры «болотных городищ»: а — направление передвижения к охотничьим территориям, б — примерные границы охотничьих территорий, в — святилища, г — поселения, городища племен культуры «болотных городищ», д — поселения, городища племен джетысарской культуры, е — поселения, городища племен кердерской культуры, ж — местонахождение джетысарской, афригидской керамики, з — современные населенные пункты, и — стреловидные планировки.

охоты. Это была та «охота без охотника», о которой писал А. И. Окладников, анализируя петроглифы Ангары [Окладников, 1966, с. 125]. Он полагал, что этот способ охоты уходит своими корнями в глубь палеолитической эпохи.

В. Н. Чернецов, оперируя материалами наскальных изображений Урала, также находит в них многочисленные сюжеты, связанные с охотой при помощи самолетных заградительных стационарных охотничьих устройств «засек» и «огородов» [Чернецов, 1971], полагая, что изображения их появляются на уральских писаницах в более раннее, чем начало II тыс. до н. э., время [Чернецов, 1971, с. 110].

Предпосылки для подобной охоты на Урале складывались благодаря тому, что здесь имели место сезонные миграции копытных с западных склонов Урала на восточную, совершавшиеся осенью, и в обратном направлении — весной. Об этом пишут Л. Сабанеев и А. Теплоухов: «... весьма многие звери совершают правильные ежегодные переселения с западного склона на восточный, т. е. с глубоких снегов

на мелкие и этим объясняется зимняя многочисленность козлов (косуль) ... в юго-восточном и лосей... в северо-восточном Урале... Они шли стадами по 25—50 голов, а в 1850 году один охотник видел стадо, заключавшее до 500 голов» [Сабанеев, 1872, с. 63, 75]. «Переходы эти начинаются с середины осени, с падением первого снега, а возвращаются звери на западный склон весной, когда снег сходит. Этим пользуются охотники для поимки животных ямами. Ямы располагают в несколько рядов вдоль хребта с севера к югу на всех горных проходах и берегах рек, по которым совершается обыкновенно переход. Пространства между ямами заполняются легкими перегородками с перерывами у самих ям, которые сверху того покрыты ветвями и мхом на тонких жердочках и, по возможности, сделаны незаметными. Обыкновенная длина и глубина их около 2 м, а ширина 1,5 м. Стены укрепляются кольями, чтобы попавшее животное не могло сгрести землю под себя и выскочить. Вне главной линии ям устраиваются еще поперечные загородки в направлении с востока к западу, иногда тоже с ямами. При переходе через горы животные встречают преграду; инстинктивно они недоверчиво смотрят на оставленное свободное пространство с ямой и направляются в сторону вдоль загородки, разыскивая проход, но натыкаясь опять на поперечную изгородь с ямами, они принуждены возвратиться назад к прямой дороге и, хотя они стараются перепрыгнуть сторонкой около ямы, все же некоторые попадают в нее» (Теплоухов, 1880, с. 26).

Подводя итоги, мы должны заключить, что в джетыасарско-кердерский период использовались по преимуществу пассивные формы коллективной охоты на диких копытных на путях их сезонных миграций. Территория Устюрта была разделена между различными группами джетыасарско-кердерских племен на охотничьи территории. Каждая из них имела свой общеплеменной центр — святилище, где происходили ритуалы, сопровождавшие коллективную охоту. Судя по количеству святилищ, Устюрт был разделен на три охотничьи территории, возможно, соответствовавшие трем культурам: джетыасарской на III этапе ее развития; «культуре болотных городищ» и ранней кердерской.

Поскольку все три культуры отнесены исследователями к ХКТ полуоседлых земледельцев-скотоводов, мы должны полагать, что коллективная охота являлась одним из компонентов сложной структуры данного ХКТ.

Исходя из анализа самих стреловидных планировок I типа и всей суммы привлеченных нами к этому анализу материалов, мы можем говорить о том, что род, вероятно, являлся основным элементом социальной структуры, традиционно использовавшейся при организации коллективных охот. Участвовать в жертвоприношениях могли, вероятно, только члены данного рода. Разделенность жертвенных обрядов в общих святилищах свидетельствует, так же как и планиграфическая структура всей Североустюртской системы стреловидных планировок, о том, что роды объединялись в общую, более высокого иерархического уровня социальную структуру, возможно, племя, как союз кровнородственных групп.

В то же время объем продукции, получаемой в процессе коллективных охот с использованием систем стреловидных планировок, далеко выходил за пределы собственных потребностей охотничьих коллективов, свидетельствуя об определенных чертах товарности хозяйства. Следовательно, в данном случае мы имеем общество, далеко ушедшее в своем развитии от родового.

IX—XIV вв. — период огузо-кипчакский.

Огузы. Источники характеризуют огузов, со одной стороны, как обитателей городов, с другой — как кочевников, живущих в юртах, постоянно передвигающихся со своими стадами. Огузы не представляли

единого целого и в хозяйственном отношении. Если для сырдарьинских огузов характерны были традиции оседлости и комплексное скотоводческо-земледельческо-рыболовное хозяйство (ХКТ полуоседлых скотоводов-земледельцев) [Толстов, 1947 а; 1948 б, с. 246], то для огузов западных — обитателей пустынных просторов Арало-Каспия, степей Заволжья и Южного Приуралья был характерен ХКТ кочевников-скотоводов [Толстов, 1948 б, с. 247]. В то же время процессы седентеризации, протекавшие на северо-западных границах Хорезма, приводили к изменению ХКТ для этих групп огузов на ХКТ полуоседлых скотоводов-земледельцев.

В источниках имеется неоднократно повторяемая информация о том, что наряду со скотоводством важную роль в хозяйстве огузов играла охота. Этим промыслом занимались в основном кочевые и полукочевые племена [Агаджанов, 1969, с. 93].

Для IX в. имеются сведения Йакуби и ал Джахиза. Согласно первому, кочевые тюрки, в том числе и огузы, «больше всего едят дичь» [МИТТ, 1939, с. 150]. По Джахизу, тюрки — большие любители охоты и занимаются ею даже во время набегов. Конные тюрки стреляют птиц и преследуют диких животных. Тюрки не испытывают удовольствия от еды, если она приготовлена не из дичи [Мандельштам, 1956, с. 230, 232, 235].

Об охотничьем промысле у огузов имеются сведения и в нарративных источниках X—XI вв. По словам Масуди, они «не знают другого дела, кроме охоты». Идриси свидетельствует о пушной охоте у огузов, живших по рекам Урал и Эмба и в степях Южного Приуралья. Имеются сведения и об охоте у тюрков-сельджуков XI в., отмечается их выносливость в преследовании диких животных, особенно джейранов и куланов. Племена сельджуков использовали для охоты ловчих птиц и гончих собак. Охота является постоянным занятием героев огузского эпоса [Агаджанов, 1959, с. 93]. Большое значение охота имела для беднейших слоев огузов [Кононов, 1958, с. 64—65].

Как мы уже отмечали выше, стреловидные планировки IX—XI вв. находятся по преимуществу только в составе Айбуирско-Присарыкамьшской группы.

Проанализируем находки субфоссильной фауны из раскопок указанных стреловидных планировок.

Основываясь на видовом составе животных, можно заключить, что они добывались способами коллективной охоты с применением стационарных охотничьих устройств. Абсолютное большинство добываемых животных, подсчитанных как по количеству костей, так и по количеству особей, составляют сайгак и джейран. Животных, которые были объектами индивидуальной охоты, в рассматриваемом материале нет, что вполне объяснимо, если учитывать специализацию и видовую избирательность коллективной охоты с использованием стационарных охотничьих сооружений. Рассмотрим видовой состав диких животных и соотношение между ними на примере стреловидной планировки Дёкча-1:

Вид животного	Кости		Особь	
	абс.	%	абс.	%
Сайгак	996	65,44	14	45,2
Джейран	526	34,50	16	51,6
Кулан	1	0,06	1	3,2
	1523	100,0	31	100,0

Из соотношения домашних и диких животных ярко видна охотничья специализация сооружения. Подсчеты, произведенные как по количеству костей, так и по количеству особей, показывают присутст-

вне крайне незначительной доли домашних животных при абсолютном преобладании диких:

<i>Животные</i>	<i>Кости</i>		<i>Особи</i>	
	<i>абс.</i>	<i>%</i>	<i>абс.</i>	<i>%</i>
Дикие	1532	99,0	31	96,9
Домашние	15	1,0	1	3,1
	1536	100,0	32	100,0

В этот период изменяются формы социальной организации кочевников. Исчезают общеплеменные святилища, заменяясь на культовые сооружения индивидуальные, в виде каменных ящичков жертвенники, хотя для огузского периода мы еще фиксируем крупный культовый центр (Тайли), носивший, несомненно, функции родового или племенного святилища. Вероятно, активные формы охоты вели к уменьшению производственных коллективов. Если в Джетыясаре охота массовая строго сезонная, где как единое производство функционировала вся система, то на юге каждая планировка работала сама по себе, а сроки охоты, хотя и сезонные, были более растянуты и позволяли охотиться при определенных условиях в разные времена года.

Кипчаки. Так же как у огузских племен, охота играла значительную роль и в экономике кипчакских племен. Все свидетельства средневековых авторов об охоте у тюрков, приведенные выше, в равной степени относятся и к кипчакам. По словам итальянского купца Барбаро, кочевники Дашт-и-Кипчака «прекрасно умеют охотиться, употребляя преимущественно луки» [Барбаро и Контарини..., 1971, с. 142]. Ибн Рузбихан, описывая страну Туркестан, говорит о пасущихся здесь на степных пастбищах стадах джейранов и о том, что кочевники, живущие здесь, на них охотились. По словам Рузбихана, «Все пустынные степи той многооблагодословенной страны полны дичи. Сайгаки от изобилия луговых пастбищ в той степи, подобно жирным коровам, не в силах бегать, и охотник в той области, преследуя дичь, никогда не погонял коня старания. От многих надежных людей, которые были вестниками, заслуживающими доверия, пошел слух в тех местах, что в той области бывает, когда у кого-либо в доме уважаемый гость делается кунаком и хозяин по отношению к нему исполняет правила соблюдения гостеприимства и угощения, что является обычаем жителей Туркестана, то, если возникла нужда в мясе, хозяин тотчас же, закинув за плечо могучий лук с несколькими стрелами, выходил на охоту, чтобы приготовить ужин для гостя. Он отправлялся в степь и сразу же искусным большим кольцом делал жирного кулана мишенью своей охотничьей стрелы. Из мяса и жира его достойным образом приготовив дозволенную пищу для угощения гостя, он с обильной дичью возвращался домой» [Фазлаллах ибн Рузбихан Исфакхани, 1976, с. 75].

Источники сообщают о том, что практиковались разные виды охоты: охота загонем, охота с ловчими птицами и с борзыми собаками [Султанов, 1982, с. 60]. Иначе говоря, здесь также существовала коллективная охота, учитывая находку нами стреловидных планировок XIII—XIV вв. на Устюрте, эта охота проводилась с использованием стационарных охотничьих сооружений. Охота с ловчими птицами, бесспорно, носила индивидуальный характер.

Как мы установили выше, по чинку Устюрта на северо-западных границах Хорезма в домонгольский период располагалась зона кипчакских поселений — места зимовок кипчакских кочевников. Учитывая хронологическое единство определенных групп стреловидных планировок (в основном Айбуирско-Пирсарыкамьшская группа) с курганами и поселениями кипчаков домонгольского и золотоордынского периодов, а также установленный факт этнокультурного единства кипчакских курганов на Устюрте с курганами Восточной группы кипчак-

ских курганов Южного Приуралья, мы можем полагать, что в пределах этого ареала существовали постоянные меридиональные кочевки. Устьюрт использовался кипчаками в качестве сезонного пастбища, а причинковая зона, пограничная с Хорезмом, как место зимовок.

Обнаруженные нами остатки кочевий и загонов для скота достаточно определенно об этом свидетельствуют. Наличие в этой структуре и стреловидных планировок дает основание предполагать, что Устьюрт использовался средневековыми кочевниками в качестве охотничьей территории.

Значение охоты в системе экономики кочевых и полукочевых кипчаков демонстрируют и материалы из раскопок кипчакских поселений на северо-западных границах Хорезма, в частности, материалы, происходящие из слоев XII — начала XIII в. городища Куланлы. Osteологические материалы, полученные из этих слоев, показывают, что охота в экономике населения городища Куланлы имела значительный удельный вес. Из приведенных данных видно, что дикие животные составляют почти 1/3 в общей массе определенных видов животных, рассчитанных на количество особей, и более 1/3, рассчитанных по количеству костей:

Животные	Кости		Особь	
	абс.	%	абс.	%
Домашние	1942	63,1	108	72,0
Дикие	1137	36,9	42	28,0
	3079	100,0	150	100,0

Анализ видового состава диких животных (табл. 4) показывает, что охота населения городища Куланлы носила как коллективный, так и индивидуальный характер. Такие виды копытных, как джейран,

Таблица 4

Соотношение между видами диких животных.
Городище Куланлы. Слои XII — начала XIII вв.

Вид животного	Кости		Особь	
	абс.	%	абс.	%
Джейран	999	87,9	24	57,1
Кулан	95	8,4	5	11,9
Баран устьюртский	14	1,2	4	9,5
Кабан	8	0,7	5	11,9
Лисица	8	0,7	2	4,8
Птицы	13	1,1	2	4,8
Всего	1137	100,0	42	100,0
Черспаха	10	—	—	—

кулан и устьюртский баран, вероятнее всего, добывались коллективно, с использованием стационарных охотничьих устройств — стреловидных планировок.

О том, насколько широко применялась эта форма охоты, свидетельствует то обстоятельство, что в совокупности кулан, джейран и устьюртский баран составляют 78,5% от общего объема добытой дичи. Судя по количеству определенных по костям особей, охота велась главным образом на джейранов, по количеству особей они составляют более половины (57,1%) всей добытой дичи, а по количеству костей — почти 90% от общей массы костей диких животных, полученных при раскопках.

Такие виды животных, как кабан, лисица и птицы, могли добываться лишь охотой индивидуальной. С одной стороны, эта охота имела

мясное направление. Дикие кабаны добывались, видимо, под чинком, где находились обширные озерно-болотные массивы Халиджана [Ягодин, 1986, с. 101]. Другим направлением было пушное. Его объем, исчисленный по фаунистическим остаткам из культурного слоя, наверняка ниже действительного объема этой охоты. Мясо пушных зверей не употреблялось в пищу и не всегда кости пушных зверей попадали в культурные слои. Судя по сведениям нарративных и этнографических источников, пушная охота велась, видимо, с использованием ловчих птиц.

В Айбуйирско-Присарыкамышскую группу, как мы уже установили, входят в основном стреловидные планировки 2 и 3 типов, специализированные на активных формах охоты с конным загонem в стационарные охотничьи устройства в местах сезонных концентраций диких копытных. Эти формы охоты практиковались, видимо, как в ХКТ кочевников-скотоводов, так и ХКТ полукочевников-скотоводов, к которому переходили кипчаки, оседавшие на северо-западных границах Хорезма [Жданко, 1961, с. 57—58].

Имеются основания предполагать, что сохранялась родовая ответственность на охотничьи территории и на стационарные охотничьи сооружения. Вместе с тем отсутствие как в предшествующие эпохи общеплеменных святилищ и замена их индивидуализированными типа каменных ящичков-жертвенников свидетельствует о том, что кипчаки кочевали по Устюрту небольшими кровнородственными группами, весьма мало связанными одна с другой.

Письменные источники свидетельствуют об использовании стреловидных планировок в хозяйственной деятельности казахов XVIII—XIX вв. на Устюрте и каракалпаками на территории Юго-Восточного Приаралья. Мы уже говорили о том, что часть наиболее хорошо сохранившихся стреловидных планировок средневекового периода могла использоваться казахами, кочевавшими на Устюрте, повторно. Источники характеризуют казахов-адаев, кочевавших на Устюрте и Мангышлаке, не только как скотоводов, но и как скотоводов-охотников. По свидетельству Г. С. Карелина, «скудные пастбища на Устюрте не обогащают адаевцев подобно всем киргизским родам, исключительно занимающимся скотоводством. Вообще они бедны; в обильных водою ущельях Туманных гор (Устюрта.— Я. В.) они сеют просо, но очень мало. Наиболее питаются молоком в разных видах приготовленном и от охоты, подстерегая в жаркое время сходящихся на водопой к ключам и копаням диких лошадей, горных коз, архаров и сайгаков» [Карелин, 1883, с. 484].

Источники называют способ охоты при помощи сооружений типа стреловидных планировок словом «аран». Этот термин в равной степени использовался и в казахских, и в каракалпакских источниках. Интересно в связи с этим заметить, что в тюркских языках это слово этимологизируется как «скотный двор», «заостренное дерево», которое ставят во время загонной охоты на копытных, а также «род, племя» [Радлов, 1883, с. 251].

Каракалпаки, видимо, использовали аран в районах Восточного и Юго-Восточного Приаралья и сооружали его не из таких долговечных материалов, как камень, использовавшийся на Устюрте. С этим, скорее всего, связан тот факт, что, несмотря на имеющиеся данные об аранах у каракалпаков — фольклорные, этнографические, в письменных источниках, в названии рода «аранши» в прошлом, видимо, замечавшегося подобной охотой, сами сооружения или их остатки до сих пор не обнаружены.

Наш обзор показывает, что существование охоты способом аран у носителей хозяйственно-культурных типов кочевников-скотоводов пустынной зоны и земледельцев-скотоводов дельтовых областей яв-

ляется в условиях Арало-Каспийского Междуморья и Приаралья традиционным и восходит в первом случае к охотничьему хозяйству средневековых кочевников Арало-Каспийского Междуморья — огузов, туркмен, кипчаков, в другом — к этносу — носителю джетыасарской, кердерской культур и культуры «болотных городищ». Исследователи отмечают, что у каракалпаков, являющихся носителями ХКТ земледельцев-скотоводов, немаловажную роль в экономике играла и охота [Камалов, 1968, с. 59]. Мы не располагаем информацией о способах и формах этого вида их хозяйственной деятельности, но можно предполагать, что она осуществлялась в формах, близких к джетыасарским. Имелись охотничьи территории, принадлежавшие отдельным каракалпакским родам, куда сезонно передвигались определенным образом организованные охотничьи коллективы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам наших археологических изысканий в пустынях Арало-Каспия было установлено, что стреловидные планировки на современном этапе исследований могут быть датированы от середины I тыс. до н. э. до этнографической современности. Вместе с тем, абсолютно-хронологическая позиция некоторых типов стреловидных планировок в составе различных территориальных групп остается весьма неустойчивой ввиду отсутствия достаточно прочно связанных с ними датированных находок.

Обзор археологических изысканий, проведенных на плато Устюрт в 70-х и 80-х годах текущего столетия, позволяет заметить, что стреловидные планировки не распространены в указанном регионе повсеместно, а лишь в определенных районах, где они объединяются в территориальные группы.

В одних случаях (Североустюртская группа) они объединяются во взаимосвязанные системы, в других представляют произвольно сформировавшуюся территориальную группу. В планиграфическом отношении на имеющихся материалах выделено четыре типа стреловидных планировок: 1) с большой оградой параболической формы, широким воронкообразным входом, двумя малыми треугольными (стреловидными) оградами, соединенными воронкообразным входом с большой, с «усами» и «направляющими»; 2) с большой оградой произвольной формы, в качестве одной из сторон использующей чинк Устюрта и одной малой оградой треугольной формы, соединенной с большой воронкообразным входом; 3) с одной малой оградой произвольной формы и «направляющей» в виде цепочки известняковых плит; 4) с системой стен из каменных плит, замкнутых колец и втянутых воронкообразных входов, включенных в естественный рельеф обрывистых мысов плато и использующих отдельные элементы рельефа в качестве составляющих искусственно созданной системы оград, воронкообразных входов и колец.

Североустюртская группа представлена первым типом сооружений; Айбуйирско-Присарыкамшская — вторым; Жарынкудукская — первым и третьим; Кендырлисорская — вторым, третьим и четвертым типами сооружений.

С наиболее поздними из стреловидных планировок, документированных этнографическими источниками, связано наименование «аран», первоначально зафиксированное еще в словаре Махмуда Кашгарского (1072—1074), а в новое время употреблявшееся в фольклоре казахов и каракалпаков.

На основании этнографических источников, сравнительного анализа с археологическими материалами евразийского, ближневосточного и

североамериканского происхождения установлено, что стреловидные планировки Устюрта использовались в качестве стационарных охотничьих сооружений для охоты на диких копытных. Стреловидные планировки I типа использовались в качестве стационарных охотничьих заградительных систем на путях сезонных миграций таких диких копытных, как кулан и сайгак. Стреловидные планировки II и III типа использовались для загонной (облавной) охоты в местах сезонного скопления (зимовок) диких копытных — сайгаков, куланов, джейранов. И, наконец, стреловидные планировки IV типа использовались в местах постоянного обитания диких копытных для загонной охоты специализированно на устюртских баранов (архаров).

Размещение стреловидных планировок на территории плато Устюрт, специфика их пространственного размещения по отношению друг к другу, по отношению к различным формам рельефа, различным ландшафтам и т. п., конструктивные особенности стреловидных планировок, соотношение их различных частей определяются в значительной степени зоопсихологическими, поведенческими (этологическими) факторами. Строительством стреловидных планировок решалась задача включения человека в естественную систему осуществления поведения диких копытных, использования ее в нужном человеку направлении. В строительстве стреловидных планировок находит отражение огромный эмпирически накопленный многими поколениями опыт наблюдения за формами поведения в природе диких копытных, установление естественных закономерностей поведения животных в процессе экономической адаптации в такой неблагоприятной для обитания человека среде, какую представляют пустыни умеренного пояса Евразии и, в частности, плато Устюрт.

Охота — форма хозяйства, связанная, главным образом, с экономикой первобытного общества. С появлением производящих форм хозяйства (земледелие, скотоводство) роль охоты как формы хозяйства падает. В условиях формаций классовых удельный вес охоты в экономике невелик. Однако в некоторых районах, особенно там, где земледелие невозможно по условиям природной среды, охота как форма хозяйства занимает значительный удельный вес и в общественно-экономических формациях, сменяющих первобытно-общинную. В районах, подобных Устюрту, где имеется специфическое сочетание природных факторов, важная экономическая роль охоты с использованием стационарных сооружений, сохраняется очень долго, доживая до этнографической современности и существуя в рамках ХКТ полуоседлых земледельцев-скотоводов и ХКТ кочевников-скотоводов.

Охота с использованием стационарных охотничьих сооружений на путях сезонных миграций и в местах сезонных скоплений, могла быть только коллективной. Коллективных усилий требовало и строительство подобных сооружений, и утилизация и переработка продуктов массовой охоты. Доставляя большое количество продукции, превышающее ежедневные потребности коллектива, коллективная охота создавала предпосылки для формирования хозяйства, приобретающего товарные черты.

Таким образом, постройка, эксплуатация стреловидных планировок и переработка продуктов коллективной охоты естественным образом формировали производственные коллективы с выработанной системой распределения функций. Мы не располагаем прямыми данными о социальном строе охотничье-скотоводческого населения, кочевавшего на плато Устюрт в древности и средневековье. Вместе с тем, археологические данные делают вполне допустимым предположение, что по огромным пустынным просторам плато Устюрт кочевали сравнительно немногочисленные, но хозяйственно самостоятельные патриархальные семейно-родовые коллективы. Надо полагать, что отдельная стреловид-

ная планировка принадлежала одному такому родовому коллективу. Однако в связи с массовостью коллективной охоты и необходимостью строительства систем стреловидных планировок, функционировавших как единое целое, происходило объединение семейно-хозяйственных, родовых коллективов, во всяком случае на период строительства таких систем и на периоды охоты, в производственную общину, формировавшуюся, возможно, на племенной основе.

Сложение археологического феномена типа стреловидных планировок как формы хозяйственно-производственного сооружения определялось факторами экологического порядка и конвергентно формировалось при наличии определенных природных условий в различных регионах, на разных континентах и в различной этнической среде. Это достаточно ярко проявилось и на материалах Арало-Каспийского Междуморья и Приаралья, где охота с использованием стреловидных планировок практиковалась в различные периоды в эпоху ранних кочевников предположительно массагетами, в эпоху средневековья — кангарами-кенгересами-печенегами, огузами, туркменами, кипчаками, а в новое время — казахами и каракалпаками.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АКД — Автореферат кандидатской диссертации.
АО — Археологические открытия.
АП — Археология Приаралья.
ВКФ — Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР.
ИАН СИФ — Известия Академии наук СССР, серия истории и философия.
ИРГО — Императорское русское географическое общество.
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении.
МХЭ — Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР.
МОИП — Московское общество испытателей природы.
ОА ИИЯЛ — Отдел археологии Института истории, языка и литературы Каракалпакского филиала АН УзССР.
СА — Советская археология.
САИ — Свод археологических источников СССР.
СЭ — Советская этнография.
ТИЗ АН КазССР — Труды Института зоологии Академии наук Казахской ССР.
ТИИАЭ АН КазССР — Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР.
ТИЭ АН СССР — Труды Института этнографии АН СССР.
ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР.

ЛИТЕРАТУРА

- Абу-л-Фазл Бейхаки. 1962. История Масуда 1030—1041 гг.//Вступительная статья, перевод и примечания А. И. Арндса. Ташкент.
Аверкиева Ю. П. 1970. Индейское кочевое общество XVIII—XIX вв. М.
Агаджанов С. Г. 1969. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад.
Андрянов Б. В. 1962. Хозяйственно-культурные типы Средней Азии и Казахстана//Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 1. М.
Андрянов Б. В. 1969. Древние оросительные системы Приаралья. М.
Андрянов Б. В., Левина Л. М. 1979. Некоторые вопросы исторической этнографии Восточного Приаралья в I тысячелетии н. э.//Этнография и археология Средней Азии. М.
Андрянов Б. В. 1985. Неоседлое население мира. М.
Арсланова Ф. Х. 1969. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане//Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата.
Арсланова Ф. Х., Самашев З. С. 1985. Курганы кимаков в Семипалатинском Прииртышье//Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа.
Артамонов М. И. 1958. Саркел — Белая Вежа//МИА. № 62. М.
Археологическая карта Казахстана. 1960. Алма-Ата.
Ахинжанов С. М. 1973. Из истории взаимоотношений кипчаков и Хорезма в XII—начале XIII вв.//Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата.
Ахипжанов С. М. 1980. Из истории движения кочевых племен Евразийских степей в первой половине XI века//Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата.
Бажанов В. С. 1945. Материалы по зоологии и зоогеографии копытных//Известия АН КазССР, сер. зоол. Вып. 10. Алма-Ата.

- Бакеев Н. Н., Формозов А. Н. 1955. Распространение и некоторые черты экологии сайгака в западной части Прикаспийской низменности//Труды Института географии АН СССР. Т. 66. Материалы по биогеографии СССР. М.
- Банников А. Г. 1981. Кулан. М.
- Барбаро и Контарини о России. К истории италяно-русских связей в XV в. 1971. Л.
- Бартольд В. В. 1963а. История Туркестана (конспект лекций)//Соч. Т. II, ч. I. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. М.
- Бартольд В. В. 1963б. История культурной жизни Туркестана//Соч. Т. II, ч. I. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. М.
- Баскаков Н. А. 1940. Ногайский язык и его диалекты. М.-Л.
- Баскин Л. М. 1976. Поведение копытных животных. М.
- Батыров Б., Батиров А. 1981. Средневековая фауна поселения Курганча//История материальной культуры Узбекистана. Вып. 16. Ташкент.
- Батыров Б. Х., Батиров А. Р. 1986. Фауна млекопитающих Сумбетымералан-Куркреук на плато Устюрт//АП. Вып. III. Ташкент.
- Бибилова В. И. 1958. Некоторые замечания по фауне из искусственной пещеры Аманкутан-1//СА. № 3.
- Бижанов Е. Б. 1967. Археологические памятники юго-восточного Устюрта. АКД. Нукус.
- Бижанов Е. Б., Мамбетуллаев М. 1973. Раскопки некрополя Ток-калы в 1968 году//Антропология и культура Кердера. Ташкент.
- Бижанов Е., Ягодин В., Манылов Ю. 1976. Отчет о работах Устюртского археологического экспедиционного отряда 1975 г. Научный архив ОА ИИЯЛ КК ФАН УзССР. Нукус.
- Бируни Абу Рейхан. 1957. Памятники минувших поколений//Избр. произведения. Т. I. Ташкент.
- Богданов М. Н. 1882. Очерки природы Хивинского оазиса и пустыни Кызылкум. Ташкент.
- Бородкин Ю. М. 1977. Курганы у села Тарасово//Археология Южной Сибири. Кемерово.
- Вайнберг Б. И. 1973. Удельный чекан раннесредневекового Кердера//Вопросы антропологии и материальной культуры Кердера. Ташкент.
- Вайнштейн С. И. 1961. Тувинцы-Тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М.
- Вайнштейн С. И. 1972. Историческая этнография тувинцев. М.
- Вактурская Н. Н. 1952. О раскопках 1948 года на средневековом городище Шемаха-кала Туркменской ОССР//ТХАЭЭ. Т. I. М.
- Вактурская Н. Н. 1958. Раскопки городища Ургенч в 1952 году//ТХАЭЭ. Т. II. М.
- Вактурская Н. Н. 1959. Классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.)//ТХАЭЭ. Т. IV. М.
- Валиханов Ч. Ч. 1904. Записки отделения этнографии ИРГО. Т. XXIX. СПб.
- Вамбери А. 1867. Путешествие по Средней Азии. М.
- Варущенко С. И., Варущенко А. Н., Клинге Р. К. 1987. Изменение режима Каспийского моря и бессточных водоемов в палеовремении. М.
- Василевич Г. М. 1969. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX вв.). Л.
- Верещагин Н. И. 1951. Млекопитающие//Животный мир Азербайджана. Баку.
- Викторов С. В. 1971. Пустыня Устюрт и вопросы ее освоения. М.
- Владимирцев Б. Я. 1934. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.
- Востров В. В., Муқанов О. М. 1968. Родоплеменной строй и расселение казахов. Алма-Ата.
- Галкин Л. Л. 1983. Разведки и раскопки в северо-восточном Прикаспии//АО—1981. М.
- Галкин Л. Л. 1987. Изыскания в северо-восточном Прикаспии//АО. 1985. М.
- Галкин Л. Л. 1988. Каменные батыры Устюрта//Наука и жизнь. № 3.
- Гаврилова А. А. 1965. Могильник Кудурга как источник по истории алтайских племен. М.—Л.
- Гептнер В. Г. 1948. Кулан и перспективы его существования в СССР//Охрана природы. № 2. М.
- Гептнер В. Г. 1956. Фауна позвоночных Бадхыза. Ашхабад.
- Гептнер В. Г., Насимович А. А., Банников А. Г. 1961. Млекопитающие Советского Союза. Т. I. Парнокопытные и непарнокопытные. М.
- Герн В. 1891. Зоогеографические заметки по Акмолинскому уезду. Семипалатинск.
- Григорьев А. А. 1985. Антропогенные воздействия на природную среду по наблюдениям из космоса. Л.
- Глушков И. Н. 1900. Чердынские вогулы//Этнографическое обозрение. Т. XIV. № 2. М.

- Гродеков Н. И. 1889. Киргизы и каракиргизы Сырдарьинской области. Ч. 1. Ташкент.
- Громова В. И. 1940. Материалы к изучению древнейших животных Средней Азии//Григорьев Г. В. Кауличи-тепа (раскопки 1935 года). Ташкент.
- Грязнов М. П. 1936. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка//ММА. № 48. М.—Л.
- Губин С. В. 1987. Отчет о почвенно-ландшафтных исследованиях в районе урочища Жарынкудук на северном Устюрте//В отчете: Ягодин В. Н. Отчет о работах Североустюртского экспедиционного отряда 1985 года. Приложение 1. Нукус. Научный архив ОА ИИЯЛ КК ФАН УзССР.
- Губин С. В. 1985. Отчет о почвенно-археологических исследованиях в юго-восточной части плато Устюрт. Приложение 2 к Отчету о работах Устюртского археологического экспедиционного отряда 1984 г. Нукус. Научный архив ОА ИИЯЛ КК ФАН УзССР.
- Гудкова А. В., Ягодин В. Н. 1963. Археологические исследования в Правобережной части Приаральской дельты Амударьи в 1958—1959 гг.//МХЭ. Вып. 6. М.
- Гудкова А. В. 1964. Ток-кала. Ташкент.
- Гулямов Я. Г. 1957. История орошения Хорезма. Ташкент.
- Гурвич И. С. 1977. Культура северных якутов-оленьеводов. М.
- Диенеш И. 1966. Некоторые выводы относительно конской сбруи венгров — завоевателей родины// Archaeologiai Ertesito. Vol. 93. Budapest.
- Долгих Б. О. 1960. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.// ТИЭ АН СССР. Т. 55. М.
- Доленко Г. И. 1930. Краткое описание ландшафтных районов Западного Устюрта и равнинного Мангышлака//Отчет о работах почвенно-ботанического отряда Казакстанской экспедиции Академии наук СССР. Исследования 1926 года. Вып. IV, ч. 2. Материалы комиссии экспедиционных исследований, серия казакстанская, вып. 26. Л.
- Древнетюркский словарь. 1969. Л.
- Жданко Т. А. 1950. Очерки исторической этнографии каракалпаков (Родоплеменная структура и расселение в XIX — нач. XX вв.)//ТИЭ АН СССР, новая сер., т. IX. М.—Л.
- Жданко Т. А. 1952. Каракалпаки Хорезмского оазиса//ТХАЭЭ. Т. 1. М.
- Жданко Т. А. 1961. Проблема полуседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана//СЭ. № 2. М.
- Заднепровский Ю. А. 1975. Кочевническое погребение XIII—XIV вв. в Фергане//СА. № 4. М.
- Иванов В. А. 1984. Погребения кипчаков в бассейне р. Урал//Памятники кочевников Южного Урала. Уфа.
- Иванов В. А., Кригер В. А. 1988. Курганы кипчацкого времени на Южном Урале (XII—XIV вв.). М.
- Кабанов С. К. 1963. Погребение воина в долине р. Кашка-Дарья//СА. № 3. М.
- Казиков Е. П. 1971. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника//Вопр. этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань.
- Казиков А. Н. 1907. Мои пути из Монголии и Каму//Известия ИРГО. Т. II. Вып. 1. СПб.
- Калугин С. Г. 1968. Восстановление зубра на северо-западном Кавказе//Тр. Кавказского гос. заповедника. Вып. 10, 11. М.
- Камалов С. К. 1968. Каракалпаки в XVIII—XIX вв. Ташкент.
- Карелин Г. С. 1883. Путешествия Г. С. Карелина по Каспийскому морю//Записки ИРГО по общей географии. Т. 10. СПб.
- Карпов Г. И. 1929. Тамги (родовые знаки у туркмен)//Туркменоведение. № 8—9.
- Карпов Г. И. 1945. Родовые тамги у туркмен//Известия АН ТуркмССР. № 5—6.
- Катанов Н. 1908. Об одной выписи 1700 г., данной татарам Свияжского уезда//Изв. Общества археологии, истории, этнографии при Казанском ун-те. Казань.
- Каховский В. Ф. 1965. Происхождение чувашского народа. Чебоксары.
- Кдырнязов М. Ш. 1984. Культурные связи средневековых городов Хорезма//АП. Вып. II. Ташкент.
- Кирпичников А. Н. 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв.//САИ. Вып. Е1—36. Л.
- Киселев С. В. 1951. Древняя история Южной Сибири. М.
- Кызласов Л. Р. 1969. История Тувы в средние века. М.
- Кызласов Л. Р. 1975. Курганы средневековых хакасов (Аскизская культура)//Первобытная археология Сибири. Л.
- Кычанов Е. И. 1963. Сведения «Юань-ши» о переселении киргизов в XIII в.//Известия АН КиргССР, сер. общ. наук. Вып. 1. Фрунзе.
- Клеменц Д., Хангалов М. 1910. Общественные охоты у бурят//Материалы по этнографии России. Т. 1. СПб.
- КокИБаева Г. К. 1980. Памятники поздних кочевников Западного Казахстана//История материальной культуры Казахстана. Алма-Ата.

- Колчин Б. А. 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого//МИА. № 66. М.
- Консенов А. Н. 1958. Родословная туркмен. Сочинения Абу-л-Гази хана Хивинского. М.—Л.
- Косарев М. Ф. 1984. Западная Сибирь в древности. М.
- Костин В. Н. 1955. Материалы по экологии и промысловому значению джейрана //ТІІЗ АН КазССР. Т. 4. Алма-Ата.
- Кригер В. А. 1983. Средневековые захоронения Ново-Кумакского могильника (Оренбургская обл.)//СА. № 3.
- Кригер В. А. 1984. Погребения кипчакского времени в могильниках у пос. Лебедька Уральской области//Памятники кочевников Южного Урала. Уфа.
- Кузеев Р. Г. 1974. Происхождение башкирского народа. М.
- Кунов Генрих. 1929. Всеобщая история хозяйства. Обзор хозяйственного развития от примитивного собирающего хозяйства до развитого капитализма. Т. 1. Хозяйство первобытных и полукультурных народов. М.—Л.
- Кучера М. П. 1962. Древний Пліснеськ//Археологічні пам'ятки УРСР. Т. XII. Киев.
- Леваневский М. А. 1984. Очерки киргизских степей Эмбенского уезда//Землеведение. Кн. 4. М.
- Левина Л. М. 1966. Керамика и вопросы хронологии памятников Джеты-Асарской культуры//Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М.
- Левина Л. М. 1971. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. //ТХАЭЭ. Т. VII. М.
- Левина Л. М. 1974. Работы в Джетыасарском урочище//АО 1973 года. М.
- Левина Л. М. 1977. Исследования в Джетыасарском урочище//АО 1976 года. М.
- Левина Л. М. 1979. Исследования в Джетыасарском урочище//АО 1978 года. М.
- Левина Л. М. 1980. Раскопки городищ Джетыасарского урочища//АО 1979 года. М.
- Левина Л. М. 1981. Исследования в Джетыасарском урочище//АО 1980 года. М.
- Левина Л. М. 1983. Исследования в Джетыасарском урочище//АО 1981 года. М.
- Левина Л. М. 1988а. Исследования в северо-восточном Приаралье//АО 1986 года. М.
- Левина Л. М. 1988б. Памятники Джетыасарской культуры в свете этнической истории Средней Азии (середина I тыс. до н. э.— VIII вв. н. э.)//Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Тезисы докл. всесоюз. конференции (20—23 ноября 1988 г., Москва). М.
- Левшин А. 1832. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. III. СПб.
- Легг Э. Дж., Роули-Конуи П. А. 1987. Массовая охота на джейранов в каменном веке на территории Сирии//В мире науки. № 10. М.
- Лелехин И. 1814. Продолжение дневных записок по разным провинциям Российского государства в 1771 году. СПб.
- Ломакин Н. О. 1873. О полуострове Мангышлак//Записки Кавказского отделения ИРГО. Кн. VIII.
- Лоховиц В. А. 1979. Караван-сарай Верхнего Хорезма//Этнография и археология Средней Азии. М.
- Лоштадзе В. Д. 1977. Инженерная геология. Л.
- Мажитов Н. А. 1977. Южный Урал в VIII—XIV вв. М.
- Мажитов Н. А. 1981. Курганы Южного Урала VIII—XII вв. М.
- Майнов В. Н. 1885. Очерк юридического быта мордвы//Записки ИРГО. Т. XIV. Вып. 1 по отд. этнографии. СПб.
- Макаренко Н. Е. 1911. Археологические исследования 1907—1909 гг.//Известия археологической комиссии. Вып. 43. СПб.
- Мамбетжумаев А. М. 1970. Джейран (Морфология черепа, распространение, экология и биология в условиях Кызылкума и Устюрта, хозяйственное и эпизотическое значение, охрана). Ташкент.
- Мамбетуллаев М. 1978. Городище Большая Айбугир-кала (раскопки 1976 г.) ВКФ. № 4. Нукус.
- Мамбетуллаев М. 1982. Отчет о работах Айбугирского археологического экспедиционного отряда 1982 г. Научный архив ОА ИИЯЛ. Нукус.
- Мандельштам А. М. 1956. Характеристика тюрок IX в. в «Послании Фатху ибн Хакану» ал-Джахиза//ТІІИАЭ АН КазССР. Т. 1. Алма-Ата.
- Мандельштам А. М. 1976. К характеристике ранних кочевников Закаспия//КСИА. Вып. 167. М.
- Мандельштам А. М. 1981. Могильник Джанак//КСИА. Вып. 167. М.
- Маньолов Ю. П. 1978. Средневековые хорезмийские памятники Восточного чинка// Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта. Ташкент.
- Маньолов Ю. П. 1981. Работы на городище Ассакеаудан-кала//ВКФ. № 3. Нукус.
- Маньолов Ю. П. 1982. Археологические исследования караван-сарая Центрального Устюрта//АП. Вып. 1. Ташкент.
- Марков Г. Е. 1961. Очерк истории формирования северных туркмен. М.

- Массон М. Е. 1966. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр//Тр. Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Т. XIII. Ашхабад.
- Массон М. Е. 1984. Из истории диких куланов в Средней Азии//АП. Вып. II. Ташкент.
- Массон В. М. 1976. Экономика и социальный строй древних обществ. Л. Материалы по истории туркмен и Туркмении. 1939. Т. 1. М.—Л.
- Медведев А. Ф. 1959а. Оружие Новгорода Великого//МИА. № 65. М.
- Медведев А. Ф. 1959б. К истории пластинчатого доспеха на Руси//СА. № 2. М.
- Медведев А. Ф. 1966. Ручное метательное оружие VIII—XIV вв.//САИ Е1—36. М.
- Медоев А. Г. 1969. Наскальные изображения у горы Айракты на полуострове Мангышлак//Культура древних земледельцев и скотоводов Казахстана. Алма-Ата.
- Медоев А. Г. 1979. Гравюры на скалах. Сары-Арка, Мангышлак. Часть первая. Алма-Ата.
- Мейер Л. 1865. Киргизы Оренбургского ведомства. СПб.
- Могильников В. А., Неверов С. В., Уманский А. П., Шемякина А. С. 1980. Курганы у деревни Грязново//Древняя история Алтая. Барнаул.
- Наумов Н. П. 1973. Популяционная экология. Проблемы и задачи//Современные проблемы экологии. М.
- Небольсин П. 1852. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб.
- Неразник Е. Е., Рапопорт Ю. А. 1959. Куюк-кала в 1956 г.//МХЭ. Вып. 1. М.
- Неразник Е. Е. 1959. Керамика Хорезма афригидского периода//Керамика Хорезма/ТХАЭЭ. Т. IV. М.
- Неразник Е. Е. 1966. Сельские поселения афригидского Хорезма. М.
- Неразник Е. Е. 1968. О некоторых направлениях этнических связей населения Южного и Юго-Восточного Приаралья в IV—VIII вв.//История, археология и этнография Средней Азии. М.
- Неразник Е. Е. 1976. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.)/ТХАЭЭ. Т. IX, М.
- Никольский А. М. 1885. Путешествие на Балхаш и в Семипалатинскую обл.//Записки Западно-Сибирского отделения ИРГО. Кн. 7. Вып. 1.
- Окладников А. П., Запорожская В. Д. 1959. Ленские писаницы. М.—Л.
- Окладников А. П. 1966. Петроглифы Ангары. М.—Л.
- Отчет Археологической комиссии. 1898. СПб.
- Паллас П. С. 1786. Путешествия по разным провинциям Российского государства. Часть вторая, половина первая. СПб.
- Паллас П. С. 1788. Путешествия по разным провинциям Российского государства. Часть третья, половина первая. СПб.
- Пантелеев П. А. 1968. Экология водной полевки и меры борьбы с ней. М.
- Первые русские научные исследования Устюрта. 1963. М.
- Плетнева С. А. 1958. Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях//Тр. Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 1: МИА. № 62. М.—Л.
- Плетнева С. А. 1967. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура//МИА. № 142. М.
- Плетнева С. А. 1973. Древности черных клобуков//САИ. Вып. Е1—19. М.
- Плетнева С. А. 1982. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.
- Плетнева С. А. 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.
- Подземный сток... 1983. Подземный водный и солевой сток в бассейне Аральского моря. Алма-Ата.
- Поликарпова Л. Д. 1965. Физико-географическое районирование плато Устюрт//География народному хозяйству. М.
- Полубояринова М. Д. 1980. Знаки на золотоордынской керамике//Средневековые древности Евразийских степей. М.
- Полферов Я. Я. 1896. Охота в Тургайской области. Орелбург.
- Поляков С. П. 1973. Этническая история Северо-Западной Туркмении в средние века. М.
- Попов А. А. 1948. Нганасаны. М.—Л.
- Потанин Г. 1881. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 1/2. СПб.
- Пржевальский Н. М. 1946. Монголия и страна тангутов. М.
- Пугаченкова Г. А. 1967. Погребение монгольского времени в Халчаяне//СА. № 2. М.
- Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. 1939. М.—Л.
- Пшеничнюк А. Х. 1984. Курганы средневековых кочевников на Южном Урале//Памятники кочевников Южного Урала. Уфа.
- Радлов В. В. 1893. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1, ч. 1. СПб.
- Раков Н. В. 1956. Сайгак в Западном Казахстане//ТИЗ АН КазССР. Т. VI. Алма-Ата.
- Рашид-ад-Дин. 1952. Сборник летописей. Т. 1, ч. 1. М.—Л.

- Рычков П. 1762. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником Имп. Академии наук корреспондентом Петром Рычковым. Часть первая. СПб.
- Рубруквис В. 1911. Путешествие в восточные страны в лето благодати. 1253. СПб.
- Сабанеев Л. П. 1872. Зверный промысел в Уральских горах//Журнал «Беседа». № 6. СПб.
- Северцов Н. А. 1861. Звери Приуралья//Акклиматизация. Т. II. Вып. 2.
- Семенов Тян-Шанский О. И. 1977. Северный олень. М.
- Сенигова Т. Н. 1953. Керамика городища Алтын-Асар (Опыт хронологической периодизации)//АКД. М.
- Силантьев А. А. 1898. Обзор промысловых охот в России. СПб.
- Симченко Ю. Б. 1965. Тамги народов Сибири XVII в. М.
- Симченко Ю. Б. 1976. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М.
- Синицын И. В. 1956. Археологические исследования в Западном Казахстане//ТИАЭ АН КазССР. Т. 1. Археология. Алма-Ата.
- Сырсековский Е. Е. 1986. Северный олень. М.
- Слудский А. А. 1955. Сайгак в Казахстане//ТИЗ АН КазССР. Т. IV. Алма-Ата.
- Смирнов А. П. 1954. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья//МИА, № 28. М.
- Смирнов К. Ф. 1964. Сарматы. Ранняя история и культура сарматов. М.
- Соколов Д. Н. 1904. О башкирских тамгах//Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Т. XIII. Оренбург.
- Соломатин А. О. 1973. Кулан. М.
- Сорокин С. С. 1959. Железные изделия Саркела — Белой Вежи//МИА. № 75. М.
- Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981//Археология СССР. М.
- Степняк, 1896. Охота на куланов//Журнал «Охота», март. М.
- Страбов, 1964. География в 17 книгах//Пер., статья и комментарии Стратановского. М.
- Султанов Т. И. 1982. Кочевые племена Приаралья в XV—XVIII вв. М.
- Сухарева О. А. 1979. Оборонительные стены Самарканда//Культура и искусство Средней Азии. М.
- Теплоухов А. Ф. 1880. О доисторических жертвенных местах на Уральских горах//Записки Уральского отделения Общества любителей естествознания. Т. VI. Вып. 1. Екатеринбург.
- Тереножкин А. И. 1940. О древнем гончарстве в Хорезме//Известия Узбекского филиала АН СССР. № 6.
- Толстов С. П. 1947. Из предыстории Руси//СЭ. Т. VI/VII. М.
- Толстов С. П. 1947а. Города тузов (Историко-этнографические этюды)//СЭ. № 3. М.
- Толстов С. П. 1947б. Древнехорезмийская цивилизация в свете новейших археологических открытий (1937—1945)//Общее собрание Академии наук СССР 1—4 июля 1946 г. М.—Л.
- Толстов С. П. 1948а. Древний Хорезм. М.
- Толстов С. П. 1948б. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л.
- Толстов С. П. 1949. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция в 1948 году//ИАН СИФ. № 3.
- Толстов С. П. 1950. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1949 году//ИАН СИФ. № 6.
- Толстов С. П. 1952. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.)//ТХАЭЭ. Т. 1. М.
- Толстов С. П. 1954. Археологические работы Хорезмской экспедиции 1951 г.//СА. XIX. М.
- Толстов С. П. 1958. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг.//ТХАЭЭ. Т. 11. М.
- Толстов С. П. 1962. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.
- Толстов С. П., Жданко Т. А., Ития М. А. 1963. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции 1958—1961 гг.//МХЭ. Вып. 6. М.
- Третьяков П. Н. 1934. Первобытная охота в Северной Азии//Известия гос. Академии истории материальной культуры. Вып. 106. М.—Л.
- Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, 1906. Вып. 16. Протокол № 14 от 17/XII 1904 г. Оренбург.
- Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина»/Составлены под руководством А. Н. Бернштама//МИА. № 14. М.—Л.
- Шавкунов Э. В. 1960. Клад чжурчженских зеркал//Труды Дальневосточной археологической экспедиции. Т. II: МИА. № 86. М.—Л.
- Шмидт Э. А. 1927. Материалы по родовому составу казахского населения//В. В. Бартольд. Ташкент.
- Шульц С. А. 1970. Линеаменты//Вестник ЛГУ. № 24.
- Щербак А. М. 1959. Знаки на керамике и кирпичях из Саркела-Белой Вежи//МИА. № 75. М.

- Цалкин В. И. 1952. Фауна античного и раннесредневекового Хорезма//Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945—1948 гг.: ТХАЭЭ. Т. 1. М.
- Цалкин В. И. 1966. Древнее животноводство Восточной Европы и Средней Азии//МИА. № 135. М.
- Цалкин В. И. 1951. Горные бараны Европы и Азии//Материалы к познанию фауны и флоры СССР. МОИП, новая серия, отдел зоологический. Вып. 27. М.
- Чебоксаров Н. Н. 1965. Хозяйственно-культурные типы народов Восточной Азии //Народы Восточной Азии. Народы мира. М.
- Фазлаллах ибн Рузбихан Исфакани. 1976. Михман-намэ-и Бухара (Записки бухарского гостя). М.
- Федоров-Давыдов Г. А. 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
- Чернецов В. Н. 1971. Наскальные изображения Урала//САИ В4—12/2. М.
- Хангалов М. Н. 1898. Облыва на зверей у древних бурят//Известия Восточно-Сибирского отделения ИРГО. СПб.
- Харузин А. Н. 1889. Киргизы Букеевской орды. М.
- Хлобыстин Л. П. 1972. Проблемы социологии неолита Северной Евразии//Охотники, собиратели, рыболовы. Л.
- Худяков Ю. С. 1980. Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск.
- Худяков Ю. С. 1986. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.
- Эверсманн Э. 1850. Естественная история Оренбургского края. Ч. II. Казань.
- Юсупов Х. 1986. Древности Узбоя. Ашхабад.
- Юсупов Н. Ю., Манылов Ю. П. 1990. Исследования средневековых городищ Восточного чинка Устюрта (Галыгумбез, Куланы, Айата)//АП. Вып. IV. Ташкент.
- Ягодин В. Н. 1963. Маршрутные археологические исследования в лезобережной части Приаральской дельты р. Амударьи//МХЭ. Вып. 7. М.
- Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К. 1970. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент.
- Ягодин В. Н. 1971. Об этническом определении кердерской культуры и ее роли в этногенезе каракалпаков//ВКФ. № 3.
- Ягодин В. Н., Бижанов Е. Б., Мамбетуллаев М., Юсупов Н. 1972. Отчет об археолого-топографических изысканиях на плато Устюрт в 1972 г.// Научный архив ОА ИИЯЛ КК ФАН УзССР. Нукус.
- Ягодин В. Н. 1973. Кердерское поселение Курганча (К изучению исторической топографии и хронологии)//Вопросы антропологии и материальной культуры Кердера. Ташкент.
- Ягодин В. Н., Бижанов Е. Б., Манылов Ю. П. 1975. Отчет об археолого-топографических исследованиях на плато Устюрт в 1974 году//Научный архив ОА ИИЯЛ КК ФАН УзССР. Нукус.
- Ягодин В. Н. 1978. Памятники кочевых племен древности и средневековья//Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта. Ташкент.
- Ягодин В. Н. 1981. Хайван-кала — раннесредневековый Кердер//Археологические исследования в Каракалпакии. Ташкент.
- Ягодин В. Н., Бижанов Е. Б. 1981. Отчет о работах Устюртского археологического экспедиционного отряда 1980 года//Научный архив ОА ИИЯЛ КК ФАН УзССР. Нукус.
- Ягодин В. Н. 1982. Археологическое изучение курганных могильников Каскажол и Бернияз на Устюрте//АП. Вып. 1: Ташкент.
- Ягодин В. Н. 1984а. Кердерское поселение Куюк-кала. Историческая топография и хронология//АП. Вып. II. Ташкент.
- Ягодин В. Н. 1984б. К истории заселения и освоения плато Устюрт по данным археологии//Природа, ловцы и проблемы освоения пустыни Устюрт. Пуццано.
- Ягодин В. Н. 1985а. Отчет о работах Устюртского археологического экспедиционного отряда 1984 года//Научный архив ОА ИИЯЛ КК ФАН УзССР. Нукус.
- Ягодин В. Н. 1985б. Отчет о работах Айбуйирского археологического экспедиционного отряда 1984 года//Научный архив ОА ИИЯЛ КК ФАН УзССР. Нукус.
- Ягодин В. Н. 1986а. Некоторые вопросы исторической географии Приаральской дельты Амударьи в VII—XIV вв.//АП. Вып. III. Ташкент.
- Ягодин В. Н. 1986б. Отчет о работах Североустюртского археологического экспедиционного отряда 1985 года//Научный архив ОА ИИЯЛ КК ФАН УзССР. Нукус.
- Ягодин В. Н., Ходжаньязов Г. Х. 1986. Отчет о работах Южноустюртского археологического экспедиционного отряда 1985 года//Научный архив ОА ИИЯЛ КК ФАН УзССР. Нукус.
- Ягодин В. Н. 1989. Отчет о работах Западноустюртского археологического экспедиционного отряда 1989 года//Научный архив ОА ИИЯЛ КК ФАН УзССР. Нукус.

- Ягодин В. Н. 1990. Отчет о работах Южноустюртского археологического экспедиционного отряда 1990 года//Научный архив ОА ИИЯЛ КК ФАН УзССР. Нукус.
- Язан Ю. П. 1961. Биологические особенности и пути хозяйственного освоения популяции мигрирующих лосей Печорской тайги//Тр. Печорско-Влычского гос. заповедника. Вып. 9.
- Якубовский А. Ю. 1932. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв.//Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1. Л.
- Каракалпак фольклоры. 1980. Т. V. Кырык кыз. Нокис.
- Каракалпак фольклоры. 1981. Т. IX. Ер Зий'ар. Нокис.
- Хамидов У. 1985. Ески каракалпак тилкинин жазба естелликтери. Нокис.
- Audubon I. I. and Bachman R. T. 1851. The Quadrupeds of North America. V. II. New—York. Published by V. Audubon.
- Antiquity 1927. Antiquity. A Quarterly Review of Archaeology. Vol. 1. Gloucester.
- Betts Alison. 1983. Black Desert Survey. Jordan. First Preliminary Report//Levant Journal of the British School of Archaeology in Jerusalem and the British Institute at Amman for archaeology and History. Vol. XV. London.
- Betts Alison. 1984. Black Desert Survey. Jordan. Second Preliminary Report//Levant. Journal of the British School of Archaeology in Jerusalem and the British Institute at Amman for archaeology and History. Vol. XVI. London.
- Betts Alison. 1985. Black Desert Survey. Jordan Three Preliminary Report//Levant. Journal of the British School of Archaeology in Jerusalem and the British Institute at Amman for archaeology and History. Vol. XVII. London.
- Burchardt John Levis. 1831. Notes on the Bedouins and Wahabys, collected during his travels in the East by the late John Levis Burchard; in two vols. Vol. 1. London.
- Champlain. 1929. France and England. Vol. 3. State street Trust company. Boston.
- Day Florence E. 1960. Historical Notes on Burqu Bayir and Dauqara. Appendix E: in Field H. North Arabian desert Archaeological Survey. Cambridge.
- Dobie F. T. 1952. The mustangs. Boston, Little Brown a. co. 375 p.
- Field Henry. 1960. North Arabian desert Archaeological survey, 1925—50//Papers of the Peabody Museum of archaeology and Ethnology, Harvard University. Vol. XLV, N 2. Cambridge, Massachusetts, USA.
- Fodor G. 1976. Vorbericht über die Ausgrabungen am Szabolocsvontatopart und in Szabolcz—Kisfalud//Acta Archaeologica. Budapest, XXVIII.
- Hafez E. S. E., Scott I. P. 1962. The behaviour of sheep and goats//The behaviour of domestic animals. E. S. E. Hafez (Ed), Baltimore. The Williams, Wilkins co.
- Hampel J. 1905. Alertümen des frühen Mittelalters in Ungarn. Bd. II, Braunschweig.
- Helms S. B. 1981. Java. Lost City of the Black Desert. Cornell University Press.
- Kiss A., Bartha A. 1970. Graves from the age of the Hungarian Conquest at Bana //Acta Archaeologica, XXII, Budapest.
- Lattimore O. 1929. The desert road to Turkestan Boston.
- Manker Ernst. 1960. Fangstgropar och stalotomter. Kulturlämningar fran lapsk forntid av Ernst Manker//Nordiska Museet: Acta Lapponica. XV. Uppsala.
- Mendelssohn H. 1974. The development of the populations of gazelles in Israel and their behavioural adaptations. The behaviour of ungulates and ist relation to maugement//The paper of an International Simposium held at the University of Calgari. Alberta, Canada. Edited by Ugoist. F. Walter. Morges, Switzerland.
- Nesheim A. 1961. Fangstgropar och stalotomter (Trapping Pits and Stalo Sites)//«Man», vol. XI. London.
- Poidebard A. 1934. La trace de Kome dans le désert de Sirie. Paris. Tome I, texte; tome II — Atlas.
- Powers St. 1877. Tribes of Californis. Washington.
- Перевздание: Powers St. 1976. Tribes of Californis. Berkely. Los Angeles. London.
- Radde G., Walter A. 1889. (With contributions by W. Blossius). Die Säugethiere Transcasiens//Zool. Jahrb., Abth. Sist.
- Rees L. W. B. 1929a. The Transjordan Desert//Antiquity. A Quarterly Review of Archaeology. Vol. III, N 12. December, pp. 389—407. Gloucester.
- Rees L. W. B. 1929b. Ancient reservoirs near Kasr Azrak//Antiquity: A Quarterly Review of Archaeology. Vol. III, № 9, March. Gloucester, pp. 89—92.
- Rintchen B. 1954. Les signes de propriété chez les mongols//Archiv orientolní. Praha.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Систематическое описание стреловидных планировок Устюрта	10
Глава II. Типология и хронология стреловидных планировок Устюрта	79
Глава III. К вопросу о функциях стреловидных планировок	98
Глава IV. Топография, особенности устройства стреловидных планировок и некоторые естественные закономерности поведения диких копытных	115
Глава V. Вопросы этнокультурной принадлежности стреловидных планировок Устюрта	127
Глава VI. Хозяйственное использование стреловидных планировок и некоторые вопросы социальной истории	179
Заключение	193
Список сокращений	196
Список используемой литературы	196

АРХЕОЛОГИЯ ПРИАРАЛЬЯ

Выпуск V

*Утверждено к печати
Ученым советом Института истории,
языка и литературы им. Н. Давкараева,
Президиумом Каракалпакского филиала АН РУз*

Редактор *Л. А. Леус*
Художник *Б. А. Хайбуллин*
Художественный редактор *В. М. Мочалин*
Технический редактор *Х. У. Бабамухамедова*
Корректор *И. Ю. Бура*

ИБ № 5515

Сдано в набор 4.10.91. Подписано к печати 25.11.91. Формат 70×108^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 17,85. Уч.-изд. л. 17,8. Тираж 500. Заказ 273. Цена 9 р.

Издательство «Фан» АН РУз: 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» АН РУз: 700170, Ташкент, проспект М. Горького, 79. ;

9 p.

100

